
2007096620

ИСТОРІЯ

РУССКАГО ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА.

СОСТАВИЛЪ

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ

Н. П. ГЛИНОЕЦКІЙ.

Томъ II.

1826—1855 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1894.

Покойный Генералъ-Лейтенантъ Н. П. Глиноецкій издалъ въ 1883 г. I томъ «*Исторіи русскаго Генеральнаго Штаба*», обнимающій періодъ времени съ 1698 по 1825 г. Продолжая до самой кончины посвящать свои досуги этой работѣ, Николай Павловичъ успѣлъ довести ее до 1855 года.

По просьбѣ вдовы, Зинаиды Александровны Глиноецкой, посмертный трудъ ея мужа нынѣ изданъ при содѣйствіи Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба, подъ моею редакціею, и составляетъ II-й томъ «Исторіи», заключающій въ себѣ очеркъ службы и дѣятельности русскаго Генеральнаго Штаба въ періодъ времени съ 1826 по 1855 г., т. е. за все царствованіе Императора Николая I.

Генеральнаго Штаба Полковникъ *Шванкъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА XII.

(1826—1830 гг.).

Значеніе для квартирмейстерскаго вѣдомства событій, ознаменовавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая.

Генералъ-квартирмейстеръ графъ Сухтеленъ 2. Упраздненіе училища Колоновожатыхъ и первыя предположенія о замѣнѣ его другимъ учрежденіемъ. Переименованіе Свиты Его Величества по квартирмейстерской части въ генеральный штабъ.

Военныя миссіи въ Персію и въ Константинополь.—Составъ и участіе генеральнаго штаба въ войнахъ: Персидской 1827—1828 гг. и Турецкой—1828—1829 гг.

Тягостны и печальны были для квартирмейстерскаго вѣдомства послѣдніе дни 1825 и начало 1826 года. Вступленіе на престолъ новаго императора ознаменовано было извѣстными безпорядками, въ которыхъ главную роль играли военные, а въ ихъ числѣ по преимуществу лица, занимавшія штабныя должности. Немедленно послѣ происшествія 14-го Декабря на Сенатской площади, начались усиленные аресты, которымъ подверглись и многіе чины квартирмейстерской части; вслѣдъ за тѣмъ въ Петербургъ пришли смутные слухи о какомъ-то возстаніи войскъ на югѣ Россіи, во главѣ котораго стояли Муравьевы. При таинственности, которою было окружено на первыхъ порахъ разслѣдованіе дѣйствій тайныхъ обществъ, народная молва, преувеличивая совершившіеся факты, совершенно искажала ихъ. Въ народѣ и даже въ военномъ обществѣ происшедшія событія представлялись чѣмъ-то необыкновеннымъ, ужаснымъ, причемъ чуть не главная роль выпадала на квартирмейстерское вѣдомство и на тѣсно съ нимъ связанную фамилію Муравьевыхъ. Слухи носились, что Муравьевы являются учредителями тайныхъ обществъ, составителями для нихъ уставовъ,

что ими произведено военное возстаніе въ Кіевской губерніи, чт въ колоновожатыхъ, въ квартирмейстерскихъ офицерахъ, они имѣл надежныхъ помощниковъ, которыхъ заблаговременно искусным образомъ къ тому подготовляли. Судебное изслѣдованіе показал неосновательность этихъ слуховъ и доказало, что хотя отдѣльны лица изъ квартирмейстерскаго вѣдомства и были замѣшаны в преступныя дѣянія, тѣмъ не менѣе самая степень преступност этихъ лицъ оказалась далеко не столь значительною, какъ ра несла о томъ первоначальная молва.

При первоначальныхъ послѣ 14-го Декабря дознаніях Высочайше учрежденной слѣдственной коммисіи, арестовано был около двадцати офицеровъ, состоявшихъ на службѣ въ Свитѣ Ег Величества по квартирмейстерской части, а также и нѣсколь лицъ, принадлежавшихъ къ этому же вѣдомству по прежней свое службѣ. Въ числѣ послѣднихъ были между прочими лица близкі къ Н. Н. Муравьеву и къ его Московскому училищу; такъ, был арестованы два его сына—Александръ и Михаилъ, находившіес въ то время въ отставкѣ, Колошинъ, Бурцовъ. Однако невинност многихъ изъ арестованныхъ не замедлила выказаться и они посте пенно были освобождаемы; въ числѣ послѣднихъ находился и М. Н. Муравьевъ, противъ котораго не было никакихъ серьезныхъ обвиненій, кромѣ того, что онъ основалъ тайное общество «Союзъ Благоденствія», которое, не имѣя политическаго значенія, предназначалось только для противодѣйствія заговору, во главѣ котораго стоялъ Пестель [1]).

Въ числѣ 121 человѣкъ, окончательно признанныхъ виновными и подвергнутыхъ верховному уголовному суду, оказалось всего 16 офицеровъ квартирмейстерской части, изъ числа которыхъ только одинъ—Никита Алексѣевичъ Муравьевъ, служившій капитаномъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, былъ отнесенъ по суду къ числу преступниковъ перваго разряда, причемъ и ему, въ уваженіе полной откровенности и чистосердечнаго сознанія, смертная казнь была замѣнена ссылкою на 20 лѣтъ въ каторжную работ такому-же наказанію былъ подвергнутъ и поручикъ Крюковъ 2. Затѣмъ, изъ числа остальныхъ, трое были сосланы въ каторгу на 12 лѣтъ (Фаленбергъ, Корниловичъ и Бобрищевъ-Пушкинъ 2), четверо только на два года (Черкасовъ, Загорецкій, Аврамовъ,

Лихаревъ), трое сослано на поселеніе (Враницкій, Заикинъ, Бобрищевъ-Пушкинъ 1) и одинъ рядовымъ въ дальніе гарнизоны безъ выслуги (графъ Коновницынъ); всѣ тринадцать съ лишеніемъ чиновъ и дворянства; наконецъ, двое (подпоручикъ Искрицкій и прапорщикъ Палицынъ), по выдержаніи въ крѣпости, переведены тѣми-же чинами въ гарнизонные баталіоны. Всѣ эти пятнадцать лицъ принимали весьма пассивное участіе въ тайныхъ обществахъ и особенно въ декабрьскомъ происшествіи, будучи увлечены вліяніемъ на нихъ Пестеля; между ними только трое имѣли свыше 30 лѣтъ (Враницкій—40, Никита Муравьевъ и Фаленбергъ по 33), двое свыше 25 (Корниловичъ и Загорецкій), а изъ остальныхъ десяти двое (Палицынъ и графъ Коновницынъ) едва достигали 18 лѣтняго возраста. Нельзя не обратить вниманія также на то, что ни одинъ изъ этихъ офицеровъ не принималъ участія въ открытомъ возстаніи на Сенатской площади; въ возстаніи-же Черниговскаго пѣхотнаго полка, предводимаго Сергѣемъ Муравьевымъ Апостоломъ, участвовалъ одинъ офицеръ квартирмейстерской части, 18 лѣтній, только что произведенный въ офицеры, Ипполитъ Муравьевъ-Апостолъ, который, по однимъ извѣстіямъ, былъ убитъ въ дѣлѣ подъ Королевкою, по другимъ-же самъ застрѣлился изъ пистолета, видя, что братъ его раненъ и общее дѣло ихъ окончательно проиграно. Юноша этотъ не могъ, конечно, имѣть никакого вліянія на войска, къ которымъ прибылъ лишь за нѣсколько дней до возстанія, единственно изъ братской любви, чтобы раздѣлить съ братьями своими—Сергѣемъ и Матвѣемъ, опасное ихъ положеніе. Кромѣ этихъ чиновъ, по суду, производившемуся при 2 арміи, Свиты Его Величества по квартирмейстерской части поручикъ Лачиновъ разжалованъ въ рядовые съ лишеніемъ чиновъ и дворянства за то, что, зная о существовавшемъ заговорѣ, не донесъ о томъ.

Независимо отъ названныхъ офицеровъ квартирмейстерской части, въ спискѣ осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ находимъ еще четырехъ лицъ, которыя по прежней своей службѣ принадлежали этому вѣдомству, а именно: отставного полковника Александра Николаевича Муравьева, Петра Муханова (штабсъ-капитана Л.-гв. Измайловскаго полка), графа Захарія Чернышева (ротмистра Кавалергардскаго полка) и Николая Басаргина (пору-

чика Л.-гв. Егерскаго полка, состоявшаго въ должности старшаго адъютанта главнаго штаба 2-й арміи). Послѣдніе трое служили колоновожатыми и воспитывались въ Московскомъ учебномъ заведеніи, а первый служилъ въ квартирмейстерской части до чина полковника. Всѣ они были подвергнуты наказанію въ слабой степени, а А. Муравьевъ сосланъ въ Сибирь на жительство даже безъ лишенія чиновъ и дворянства, а черезъ три года принятъ въ гражданскую службу и изъ всѣхъ декабристовъ былъ единственнымъ, которому снова возвращенъ мундиръ квартирмейстерской части, переводомъ его въ 1851 году въ генеральный штабъ [2]).

Всего, такимъ образомъ, изъ служащихъ въ Свитѣ по квартирмейстерской части было осуждено 16 человѣкъ, въ томъ числѣ 2 штабъ-офицера и 14 оберъ-офицеровъ; изъ числа послѣднихъ только двое въ чинахъ выше поручика, а 12 въ этомъ чинѣ и ниже его. Сравненіе этихъ цифръ съ тогдашней численностію чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства показываетъ [3]), что изъ 58 штабъ-офицеровъ наличнаго состава было 2 осужденныхъ, а изъ 227 оберъ офицеровъ — 14, т. е. изъ первыхъ около $3^{1}/_{2}$ процентовъ, а изъ вторыхъ менѣе 7%. Если припомнить, что въ это-же время изъ гвардейскаго флотскаго экипажа было осуждено 10 офицеровъ, изъ Кавалергардскаго полка — 6, изъ Л.-гв. Измайловскаго и Финляндскаго по 5 изъ каждаго, то очевиднымъ станетъ, что процентъ участвовавшихъ въ заговорѣ изъ этихъ послѣднихъ частей будетъ несравненно выше, чѣмъ изъ чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства.

Отсюда видно, что ни по своей численности въ средѣ заговорщиковъ, ни по своему особо выдающемуся значенію, чины квартирмейстерскаго вѣдомства не имѣли въ числѣ декабристовъ преобладающаго значенія, а между тѣмъ на это вѣдомство палъ съ 1825 года упрекъ, къ сожалѣнію слишкомъ долго державшійся въ нашемъ обществѣ, что именно квартирмейстерскіе офицеры, или какъ ихъ тогда чаще называли — свитскіе, были главными зачинщиками, руководителями и участниками волненій, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Императора Николая. Изъ этого-же невѣрнаго въ своемъ основаніи мнѣнія получило начало и другое убѣжденіе, составившееся въ нашемъ обществѣ, а къ сожалѣнію нерѣдко раздѣляемое и военными начальниками, что

будто самый мундиръ генеральнаго штаба служитъ какъ-бы вывѣскою вольнодумства, какого-то анти-правительственнаго настроенія. Упрекъ этотъ ложится тѣмъ болѣе прискорбнымъ пятномъ на цѣлое вѣдомство, что онъ, во-первыхъ, не заслуженъ, а во-вторыхъ, разъ укоренившись, трудно изглаживается. Войсковая часть, утратившая знамя, покрывшая свой мундиръ позоромъ, можетъ легко загладить свою вину, смыть лежащее на ней пятно какимъ либо славнымъ отличіемъ, въ которомъ будутъ выдѣляться не личности, а коллективная единица, представляющая всю часть. Но корпусъ офицеровъ, разъ отмѣченный ложно направленнымъ общественнымъ мнѣніемъ, заподозрѣнный въ ненадежности, не легко можетъ снова возстановить свою репутацію, въ особенности, когда еще и обстоятельства сложатся почему либо неблагопріятно для него. Къ сожалѣнію, такъ и было послѣ 1825 года.

Происшествіе, случившееся въ Петербургѣ 14-го Декабря 1825 года, было полнѣйшей неожиданностію для жителей столицы; войска выведены были изъ казармъ по особымъ приказаніямъ, но штабы не трогались съ мѣстъ: Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, барона Дибича, не было въ Петербургѣ; генералъ-квартирмейстеръ Адеркасъ, по болѣзни, не выѣзжалъ изъ дому; многіе офицеры были въ отсутствіи изъ столицы, будучи уволены въ отпускъ; остававшіеся безъ приказанія генералъ-квартирмейстера не считали для себя обязательнымъ явиться на площади. Вслѣдствіе того и произошло, что возлѣ новаго Императора почти вовсе не видно было квартирмейстерскихъ мундировъ, тѣмъ болѣе, что и немногіе выѣхавшіе (генералъ-адъютантъ К. Ф. Толь, полковники: князь Андрей Михайловичъ Голицынъ 1 и Николай Дмитріевичъ Дурново 2)—были въ мундирахъ генералъ-и флигель-адъютантовъ; только одинъ Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-маіоръ А. И. Нейдгартъ 2, да гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Траскинъ были въ мундирѣ квартирмейстерскаго вѣдомства. Уже этого одного обстоятельства достаточно было, чтобы повредить цѣлому вѣдомству. Затѣмъ, съ первыхъ-же арестовъ, послѣдовавшихъ за 14 Декабря, обнаружилось, что изъ квартирмейстерскаго вѣдомства по преимуществу участвовала въ заговорѣ молодежь, что въ числѣ участниковъ было четверо офицеровъ, занимавшихся преподаваніемъ въ

училищѣ Колоповожатыхъ (Корниловичъ, Искрицкій, Палицынъ и графъ Коновницынъ). Этихъ двухъ фактовъ было достаточно для того, чтобы рѣшить въ принципѣ необходимость кореннаго преобразованія квартирмейстерскаго вѣдомства. Преобразованіе это, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно было исполнено и притомъ въ довольно рѣзкихъ чертахъ, измѣнившихъ названіе самаго вѣдомства, систему его комплектованія, самый составъ его, короче сказать—квартирмейстерское вѣдомство подверглось полному переформированію, чего не было сдѣлано ни съ одной изъ частей войскъ, участвовавшихъ въ декабрьскомъ происшествіи.

Всѣ эти обстоятельства невольно содѣйствовали упроченію въ обществѣ нашемъ того приговора о квартирмейстерскомъ вѣдомствѣ или нынѣшнемъ генеральномъ штабѣ, который, разъ укоренившись, къ сожалѣнію, трудно было исторгнуть съ корнемъ. Приговоръ этотъ укоренился видимо вопреки желанія правительства, которое не предполагало виновность заговорщиковъ переносить на ихъ семьи, а, конечно, тѣмъ болѣе на ихъ сослуживцевъ. Самымъ лучшимъ образомъ это выражено въ манифестѣ Императора Николая, данномъ 13 Іюля 1826 года и служившемъ заключительнымъ словомъ о всѣхъ прискорбныхъ событіяхъ, ознаменовавшихъ начало новаго царствованія. «Наконецъ», сказано въ манифестѣ, «среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что, въ глазахъ Нашихъ, союзъ родства передаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій и болѣе еще претитъ законъ христіанскій».

Эти великодушныя слова Великаго Монарха, высказанныя относительно семьи, вполнѣ могутъ быть примѣнены и къ цѣлому вѣдомству, составляющему также семью служебную: и здѣсь также родство служебное должно бы передавать потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаться безчестіемъ за личные пороки или преступленія прошлаго.

Мысль о необходимости преобразованія квартирмейстерскаго вѣдомства видимо занимала Императора Николая съ первыхъ дней его царствованія, но исполненіе по этому предмету замедлялось разными обстоятельствами. Болѣе важныя государственныя дѣла отвлекали отъ этого дѣла, да къ тому-же Государь видимо затруднялся выборомъ лица, на которое возможно было-бы возложить разработку Высочайшихъ указаній и приведеніе ихъ въ исполненіе. Генералъ-квартирмейстеръ Адеркасъ почти постоянно былъ боленъ, а замѣстить его было некѣмъ, такъ какъ изъ числа 33 генераловъ тогдашняго квартирмейстерскаго вѣдомства, одни занимали мѣста, съ которыхъ неудобно было ихъ смѣщать, другіе-же были уже въ лѣтахъ, или-же, принадлежа по своему прошедшему болѣе наукѣ и кабинетнымъ занятіямъ, чѣмъ строю и практической жизни, признавались не подходящими къ новымъ требованіямъ.

Въ чѣмъ-же, однако, заключались эти новыя требованія? Различныя указанія дозволяютъ дать на этотъ вопросъ довольно положительный отвѣтъ.

Главнымъ упрекомъ противъ квартирмейстерскаго вѣдомства является то, что въ составъ его входили чины слишкомъ молодые, что они мало были знакомы съ строевою службою, что въ этомъ вѣдомствѣ вообще дисциплина была въ упадкѣ, что, наконецъ, для службы по квартирмейстерской части нужно болѣе высшее военно-научное образованіе, чѣмъ то, которое было усваиваемо колоновожатыми. Все это выясняется изъ послѣдующихъ распоряженій по преобразованію квартирмейстерской части и становится понятнымъ, если принять во вниманіе тѣхъ лицъ, которыя по этому предмету были удостоены довѣріемъ Императора Николая. Лица эти были: генералъ-адъютантъ баронъ Жомини и начальникъ главнаго штаба Его Величества, генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ. Оба они по прежней своей службѣ принадлежали генеральному штабу, хотя и были представителями двухъ совершенно разныхъ взглядовъ. Баронъ Жомини, какъ ученый и теоретикъ, ставилъ на первое мѣсто высшія военно-научныя познанія, считая ихъ крайне необходимыми для штабной службы вообще; онъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ значительное вліяніе на введеніе этихъ знаній въ кругъ предметовъ образованія офицеровъ нашего гене-

ральнаго штаба. Баронъ же Дибичъ, какъ вышедшій изъ строя, не бывшій колоновожатымъ и старавшійся даже парализовать установленную княземъ Волконскимъ систему комплектованія квартирмейстерской части, учрежденіемъ Могилевской офицерской школы, былъ сторонникомъ преобладанія чисто строеваго начала въ подготовкѣ офицеровъ генеральнаго штаба. Математика, высшія военныя науки, общее образованіе,—все это, конечно, считалось, полезнымъ для офицера генеральнаго штаба, но знаніе войскъ, знаніе строя и всѣхъ тонкостей фронтовой службы, Дибичъ, видимо, ставилъ на первомъ планѣ. Взглядъ этотъ выясняется изъ проектированнаго Дибичемъ положенія о Могилевской школѣ, изъ того вниманія, которое онъ обращалъ еще въ штабѣ первой арміи на привлеченіе квартирмейстерскихъ офицеровъ къ строевымъ занятіямъ, наконецъ, изъ той настойчивости, которою онъ, будучи уже начальникомъ главнаго штаба, употреблялъ для упроченія строеваго образованія колоновожатыхъ. Естественно, что послѣ событій 14-го Декабря взглядъ этотъ еще болѣе долженъ былъ въ немъ укрепиться, тѣмъ болѣе, что онъ вполнѣ согласовался и съ видами Императора.

Вліяніе этихъ-то обстоятельствъ и не замедлило выразиться въ выборѣ новаго генералъ-квартирмейстера на мѣсто Адеркаса, а также и въ послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ уничтоженіи училища колоновожатыхъ.

Высочайшимъ приказомъ 7-го Апрѣля 1826 года, генералъ-лейтенантъ Адеркасъ былъ уволенъ, по болѣзни, отъ службы, съ мундиромъ и полнымъ пенсіономъ, а 20-го Мая того же года назначенъ на его мѣсто генералъ-квартирмейстеромъ главнаго Штаба Его Императорскаго Величества командиръ гусарской бригады, генералъ-маіоръ графъ Павелъ Петровичъ Сухтеленъ 2-й, зачисленный вмѣстѣ съ тѣмъ въ квартирмейстерское вѣдомство.

Новый генералъ-квартирмейстеръ, хотя и получилъ прекрасное воспитаніе, подъ непосредственнымъ руководствомъ своего отца, Петра Корниловича Сухтелена, хотя и началъ службу свою колоновожатымъ, а потомъ подпоручикомъ Свиты Его Величества по квартирмейстерской части, но затѣмъ по своей дальнѣйшей службѣ былъ вполнѣ боевымъ и строевымъ кавалерійскимъ офицеромъ. Родившись въ С.-Петербургѣ 23-го Августа 1788

года, Павелъ Сухтеленъ на 14 году отъ роду (26-го Января 1802 года) поступилъ въ колоновожатые и 11-го Сентября того-же года произведенъ въ подпоручики квартирмейстерской части, изъ которой, черезъ годъ, переведенъ, по собственному желанію, корнетомъ въ Кавалергардскій полкъ. Съ этимъ-то полкомъ молодой Сухтеленъ дѣлалъ кампанію 1805 года, и подъ Аустерлицемъ, участвуя въ атакахъ нашей кавалеріи, прикрывавшей отступленіе пѣхоты, израненымъ взятъ въ плѣнъ. Обративъ на себя своею молодостію вниманіе Наполеона, Сухтеленъ, на замѣчаніе его о томъ, смѣло возразилъ: «молодость не мѣшаетъ быть храбрымъ» и прибавилъ стихи Корнеля изъ трагедіи Сидъ:

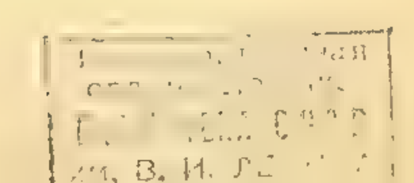
Je suis jeune, il est vrai, mais aux âmes bien nées,

La valeur n'attend pas le nombre des années.

«Браво, молодой человѣкъ», сказалъ Наполеонъ, «отвѣтъ прекрасный. Продолжайте служить и вы далеко уйдете». По возвращеніи въ 1806 году изъ плѣна, Сухтеленъ получилъ за Аустерлицъ золотую шпагу, съ надписью: «за храбрость», и вскорѣ послѣ того былъ произведенъ въ поручики.

Кампанію 1807 года Сухтеленъ сдѣлалъ съ тѣмъ же Кавалергардскимъ полкомъ, а потомъ, состоя при отцѣ своемъ, участвовалъ въ обозрѣніи западной границы Имперіи и въ шведской войнѣ 1808—1809 годовъ. Здѣсь-то онъ неоднократно былъ употребляемъ въ должности офицера генеральнаго штаба и особенно при переговорахъ о сдачѣ Свеаборга, за что награжденъ званіемъ флигель-адъютанта.

Послѣ кампаніи, отецъ, назначенный чрезвычайнымъ посломъ въ Стокгольмъ, хотѣлъ было удержать П. П. Сухтелена при себѣ, но душа послѣдняго рвалась на поле битвъ и ему разрѣшено было отправиться въ молдавскую армію, которою командовалъ другъ его отца, Кутузовъ. Увеличивъ и здѣсь свою боевую опытность, пріобрѣтя и здѣсь репутацію храбраго и расторопнаго офицера, Сухтеленъ вернулся въ Петербургъ ротмистромъ и въ концѣ 1811 года посланъ былъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Англію. Возвратясь оттуда осенью 1812 года, онъ присоединился къ корпусу графа Витгенштейна на берегахъ Березины. Находясь, при изгнаніи французовъ изъ Россіи и при вступленіи нашихъ войскъ въ Германію, въ авангардѣ, Сухтеленъ за разныя

боевыя отличія получилъ чинъ полковника, а за дѣло подъ Зегаузеномъ (23-го Февраля 1813 года), гдѣ онъ былъ раненъ пулей въ правую руку, съ поврежденіемъ кости, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ алмазами.

Едва вылечившись отъ раны, Сухтеленъ присоединился къ партизанскимъ отрядамъ Чернышева и Дернберга, исправлялъ нѣкоторое время должность начальника штаба у Вальмодена, состоя при Витгенштейнѣ, участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Дрезденомъ, Пирною и Лейпцигомъ. Орденъ св. Георгія 4-й степени и нѣсколько русскихъ и иностранныхъ орденовъ были наградою его всегда отличной храбрости.

Въ Декабрѣ 1813 года Сухтеленъ получилъ въ командованіе Волынскій уланскій полкъ, съ которымъ почти постоянно, въ теченіе кампаніи 1814 года, находился въ головѣ отряда генералъ-адъютанта Чернышева. За это время онъ отличился наиболѣе при занятіи Соасона, за что и былъ произведенъ въ генералъ-маіоры на 26 году отъ роду.

Въ 1815 году Сухтелену пришлось исполнять самыя разнообразныя порученія: въ началѣ этого года онъ состоялъ при наслѣдномъ шведскомъ принцѣ и сопутствовалъ ему въ походѣ въ Норвегію; затѣмъ перенесся въ Вѣну, гдѣ состоялъ нѣкоторое время при Императорѣ Александрѣ, а при вторичномъ вступленіи нашихъ войскъ во Францію, сперва командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ, потомъ управлялъ департаментомъ Объ, гдѣ снискалъ себѣ полное уваженіе жителей, и, наконецъ, получилъ въ командованіе гусарскую бригаду, съ которою, въ Декабрѣ 1815 года, возвратился въ Россію. Въ должности кавалерійскаго бригаднаго командира Сухтеленъ пробылъ болѣе десяти лѣтъ, до самаго назначенія его генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества ([4]).

Какъ человѣкъ, пробывшій почти всю свою службу внѣ квартирмейстерскаго вѣдомства, П. П. Сухтеленъ былъ поставленъ въ новой должности въ весьма трудное положеніе, тѣмъ болѣе, что, глубоко уважая дѣятельность своего отца по квартирмейстерской части, онъ не сочувствовалъ преобразованію этого учрежденія. Это онъ высказалъ въ запискѣ, представленной въ 1829 году въ комисію, разсматривавшую, подъ предсѣдательствомъ барона Жо-

міи, составленный послѣднимъ, по порученію Государя, проектъ новаго устройства нашего генеральнаго штаба. Въ запискѣ этой П. П. Сухтеленъ задается двумя вопросами: 1) оправдала ли на дѣлѣ наша квартирмейстерская часть свое устройство и удовлетворила ли вообще тѣмъ ожиданіямъ, которыя на нее возлагали и 2) найдены ли какія либо явныя неудобства, или же недостатки, присущіе самому устройству у насъ этого вѣдомства?

На первый вопросъ онъ отвѣчаетъ утвердительно, указывая въ доказательство на славные успѣхи нашихъ армій, на огромныя геодезическія работы, исполненныя по всему протяженію не только нашего отечества, но и тѣхъ странъ, гдѣ были наши войска; на прекрасныя карты, изданныя военно-топографическимъ депо, этою нераздѣльною частію квартирмейстерскаго вѣдомства; на маневры мирнаго времени, исполненные огромными массами войскъ по диспозиціямъ, отчасти соображеннымъ и вѣрно примѣненнымъ къ мѣстности нашими офицерами этого корпуса; на изданіе нѣсколькихъ прекрасныхъ сочиненій; на значительное число описательныхъ записокъ, наконецъ, на все болѣе и болѣе распространяющееся влеченіе къ изученію военныхъ наукъ.

Что же касается до недостатковъ въ организаціи нашего квартирмейстерскаго вѣдомства, то Сухтеленъ также не признаетъ ихъ въ цѣломъ организмѣ, а допускаетъ это только въ частностяхъ и въ зависимости отъ личностей ([5]). Такимъ образомъ, Сухтеленъ видимо не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя на него возлагали при его назначеніи, да и самъ онъ какъ бы тяготился своимъ положеніемъ. Этимъ можно объяснить какъ кратковременность его генералъ-квартирмейстерства (съ 20-го Мая 1826 года по 21 Апрѣля 1830 года), такъ равно и то, что большая часть этого времени проведена имъ въ откомандировкахъ отъ должности, во время которыхъ онъ вовсе не могъ заниматься не только преобразованіемъ, но даже и управленіемъ квартирмейстерской части. Такъ, въ Іюлѣ и Августѣ 1826 года, П. П. Сухтеленъ ѣздилъ въ Москву по случаю коронаціи Государя Императора; съ Мая 1827 года по Апрѣль 1828 года, пробылъ въ Закавказьѣ при Паскевичѣ; съ Мая 1828 года по Февраль 1829 года при войскахъ, дѣйствовавшихъ въ Европейской Турціи; съ Марта до Іюля того же 1829 года въ заграничномъ отпуску.

При столь значительныхъ отлучкахъ отъ должности, Сухтелену весьма немного оставалось времени, которое онъ могъ бы всецѣло посвятить ввѣренному ему вѣдомству, а потому неудивительно, что перемѣны, сдѣланныя въ этомъ вѣдомствѣ, являются помимо его участія въ нихъ. Первою изъ этихъ перемѣнъ, и притомъ едва ли не наиболѣе важною, представляется упраздненіе училища колоновожатыхъ и измѣненіе существовавшей до того системы комплектованія квартирмейстерскаго вѣдомства.

Еще до назначенія П. П. Сухтелена генералъ-квартирмейстеромъ начались обычные экзамены въ училищѣ колоновожатыхъ, но выпуска въ свиту по квартирмейстерской части не послѣдовало. 13 колоновожатыхъ, выдержавшихъ офицерскій экзаменъ, произведены были въ прапорщики гвардіи и арміи, а 16 колоновожатыхъ младшаго класса распредѣлены на службу въ разные полки, по ихъ желанію, съ соотвѣтственнымъ званіемъ портупей-юнкеровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше повелѣно: училище колоновожатыхъ упразднить, а впредь въ квартирмейстерскую часть не переводить чиновъ ниже поручичьяго ([6]). Послѣднимъ распоряженіемъ сама собою уничтожилась возможность комплектованія квартирмейстерскаго вѣдомства изъ кадетскихъ корпусовъ, а затѣмъ открывалось болѣе широкое поприще для офицеровъ, выходящихъ изъ существовавшей еще Могилевской офицерской школы, которая и дѣлалась такимъ образомъ единственнымъ источникомъ комплектованія этого вѣдомства.

Мѣра эта представляетъ чрезвычайно важное событіе въ жизни нашего генеральнаго штаба; ею уничтожены были колоновожатые, учрежденіе, которое, получивъ начало при Баурѣ въ 1772 году, постепенно совершенствовалось въ теченіе своего 53-хъ лѣтняго существованія и принесло для нашего генеральнаго штаба неоспоримую пользу. Изъ рядовъ колоновожатыхъ вышло очень много лицъ, которыми вполнѣ можетъ гордиться и генеральный штабъ, и вообще русская армія; изъ ихъ рядовъ выходили именно тѣ рабочіе, которые, съ младшихъ чиновъ исполняя квартирмейстерскую службу, постепенно свыкались, вѣрнѣе говоря, роднились съ нею и привязывались къ ней всѣми силами своей души. Въ эпоху упраздненія колоновожатыхъ и предназначеннаго для ихъ образованія училища, конечно, ни одинъ голосъ не отозвался въ ихъ

пользу; ни одного отзыва мы не встрѣчаемъ, который былъ бы высказанъ въ защиту прежняго порядка комплектованія квартирмейстерскаго вѣдомства. Но прошло 25 лѣтъ послѣ этой реформы, и вотъ какъ одинъ изъ старыхъ служакъ генеральнаго штаба, постоянно близко стоявшій къ самой жизни этого вѣдомства, высказался о прежней системѣ комплектованія генеральнаго штаба, сравнительно съ введенною послѣ 1826 года (7).

«Есть множество работъ по службѣ генеральнаго штаба, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, которыя весьма необходимы и въ своемъ родѣ даже могутъ быть важны, и которыя весьма удобно могутъ быть исполняемы молодыми офицерами первыхъ оберъ-офицерскихъ чиновъ. Таковыя работы суть: обозрѣніе дорогъ, дислокаціи, маршруты, разбитіе лагерей, переписка бумагъ, глазомѣрныя или военныя небольшія съемки, передача приказаній, черченіе плановъ и проч.

«Училище колоновожатыхъ доставляло генеральному штабу множество молодыхъ офицеровъ для этихъ работъ. Нельзя сказать, чтобы Муравьевское училище было собственно военно-учебное заведеніе, но офицеры, изъ онаго выпускаемые, имѣли хорошія общія познанія, были хорошо образованы, большею частію знали хорошо математику, а будучи всѣ молоды, легко привыкали къ работамъ чертежнымъ, по канцеляріи и съемкамъ. Въ то время всѣ офицеры генеральнаго штаба были знакомы между собою, между всѣми офицерами былъ духъ товарищества, они всѣ любили службу генеральнаго штаба и гордились въ немъ служить; а причина къ тому была та, что они всѣ носили мундиръ генеральнаго штаба съ прапорщичьяго чина, и что по ограниченному тогда числу штабъ-офицеровъ, каждый видѣлъ передъ собою блестящую карьеру въ самомъ генеральномъ штабѣ».

Таковы были дѣйствительно важныя преимущества прежней системы комплектованія квартирмейстерскаго вѣдомства; преимущества эти, со введеніемъ новой системы, должны были уничтожиться и, слѣдовательно, неизбѣжно во всей жизни и особенно въ занятіяхъ этого вѣдомства долженъ былъ произойти очень существенный переворотъ. Однако, вліяніе новой системы комплектованія генеральнаго штаба на его жизнь не могло обнаружиться тотчасъ же, такъ какъ въ тогдашней квартирмейстерской части

было чрезвычайно много прапорщиковъ и подпоручиковъ: къ 1-му Января 1826 года они составляли болѣе половины всѣхъ оберъ-офицеровъ (132 изъ числа 227 оберъ-офицеровъ), но затѣмъ число ихъ съ каждымъ годомъ быстро уменьшалось, притомъ же не только производствомъ въ слѣдующіе чины по линіи квартирмейстерскаго вѣдомства, но и выходомъ изъ онаго частію въ строй, частію въ отставку. Такъ, въ теченіе 1826—1827 годовъ изъ квартирмейстерскаго вѣдомства вышло 21 подпоручиковъ и прапорщиковъ, изъ числа которыхъ 13 обратились на службу въ строй или въ адъютанты къ разнымъ лицамъ. Открывшіяся войны пріостановили эту убыль, но усилили производство въ этихъ чинахъ за отличіе, такъ что въ окончательномъ результатѣ къ 1-му Декабря 1831 года было всего только 12 подпоручиковъ и ни одного прапорщика; число же поручиковъ за это время увеличилось только на треть, именно изъ 45 въ 1825 году—достигло 68 въ 1831 году. Нельзя не обратить при этомъ вниманія на то, что съ уничтоженіемъ низшихъ чиновъ въ генеральномъ штабѣ число этихъ же чиновъ стало возрастать въ корпусѣ топографовъ, что, какъ увидимъ ниже, имѣло весьма важное вліяніе на весь ходъ занятій генеральнаго штаба и на его, такъ сказать, служебное воспитаніе [8]).

Упраздненіе училища колоновожатыхъ должно было поднять вопросъ о томъ, какъ обезпечить въ будущемъ надлежащее комплектованіе квартирмейстерскаго вѣдомства; пока изъ этого вопроса было рѣшено лишь одно положеніе, что вѣдомство это не должно впредь комплектоваться слишкомъ молодыми офицерами, такъ какъ признавалось неудобнымъ, чтобы 18-ти лѣтніе юноши предназначались къ вожденію колоннъ. Но затѣмъ оставалось рѣшить, какую степень подготовки должны имѣть лица, предназначаемыя для службы по квартирмейстерской части; можно ли имъ ограничиваться однимъ лишь высшимъ военнымъ образованіемъ, или же они должны имѣть и особую спеціальную подготовку, наконецъ, въ чемъ именно должно заключаться высшее военное образованіе и какъ оно должно быть ведено. Разработку этихъ-то вопросовъ Императоръ Николай поручилъ генералъ-адъютанту барону Жомини еще ранѣе самаго упраздненія училища колоновожатыхъ. Въ исполненіе таковой Высочайшей воли, генералъ Жомини пред-

ставилъ Государю, при письмѣ отъ 21-го Марта (2-го Апрѣля) 1826 года, записку объ учрежденіи *центральной школы стратегіи и высшей тактики*, съ проектомъ даже указа объ учрежденіи такой школы [9]).

Въ письмѣ и запискѣ этой указано на важное значеніе стратегіи, какъ науки, на необходимость изученія ея и распространенія между офицерами, а равно изученія военной исторіи и высшей тактики. Достигнуть этого баронъ Жомини полагалъ учрежденіемъ особой центральной школы, которая не только давала бы высшее военное образованіе лучшимъ офицерамъ, выпускаемымъ изъ военно-учебныхъ заведеній, но и сохраняла надзоръ и руководство надъ преподаваніемъ военныхъ наукъ въ заведеніяхъ.

Курсъ въ центральной школѣ полагался двухлѣтній съ тѣмъ, чтобы въ первый годъ преподавались тактика, стратегія, военныя географія и статистика, военная исторія отъ Петра 1 до новѣйшаго времени, военная администрація и фортификація; для курса втораго года предназначались тѣ же самые предметы съ тою лишь разницею, что занятія офицеровъ этого отдѣленія должны были состоять исключительно изъ письменныхъ работъ по разнымъ отдѣламъ военныхъ знаній. Работамъ этимъ баронъ Жомини придавалъ большое значеніе, такъ какъ онѣ, требуя самостоятельности мысли и труда, гораздо быстрѣе могутъ развивать молодыхъ людей, чѣмъ одно слушаніе лекцій.

Въ центральную школу, подчиненную начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества, должны были поступать лучшіе офицеры, выпускаемые изъ всѣхъ военно-учебныхъ заведеній; для того же, чтобы облегчить имъ изученіе курса этой школы, они должны были пріобрѣтать первоначальныя познанія изъ тактики, стратегіи и фортификаціи въ мѣстахъ своего воспитанія; для успѣха же этого, лица, преподающія названные предметы въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, должны были подчиняться при чтеніи своихъ лекцій тому направленію, которое имъ дастъ начальникъ центральной школы. Главное затрудненіе въ исполненіи проекта этой школы баронъ Жомини находилъ въ томъ, что трудно будетъ найти лицъ, которыя бы приняли на себя руководство ею. Сознавая свое малое знакомство съ русскимъ генеральнымъ штабомъ, Жомини находитъ, что въ немъ онъ знаетъ только

генераловъ Дибича, Толя, Бутурлина и Хатова, которые могли бы быть поставлены во главѣ проектируемой школы, да еще полковника Окунева, который могъ бы завѣдывать однимъ изъ ея отдѣловъ. Въ виду этого, онъ предлагаетъ, чтобы ему указаны были начальникомъ главнаго штаба тѣ лица, на которыхъ можетъ быть возложено преподаванie въ центральной школѣ, и тогда онъ готовъ принять на себя ихъ испытанie и руководство занятiями.

На проектѣ барона Жомини Государь изволилъ положить слѣдующую резолюцiю:

«Il y a de fort bonnes idées. Cette école sera formée des meilleurs sujets de tous les Corps sans éxceptions placés sous les ordres de Jomini et sous les ordres immédiats du major-général; elle sera tenue dans la plus exacte discipline, et seront logés tout le monde ensemble; le cours sera de deux ans; et je n'y veux que la haute stratégie, la géographie et l'histoire militaire (10)».

Проектъ центральной школы былъ переданъ на разсмотрѣнie генерала Хатова, который въ октябрѣ 1826 года представилъ на него нѣкоторыя замѣчанiя, клонящiяся главнѣйше къ тому, какъ удобнѣе согласовать программы военно-учебныхъ заведенiй съ центральною школой. Но затѣмъ на время весь проектъ былъ оставленъ, вѣроятно, вслѣдствie наступившихъ войнъ, сперва персидской, а затѣмъ турецкой, и снова возбужденъ уже въ 1829 году.

Между тѣмъ къ концу 1826 года въ главномъ управленiи квартирмейстерскаго вѣдомства послѣдовали нѣкоторыя перемѣны въ личномъ составѣ, которыя вызвали небольшiя измѣненiя и въ степени подчиненности разныхъ частей этого вѣдомства генералъ-квартирмейстеру. Произведенный на коронацiю (22-го Августа) въ генералъ-лейтенанты, Н. И. Селявинъ назначенъ былъ 14-го Ноября вице-президентомъ Кабинета Его Величества, а на его мѣсто правителемъ канцелярiи начальника главнаго штаба и квартирмейстерской части назначенъ флигель-адъютантъ, гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Дурново, но изъ его вѣдѣнiя изъяты были военно-топографическое депо, библiотека, литографiя и механическое заведенie главнаго штаба, отнесенныя въ непосредственное подчиненie генералъ-квартирмейстера; въ вѣдѣнiи же Дурново оставленъ только домъ главнаго штаба и всѣ денеж-

ныя и хозяйственныя дѣла, по которымъ генералъ-квартирмейстеръ сносился черезъ него съ начальникомъ главнаго штаба барономъ Дибичемъ, оставшимся по прежнему завѣдывающимъ всей квартирмейстерской частію ([11]). Когда же, въ началѣ 1827 года, баронъ Дибичъ былъ командированъ на Кавказъ для изслѣдованія недоразумѣній, возникшихъ между Ермоловымъ и Паскевичемъ, то и полное управленіе непосредственно всѣми частями квартирмейстерскаго вѣдомства ввѣрено было П. П. Сухтелену, подъ главнымъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Толстого, оставленнаго завѣдывать дѣлами главнаго штаба ([12]). Тогда же генералъ-адъютантъ Чернышевъ былъ назначенъ товарищемъ начальника главнаго штаба, что послужило первымъ шагомъ къ дальнѣйшему возвышенію его въ званіе военнаго министра ([13]).

Сосредоточеніе всѣхъ частей квартирмейстерскаго вѣдомства въ рукахъ графа Сухтелена вызывало его къ усиленной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что вѣдомство это находилось въ переходномъ положеніи въ виду начатыхъ уже въ немъ реформъ. Но начавшіяся въ Закавказьѣ военныя дѣйствія отвлекли графа отъ его занятій административныхъ: едва баронъ Дибичъ вернулся 20-го Мая съ Кавказа, какъ туда же посланъ былъ графъ Сухтеленъ для нахожденія при генералѣ Паскевичѣ, замѣнившемъ Ермолова. Командировка эта, продолжавшаяся до Апрѣля 1828 года, обусловливалась отчасти передачею Паскевичу Высочайшихъ повелѣній относительно предстоящихъ военныхъ дѣйствій, а еще болѣе тѣмъ, чтобы своимъ присутствіемъ Сухтеленъ отклонялъ всякія могущія возникнуть столкновенія между новымъ главнокомандующимъ и приближенными его предмѣстника, между которыми на первомъ планѣ стояли офицеры квартирмейстерскаго вѣдомства: начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Вельяминовъ 3-й, его помощникъ, полковникъ Н. Н. Муравьевъ, оберъ-квартирмейстеръ, полковникъ Морицъ Августовичъ Коцебу; всѣ эти лица къ началу 1828 года оставили штабъ Кавказскаго корпуса.

На время командировки графа Сухтелена на Кавказъ, управленіе квартирмейстерскимъ вѣдомствомъ передано старому ветерану генеральнаго штаба, генералу-отъ-инфантеріи Довре, при которомъ и воспослѣдовало Высочайшее повелѣніе о переименованіи Свиты Его Императорскаго величества по квартирмейстерской

части въ генеральный штабъ, въ соотвѣтствіе съ гвардейскимъ генеральнымъ штабомъ ([14]). Возвращеніе квартирмейстерской части ея стараго петровско-екатерининскаго названія въ сущности было весьма раціонально и естественно, но, къ сожалѣнію, въ глазахъ современниковъ и даже ближайшаго потомства оно имѣло видъ какъ бы государевой немилости, явившейся слѣдствіемъ участія многихъ лицъ этого вѣдомства въ тайныхъ обществахъ. Во всякомъ случаѣ, переименованіе это, не принеся никакой пользы нашему генеральному штабу, прямо послужило ему въ ущербъ. Въ глазахъ общества названіе свитскихъ офицеровъ придавало всему этому корпусу и носимому имъ мундиру гораздо болѣе значенія, чѣмъ новое названіе генеральнаго штаба, или вообще штабныхъ; вмѣстѣ съ этимъ, какъ то невольно покрывались завѣсой забвенія тѣ славныя воспоминанія о наполеоновскихъ войнахъ, съ которыми такъ тѣсно было связано названіе цѣлаго вѣдомства. Къ счастію, наступившія войны доставили возможность офицерамъ ново-наименованнаго генеральнаго штаба выказать, что въ военное время они, по своему усердію, самоотверженію и преданности общему дѣлу, нисколько не уступаютъ бывшимъ квартирмейстерскимъ чинамъ.

Новое царствованіе началось при ожиданіяхъ почти неизбѣжной войны съ Персіею и съ Турціею, такъ какъ съ обоими этими государствами были разныя недоразумѣнія по поводу послѣднихъ мирныхъ трактатовъ. До начала еще военныхъ дѣйствій, въ оба государства были отправлены военныя мисіи, въ которыхъ генеральному штабу пришлось играть видную роль.

Во главѣ мисіи, посланной въ Персію, поставленъ былъ генералъ-маіоръ князь А. С. Меншиковъ, принятый 6-го Января 1826 года изъ отставки въ свиту по квартирмейстерской части; при немъ находились: гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Виламовъ, квартирмейстерской части полковникъ Энегольмъ и корпуса топографовъ поручикъ Носковъ и прапорщикъ Кузьминъ. Мисія имѣла по преимуществу дипломатическое значеніе, но доставила очень много топографическихъ свѣдѣній. Въ числѣ наградъ, полученныхъ участниками мисіи, особенно обращаетъ на себя вниманіе награда поручика Носкова, который за труды, понесенные при поѣздкѣ мисіи и особенно за отказъ отъ предло-

женныхъ ему персіянами щедрыхъ подарковъ, переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардейскій генеральный штабъ и удостоился получить орденъ Св. Владиміра 4-й ст. и единовременно 500 червонцевъ.

Еще болѣе плодотворною по результатамъ оказалась военная мисія, состоявшая при посольствѣ въ Константинополѣ, въ 1826 и 1827 годахъ, къ составу которой принадлежали: гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, поручикъ А. О. Дюгамель, квартирмейстерской части подполковникъ фонъ-Руге, прапорщикъ Вернгонъ и незадолго до того уволенный изъ полковниковъ квартирмейстерскаго вѣдомства, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Ф. Ф. Бергъ. О трудахъ этой мисіи будетъ сказано ниже при обзорѣ подготовительныхъ работъ къ турецкой войнѣ 1828—1829 годовъ.

Не успѣлъ еще князь Меншиковъ вернуться изъ Закавказья, какъ уже персіяне вторглись въ предѣлы Грузіи, заставъ наши войска, хотя и не готовыми къ войнѣ, но какъ всегда грозными для непріятеля. Составъ квартирмейстерскаго вѣдомства у Ермолова былъ незначителенъ, но вполнѣ боевой, имѣя во главѣ своей оберъ-квартирмейстера полковника Коцебу 1-го.

Морицъ Августовичъ Кобецу служилъ въ свитѣ по квартирмейстерской части съ 1806 года, но имѣлъ несчастіе попасть въ 1812 году, по рекогносцировкѣ г. Бѣлаго, въ плѣнъ, гдѣ и оставался до вступленія нашихъ войскъ въ Парижъ. По возвращеніи въ Россію, почти все время служилъ на Кавказѣ, а съ 1822 г. былъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Будучи отличнымъ математикомъ и картографомъ, Коцебу, изъ матеріаловъ, собранныхъ въ его управленіи, составилъ въ 1826 году генеральную карту на шести листахъ предполагаемаго театра войны противъ персіянъ, въ масштабѣ 11 верстъ въ дюймѣ; карта эта служила для всѣхъ соображеній во время персидской войны. Имъ же составлено описаніе вторженія персіянъ въ Грузію, которое особенно замѣчательно собранными въ немъ статистическими и топографическими данными о краѣ; за него Коцебу удостоился получить особую благодарность начальника главнаго штаба. Но прежнимъ, особенно болѣе близкимъ сослуживцамъ А. П. Ермолова, трудно было уживаться съ новымъ начальникомъ

кавказскаго корпуса, генералъ-адъютантомъ Паскевичемъ. Прибывшій изъ Петербурга, для нахожденія при немъ, графъ Сухтеленъ удерживалъ еще нѣкоторое время Коцебу на Кавказѣ, но почти тотчасъ же по заключеніи туркменчайскаго мира (10-го Февраля 1828 г.) Коцебу получилъ новое мѣсто оберъ-квартирмейстера резервныхъ войскъ. Да и во время самой персидской войны почти не видно его участія въ дѣйствіяхъ, такъ какъ у Паскевича явились ближайшими помощниками по квартирмейстерской части прибывшіе на Кавказъ въ началѣ этой войны: графъ Сухтеленъ, гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ баронъ Ренненкампфъ 2-й и бывшій начальникъ штаба V корпуса, тогда же переведенный въ генеральный штабъ, полковникъ Гурко. Изъ нихъ графъ Сухтеленъ, съ Іюня 1827 года до самаго окончанія персидской кампаніи, исполнялъ при Паскевичѣ должность начальника штаба, вмѣсто больнаго генералъ-маіора Вельяминова 3-го и въ этой должности участвовалъ при взятіи Абасъ-Абада, Сардаръ-Абада, Эривани, Тавриза, Ардевиля. При штурмѣ Эривани, Сухтеленъ, съ двумя ротами гвардейскаго своднаго полка, атаковалъ мечеть, гдѣ укрылись послѣдніе остатки гарнизона, и, занявъ ее, лично обезоружилъ начальствовавшаго персіянами Гасанъ-хана. За этотъ подвигъ онъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени, а за разныя отличія во время кампаніи удостоился получить алмазные знаки ордена Св. Анны 1-й степени, званіе генералъ-адъютанта и единовременно 50,000 р. асигнаціями. Положеніе Сухтелена при Паскевичѣ было крайне тяжело и непріятно, и не мало нужно было съ его стороны твердости и самоотверженія, чтобы для пользы дѣла оставаться при немъ.

Впрочемъ, о будущемъ фельдмаршалѣ графъ Сухтеленъ отзывался какъ о человѣкѣ честномъ, храбромъ, добромъ и справедливомъ, но, въ то же время, недовѣрчивомъ, подозрительномъ и крайне тяжеломъ въ служебныхъ отношеніяхъ ([15]).

Что касается полковниковъ барона Реннепкампфа и Гурко, то первый изъ нихъ непосредственно находился при Паскевичѣ и по заключеніи мира былъ назначенъ главнымъ приставомъ при посольствѣ, опредѣлявшимъ границу съ Персіею, а второй состоялъ при начальникѣ 20-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенантѣ Красовскомъ, и особенно отличился при взятіи Эривани, за что

получилъ золотую шпагу за храбрость и орденъ Св. Георгія 4-й степени. Это было началомъ боевой извѣстности, которую впослѣдствіи стяжалъ Владиміръ Осиповичъ Гурко въ Польшѣ и на Кавказѣ.

Въ эту же кампанію, подъ начальствомъ графа Сухтелена, начали свою боевую карьеру и за отличіе въ дѣлахъ противъ персіянъ произведены въ штабсъ-капитаны два молодыхъ офицера, пріобрѣвшіе въ позднѣйшее время извѣстность государственныхъ дѣятелей, именно гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ Чевкинъ (умершій въ 1875 году членомъ государственнаго совѣта) и квартирмейстерской части поручикъ Коцебу 2-й (нынѣ графъ Павелъ Евстафьевичъ). Первый прибылъ на Кавказъ съ графомъ Сухтеленомъ, а послѣдній состоялъ при Кавказскомъ корпусѣ еще до войны, во время которой завѣдывалъ военно-историческою частію и съемками; отъ этой дѣятельности поручика Коцебу сохранились два образцово-составленные журнала: журналъ военныхъ дѣйствій въ Бомбакской и Шурагельской провинціяхъ, отличающійся прекрасно отдѣланными планами, и журналъ персидской войны 1826 и 1827 г.г., замѣчательный по своей полнотѣ и обстоятельности; онъ состоитъ изъ двухъ половинъ: въ одной помѣщены всѣ офиціальныя реляціи, числомъ до 36, а въ другой самый разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ; къ сожалѣнію, журналъ заключаетъ въ себѣ обзоръ военныхъ дѣйствій только съ 22-го Іюля 1826 г. по 7-е Октября 1827 года ([16]).

Персидская кампанія была какъ бы вступленіемъ къ двухлѣтней войнѣ съ Турціею, въ которой Россіи пришлось употребить лучшія свои военныя силы и достигнуть успѣховъ, какихъ до того русское оружіе еще не одерживало въ борьбѣ съ Портою Оттоманскою. Неизбѣжнаго разрыва съ Турціею ожидали въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра, когда начались приготовленія къ этому, сосредоточивавшіяся въ двухъ главныхъ центрахъ,—въ Петербургѣ, въ главномъ штабѣ Его Императорскаго Величества, гдѣ этимъ дѣломъ близко интересовались бароны Дибичъ и Толь, и въ Тульчинѣ, гдѣ имъ руководилъ начальникъ штаба II арміи генералъ Киселевъ. О ходѣ этихъ работъ сообщено уже въ предшествовавшей главѣ ([17]); здѣсь-же, въ дополненіе къ сказанному, укажемъ на наиболѣе

замѣчательныя частныя работы по этой части, исполненныя офицерами генеральнаго штаба до открытія турецкой войны.

Выше было уже указано на посылку военной мисіи въ Константинополь, членами которой собраны многія свѣдѣнія о вооруженіяхъ Турціи, а въ особенности о мѣстности между Дунаемъ, Чернымъ и Мраморнымъ морями; маршруты членовъ мисіи обнимаютъ болѣе 2,000 верстъ, изъ которыхъ болѣе половины приходится на мѣстность за Балканами. Наиболѣе значительныя изслѣдованія дорогъ были сдѣланы: Ф. Ф. Бергомъ—приморскихъ дорогъ отъ Дуная до Константинополя; штабсъ-капитаномъ Тучковымъ—отъ Ески-Стамбула, черезъ Османъ-Базаръ, Казанъ, Сливну до Адріанополя и оттуда на Кирклису, Факи и Люле-Бургасъ; штабсъ-капитаномъ Дюгамелемъ—отъ Шумлы до Факи; отъ Систова на Тырновъ, Казанъ, Карнабатъ, Факи, Визу и Сарай, до Буюкдере и отъ Рущука до Люле-Бургасъ; наконецъ, подпоручикомъ Веригинымъ—отъ Туртукая черезъ Карнабатъ, Факи, Кирклису, Чорму, Силиврію до Кучукъ-Чекмеджи; отъ Тырнова до Адріанополя ([18]).

Независимо отъ того, по порученію штаба II арміи, составлены были, на основаніи собранныхъ матеріаловъ, преимущественно повѣренныхъ лично на мѣстѣ, слѣдующія карты и описанія:

1) въ 1823 году, подполковникомъ фонъ-Руге, карта Европейской Турціи, на одномъ листѣ;

2) подпоручикомъ Фонтономъ, въ 1825 году, карта Дуная отъ Журжи до Галаца, а въ 1826 г.—отъ Рени до Чернаго моря;

3) поручикомъ Вельтманомъ—карта теченія Прута съ описаніемъ;

4) полковникомъ Липранди—записка о запорожцахъ, живущихъ на Дунаѣ (некрасовцы), и краткое обозрѣніе Молдавіи и Валахіи въ военномъ отношеніи.

Наконецъ, еще съ начала двадцатыхъ годовъ въ главномъ штабѣ Его Величества стали скопляться разнаго рода записки и мемуары о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Чуть-ли не первое мѣсто между ними по времени и по достоинству занимаетъ записка, представленная барономъ Дибичемъ 7-го Іюля 1821 года, въ которой предложенъ полный планъ кампаніи для перехода черезъ

Балканы и овладѣнія Адріанополемъ; планъ этотъ былъ одобренъ княземъ Волконскимъ и Императоромъ Александромъ, но при новомъ Государѣ найденъ слишкомъ смѣлымъ, почему исполненіе его и имѣло мѣсто лишь во вторую нашу кампанію противъ турокъ. Независимо отъ того, въ архивныхъ дѣлахъ сохранились многочисленныя записки съ предположеніями на случай войны съ турками, представленныя герцогомъ Александромъ виртембергскимъ, графомъ Ланжерономъ, Канкринымъ, барономъ Жомини, генераломъ П. Д. Бутурлинымъ, полковникомъ Чуйкевичемъ и др. Въ ряду этихъ предположеній, рядомъ съ разными стратегическими и административными соображеніями, нѣкоторыми предложены были также и новыя строевыя формы (боевые порядки) для дѣйствій противъ турокъ. Вопросами о таковыхъ формахъ наиболѣе занимались во II арміи, гдѣ генералъ Киселевъ, вмѣстѣ съ генералъ-квартирмейстеромъ арміи, княземъ П. Д. Горчаковымъ ([19]), на основаніи историческихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ дѣйствій Миниха, Румянцева, Суворова, Репнина, Милорадовича, князя Багратіона, графа Каменскаго 2-го и Кутузова, проектировали цѣлый рядъ боевыхъ порядковъ для частей, начиная съ полка и до корпуса включительно. Боевые порядки эти были испытываемы на маневрахъ войскъ II арміи въ 1826 и 1827 годахъ и въ концѣ послѣдняго года представлены барону Дибичу; они были составляемы изъ большихъ каре, полковыхъ и двухбаталіонныхъ.

Въ Петербургѣ предложенія эти, какъ все исходившее изъ штаба II арміи, были встрѣчены неблагопріятно, въ чемъ свидѣтельствуютъ рѣзкія замѣтки на поляхъ представленія. Нельзя не обратить здѣсь вниманія на проекты, представленные по этому предмету около того же времени генераломъ Бутурлинымъ и барономъ Жомини, которые также основаны на томъ, чтобы противъ турокъ строить большія каре и держаться оборонительно. Всѣ эти проекты могутъ служить лишь прекраснымъ указаніемъ, какъ мало въ тѣ времена уроки недавняго прошедшаго имѣли значенія и какъ велико вообще было увлеченіе къ массированію войскъ. Какъ кажется, Дибичъ не подчинялся этому увлеченію и даже сдерживалъ его, но со смертію его оно сдѣлалось всеобщимъ и, постепенно усиливаясь, привело къ развитію дѣйствій

массами, къ нормальнымъ боевымъ порядкамъ для цѣлыхъ дивизій и корпусовъ, съ полнѣйшимъ забвеніемъ того, какъ слѣдуетъ дѣйствовать и обучать мелкіе отряды.

Къ концу лѣта 1827 года неизбѣжность войны съ Турціею стала уже очевидною, почему для первыхъ военныхъ дѣйствій, именно по занятію Придунайскихъ княжествъ, назначены были изъ II арміи VI и VII пѣхотные корпусы, главное начальство надъ которыми ввѣрено фельдмаршалу графу Витгенштейну. Тогда же по всѣмъ вѣдомствамъ штаба II арміи сдѣланы приготовленія къ предстоящему походу. По квартирмейстерской части, распоряженіемъ генералъ-квартирмейстера этой арміи, князя П. Д. Горчакова, исполнено нижеслѣдующее:

Опредѣлено направленіе главныхъ и поперечныхъ дорогъ между южнымъ Бугомъ и Дунаемъ, причемъ главнѣйшія дороги осмотрѣны офицерами генеральнаго штаба, назначившими переходы и мѣста ночлеговъ; переходы для транспортовъ отъ 10—17 верстъ, а для командъ въ 20—28 верстъ; ночлежные пункты для первыхъ избраны въ мѣстахъ удобныхъ для водопоя, а для вторыхъ въ болѣе многолюдныхъ селеніяхъ; черезъ каждыя 100 верстъ выбраны пункты для складовъ продовольствія, этапныхъ командъ, а за границею и для лазаретовъ; всѣмъ дорогамъ сдѣланы маршруты.

Въ управленіи генералъ-квартирмейстера арміи составлено положеніе для этаповъ и руководство для начальниковъ ихъ; выбраны переправы на Днѣстрѣ, Прутѣ и Дунаѣ. Всѣмъ оберъ и дивизіоннымъ квартирмейстерамъ разослана топографическая карта Молдавіи, Валахіи и Болгаріи, составленная и отлитографированная при штабѣ арміи, а также и копіи съ маршрутовъ, снятыхъ въ Турціи въ 1827 году; всѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба и во всѣ штабы роздана также литографированная карта Турціи. Наконецъ, по приказанію генерала Киселева, составлена княземъ Горчаковымъ особая инструкція для офицеровъ генеральнаго штаба, въ которую должны были войти всякаго рода формы, таблицы, правила письмоводства, черченія и съемки, могущія служить руководствомъ къ точному и неупустительному исполненію обязанностей по квартирмейстерской части ([20]).

Вмѣстѣ съ этими распоряженіями, Киселевъ просилъ барона

Дибича прислать во II армію штабъ и оберъ-офицеровъ генеральнаго штаба, для производства съемокъ въ тылу арміи, въ случаѣ вступленія ея въ предѣлы Турціи, что̀ и послужило первымъ началомъ къ составленію особыхъ астрономическихъ и съемочныхъ отрядовъ въ турецкую войну. Разработка этого вопроса была возложена на генерала-отъ-инфантеріи Довре, при содѣйствіи генералъ-маіора Шуберта, которыми составлены предположенія о геодезическихъ работахъ на Дунаѣ, приведенныхъ впослѣдствіи въ исполненіе и доставившихъ обильные матеріалы для нашей картографіи. Сформировано было два астрономическихъ отряда, по два офицера генеральнаго штаба и по три топографа въ каждомъ и двѣ полуроты топографовъ, изъ которыхъ въ каждой было по четыре офицера генеральнаго штаба, четыре—корпуса топографовъ и по 24 топографа нижняго званія. Весь этотъ, такъ называемый, геодезическій отрядъ состоялъ подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Дитмарса и половина его предназначалась для астрономическихъ опредѣленій и съемокъ въ Придунайскихъ Княжествахъ, а другая для исполненія такихъ же работъ въ тылу арміи, между Дунаемъ и Балканами ([21]). Снабженный инструкціями, составленными генераломъ Шубертомъ, и инструментами изъ военно-топографическаго депо, полковникъ Дитмарсъ началъ свои работы въ 1828 году, продолжалъ ихъ во все время турецкой войны и послѣ заключенія мира, до 1832 года.

Подобные же отряды были образованы и на Кавказѣ: для астрономическихъ работъ подъ начальствомъ генеральнаго штаба капитана Бырдина, а для топографическихъ—подъ завѣдываніемъ генеральнаго штаба капитана Гецеля.

Въ Августѣ 1827 года началось сосредоточеніе войскъ VI и VII корпусовъ въ Бесарабіи, причемъ отъ начальника главнаго штаба Его Величества предложено было занимать войска маневрами, упражняя ихъ въ особенности въ знаніи малой войны и форпостной службы, обозначая при этомъ непріятеля небольшими частями войскъ и казаками ([22]). Предположенія для этихъ маневровъ, по распоряженію генерала Киселева, составлялись въ управленіи генералъ-квартирмейстера II арміи и, по утвержденіи главнокомандующимъ, высылались корпуснымъ командирамъ.

Къ ранней веснѣ 1828 года окончательно сформировался

походный штабъ фельдмаршала графа Витгенштейна, изъ 34 главныхъ чиновъ, стоявшихъ во главѣ особыхъ управленій. Въ составѣ этого штаба находилось 15 офицеровъ генеральнаго штаба и 1 корпуса топографовъ, которые по должностямъ были распредѣлены:

При начальникѣ штаба, генералъ-адъютантѣ Киселевѣ,—поручикъ Петровъ; при генералъ-квартирмейстерѣ, генералъ-маіорѣ князѣ Горчаковѣ,—подполковникъ фонъ-Руге и Никлевичъ, гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ баронъ фонъ-деръ-Ховенъ (начальникъ походной чертежной), штабсъ-капитанъ Насакинъ, подпоручикъ Фонтонъ-де-Верраіонъ (исправляющій должность капитана надъ вожатыми), подпоручикъ Каменскій, прапорщики Скалонъ и Мильковскій и корпуса топографовъ штабсъ-капитанъ Безкорниловичъ.

Въ управленіи генералъ-квартирмейстера: въ 1-мъ отдѣленіи: штабсъ-капитанъ Вельтманъ (начальникъ отдѣленія), штабсъ-капитанъ Андреевскій, подпоручикъ Лугининъ; во 2-мъ отдѣленіи: штабсъ-капитанъ Мендъ (начальникъ отдѣленія), подпоручикъ Роговскій, прапорщикъ Шмаковъ.

Что касается до офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ при самыхъ войскахъ, то при оберъ-квартирмейстерѣ VI корпуса, подполковникѣ Кекъ, находились: подпоручики: Прибытковъ, Вердеревскій и Беренгеймъ, а при оберъ-квартирмейстерѣ VII корпуса, полковникѣ Гедихинѣ, поручикъ Лопухинъ и подпоручики Карновичъ и Тавастъ; при пяти дивизіяхъ этихъ корпусовъ состояло при каждой по два офицера, изъ которыхъ старшій въ чинѣ имѣлъ званіе дивизіоннаго квартирмейстера, а именно: при 16-й пѣхотной дивизіи: штабсъ-капитанъ Прибытковъ и поручикъ Ситниковъ; при 17-й пѣхотной дивизіи: штабсъ-капитанъ Розеліонъ-Сошальскій и прапорщикъ Болдыревъ; при 18-й пѣхотной дивизіи: капитанъ Эренкрона и подпоручикъ Куликовскій; при 19-й пѣхотной дивизіи: капитанъ Нюбергъ и подпоручикъ Ивановъ; при 4-й уланской: поручикъ Ушаковъ и прапорщикъ Харламовъ ([23]).

Такимъ образомъ, собственно при войскахъ находилось 18 офицеровъ генеральнаго штаба, а при главномъ штабѣ арміи 15, чтб составляетъ очень выгодное отношеніе, принимая во вниманіе численность арміи, простиравшуюся въ Мартѣ 1828 года всего до 53,000 человѣкъ.

Почти одновременно съ этимъ назначены были чины квартирмейстерскаго вѣдомства въ составъ главной квартиры Государя Императора ([24]). Баронъ Дибичъ, по званію начальника главнаго штаба, и графъ Сухтеленъ, только что возвратившійся съ Кавказа, въ званіи генералъ-квартирмейстера, сопровождали Государя; на время ихъ отсутствія изъ Петербурга, управленіе генеральнымъ штабомъ возложено на генералъ-лейтенанта Селявина, завѣдываніе канцеляріею начальника главнаго штаба и исправляющаго должность инспектора дома генеральнаго штаба—на гвардейскаго генеральнаго штаба полковника Ризенкампфа, а управленіе канцеляріею генералъ-квартирмейстера—на генералъ-маіора Шуберта. Замѣщавшій въ 1827 году графа Сухтелена генералъ-отъ-инфантеріи Довре назначенъ состоять въ дѣйствующей арміи при графѣ Витгенштейнѣ.

Собственно въ главную квартиру Государя Императора изъ генеральнаго штаба были назначены:

1) непосредственно при главной квартирѣ: гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Дюгамель и поручикъ баронъ Ливенъ; генеральнаго штаба капитанъ Гастферъ, поручикъ Шеміотъ, подпоручикъ Веригинъ и прапорщикъ Герасимовъ;

2) при канцеляріи барона Дибича, по званію управляющаго генеральнымъ штабомъ: гвардейскаго генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Дурново 1-й и генеральнаго штаба поручикъ Ризенкампфъ 2-й;

3) въ канцеляріи генералъ-квартирмейстера: капитанъ надъ вожатыми, штабсъ-капитанъ Тучковъ; начальникъ 1-го отдѣленія, штабсъ-капитанъ Чевкинъ; начальникъ 2-го отдѣленія, капитанъ Вельяминовъ-Зерновъ; при канцеляріи: капитанъ Крюковъ, штабсъ-капитанъ Ладыженскій и подпоручикъ Кобяковъ; послѣдній во все время кампаніи состоялъ при генералъ-адъютантѣ Адлербергѣ для письменныхъ занятій по военно-походной канцеляріи Государя;

4) при походной литографіи, которою завѣдывалъ чиновникъ 7-го класа Томашинскій, находился генеральнаго штаба подпоручикъ Норденстамъ.

Всего съ главною квартирою прибыло на Дунай въ 1828 году 15 офицеровъ генеральнаго штаба.

Независимо отъ того, прибывшіе впослѣдствіи на Дунай гвардейскій, III пѣхотный и IV резервный кавалерійскій корпусы

имѣли при себѣ полный составъ офицеровъ генеральнаго штаба, подобно VI и VII корпусамъ, да, сверхъ того, въ теченіе всей кампаніи въ приказахъ встрѣчаются постоянно новыя назначенія офицеровъ этого вѣдомства къ войскамъ, дѣйствовавшимъ на Дунаѣ. Благодаря этому, при II арміи образовался огромный составъ генеральнаго штаба, доходившій въ 1828 г. до ста офицеровъ, изъ числа которыхъ постоянно болѣе половины находились при главной квартирѣ. Сверхъ офицеровъ русскаго генеральнаго штаба, при главной квартирѣ находилось еще три офицера польскаго генеральнаго штаба, въ томъ числѣ извѣстный впослѣдствіи Хржановскій, четыре офицера польскихъ войскъ, прикомандированныхъ къ оному, и шесть офицеровъ, причисленныхъ къ нашему генеральному штабу.

Кампанія 1828 года блистательно открылась двумя эпизодами— Сатуновскою переправою и взятіемъ Анапы, въ которыхъ на долю представителей генеральнаго штаба выпала завидная участь обратить на себя особое вниманіе Государя Императора. Къ Сатуновской переправѣ всѣ приготовленія были сдѣланы барономъ Дибичемъ, который, въ званіи начальника главнаго штаба, предупредилъ главную квартиру Государя на Дунаѣ; при самой переправѣ главными распорядителями, кромѣ барона Дибича, были: командиръ III пѣхотнаго корпуса, генералъ-отъ-инфантеріи Рудзевичъ, начавшій свою боевую службу еще въ екатерининскомъ генеральномъ штабѣ, его начальникъ штаба, генералъ-маіоръ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Императорскаго Величества графъ Сухтеленъ 2-й и начальникъ штаба II арміи, генералъ-адъютантъ Киселевъ; около этихъ лицъ групировались естественными, ближайшими помощниками офицеры генеральнаго штаба: подполковникъ Стихъ, капитаны Вельяминовъ-Зерновъ и Крюковъ, штабсъ-капитанъ Чевкинъ, удостоившіеся получить наиболѣе видныя награды: Стихъ—св. Владиміра 4-й степ., Вельяминовъ-Зерновъ и Крюковъ—золотыя шпаги съ надписью за «храбрость», Чевкинъ—званіе флигель-адъютанта. Въ то же время генералъ-маіоръ князь М. Д. Горчаковъ получилъ орденъ св. Георгія 3-й степ., а генералъ-адъютантъ Киселевъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Нельзя не замѣтить, что столь важный эпизодъ кампаніи, какъ Сатуновская переправа,

обошелся вовсе безъ участія въ немъ генералъ-квартирмейстера II арміи князя П. Д. Горчакова, который еще въ началѣ мая отказался отъ этой должности и назначенъ командующимъ войсками въ Малой Валахіи, а потомъ начальникомъ 18-й пѣхотной дивизіи.

Замѣнившій же его по должности генералъ-квартирмейстера генералъ-маіоръ Бергъ, незадолго до того возвратившійся изъ отставки въ генеральный штабъ ([25]), находился въ началѣ кампаніи при осадномъ корпусѣ подъ Браиловымъ.

Назначеніе это, состоявшееся по непосредственному желанію фельдмаршала графа Витгенштейна, знавшаго Ф. Ф. Берга съ первыхъ годовъ его службы, возбудило неудовольствіе старыхъ служакъ генеральнаго штаба, а въ особенности флигель-адъютанта полковника князя Андрея Михайловича Голицына 1-го, занимавшаго должность оберъ-квартирмейстера гвардейскаго корпуса. Князь Голицынъ 1-й, хотя и произведенъ былъ въ полковники въ 1821 году, слѣдовательно, годомъ позже Берга, но служилъ постоянно съ 1812 года въ генеральномъ штабѣ, между тѣмъ какъ Ф. Ф. Бергъ два раза оставлялъ эту службу (въ 1820 и 1826 годахъ), пробывъ въ отставкѣ около четырехъ лѣтъ. Въ самой дѣйствующей арміи было нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба, которые точно также, по непрерывности своей службы, были старше Берга, какъ-то: Липранди, Дурново, Гедихинъ, Понсетъ, Дитмаръ, А. И. Нейдгартъ, не считая многихъ другихъ (Притвицъ, Вашутинъ, Н. Н. Муравьевъ, Д. П. Бутурлинъ и др.), состоявшихъ въ генеральномъ штабѣ при другихъ частяхъ нашей арміи. Какъ ни маловажно это обстоятельство, но надо полагать, оно было не безъ вліянія на тѣ неблагопріятные слухи, которые были распространяемы въ 1828 году на счетъ генеральнаго штаба и его представителя въ дѣйствующей арміи на Дунаѣ.

Во главѣ предпріятія противъ Анапы являются также извѣстныя тогдашнему генеральному штабу имена: генералъ-адъютанта князя А. С. Меншикова, полковниковъ Василія Алексѣевича Перовскаго и Александра Григорьевича Вилламова. Первый изъ нихъ въ это время уже былъ переименованъ въ контръ-адмиралы, съ назначеніемъ начальникомъ морскаго штаба и за Анапу удостоился получить орденъ св. Георгія 3-й ст. ([26]); второй служилъ въ генеральномъ штабѣ только четыре года (съ 1812 по 1816 г.)

и оставилъ службу въ немъ, вѣроятно, по тѣмъ соображеніямъ, что, имѣвъ несчастіе въ 1812 году попасть въ плѣнъ, гдѣ оставался до занятія Парижа, сильно отсталъ въ наградахъ отъ всѣхъ своихъ товарищей. Служа затѣмъ лейбъ-гвардіи въ Егерскомъ полку, онъ въ 1828 году былъ полковникомъ и за Анапу получилъ чинъ генералъ-маіора (27). Наконецъ, полковникъ Вилламовъ служилъ непрерывно въ генеральномъ штабѣ съ 1815 года и, получивъ за Анапу золотую шпагу съ надписью за «храбрость», оставался въ этомъ вѣдомствѣ до 1832 года, когда переведенъ тѣмъ же полковничьимъ чиномъ въ морское вѣдомство, въ корпусъ флотскихъ штурмановъ.

Въ дальнѣйшемъ теченіи кампаніи 1828 года въ Европейской Турціи главными пунктами, около которыхъ вращаются военныя дѣйствія, служили Браиловъ, Варна и Шумла; прослѣдимъ, насколько въ этихъ дѣйствіяхъ было участіе генеральнаго штаба.

Подъ Браиловымъ въ началѣ осады находились и графъ Сухтеленъ, и генералъ Бергъ, имѣвшіе, безъ сомнѣнія, нѣкоторое вліяніе на ходъ работъ; первый изъ нихъ оставался тамъ недолго, получивъ вскорѣ особое назначеніе, но генералъ Бергъ дѣятельно распоряжался расположеніемъ осаднаго корпуса, проводя утренніе и вечерніе часы на конѣ въ полѣ, ночью за бумагами и отдыхая только среди дня, когда невыносимая жара приводила всѣхъ въ бездѣйствіе (28). Выборъ и отдѣлка Императорскаго кургана, разбивка лагеря въ такомъ порядкѣ, что онъ болѣе походилъ на учебный, чѣмъ на боевой, составляли предметъ первой дѣятельности генерала Берга, чѣмъ онъ сразу зарекомендовалъ себя Государю Императору и Великому Князю Михаилу Павловичу, такъ что при неусыпной его энергіи съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе росло къ нему довѣріе, и онъ справедливо могъ надѣяться, что ему удастся поставить свою должность на ту степень значенія, на которой она должна стоять въ большой арміи. О своихъ ближайшихъ помощникахъ Бергъ отозвался, что это большею частью молодые люди весьма достойные. Послѣдніе дѣйствительно умѣли доказать это и заслужить цѣлый рядъ наградъ и отличій подъ Браиловымъ, на глазахъ Государя и Великаго Князя.

Браиловская осада представляла, конечно, не обширное поприще

для генеральнаго штаба, такъ какъ при арміи имѣлось достаточно инженеровъ; только при штурмѣ оказалось болѣе случаевъ къ отличіямъ, и здѣсь-то особенно выдались два молодыхъ поручика: Тюфяевъ (въ генеральномъ штабѣ съ 1824 г.) и Таваст (въ генеральномъ штабѣ съ 1821 г.). Первый изъ нихъ на штурмѣ 3-го Іюня былъ назначенъ вести колонну въ правую брешь; будучи посланъ для предварительнаго осмотра бреши, получилъ сильную контузію въ лѣвую руку осколкомъ гранаты, но, оставаясь въ дѣлѣ, повелъ колонну и уже на контръ-эскарпѣ былъ снова раненъ картечью въ ляжку правой ноги, съ поврежденіемъ сухихъ и мягкихъ жилъ; удостоившись за это получить золотую шпагу съ надписью «за храбрость», онъ вскорѣ вылѣчился и, участвуя снова въ разныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, произведенъ въ 1829 году въ штабсъ-капитаны и получилъ орденъ св. Анны 3 степ. съ бантомъ. Раны поручика Таваста были гораздо опаснѣе: когда онъ велъ колонну на лѣвую брешь, то былъ раненъ тремя пулями: сперва легко въ правую руку, потомъ въ лѣвую, но безъ поврежденія костей, наконецъ, третьей тяжело въ голову; пуля, черезъ скуловую кость пройдя крылья основной кости, вышла въ затылокъ; Владиміръ 4-й степ. съ бантомъ, чинъ штабсъ-капитана и шестимѣсячный отпускъ съ содержаніемъ служили наградою за понесенное увѣчье ([29]). Было бы излишне перечислять всѣ награды, полученныя офицерами генеральнаго штаба за Браиловъ, но достаточно указать, что изъ числа 11 офицеровъ этого вѣдомства, находившихся при осадѣ, ни одинъ не былъ обойденъ наградою.

Послѣ занятія нижнедунайскихъ крѣпостей, главныя силы русской арміи направились черезъ Базарджикъ къ Шумлѣ, отдѣливъ лишь наблюдательные отряды противъ Варны и Силистріи. Начальствованіе надъ немногочисленнымъ отрядомъ (4 баталіона, 12 эскадроновъ, 1 сотня казаковъ и 12 орудій, всего 4,558 чел.), назначеннымъ для прикрытія главныхъ силъ со стороны Варны, было возложено на генералъ-адъютанта графа Сухтелена; ему же поручено собрать свѣдѣнія о мѣстности и силахъ у турокъ и открыть сообщеніе съ флотомъ. Эта трудная задача была блистательно исполнена графомъ: не смотря на превосходство непріятеля, имѣвшаго подъ Варною болѣе 10,000 чел., нашъ малочисленный

отрядъ, сражаясь иногда по 12 часовъ сряду, держался шесть дней, пока не былъ смѣненъ генералъ-лейтенантомъ Ушаковымъ, потерявъ 658 чел. убитыми и ранеными (30). Это было началомъ обложенія Варны и изслѣдованія ея окрестностей, что вполнѣ было довершено только съ прибытіемъ туда флота и войскъ гвардейскаго корпуса. Во главѣ осаднаго корпуса подъ Варною является покоритель Анапы, князь Меншиковъ, съ прежнимъ своимъ начальникомъ штаба, генералъ-маіоромъ В. А. Перовскимъ; ближайшимъ же ихъ помощникомъ не только по квартирмейстерской части, но въ началѣ осады и по части инженерной, оберъ-квартирмейстеръ осаднаго корпуса, генеральнаго штаба капитанъ Мендъ. Послѣднему поручено было выбрать мѣсто для первой паралели, и онъ, произведя смѣлую рекогносцировку, причемъ лично дошелъ до самаго гласиса, заложилъ паралель въ ночь на 7-е августа всего въ 117 саж. отъ крѣпостнаго рва (31). Имъ же веденъ былъ военно-историческій журналъ осады Варны, по которому составлено и подробное описаніе этой осады съ тремя планами. Въ то же время офицерами генеральнаго штаба составлены военно-топографическія описанія окрестностей Варны, а именно: сѣверной стороны и дорогъ, ведущихъ къ крѣпости отъ Дуная,—гвардейскаго генеральнаго штаба капитанами Брюмеромъ и Жемчужниковымъ, мѣстности къ югу отъ Варны—гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикомъ Веригинымъ и генеральнаго штаба подпоручикомъ Львовымъ.

Одновременно съ осадою Варны происходило обложеніе Шумлы, при движеніи къ послѣдней главныхъ силъ отъ нижняго Дуная на Карасу и Базарджикъ, почти постоянно во главѣ нашихъ колоннъ слѣдовалъ, съ летучими отрядами, генеральнаго штаба полковникъ Липранди, оттѣсняя турецкіе передовые посты, производя рекогносцировки расположенія непріятеля. Съ прибытіемъ подъ Шумлу имъ произведены рекогносцировки лѣваго непріятельскаго фланга у Джумаи, а при рекогносцировкахъ генерала Ридигера, въ направленіи къ Ескистамбулу и Котешъ, особой колонной командовалъ оберъ-квартирмейстеръ VII пѣхотнаго корпуса, полковникъ Гедихинъ; здѣсь же участвовалъ и генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Дурново съ своей бригадой 19-й пѣхотной дивизіи (Украинскій пѣхотный и 35-й егерскій

полки), командованіе которою было ему поручено еще въ Іюнѣ мѣсяцѣ, съ оставленіемъ, однако, въ генеральномъ штабѣ (32). О Дурново Бергъ отзывается съ самой лучшей стороны, выдѣляя его изъ ряда тогдашнихъ бригадныхъ генераловъ, о которыхъ отзывы его крайне неблагопріятны.

Подъ Шумлою, гдѣ приходилось съ слабыми сравнительно силами занимать пространную блокадную линію, гдѣ по необходимости малочисленность нашихъ войскъ надо было прикрыть ихъ подвижностью, генералъ-квартирмейстеру и его ближайшимъ помощникамъ досталась очень нелегкая работа. Энергія и неутомимость Ф. Ф. Берга все это, однако, преодолѣвали: «Днемъ я въ главномъ штабѣ работаю надъ составленіемъ диспозицій и въ канцеляріи», пишетъ онъ изъ-подъ Шумлы отъ 16-го Іюля (33); «ночью приходится направлять и вести колонны; на разсвѣтѣ разбивать редуты и подступы къ крѣпости. Болѣе чѣмъ занятый, можно сказать, заваленный работою, я, тѣмъ не менѣе, доволенъ; я люблю широкую дѣятельность. Лишь бы Всевышній поддержалъ мое здоровье, я чертовски постарѣлъ и похудѣлъ».

Таковы были первыя впечатлѣнія генерала Берга подъ Шумлою; отношеніями своими къ Киселеву и Дибичу онъ вполнѣ доволенъ, особенно восхваляетъ послѣдняго. Но вскорѣ взглядъ этотъ сталъ измѣняться, явились жалобы на интриги въ главной квартирѣ, на слишкомъ большое число совѣтниковъ и начальниковъ, на слишкомъ большую мелочность всѣхъ распоряженій; генералъ-квартирмейстеръ начинаетъ жаловаться, что ему «приходится по цѣлымъ днямъ выравнивать ряды палатокъ, между тѣмъ какъ слѣдовало бы дѣйствовать энергичнѣе, подобно Паскевичу, который, конечно, никого не выравниваетъ». Съ другой стороны, графъ Бергъ жалуется, что главная квартира переполнена совѣтниками, которыхъ никто не слушаетъ и которые только занимаются интригами. Показаніе это подтверждается отчасти и архивными дѣлами, переполненными проектами о лучшей системѣ дѣйствій противъ турокъ. Въ особенности обильно число подобныхъ записокъ, поданныхъ въ 1828 году на имя Государя Императора генералъ-адъютантомъ барономъ Жомини, находившимся при главной квартирѣ, но записки эти были оставляемы безъ вниманія, что, какъ видно, крайне огорчало ученаго стратегика (34).

Если генералъ Бергъ жаловался на лицъ, состоявшихъ при главныхъ квартирахъ, то, съ другой стороны, и послѣдніе платили ему тѣмъ же, приписывая медленность и неудачу дѣйствій нашихъ подъ Шумлою генералъ-квартирмейстеру и офицерамъ генеральнаго штаба. Защищаясь отъ этихъ нареканій, Бергъ отзывается съ самой лучшей стороны о своихъ подчиненныхъ, говоря, что изъ огромнаго числа офицеровъ генеральнаго штаба, состоящихъ при арміи, только двое были имъ арестованы въ теченіе кампаніи за частныя ошибки, а «всѣ вообще (la totalité) служили очень хорошо, чему доказательствомъ служатъ полученныя ими награды, число раненыхъ и убитыхъ, не считая умершихъ отъ трудовъ и лишеній, которымъ они подвергались» ([35]). Въ своемъ мѣстѣ будутъ приведены цифры, подтверждающія справедливость словъ генерала Берга; здѣсь же замѣтимъ только, что неудачный исходъ кампаніи 1828 года гораздо болѣе зависѣлъ отъ неудовлетворительности высшихъ стратегическихъ соображеній, чѣмъ отъ деталей исполненія, въ которыхъ могли бы выказаться недостатки генеральнаго штаба. При исполненіи этихъ деталей вовсе не встрѣчается жалобъ на незнаніе офицерами генеральнаго штаба своего дѣла, а скорѣе лишь нареканія на недостаточное ихъ число при войскахъ, не смотря на то, что масса ихъ была командирована на театръ войны. Явленіе это обще кампаніи 1828 и 1829 годовъ и можетъ быть объяснено тѣмъ огромнымъ числомъ больныхъ, которое встрѣчаемъ въ генеральномъ штабѣ во время этихъ кампаній. Тяжелая служба на аванпостахъ, въ разъѣздахъ, на рекогносцировкахъ расшатывала самые здоровые организмы и дѣлала ихъ воспріимчивыми ко всѣмъ злокачественнымъ болѣзнямъ, опустошавшимъ наши войска на Балканскомъ полуостровѣ.

Неудачи кампаніи 1828 года должны были послужить благодѣтельнымъ урокомъ для кампаніи слѣдующаго года. На этотъ разъ во главѣ арміи поставленъ генералъ-адъютантъ баронъ Дибичъ, пользовавшійся полнымъ довѣріемъ Государя, близко знакомый съ событіями прошлаго года, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ неотлучно, наконецъ, занимавшійся еще съ начала двадцатыхъ годовъ изученіемъ соображеній о военныхъ дѣйствіяхъ въ Европейской Турціи; лучшаго, болѣе соотвѣтственнаго для этой войны главнокомандующаго невозможно было избрать. Выборъ къ

нему начальника штаба могъ представить затрудненія, такъ какъ Дибичъ былъ вообще противъ этой должности. Въ запискѣ, поданной имъ Государю изъ Яссъ, 10-го Декабря 1828 г., онъ прямо указываетъ на излишне увеличившееся значеніе должности начальника штаба, какъ на одну изъ причинъ неудачъ прошедшей кампаніи (36). Въ запискѣ, между прочимъ, говорится: «хотя пользу сей должности (начальника штаба) не могу оспаривать, но не менѣе того считаю заведеніе штабовъ вообще болѣе вреднымъ, по легко раждающемуся черезъ нихъ злу—дать какому либо подчиненному довѣренность иногда превыше начальника. Сіе приведетъ легко къ пагубной для службы привычкѣ принимать не только отъ начальниковъ штабовъ, но иногда и отъ другихъ умныхъ подчиненныхъ неявное донесеніе противъ начальника; ибо по несчастію умъ человѣческій находитъ ошибки другихъ всегда скорѣе, хотя не всегда самъ сдѣлаетъ лучше; а между тѣмъ острый глазъ подчиненныхъ, примѣтя уменьшеніе довѣренности противъ начальника, отнимаетъ у него всю нравственную силу».

Во избѣжаніе этого, Дибичъ предлагаетъ упраздненіе должности начальника штаба съ тѣмъ, чтобы попрежнему власть исполнительная и распорядительная раздѣлялась между дежурнымъ генераломъ и генералъ-квартирмейстеромъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ послѣдняго, отчего всѣ дѣла должны выиграть въ силѣ и скорости. Если-же должность начальника штаба не можетъ быть упразднена, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы, по мнѣнію Дибича: „1) чтобы выборъ начальника штаба зависѣлъ отъ самаго начальника, коему было бы предоставлено право и выбрать другаго, обращая начальника штаба къ строевымъ должностямъ; 2) чтобы непремѣнно всѣ сношенія были отъ лица главнокомандующаго, а не именемъ начальника штаба, и 3) положить общимъ и твердымъ правиломъ, чтобы никому изъ лицъ арміи не давать прямыхъ Высочайшихъ повелѣній, а еще менѣе доносить отъ сихъ лицъ прямо Государю Императору, или начальнику главнаго штаба Его Величества, исключая только тѣхъ частей войскъ, кои вовсе отдѣлены отъ арміи“.

Записка эта, очевидно, была написана подъ впечатлѣніемъ недавнихъ еще событій, въ которыхъ начальникъ штаба II арміи, генералъ-адъютантъ Киселевъ, игралъ преобладающую роль при фельдмаршалѣ графѣ Витгенштейнѣ.

*

Не смотря на таковой взглядъ свой на должность начальника штаба, Дибичъ, соглашаясь съ желаніемъ Государя, принялъ на эту должность своего бывшаго соперника по службѣ въ генеральномъ штабѣ, генералъ-адъютанта барона Карла Федоровича Толя, занимавшаго въ то время должность начальника штаба I арміи. Будучи старше Дибича и лѣтами и службою, произведенный въ генералы-отъ-инфантеріи въ одинъ день съ Дибичемъ (22-го Августа 1826 г.), имѣя къ тому же въ своемъ прошедшемъ много славныхъ воспоминаній и боевой практики, которыя могли бы дать право и ему на званіе главнокомандующаго, Толь, тѣмъ не менѣе, съ удивительнымъ самопожертвованіемъ, принялъ должность начальника штаба II арміи и съ первыхъ же дней вступленія въ должность сталъ въ отношенія полной подчиненности къ Дибичу; послѣдній за все время кампаніи не могъ нахвалиться Толемъ, исходатайствовалъ ему за Кулевчу графское достоинство, а по заключеніи Адріанопольскаго мира—орденъ Св. Георгія 2-й степени. Ходатайствуя о послѣдней наградѣ, Дибичъ писалъ, что Толь „былъ всегда и вездѣ его первымъ помощникомъ и лучшимъ другомъ, который, принеся свое самолюбіе въ жертву долгу службы, выполнилъ ее самымъ благороднымъ образомъ“ ([37]). Рѣдкое согласіе во все время кампаніи существовало между главнокомандующимъ и его начальникомъ штаба, такъ что генералъ Бергъ говоритъ, что они жили дружно какъ родные братья. «Генералъ Дибичъ»,—пишетъ Бергъ отъ 6-го (18-го) Мая 1829 г.,—«будучи самымъ честнымъ, благороднымъ, безкорыстнымъ человѣкомъ, такъ отлично распредѣлилъ обязанности, что онъ самъ вполнѣ начальствуетъ и ничто не дѣлается безъ его вѣдома, но за то всю заботу о мелочахъ онъ предоставилъ начальнику штаба, нисколько уже ими не безпокоясь. Взамѣнъ того, генералъ Толь столь добросовѣстно и буквально исполняетъ волю главнокомандующаго, что этимъ самымъ подаетъ всѣмъ прекрасный примѣръ подчиненности, тѣмъ болѣе важный, что въ арміи онъ состоитъ старшимъ послѣ графа Дибича генераломъ» ([38]).

Менѣе удаченъ былъ выборъ новаго генералъ-квартирмейстера II арміи. К. Ф. Толь, получивъ назначеніе на Дунай, взялъ съ собою на эту должность прежняго своего помощника по этой части

изъ I арміи, генералъ-маіора Д. П. Бутурлина, котораго онъ зналъ ближе, чѣмъ генерала Берга. Въ этомъ пришлось ему вскорѣ раскаяться. Новый главнокомандующій прибылъ къ арміи въ Яссы въ половинѣ Февраля, а новый генералъ-квартирмейстеръ явился туда только въ концѣ Марта, и лишь за два дня до выступленія главной квартиры изъ Яссъ принялъ должность. Такимъ образомъ весь трудъ по приведенію арміи въ движеніе, по начатію новой кампаніи, выпалъ на долю генерала Берга, которому пришлось въ это время работать вмѣстѣ съ Толемъ и близко съ нимъ сойтись. Въ награду за эти труды, Бергу исходатайствовано сохраненіе полнаго генералъ-квартирмейстерскаго содержанія, а съ прибытіемъ главной квартиры подъ Силистрію его назначили въ помощь генералу Красовскому для завѣдыванія всѣми осадными работами. Генералъ же Бутурлинъ не долго оставался въ должности генералъ-квартирмейстера; непривычный къ боевой жизни и полевой дѣятельности, лишенный, по отзыву генерала Берга, военнаго взгляда, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно надменный и самолюбивый, Д. П. Бутурлинъ не могъ ужиться съ живою, боевою личностью Толя; разстроенное здоровье не позволяло ему даже ѣздить верхомъ, такъ что въ знаменитый день Кулевчинскаго сраженія онъ и не былъ въ огнѣ, почему вслѣдъ за этимъ сраженіемъ самъ просилъ объ увольненіи его отъ должности генералъ-квартирмейстера, причемъ Дибичъ исходатайствовалъ ему назначеніе въ сенатъ. На его мѣсто, по просьбѣ Толя, снова былъ назначенъ генералъ Бергъ, въ уваженіе «необыкновенной дѣятельности, образцоваго усердія и замѣчательной храбрости, выказываемыхъ имъ при всякомъ случаѣ» (39). Дѣйствительно, Бергъ незадолго передъ тѣмъ снова отличился подъ Силистріею, гдѣ все время осады находился въ дѣлахъ и вылазкахъ, командуя безотлучно въ траншеяхъ всѣми войсками, прикрывавшими и производившими осадныя работы; онъ же, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ княземъ М. Д. Горчаковымъ, былъ уполномоченнымъ при самой сдачѣ крѣпости. За таковыя отличія генералъ Бергъ удостоенъ ордена Св. Георгія 3-й степени, и лучшимъ указаніемъ, какъ высоко цѣнилъ его заслуги графъ Дибичъ, можетъ служить то, что послѣдній, получивъ извѣстіе о наградѣ Берга, въ знакъ особаго расположенія къ нему, далъ ему въ день перехода черезъ

Балканы свой собственный крестъ, полученный имъ 17 лѣтъ тому назадъ за Клястицы.

Имѣя во главѣ Дибича, Толя, Берга, Владиміра Афанасьевича Обручева ([40]) (въ должности дежурнаго генерала II арміи), русская армія совершила переходъ черезъ Балканы, заняла Адріанополь и предписала мирныя условія побѣжденной Турціи. Заслуги, оказанныя въ 1829 году славѣ русскаго оружія этими четырьмя лицами, слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться, почему перейдемъ прямо къ службѣ вообще офицеровъ генеральнаго штаба въ эту кампанію.

Въ зиму съ 1828—1829 года, численность офицеровъ генеральнаго штаба при II арміи значительно уменьшилась, какъ по болѣзни, такъ и вслѣдствіе откомандированія, но къ веснѣ 1829 года новыя назначенія пополнили этотъ недостатокъ, такъ что къ началу движенія дѣйствующей арміи съ зимнихъ квартиръ (1-го Апрѣля) всего въ княжествахъ находилось генеральнаго штаба:

	При главной квартирѣ.	При войскахъ.	Итого.
Генераловъ	7	1	8
Штабъ-офицеровъ	13	9	22
Оберъ-офицеровъ	37	46	83
Причисленныхъ къ генеральному штабу:			
Изъ строевыхъ оберъ-офицеровъ	—	9	9
Изъ польскаго генеральнаго штаба:			
Оберъ-офицеровъ	3	—	3
Изъ польскихъ войскъ . . .	4	—	4
Итого	64	65	129

Въ этомъ числѣ собственно изъ русскаго генеральнаго штаба было 105 штабъ и оберъ-офицеровъ, т. е. около половины всего числа, считавшагося по спискамъ къ 1-му Января 1829 года. Тѣмъ не менѣе, если принять во вниманіе, что численность дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ арміи простиралась въ Апрѣлѣ 1829 г. до 120,000 человѣкъ, что въ составъ ея входили штабы четырехъ корпусовъ, 12 пѣхотныхъ и 6 кавале-

рійскихъ дивизій ([41]), то, очевидно, на такую массу было слишкомъ мало офицеровъ генеральнаго штаба, непосредственно находившихся при войскахъ. Собственно для службы при дивизіяхъ, полагая только по два офицера на каждую, требовалось 36 офицеровъ, причемъ на четыре корпусныхъ штаба оставалось лишь 20 офицеровъ; а между тѣмъ, съ назначеніемъ Толя начальникомъ штаба II арміи, увеличено имъ число срочныхъ донесеній, которыя войска обязаны были представлять въ этотъ штабъ. Въ прежнія войны разнаго рода срочная отчетность не была точнымъ образомъ опредѣлена, но уже въ кампанію 1828 г. на эту часть обращено вниманіе генералъ-адъютанта Киселева, а въ 1829 году установлено требованіе правильныхъ семидневныхъ, полумѣсячныхъ и мѣсячныхъ донесеній отъ войскъ, а именно: семидневныя записки о происходившихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ (историческія), о предположеніяхъ и распоряженіяхъ (распорядительныя) и о приготовленіяхъ и укомплектованіи; къ полумѣсячнымъ относились строевые рапорты и записки о больныхъ, а къ мѣсячнымъ— донесенія о состояніи штабовъ ([42]). Сверхъ того, во всѣхъ управленіяхъ заведены настольные реестры и ведены подробные военно-историческіе журналы, которые слѣдовало представлять съ окончаніемъ военныхъ дѣйствій.

Все это не осталось безъ вліянія на увеличеніе переписки въ войскахъ и на усиленіе собственно канцелярскихъ занятій въ штабахъ. Наконецъ, въ это время на генеральный штабъ дѣйствующей арміи были возложены и нѣкоторыя особыя обязанности; такъ, съ Декабря 1828 года въ вѣдѣніе генералъ-квартирмейстера II арміи переданы всѣ военныя сообщенія въ Княжествахъ и за Дунаемъ, обнимавшія протяженіе до 1,776 верстъ; въ это же время прикомандированный къ генеральному штабу Архангельскаго пѣхотнаго полка поручикъ Бутурлинъ (Иванъ Ивановичъ) обучался у флота лейтенанта Шипунова употребленію оптическихъ телеграфовъ; другой прикомандированный къ генеральному штабу офицеръ, инженеръ путей сообщеній поручикъ Бларамбаргъ, былъ командированъ изъ Петербурга въ Одессу съ четырьмя гидравлическими пресами, изготовленными подъ его же наблюденіемъ на Александровскомъ литейномъ заводѣ, для приготовленія пресованнаго сѣна ([43]). Подобныя стороннія занятія отвлекали офицеровъ

генеральнаго штаба отъ ихъ прямыхъ обязанностей и уменьшали численность ихъ при войскахъ; къ тому же и убыль была значительна, вслѣдствіе сильной болѣзненности, господствовавшей между нашими войсками въ Турціи и не щадившей также штабы. Почти постоянно отъ 10 до 15 процентовъ наличнаго при дѣйствующей арміи числа офицеровъ генеральнаго штаба числилось больными, а многимъ изъ нихъ вовсе не суждено было вернуться на родину; такъ, по приказамъ за 1828 и 1829 гг., тридцать офицеровъ генеральнаго штаба значатся умершими въ Турціи въ эти два года, не считая убитыхъ и умершихъ отъ ранъ (44).— Число послѣднихъ также было не мало сравнительно съ численностію всѣхъ чиновъ генеральнаго штаба, а именно: трое— генералъ-маіоръ Дурново 1-й, кап. Вельяминовъ-Зерновъ и штабсъ-капитанъ Насакинъ—убиты, а двое—подполковникъ Лихонинъ и шт.-кап. Лопухинъ умерли въ 1829 году отъ ранъ, полученныхъ въ Турціи.

Изъ вышеприведеннаго распредѣленія офицеровъ генеральнаго штаба въ кампанію 1829 г., представляется не лишенный интереса вопросъ о томъ, какое распредѣленіе офицеровъ этого вѣдомства можетъ быть лучшимъ во время кампаніи: что̀ выгоднѣе для пользы дѣла,—сосредоточеніе бо̀льшаго числа офицеровъ въ главной квартирѣ въ ущербъ числу ихъ, состоящему при войскахъ или же обратно? Для разрѣшенія этого вопроса, кажется, достаточно привести то соображеніе, выведенное изъ опыта прошедшихъ войнъ, что вообще при войскахъ въ военное время чрезвычайно дорожатъ офицерами генеральнаго штаба и ихъ услугами, между тѣмъ какъ при главныхъ квартирахъ они, по большей части, какъ бы отодвигаются на второй планъ лицами непосредственно стоящими при главнокомандующемъ и его начальникѣ штаба. Если бы не только на каждую бригаду, но даже на каждый полкъ было назначено по одному офицеру генеральнаго штаба, то все-таки имъ всегда нашлась бы работа и они могли бы почти ежечасно прилагать къ дѣлу свои познанія и быть полезными; съ другой стороны, имѣя возможность близко сойтись съ войсками, они бы легко могли пріобрѣсть ихъ довѣріе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ближе ознакомиться съ ними. Состоя же при главной квартирѣ, офицеръ генеральнаго штаба по преимуществу зарывается въ по-

ходныхъ канцеляріяхъ, а если и получаетъ время отъ времени командировки къ войскамъ, то не всегда можетъ быть въ нихъ вполнѣ полезенъ, потому что не достаточно знакомъ съ тѣми частями, къ которымъ назначается, да и для войскъ онъ является чуждымъ.

Въ справедливости сказаннаго можетъ до нѣкоторой степени убѣдить опытъ турецкой войны 1828—1829 годовъ. Главныя квартиры графа Витгенштейна и Дибича были переполнены офицерами генеральнаго штаба, а рядомъ съ этимъ встрѣчаются жалобы на недостатокъ офицеровъ этого рода при войскахъ, въ особенности при дѣйствіяхъ на мѣстности закрытой и пересѣченной, какъ, напримѣръ, подъ Варною, при Гасанъ-Ларѣ и въ 1829 году при Ески-Арнаутларѣ, гдѣ неимѣніе офицеровъ генеральнаго штаба для веденія колоннъ привело къ неудовлетворительнымъ результатамъ. Слишкомъ рисковано было бы упрекнуть тогдашній генеральный штабъ въ уклоненіи его отъ прямыхъ обязанностей при войскахъ; на это, по крайней мѣрѣ, не имѣется никакихъ указаній; напротивъ того, число убитыхъ и раненыхъ изъ этого корпуса офицеровъ, а равно полученныя награды могутъ свидѣтельствовать о добросовѣстности ихъ службы въ турецкую войну. Генералъ-маіоръ Дурново, капитанъ Вельяминовъ-Зерновъ, штабсъ-капитанъ Насакинъ, поручикъ баронъ Корфъ—пали отъ непріятельскаго огня, во главѣ веденныхъ ими колоннъ, подполковникъ Лихонинъ и штабсъ-капитанъ Лопухинъ умерли въ 1829 году отъ полученныхъ ранъ; кромѣ упомянутыхъ выше, капитана Таваста и поручика Тюфяева, въ кампанію 1828 года былъ раненъ еще штабсъ-капитанъ Бѣлоскурскій и контуженъ въ голову поручикъ Розеліонъ Сошальскій, взятый турками въ плѣнъ ([45]); а въ 1829 году поручикъ Левшинъ, штабсъ-капитанъ Дюгамель, подпоручикъ Искрицкій. Изъ числа послѣднихъ, Дюгамель взятъ турками въ плѣнъ при Ески-Арнаутларѣ и содержался до окончанія войны въ Шумлѣ, о которой доставилъ весьма обстоятельныя и подробныя свѣдѣнія. При этомъ случаѣ нельзя не упомянуть особо объ отличіи поручика Левшина (Дмитрія Сергѣевича), который, состоя въ осадномъ корпусѣ подъ Силистріею, былъ командированъ 25-го Мая 1829 года съ 50-ю казаками, съ поста при с. Акаданларѣ, для обозрѣнія дорогъ въ Шумлу. Исполнивъ

это порученіе, онъ, на обратномъ пути, въ лѣсныхъ дефилеяхъ близъ с. Эмбелера, встрѣченъ былъ выстрѣлами скрывавшихся въ засадѣ турокъ, причемъ раненъ пулей въ бокъ; не смотря на это, онъ привелъ обратно къ Силистріи ввѣренную ему партію и двухъ плѣнныхъ; орденъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и годовой окладъ жалованья были наградой за такое отличіе.

Во главѣ Высочайшихъ наградъ, заслуженныхъ офицерами генеральнаго штаба на европейскомъ театрѣ войны противъ Турціи слѣдуетъ указать на наиболѣе почетныя—георгіевскіе кресты и золотое оружіе. Первой изъ этихъ наградъ, которая, вообще, по статуту, достается очень трудно офицерамъ генеральнаго штаба, удостоились: фельдмаршалъ Дибичъ—1-й степени, генералъ-адъютантъ графъ Толь—2-й степени за всю кампанію, генералъ-маіоры: князь М. Д. Горчаковъ за сатуновскую переправу, Ф. Ф. Бергъ за Силистрію—3-й степени, гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Коцебу—4-й степени за постоянное пребываніе въ траншеяхъ и участіе въ отбитіи вылазокъ подъ Силистріею. Золотымъ оружіемъ награждены были изъ генеральнаго штаба: 4 генерала, 4 полковника, 4 капитана и по одному въ чинахъ штабсъ-капитана, поручика и подпоручика, всего 15 человѣкъ ([46]).

Изъ числа прочихъ наградъ, на долю большей части офицеровъ генеральнаго штаба, участвовавшихъ въ кампаніи, выпало по двѣ, для другихъ по три, по четыре награды, а двое удостоились получить за два года даже пять наградъ: штабсъ-капитанъ Чевкинъ получилъ званіе флигель-адъютанта, чины капитана и полковника, ордена св. Анны 2-й степени и св. Владиміра 3-й степени; послѣдній орденъ былъ ему пожалованъ Государемъ, когда онъ привезъ въ Петербургъ на ратификацію условія Адріанопольскаго мира; другой офицеръ, заслужившій пять наградъ, былъ поручикъ Лугининъ, получившій слѣдующій чинъ, ордена св. Анны 2-й, 3-й и 4-й степеней и св. Владиміра 4-й степени. Изъ числа другихъ офицеровъ, заслужившихъ наибольшее число наградъ, можно указать: получившихъ по четыре награды: подполковника Ладыженскаго, штабсъ-капитана барона Ливена, капитана Фонтонъ-де-Вераіона, штабсъ-капитана барона Корфа (тяжело раненъ подъ Раховымъ), и получившихъ по три награды: полковниковъ Стиха, Кека и барона Ховена, подполковника Нью-

берга, капитана Веймарна (Ивана Федоровича), штабсъ-капитана Тюфяева, поручиковъ Герасимова и Дурново.

Что касается дѣйствій противъ Турціи на азіятскомъ театрѣ войны, то участіе въ нихъ генеральнаго штаба было крайне незначительно; фельдмаршалъ Паскевичъ вообще не любилъ это вѣдомство и не довѣрялъ ему, почему за все пребываніе свое на Кавказѣ, онъ не могъ пріискать себѣ подходящаго начальника штаба и оберъ-квартирмейстера; такіе люди, какъ генералы Вельяминовъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ, полковникъ Коцебу 1-й (Морицъ Августовичъ), Вальховскій, которыми вездѣ дорожили, какъ способными и талантливыми, не могли удовлетворить его и оставались при немъ лишь самое короткое время. Вслѣдствіе того неудивительно, что и младшіе офицеры генеральнаго штаба, при первой возможности, оставляли службу на Кавказѣ, почему число офицеровъ этого вѣдомства при Кавказскомъ отдѣльномъ корпусѣ, во время командованія имъ Паскевича, было крайне незначительно; было даже одно время, когда управленіемъ оберъ-квартирмейстера завѣдывалъ арміи капитанъ Семеновъ, имѣя во главѣ отдѣленій старшими адъютантами, артилерійскихъ поручиковъ—Пикулова и Ушакова (Николай Ивановичъ). Всего при Кавказскомъ корпусѣ только въ первую половину 1828 года было свыше 10 офицеровъ генеральнаго штаба, а затѣмъ, во все остальное продолженіе турецкой войны, не превышало этой цифры, а весною 1829 года уменьшилось даже до шести. Нѣкоторые изъ офицеровъ прибыли въ Закавказье еще съ графомъ Сухтеленомъ и оставались тамъ во время турецкой войны; на ихъ долю выпали и наиболѣе значительныя награды; такъ, полковникъ Вальховскій, исправлявшій должность оберъ-квартирмейстера Кавказскаго корпуса, получилъ за Карсъ орденъ Св. Георгія 4-й ст., а за Ахалцыхъ—золотое оружіе съ надписью «за храбрость»; таковое же оружіе получили: и генералъ-маіоръ баронъ Ренненкампфъ, поручики: Бломъ, баронъ Ашъ и Ковалевскій. Изъ всего генеральнаго штаба, находившагося на Кавказѣ, баронъ Ренненкампфъ пользовался наибольшимъ расположеніемъ и довѣріемъ фельдмаршала Паскевича, что тѣмъ болѣе удивительно, что онъ служилъ до того на Кавказѣ при Ермоловѣ. Нельзя не остановиться на странной участи барона Ренненкампфа,—ему пришлось пройти два раза всѣ чины въ ге-

неральномъ штабѣ, начиная съ прапорщичьяго. Происходя изъ эстляндскихъ дворянъ, баронъ Павелъ Яковлевичъ въ достославномъ 1812 году опредѣлился изъ колежскихъ регистраторовъ въ колоновожатые и въ томъ же году, за Бородино, произведенъ въ прапорщики Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Произведенный въ подпоручики за Бауценъ, онъ же тогда считался въ ряду лучшихъ нашихъ офицеровъ, почему въ 1815 году переведенъ былъ во вновь образованный гвардейскій генеральный штабъ, а вслѣдъ затѣмъ командированъ при посольствѣ Ермолова въ Персію (1816 года) и оставленъ на службѣ при Отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ. Слѣдами его пребыванія здѣсь осталось описаніе маршрута слѣдованія нашего посольства въ Персію и чуть ли не первое барометрическое нивелированіе (въ 1818 г.) въ кавказскихъ горахъ, исполненное барономъ Ренненкампфомъ между Моздокомъ и Тифлисомъ. Произведенный въ 1824 году въ полковники, Ренненкампфъ былъ оберъ-квартирмейстеромъ, сперва I резервнаго кавалерійскаго, а потомъ IV пѣхотнаго корпусовъ, а въ 1827 году назначенъ снова въ составъ кавказскаго корпуса. Въ персидскую кампанію на него были возлагаемы разныя порученія, а по окончаніи войны онъ былъ назначенъ главнымъ приставомъ при опредѣленіи границъ между Персіею и Россіею. Чинъ генералъ-маіора и назначеніе въ Свиту Его Величества были наградою за эти труды. Въ турецкую войну, Ренненкампфъ неоднократно командовалъ особыми отрядами въ арміи Паскевича, а затѣмъ въ концѣ 1830 года имѣлъ случай снова выказать свою распорядительность на другомъ театрѣ войны. Когда вспыхнуло польское востаніе въ Литвѣ, Ренненкампфъ находился въ Курляндіи въ отпуску и получилъ временно начальство надъ небольшимъ отрядомъ, охранявшимъ Полангенъ отъ мятежническихъ шаекъ. Съ назначеніемъ графа Паскевича въ Польшу, баронъ Павелъ Яковлевичъ поступилъ снова къ нему въ дѣйствующую армію и въ 1839 году назначенъ командующимъ 1-ю пѣхотною дивизіею, а въ 1842 году переведенъ тѣмъ же званіемъ на Кавказъ въ 19-ю пѣхотную дивизію, гдѣ въ слѣдующемъ году произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Но на этотъ разъ служба его на Кавказѣ была непродолжительна: 2-го Декабря 1844 года генералъ-лейтенантъ Ренненкампфъ отрѣшенъ отъ

должности и, въ примѣръ другимъ, преданъ суду, за умышленное ложное внесеніе въ представленіе объ отличившихся въ дѣлѣ при селѣ Бирикей многихъ лицъ, вовсе въ этомъ дѣлѣ не участвовавшихъ. Судъ кончился отставленіемъ его отъ службы въ 1846 году. Въ Венгерскую кампанію 1849 года послѣдовала, однако, Монаршая милость и Ренненкампфу дозволено было вновь поступить на службу прапорщикомъ въ генеральный штабъ, съ зачисленіемъ въ V пѣхотный корпусъ. Въ три года постепенно были ему возвращены всѣ чины до генералъ-маіора, а въ 1853 году, онъ назначенъ начальникомъ съемки сперва Московской, а потомъ Черниговской губерній. Восточная война доставила ему случай вполнѣ загладить свою вину: назначенный въ дѣйствующую армію, баронъ Ренненкампфъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты за Дунайскую переправу, а за Севастополь ему не только прощенъ штрафъ, но и пожалованъ орденъ Бѣлаго Орла. Недолго, однако, довелось ему пережить свое прощеніе: онъ скончался въ 1857 году.

Съ окончаніемъ турецкой войны, войска, дѣйствовавшія на Балканскомъ полуостровѣ, возвращены въ Россію и присоединены къ I арміи, которою въ то время начальствовалъ фельдмаршалъ графъ Сакенъ. Штабъ дѣйствующей II арміи былъ упраздненъ, а офицеры генеральнаго штаба, состоявшіе при немъ, частію возвращены въ Петербургъ, частію же оставлены на бывшемъ театрѣ войны для съемки, при полномочномъ предсѣдателѣ megdiвановъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, генералъ-адъютантѣ Киселевѣ.

Непосредственно при генералъ-адъютантѣ Киселевѣ находились полковники Руге и Мендъ, капитаны: Коцебу и Розеліонъ-Сошальскій; изъ нихъ первые двое принимали участіе въ составленіи организаціоннаго положенія для княжествъ, причемъ Руге былъ главнымъ комисаромъ по разграниченію Дуная между Россіею и Турціею согласно съ адріанопольскимъ трактатомъ, а полковникъ Мендъ главнѣйше былъ занятъ устройствомъ мѣстной земской стражи; капитанъ Коцебу командированъ былъ для разграниченія Сербіи съ Турціею, гдѣ и оставался до начала 1831 года, когда безпорядки въ Босніи прервали дальнѣйшія работы по разграниченію, и капитанъ Коцебу былъ командированъ въ

Польшу; капитанъ же Розеліонъ-Сошальскій оставался въ Сербіи долѣе: результатомъ его занятій была глазомѣрная карта Сербіи на восьми листахъ, въ масштабѣ четыре версты въ дюймѣ, а также описаніе этого княжества: военно-топографическое важнѣйшихъ рѣкъ и дорогъ и статистическое.

Наиболѣе значительное число офицеровъ оставлено было на Дунаѣ для съемочныхъ работъ, которыя были кончены только въ 1833 году. Работы, производившіяся подъ главнымъ и непосредственнымъ вѣдѣніемъ генеральнаго штаба полковника Дитмарса, занимали почти постоянно отъ 10—15 офицеровъ генеральнаго штаба, отъ 5—10 офицеровъ корпуса топографовъ и нѣсколько офицеровъ, прикомандированныхъ къ генеральному штабу отъ полковъ. Результатомъ работъ были слѣдующія съемки, произведенныя въ масштабѣ $\frac{1}{84,000}$: 1) Валахіи, на 41 листѣ, пространства въ 66,471 кв. верстъ, 2) Молдавіи, на 26 листахъ, пространства въ 33,045 кв. верстъ, 3) Сѣверной Болгаріи (Бабадагская область), на 10 листахъ, пространства въ 10,740 кв. верстъ.

При съемкѣ Княжествъ было сдѣлано болѣе 400 маршрутовъ, сняты планы восьми болѣе значительныхъ городовъ, въ масштабѣ 200 саж. въ дюймѣ, и составлено статистическое описаніе Молдавіи и Валахіи.

Независимо отъ того, съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій продолжались еще съемочныя и преимущественно чертежныя работы по окончанію карты Болгаріи и восточной части Румеліи, подъ руководствомъ гвардейскаго генеральнаго штаба полковника барона фонъ-деръ-Ховена. Карта эта, обнимавшая пространство въ 42,900 квадр. верстъ, также въ двухверстномъ масштабѣ, окончена въ 1831 году; при составленіи ея участвовало до 15 офицеровъ генеральнаго штаба, взятыхъ по преимуществу отъ войскъ, корпуса топографовъ капитанъ Безкорниловичъ и около 20 топографовъ нижняго званія.

Если присоединить къ этимъ работамъ съемку части западной Болгаріи, произведенную въ 1829 году, подъ вѣдѣніемъ гвардейскаго штаба капитана Веймарна (Ивана Федоровича), обнимавшую пространство въ 13,000 квадр. верстъ, то получимъ, что общій итогъ всего пространства, снятаго съ 1828 по 1833

годъ на европейско-турецкомъ театрѣ войны, подъ непосредственнымъ руководствомъ генеральнаго штаба, при содѣйствіи корпуса топографовъ, будетъ простираться безъ малаго до 200,000 квадр. верстъ. Огромная масса этого матеріала послужила главнымъ основаніемъ для составленія извѣстной карты театра войны въ 1828 и 1829 годахъ въ Европейской Турціи, на семи листахъ, въ масштабѣ 10 верстъ въ дюймѣ.

Офицеры генеральнаго штаба, состоявшіе при войскахъ, съ окончаніемъ турецкой войны получили новыя обширныя занятія. Въ концѣ 1829 года войска I арміи заняли раіоны согласно съ дислокаціею, Высочайше утвержденною 22-го Августа того же года, а на офицеровъ генеральнаго штаба возложенъ былъ выборъ пунктовъ подъ постоянное расположеніе штабовъ и составленіе на мѣстѣ подробной дислокаціи войскъ. Работа эта, при полномъ отсутствіи въ то время статистическихъ учрежденій, представляла весьма большія трудности и требовала, такъ сказать, непосредственнаго обозрѣнія каждаго пункта, избираемаго подъ штабныя управленія. Поэтому неудивительно, что даже черезъ годъ она далеко еще не была окончена, будучи прервана польскою войною.

ГЛАВА XIII.

Назначеніе генералъ-адъютанта Нейдгарта 2 генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества. Составъ генеральнаго штаба при войскахъ, предназначенныхъ для дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ. Участіе генеральнаго штаба въ Польской войнѣ 1830—1831 г.г.

Высочайшимъ приказомъ 21-го Апрѣля 1830 года генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ 2-й назначенъ Оренбургскимъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, а вмѣсто него къ исправленію должности генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества призванъ начальникъ штаба Гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Нейдгартъ 2-й. Новое назначеніе графа Сухтелена никакъ не можетъ быть названо Монаршею немилостію: незадолго до оставленія генералъ-квартирмейстерской должности, графу была пожалована бриліантовая табакерка съ портретомъ Государя, а при назначеніи въ Оренбургъ—онъ удостоился получить «Высочайшее благоволеніе и совершенную признательность, за отличное усердіе и дѣятельность, оказанныя во время исправленія должности генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба, къ полному удовольствію Его Величества» (1). Монаршія милости не оставляли его и на новомъ посту, который, къ сожалѣнію всѣхъ знавшихъ его и подчиненныхъ, онъ занималъ слишкомъ недолго. Въ 1832 году ему пожалованъ былъ орденъ св. Александра Невскаго, а менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ того, именно 20-го Марта 1833 года, графъ Сухтеленъ скоропостижно скончался на 46-мъ году отъ роду, отъ нервнаго удара. Отецъ его, графъ Петръ Корниловичъ, сохранявшій до самой смерти почетный титулъ генералъ-квартирмейстера, пережилъ его тремя годами (2).

Александръ Ивановичъ Нейдгартъ началъ свою службу при Императорѣ Павлѣ въ рядахъ арміи (офицеромъ съ 1798 года), но, состоя въ 1807 году въ Финляндіи, при графѣ Буксгевденѣ, исполнялъ во многихъ случаяхъ службу по квартирмейстерской части, въ которую и переведенъ въ началѣ 1812 года, съ назначеніемъ въ корпусъ Витгенштейна. Здѣсь, на глазахъ Дибича, были первыя, болѣе значительныя его боевыя отличія, давшія ему: за Клястицы—чинъ подполковника, а въ 1813 году, за Кульмъ—чинъ полковника и зачисленіе въ гвардейскій генеральный штабъ. Съ этого времени карьера его была обезпечена, но надо полагать, что она была бы не особенно блистательна, если бы вступленіе на престолъ Императора Николая не выдвинуло разомъ Нейдгарта впередъ. Происшествіе въ Петербургѣ 14-го Декабря 1826 года, при которомъ Александръ Ивановичъ, въ качествѣ начальника штаба Отдѣльнаго Гвардейскаго корпуса, неотлучно находился при новомъ Императорѣ, доставило ему званіе генералъ-адъютанта, а походъ гвардіи въ Турцію—чинъ генералъ-лейтенанта. Возвышенію Нейдгарта не мало способствовалъ Дибичъ, который былъ о немъ столь высокаго мнѣнія, что когда къ концу турецкой войны 1829 года графъ Толь не могъ, по болѣзненному своему состоянію, оставаться долѣе при арміи и просилъ объ увольненіи, то графъ Дибичъ ходатайствовалъ о замѣщеніи его въ должности начальника штаба арміи Нейдгартомъ. Государь Императоръ не согласился, однако, на это назначеніе единственно по тому, что здоровье Нейдгарта не вполнѣ еще поправилось послѣ тяжкой болѣзни, перенесенной имъ въ 1829 году, и что онъ былъ предназначенъ уже для другой должности ([3]). Надо полагать, что уже въ это время Государь предназначалъ Нейдгарта для занятія должности генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества.

Выборъ новаго генералъ-квартирмейстера казался какъ нельзя болѣе удачнымъ: близко знакомый съ службою генеральнаго штаба и войскъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, не будучи связанъ началомъ своей службы съ колоновожатыми, А. И. Нейдгартъ могъ вполнѣ самостоятельно приступить къ преобразованію ввѣреннаго ему вѣдомства, согласно видамъ и желаніямъ Государя; съ другой стороны, признанная всѣми его сослуживцами и

подчиненными безукоризненная честность и прямота убѣжденій, привязанность къ мундиру, который онъ носилъ болѣе двадцати лѣтъ, наконецъ, привычка къ усидчивой и добросовѣстной работѣ служили гарантіей въ томъ, что вопросъ о преобразованіи и новомъ устройствѣ генеральнаго штаба будетъ разработанъ съ полнымъ тщаніемъ и подробностью.

Обстоятельства не позволили, однако, приступить немедленно къ занятіямъ по этому предмету. Еще не пришли къ окончанію работы офицеровъ генеральнаго штаба по выбору мѣстъ для постояннаго расположенія штабъ-квартиръ полковъ, согласно съ дислокаціею, Высочайше утвержденною 22-го Августа 1829 года, какъ получено въ Петербургѣ извѣстіе о варшавскомъ возстаніи, вызвавшемъ цѣлый рядъ мѣръ по приготовленію нашей арміи къ новому походу, въ чемъ А. И. Нейдгарту пришлось играть весьма видную роль, отвлекшую его отъ прямыхъ его обязанностей по должности генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба Его Величества.

24-го Ноября 1830 года пришло въ Петербургъ первое извѣстіе о варшавскомъ возстаніи, а черезъ пять дней, 29-го числа, генералъ-адъютантъ Нейдгартъ выѣхалъ уже, по Высочайшему повелѣнію, къ западнымъ границамъ, для ускоренія на мѣстѣ всѣхъ мѣръ по приведенію I-го и Литовскаго (переименованнаго въ VI-й) пѣхотныхъ корпусовъ на военное положеніе и по сосредоточенію ихъ къ границамъ. Къ исправленію генералъ-квартирмейстерской должности, на время его отсутствія, былъ назначенъ управлявшій военно-топографическимъ депо, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Шубертъ.

Вскорѣ размѣры, принятые польскимъ возстаніемъ, вызвали необходимость образованія особой дѣйствующей арміи, въ составъ которой предназначалось пять пѣхотныхъ (гвардейскій, гренадерскій, I-й, II-й и VI-й) и два кавалерійскіе (III-й и V-й резервные) корпуса. Главнокомандующимъ этой арміи былъ назначенъ, 1-го Декабря 1830 года, герой недавней турецкой войны, фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій, вызванный изъ Берлина, гдѣ онъ находился въ то время, когда вспыхнула польская революція. Ближайшимъ своимъ помощникомъ и начальникомъ главнаго штаба онъ выбралъ снова графа Толя, который оказывалъ ему

столько дѣйствительнаго содѣйствія во время блестящей турецкой войны. Генералъ-квартирмейстеромъ фельдмаршалъ желалъ имѣть генерала Берга, военныя способности котораго онъ также оцѣнилъ во время турецкой войны, но, такъ какъ Бергъ находился въ то время въ Италіи для излеченія болѣзни, то должность эту занялъ временно генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, также извѣстный уже Дибичу.

Такимъ образомъ, во главѣ дѣйствующей арміи снова являются три лица, принадлежавшія, по всей прежней своей службѣ, генеральному штабу, который имѣлъ честь и въ то время видѣть ихъ имена въ своихъ спискахъ. Графъ Толь и генералъ-адъютантъ Нейдгартъ были еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, энергіи и здоровья, но въ фельдмаршалѣ, хотя онъ былъ моложе обоихъ своихъ сотрудниковъ, лица, знавшія его прежде, замѣчали большую перемѣну. Онъ потерялъ много прежней живости; его сложеніе пріобрѣло особую тучность; походка сдѣлалась тише и разсчитаннѣе; казалось, онъ хотѣлъ придать ей больше значенія и достоинства. Но самое главное, какъ справедливо замѣчаетъ историкъ польской войны ([1]), «равновѣсіе ума и характера, необходимое для полководца, было уже нарушено въ Дибичѣ; забота о сохраненіи своей славы ослабила его смѣлость въ такой же степени, въ какой увеличила его осторожность и стремленіе составлять, во чтобы то ни стало, искусные и сложные планы стратегическихъ движеній. И въ дѣйствительности, онъ уже не былъ юнымъ, пылкимъ воиномъ, какимъ являлся нѣкогда на берегахъ Эльбы, Сены, Двины и даже на вершинахъ Балкановъ. Тайная скорбь, разстроенное здоровье, заботы, внушенныя недоброжелательствомъ его враговъ и завистниковъ, преждевременно ослабили его энергію и твердость духа».

Нельзя не замѣтить къ характеристикѣ Дибича, что не одинъ только Ф. Смитъ замѣчаетъ въ немъ это отсутствіе равновѣсія ума и характера. Фельдмаршалъ Сакенъ находилъ въ 1830 году, что Дибичъ слишкомъ уменъ, чтобы быть хорошимъ главнокомандующимъ. По словамъ фельдмаршала, Дибичъ обладалъ вѣрнымъ военнымъ взглядомъ, сразу понималъ обстановку и могъ быстро создать хорошій планъ дѣйствій, но не умѣлъ остановиться на разъ принятомъ рѣшеніи; аналитическій умъ его про-

должалъ работать, замѣчалъ недостатки въ принятомъ планѣ и тотчасъ же создавалъ другой, третій, а между тѣмъ время уходило (5). Естественно, что сказанный недостатокъ еще ярче высказался въ кампанію 1831 года, подъ вліяніемъ общей перемѣны, происшедшей въ то время въ Дибичѣ.

Что касается до графа Толя, то вотъ какими чертами очерчиваетъ его личность близкій къ нему человѣкъ, пользовавшійся не только его расположеніемъ, но почти дружбою, историкъ польской войны, Ф. Смитъ:

«На ряду съ фельдмаршаломъ, главнѣйшимъ дѣятелемъ предстоящей войны является графъ Толь, имя котораго было такъ часто связано съ именемъ Дибича и обращало на себя вниманіе не столько большинства, сколько отдѣльныхъ просвѣщенныхъ наблюдателей. Вся наружность его выказывала что-то энергическое, смѣлое и рѣшительное. Еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ (ему было 53 года), онъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста и крѣпкаго тѣлосложенія; онъ имѣлъ твердую походку, говорилъ рѣзко и отрывисто, а обращеніе его отличалось прямотою и гуманностью; наружность его служила выраженіемъ внутреннихъ качествъ, въ которыхъ преобладали положительность, энергія и твердость. Всякій вопросъ онъ умѣлъ обсудить съ полною ясностью, и такъ какъ онъ никогда не упускалъ изъ виду свою цѣль, то всякое приказаніе и распоряженіе отдавались имъ коротко и точно. Ничто не могло вывести его изъ обычнаго спокойствія; при самыхъ неожиданныхъ извѣстіяхъ онъ быстро обсуживалъ обстоятельства и тотчасъ принималъ рѣшеніе. Ко всему этому онъ былъ одаренъ прекрасною памятью и особымъ достоинствомъ характера, которое не дозволяло ему обращать вниманіе на постороннія побужденія, когда дѣло шло объ исполненіи долга (6)».

По отзыву лицъ, служившихъ подъ начальствомъ Толя, онъ имѣлъ способность являться совершенно инымъ человѣкомъ въ кабинетѣ, за письменными занятіями и въ полѣ. Мрачный, суровый, неразговорчивый въ кабинетѣ, онъ производилъ впечатлѣніе педанта-формалиста, погруженнаго въ бумаги; на конѣ, въ полѣ, онъ преображался, какъ бы вступая въ болѣе привычную для него сферу; спокойный и неустрашимый подъ выстрѣлами, онъ съ какою-то особенною привѣтливостію выслушивалъ донесенія, пере-

давалъ приказанія, заставляя получающихъ непремѣнно повторять ихъ, видимо смягчая при этомъ свою наружность, дабы не суетить и не запугивать окружающихъ. Своей памятью мѣстности онъ поражалъ даже знатоковъ этого дѣла; одного взгляда на карту ему было достаточно, чтобы, выѣхавъ потомъ на мѣстность, вполнѣ уже понимать и помнить ее.

Генералъ Нейдгартъ нѣсколькими годами былъ моложе Толя, но далеко уступалъ ему въ энергіи, а въ особенности въ самостоятельности. Лично храбрый, А. И. Нейдгартъ былъ, однако, болѣе человѣкомъ кабинетныхъ занятій, чѣмъ боевымъ. Поэтому-то, какъ генералъ-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, онъ представлялъ большую разницу съ генераломъ Бергомъ. Послѣдній, во время турецкой войны, поражалъ своей неутомимостью, появляясь во всѣхъ рекогносцировкахъ, въ объѣздахъ аванпостовъ, нерѣдко въ отдѣльныхъ поискахъ; рѣже всего его можно было застать во время кампаніи въ канцеляріи; напротивъ того, Нейдгартъ предпочиталъ руководить всѣмъ изъ канцеляріи, выѣзжая верхомъ лишь въ случаяхъ, болѣе важныхъ, когда того настоятельно требовала служба и необходимость. Такой взглядъ на свои обязанности обусловливался личнымъ характеромъ обоихъ, а въ особенности разностью ихъ лѣтъ (7), но, неминуемо, онъ отражался и на самомъ ходѣ дѣлъ, на занятіяхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Въ турецкую кампанію многое дѣлалось по запискамъ, писаннымъ карандашемъ, которыя въ такомъ видѣ и сохранились въ архивныхъ дѣлахъ; отчетность по личному составу генеральнаго штаба, даже военно-историческія свѣдѣнія представляются нѣсколько въ безпорядочномъ видѣ. Во время же польской войны, управленіе генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи держало всю переписку въ большой исправности, не смотря на то, что число срочныхъ донесеній было увеличено и переписка была болѣе сложная.

Еще въ Петербургѣ организовался весь штабъ дѣйствующей арміи фельдмаршала Дибича, который самъ выбралъ въ составъ главной квартиры 16 офицеровъ генеральнаго штаба, а именно: Гвардейскаго генеральнаго штаба: полковникъ Вальховскій, капитаны: Дюгамель и Ивановъ 1-й, штабсъ-капитанъ баронъ Ливенъ, поручики: Веригинъ и Миткевичъ; генеральнаго штаба: пол-

ковникъ Галяминъ, штабсъ-капитаны: Жеребцовъ и Лугининъ, поручики: Ширковъ, Татариновъ 2-й, Пишловъ, Сазоновичъ, подпоручики: Миллеръ, Денъ и Кобяковъ.

Нельзя не обратить вниманія, что въ числѣ этихъ офицеровъ было только два штабъ-офицера, и то одинъ изъ нихъ, полковникъ Вальховскій, при началѣ же похода былъ командированъ въ VI корпусъ, такъ какъ оберъ-квартирмейстеръ этого корпуса, полковникъ Ренофанцъ, по болѣзни, не могъ участвовать въ кампаніи. Всѣ же остальные 14 человѣкъ были оберъ-офицеры, на которыхъ вообще представители прежняго генеральнаго штаба смотрѣли, какъ на болѣе энергическихъ и дѣятельныхъ работниковъ во время войны. Изъ числа этихъ офицеровъ тогда же нѣкоторые были командированы для осмотра границъ Царства Польскаго, или назначены старшими адъютантами канцеляріи генералъ-квартирмейстера, а именно: для управленія первымъ отдѣленіемъ—полковникъ Галяминъ, и вторымъ отдѣленіемъ—капитанъ Ивановъ 1-й; на должность капитана надъ вожатыми назначенъ первоначально капитанъ Дюгамель, замѣненный въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ поручикомъ Гассингомъ. Во время же самой кампаніи (въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ) въ составѣ канцеляріи генералъ-квартирмейстера было образовано еще одно новое отдѣленіе—топографическое, на которое возложено составленіе военныхъ обозрѣній, глазомѣрныя съемки расположенія войскъ, исправленіе военно-топографической карты, наконецъ, черченіе плановъ сраженій. Начальникомъ отдѣленія былъ назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Рихтеръ, помощникомъ къ нему подполковникъ Озерскій; при отдѣленіи состояло постоянно отъ трехъ до пяти офицеровъ генеральнаго штаба и всѣ топографы, числящіеся при главной квартирѣ; послѣднихъ, въ теченіе всей кампаніи, было не болѣе 16-ти.

Хотя за Остроленку полковникъ Рихтеръ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ на вновь установленную должность помощника генералъ-квартирмейстера, тѣмъ не менѣе онъ оставался завѣдывающимъ топографическимъ отдѣленіемъ.

Образованіе особаго топографическаго отдѣленія, очевидно, вызвано тѣмъ, что при самомъ началѣ открытія военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ, оказалось, что семитопографическая

карта Царства крайне невѣрна и что на ней вовсе не показаны многія существовавшія на мѣстности дороги и селенія. Тогда же предписано было всѣмъ офицерамъ генеральнаго штаба обратить вниманіе на исправленіе этой карты и наносить на нее всѣ замѣченныя измѣненія. Затѣмъ, неоднократно въ теченіе кампаніи отдаваемы были приказанія о томъ, чтобы оберъ-квартирмейстеры и офицеры, находящіеся при отрядахъ, осматривали дороги въ раіонахъ расположенія войскъ, при которыхъ они состояли, дѣлали кроки мѣстности, занимаемой войсками, и всѣ работы представляли въ главную квартиру. При дурномъ состояніи дорогъ въ Царствѣ Польскомъ, особенно въ первые три, четыре мѣсяца кампаніи, было крайне необходимо обращать строгое вниманіе на ихъ выборъ для слѣдованія войскъ. Даже самъ фельдмаршалъ, видимо, заботился объ этомъ. Такъ, обогнавъ 12-го Апрѣля, между д. Волынце и Домбровка-лукъ 2-ю гренадерскую дивизію, которая шла по весьма испорченной дорогѣ, затруднявшей войска, фельдмаршалъ обратилъ вниманіе, что самая неудобная часть дороги могла быть обойдена влѣво съ весьма небольшимъ кругомъ и сдѣлалъ оберъ-квартирмейстеру гренадерскаго корпуса, полковнику барону Зедделеру,—не смотря на то, что послѣдній считался однимъ изъ лучшихъ офицеровъ генеральнаго штаба,—строгій выговоръ за то, что онъ не осмотрѣлъ заблаговременно пути, предлежащаго гренадерскому корпусу, не избралъ удобнѣйшей дороги и не озаботился объ исправленіи мостовъ, которые вообще на всемъ переходѣ оказались неисправными ([8]).

Въ Гродно, къ половинѣ Января, окончательно организовалась главная квартира фельдмаршала Дибича; въ ея составѣ находимъ, какъ кажется, впервые организованный обозъ управленія генералъ-квартирмейстера, который, вслѣдствіе сношеній генерала Нейдгарта съ дежурнымъ генераломъ дѣйствующей арміи, генераломъ Обручевымъ, былъ ограниченъ всего лишь четырьмя повозками, а именно: одинъ полуфурокъ для дѣлъ въ три лошади; одинъ полуфурокъ для картъ, плановъ, чертежныхъ и письменныхъ принадлежностей и артельныхъ котловъ для писарей и топографовъ—также въ три лошади; фургонъ въ четыре лошади для возки походной литографіи и двухколесная повозка въ двѣ лошади, для возки наиболѣе необходимыхъ дѣлъ и принадлежностей, которая должна

была всегда непосредственно слѣдовать съ главною квартирою, а не оставаться въ тылу вмѣстѣ съ тяжестями.

Въ Гродно же фельдмаршалъ, по совѣщаніи съ Толемъ и Нейдгартомъ, окончательно утвердилъ такъ называемыя «Правила для наблюденія во время марша, на бивакахъ, на тѣсныхъ квартирахъ и въ самомъ бою», которыя, будучи отпечатаны въ Вильно у Глизберга, въ числѣ 400 экземпляровъ, тогда же были разосланы для руководства во всѣ корпуса и отряды (9).

Ко времени вступленія нашей арміи въ Царство Польское, при войскахъ, непосредственно для того предназначенныхъ, имѣлось слѣдующее число чиновъ генеральнаго штаба:

	Офиц. генер. штаба.	Прикомандированныхъ.	Класн. топограф.
При главной квартирѣ	17	—	16
При гвардейскомъ отдѣльномъ отрядѣ (2 кавалерійскія и 1 пѣхотная бригады) .	1	—	—
При гренадерскомъ корпусѣ (3 пѣхотныя дивизіи)	12	—	7
При I пѣхотномъ корпусѣ (1 кавалерійская и 3 пѣхотныя дивизіи)	8	2	6
При VI пѣхотномъ корпусѣ (1 кавалерійская и $2^1/_2$ пѣхотныя дивизіи)	10	—	6
При III резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ (2 кавалерійскія дивизіи)	9	2	—
При V резервномъ кавалерійскомъ корпусѣ (2 кавалерійскія дивизіи)	6	1	2
Всего . .	63	5	37

Если присоединить къ тому, что въ это же время 23 офицера генеральнаго штаба и 10 прикомандированныхъ къ оному состояли при частяхъ, предназначенныхъ въ дѣйствующую армію, но не вступившихъ еще въ Царство Польское, а именно: при Гвардейскомъ корпусѣ—12 офицеровъ генеральнаго штаба и 7 топографовъ, при двухъ пѣхотныхъ—10 офицеровъ генеральнаго штаба, 10 прикомандированныхъ и 10 топографовъ, при I-мъ резервномъ кавалерійскомъ—одинъ офицеръ генеральнаго штаба и три топографа, то окажется всего въ дѣйствующей арміи фельдмаршала Дибича: 81 офицеръ генеральнаго штаба, 15 прикоман-

дированныхъ и 50 топографовъ, что составитъ около трети всего тогдашняго нашего генеральнаго штаба. Замѣтимъ, что около того же времени, до 50 офицеровъ генеральнаго штаба были заняты разными порученіями и службою въ центральномъ управленіи, да почти столько же находилось на разнаго рода съемкахъ. Относительно послѣднихъ, Дибичъ ходатайствовалъ, чтобы, на время войны, съемки были прекращены, и находящіеся при нихъ офицеры отправлены были въ дѣйствующую армію, „для пріобрѣтенія военныхъ познаній, необходимыхъ для офицера генеральнаго штаба и главное ихъ достоинство составляющихъ“ ([10]). На таковое ходатайство Высочайше разрѣшено было прекратить гродненскую и минскую съемки, что освободило отъ этихъ занятій около десяти офицеровъ.

Казалось бы, что на армію въ 120,000—150,000, каковою была армія фельдмаршала Дибича, вышепоказаннаго числа офицеровъ генеральнаго штаба было вполнѣ достаточно, но на дѣлѣ оказываются постоянныя жалобы, и со стороны генералъ-квартирмейстера, и особенно со стороны корпусныхъ командировъ и отрядныхъ начальниковъ—на недостатокъ офицеровъ этого вѣдомства. Вслѣдствіе этихъ жалобъ, неоднократно предписывалось отъ генералъ-адъютанта Нейдгарта корпуснымъ оберъ-квартирмейстерамъ выбирать, съ разрѣшенія корпусныхъ командировъ, строевыхъ офицеровъ для несенія службы генеральнаго штаба; почему, къ концу кампаніи, число прикомандированныхъ къ этому вѣдомству увеличилось до 27 человѣкъ, собственно только при дѣйствующей арміи.

Останавливаясь на причинахъ, вліявшихъ на уменьшеніе числа офицеровъ генеральнаго штаба при войскахъ, нельзя не замѣтить, что и въ польскую кампанію болѣзненность между ними была весьма значительна, но, безспорно, еще большее вліяніе имѣло то, что они отъ полевой службы отвлекались усиленными занятіями въ канцеляріяхъ, вслѣдствіе увеличившейся переписки въ войскахъ.

Генералъ-адъютантъ Нейдгартъ былъ въ высшей степени строгъ и въ дѣлахъ канцелярской переписки акуратенъ до педантизма; требуя какія либо свѣдѣнія, онъ тутъ же указывалъ и обязательную форму, по которой требуемое надлежало представлять. Такъ, въ польскую кампанію по генеральному штабу имъ уста-

новлены формы: семидневныхъ свѣдѣній о расположеніи войскъ, съ означеніемъ сборныхъ пунктовъ и совершенныхъ передъ тѣмъ передвиженій, формы семидневныхъ же вѣдомостей о численности войскъ и ежемѣсячныхъ реестровъ всѣмъ произведеннымъ съемкамъ. Въ самомъ началѣ кампаніи, онъ требуетъ, чтобы въ Январѣ мѣсяцѣ всѣ оберъ-квартирмейстеры не замедлили представить формулярные и кондуитные списки офицеровъ генеральнаго штаба въ двухъ экземплярахъ, одинъ—для отправки въ Петербургъ къ генералъ-маіору Шуберту, а другой—для канцеляріи генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи; періодически, послѣ каждаго болѣе или менѣе значительнаго дѣла, требуются свѣдѣнія о томъ, кто изъ офицеровъ генеральнаго штаба участвовалъ въ дѣлахъ противъ непріятеля, въ какихъ именно и въ какой степени, причемъ должны быть прилагаемы и свидѣтельства о томъ частныхъ начальниковъ, при которыхъ офицеры находились; свѣдѣнія эти считались необходимыми для немедленнаго пополненія послужныхъ списковъ, которые къ 1-му Іюля подлежали отправленію въ инспекторскій департаментъ ([11]). Если присоединить къ этому, что оберъ-квартирмейстеръ и офицеры, состоящіе при отрядахъ, обязаны были еще представлять чертежи въ карандашѣ каждаго бивака, да съемки и рекогносцировки множества дорогъ и окрестныхъ мѣстъ, занятыхъ войсками, то окажется, что собственно канцелярской работы на офицерахъ генеральнаго штаба въ польскую кампанію лежало не мало. Къ тому же, генералъ Нейдгартъ, при своей неутомимой дѣятельности, находилъ время довольно подробно слѣдить за всѣми работами, просматривая ихъ и провѣряя, какъ это видно изъ его приказовъ.

Не смотря на свою малочисленность при войскахъ, офицеры генеральнаго штаба, въ теченіе польской войны, исполняли свои обязанности чрезвычайно добросовѣстно и усердно. Только на одного офицера встрѣчаемъ значительно рѣзкія нареканія, именно, на состоявшаго при 24-й пѣхотной дивизіи подполковника Пасхальскаго ([12]), про котораго исправляющій должность оберъ-квартирмейстера VI корпуса, полковникъ Вальховскій, отозвался, что, «не оказывая особаго усердія къ службѣ, не былъ въ гроховскомъ сраженіи, подъ предлогомъ ушиба руки и затѣмъ, не смотря на сдѣланныя ему замѣчанія, вовсе не исполнялъ своихъ обязанно-

стей» ([13]). Вслѣдствіе такого отзыва, Нейдгартъ предложилъ генералъ-маіору Шеберту отправить Пасхальскаго на съемку лѣсовъ Олонецкой губерніи, такъ какъ штабъ-офицеръ этотъ, не имѣя совершенно никакихъ военныхъ способностей, не можетъ принести никакой пользы своимъ присутствіемъ въ дѣйствующей арміи ([14]); однако, отправленіе это не состоялось, и, проболѣвъ во все время кампаніи въ Брестѣ, Пасхальскій былъ уволенъ въ 1832 году въ отставку. За исключеніемъ этого единичнаго случая, вообще отзывы начальниковъ войскъ о службѣ офицеровъ генеральнаго штаба во время польской войны вполнѣ благопріятны для нихъ, что и свидѣтельствуется также многочисленными наградами, ими заслуженными. Многіе изъ нихъ получили въ теченіе семимѣсячной кампаніи по двѣ, по три, даже по четыре награды.

Обращаясь къ списку наиболѣе отличавшихся, прежде всего во главѣ ихъ мы должны поставить самаго фельдмаршала Дибича, а затѣмъ графа Толя, А. И. Нейдгарта и генералъ-маіора Берга, бывшихъ самыми дѣятельными помощниками обоихъ главнокомандующихъ во все время кампаніи. Графъ Дибичъ, какъ выше замѣчено, далеко не былъ уже въ польскую войну тѣмъ же энергическимъ и рѣшительнымъ главнокомандующимъ, какимъ привыкли его видѣть въ достопамятную кампанію 1829 года. Утомленіе моральныхъ и физическихъ силъ не мало содѣйствовало преждевременному ослабленію его прежней энергіи и онъ оказался далеко несоотвѣтствовавшимъ блестящимъ ожиданіямъ, на него возложеннымъ. Паденіе его въ общественномъ мнѣніи, вслѣдствіе неудачъ 1831 года, потому и было въ особенности рѣзко замѣтно, что ожиданія отъ него были слишкомъ обширны; къ тому же смерть сразила его именно въ то время, когда сраженіемъ подъ Остроленкою польская армія была почти уничтожена и вполнѣ деморализована, когда уже успѣшно начаты были приготовленія къ переправѣ черезъ Вислу, и все казалось указывало на возможность близкаго окончанія войны. Плодами всего этого Дибичу не удалось воспользоваться, не довелось ему окончательнымъ результатомъ загладить свои ошибки, недостатокъ энергіи въ первую половину кампаніи, и вся прежняя слава его осталась какъ бы затемненною счастливою звѣздою смѣнившаго его новаго главнокомандующаго ([15]).

Если на графа Дибича падають упреки въ нерѣшительности и вялости дѣйствій во время польской кампаніи, то рядомъ съ этимъ еще рельефнѣе выступаетъ энергическій характеръ графа Толя, который постоянно, какъ бы старается восполнить недостатки главнокомандующаго. Стоитъ припомнить его энергію подъ Гроховомъ, гдѣ онъ лично распоряжался атакою Ольховой рощи и преслѣдованіемъ поляковъ до укрѣпленій Праги, а затѣмъ его настоятельныя просьбы о дозволеніи овладѣть ими. Самъ Дибичъ назвалъ Толя героемъ этого дня. «Всѣ съ уваженіемъ относились, говоритъ историкъ польской войны, объ энергіи графа Толя, его хладнокровіи въ сраженіи, его презрѣніи къ опасностямъ, доходящемъ до отваги; прославляли его даръ нѣсколькими энергическими словами одушевлять и увлекать войска» ([16]). Подъ Остроленкою графъ Толь снова съ первымъ выстрѣломъ является впереди, и извѣстно, что установленная имъ лѣвѣе города батарея изъ 34-хъ орудій, главнымъ образомъ, способствовала побѣдѣ; послѣ сраженія опять-таки Толь настаиваетъ на необходимости преслѣдованія, но и на этотъ разъ ему не удалось склонить къ тому главнокомандующаго.

Назначеніе вмѣсто графа Дибича новаго главнокомандующаго въ лицѣ фельдмаршала Паскевича, естественно, должно было сильно задѣть самолюбіе графа Толя, который, по своей прежней службѣ, могъ надѣяться, что на него будетъ возложено окончаніе кампаніи. Въ теченіе своего четырнадцатидневнаго временнаго командованія арміею, графъ Толь вполнѣ разработалъ новый операціонный планъ, собравъ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для движенія арміи къ нижней Вислѣ, и передалъ преемнику Дибича самую армію въ превосходномъ состояніи, устроенную и отдохнувшую. Дальнѣйшая служба его при новомъ главнокомандующемъ представляла не мало непріятностей. Пылкій, предпріимчивый, по опыту презиравшій противника, Толь приходилъ въ столкновеніе съ крайне осторожнымъ, расчетливымъ до мелочей фельдмаршаломъ, который притомъ же смотрѣлъ недоброжелательно на весь штабъ Дибича, считая его пристанищемъ всѣхъ тѣхъ, кого онъ вытѣснилъ съ Кавказа, да и о противникѣ онъ имѣлъ слишкомъ преувеличенно выгодное понятіе. Столкновенія эти хорошо извѣстны изъ полемики, которая впослѣдствіи времени возбудилась между фельдмаршаломъ

и графомъ Толемъ, на которой здѣсь, конечно, не мѣсто останавливаться, но, тѣмъ не менѣе, о ней слѣдуетъ упомянуть, такъ какъ она даетъ матеріалы для оцѣнки дѣятельности Толя во вторую половину польской кампаніи. Выдѣляя изъ нея все, что внесено страстію, увлеченіемъ, все-таки нельзя не видѣть, что всѣ соображенія графа Толя, всѣ его предложенія постоянно являлись вполнѣ соотвѣтствующими данному положенію и оправдывались послѣдствіями. Какъ ни ревниво охранялъ фельдмаршалъ Паскевичъ свою самостоятельность, приписывая исключительно все себѣ одному, но исторія, нисколько не уменьшая его заслугъ, воздаетъ должную дань и заслугамъ графа Толя, который своей энергіей, особенно въ послѣдній день варшавскаго штурма, приложилъ значительную долю своего участія къ заключительному акту польскаго возстанія.

Къ сожалѣнію, участіе Толя въ польской кампаніи было послѣднею его дѣятельностію собственно на военномъ поприщѣ. Назначенный по окончаніи войны членомъ государственнаго совѣта, онъ въ 1833 году призванъ волею Государя къ завѣдыванію вѣдомствомъ путей сообщенія, за время управленія которымъ сдѣланы многія улучшенія по нашимъ водянымъ системамъ. Получивъ въ 1839 году нервный ударъ, графъ Толь скончался въ 1842 году, на 65 году отъ роду.

Такимъ образомъ, кампанія 1831 года послужила предѣломъ военной славы двухъ замѣчательныхъ личностей александровской эпохи, которые своею дѣятельностію могущественно содѣйствовали блеску генеральнаго штаба, и имена которыхъ занимаютъ столь видное и славное мѣсто въ исторіи этого вѣдомства.

Рядомъ съ графомъ Толемъ, въ числѣ ближайшихъ помощниковъ обоихъ главнокомандующихъ, встрѣчаются близкія и дорогія генеральному штабу фамиліи генераловъ Нейдгарта и Берга. Перваго изъ нихъ можно встрѣтить въ боевыхъ линіяхъ и почти во всѣхъ болѣе значительныхъ дѣлахъ польской кампаніи: подъ Гроховымъ, Нейдгартъ, когда ему поручено было вести третью дивизію въ атаку Ольховой рощи, становится впереди Староингерманландскаго и Великолуцкаго пѣхотныхъ полковъ и, не обращая вниманія на то, что по своему мундиру могъ служить цѣлью для непріятельскихъ выстрѣловъ, идетъ въ первыхъ рядахъ

застрѣльщиковъ, дабы подать солдатамъ примѣръ мужества и самоотверженія; подъ Остроленкою онъ же содѣйствуетъ побѣдѣ, установивъ батарею правѣе города; наконецъ, подъ Варшавою, онъ выказывалъ неоднократно полную распорядительность, мужество и спокойствіе подъ выстрѣлами. Рядомъ съ этимъ, на генералѣ Нейдгартѣ, какъ упомянуто выше, лежали многочисленныя обязанности по канцеляріи, по рекогносцировкамъ и съемкамъ. Орденъ св. Георгія 3-й ст. былъ наградою его заслугъ въ польскую войну.

Что касается до генералъ-маіора Берга, то, по справедливости, польская кампанія представляетъ апогей его боевой извѣстности. Только то обстоятельство, что въ началѣ кампаніи онъ находился въ заграничномъ отпуску, помѣшало ему быть снова генералъ-квартирмейстеромъ въ арміи Дибича, но, тѣмъ не менѣе, по желанію послѣдняго, онъ прибылъ къ арміи и принималъ въ ея дѣйствіяхъ столь дѣятельное участіе, что заслужилъ отъ поляковъ названіе злаго духа ихъ возстанія, потому что, какъ выражается Шпациръ, «во всѣхъ бѣдственныхъ для поляковъ періодахъ этой войны, Бергъ игралъ значительную роль». Дѣйствительно, содѣйствіе генерала Берга имѣло весьма большое значеніе во всѣхъ трехъ рѣшительныхъ моментахъ войны, сперва противъ Дверницкаго, потомъ при Остроленкѣ, наконецъ, подъ Варшавою.

Возвращаясь въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ изъ заграницы, генералъ Бергъ, узнавъ въ Радзивиловѣ, что мятежники вторгнулись въ Волынь, присоединился къ корпусу генерала Ридигера и участвовалъ въ преслѣдованіи отряда Дверницкаго и вогнаніи его, 15-го Апрѣля, въ австрійскія владѣнія, причемъ на него возложено было генераломъ Ридигеромъ порученіе, вести переговоры съ австрійскимъ правительствомъ, касательно обезоруженія польскихъ войскъ, удалившихся въ Галицію, что и было исполнено съ полнымъ успѣхомъ.

Таково было участіе Берга въ событіи, которому сами поляки придавали весьма важное значеніе, говоря, что вмѣстѣ съ Дверницкимъ ихъ покинуло счастіе и можно было предвидѣть окончательный исходъ ихъ дѣла. За свое участіе въ этомъ эпизодѣ кампаніи генералъ Бергъ удостоился получить орденъ св. Анны 1-й ст. съ Императорскою короною. 4-го Мая генералъ Бергъ

прибылъ въ с. Жуковъ, въ главную квартиру Дибича, а 7-го числа былъ командированъ въ м. Гранно для выбора и устройства переправы черезъ Бугъ. Съ этого времени до самой Варшавы, онъ состоялъ почти безпрерывно при передовыхъ войскахъ графа Витта, неоднократно командуя непосредственно авангардомъ. Въ это время онъ нѣсколько разъ имѣлъ случай выказать свою распорядительность и отвагу: подъ Нуромъ, имѣя порученіе отъ графа Дибича обойти непріятельскій флангъ съ тремя кирасирскими полками, исполнилъ это самымъ блестящимъ образомъ: отрѣзанный отъ своего отступленія, непріятель былъ совершенно разсѣянъ съ потерею одного орудія. Въ день Остроленкскаго сраженія, генералъ Бергъ, слѣдуя въ авангардѣ арміи и командуя полками Екатеринославскимъ гренадерскимъ и 3-мъ карабинернымъ, первый открылъ присутствіе непріятеля въ лѣсу впереди города, выбилъ его оттуда штыками и затѣмъ, выступивъ въ городъ, своевременной поддержкой первыхъ войскъ, переправившихся на правый берегъ Нарева, обезпечилъ успѣхъ самой переправы, составлявшей наиболѣе важный эпизодъ этого дня. Эпизодъ этотъ столь замѣчателенъ, что нельзя на немъ не остановиться.

Когда Астраханскій и Суворовскій гренадерскіе полки, переправившись по перекладинамъ разобраннаго моста на правый берегъ Нарева, залегли за насыпью шоссе, то дальнѣйшій успѣхъ всего дня зависѣлъ отъ того,—удастся ли имъ удержаться тамъ, въ виду всей польской арміи. Первая атака поляковъ была отбита гренадерами, но, тѣмъ не менѣе, положеніе ихъ сдѣлалось крайне опаснымъ: одинъ изъ мостовъ въ тылу ихъ былъ разобранъ, другой разорванъ движеніемъ лейбъ-уланъ; поляки готовились къ новой атакѣ. Въ эту критическую минуту подходитъ къ переправѣ Бергъ съ своими двумя полками, приказываетъ солдатамъ сложить шинели и ранцы, наскоро связываетъ канатами разорванный мостъ и бѣгомъ проводитъ черезъ него 3-й карабинерный и Екатеринославскій гренадерскій полки. Эта своевременная поддержка возстановляетъ бой въ нашу пользу, послѣ чего уже никакія усилія поляковъ не могли отбросить русскія войска обратно на лѣвый берегъ Нарева. Бергъ вмѣстѣ съ прочими войсками удерживался до конца дня противъ превосходныхъ силъ поляковъ, находясь подъ безпрерывнымъ ружейнымъ и кар-

течнымъ огнемъ и, отразивъ шесть атакъ, произведенныхъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, взялъ у него одно орудіе (17).

Наконецъ, подъ Варшавой, въ дѣлѣ при Бронише, генералъ Бергъ снова блистательно выказалъ вѣрностъ военнаго взгляда и свою распорядительность. Генералы Виттъ и Бергъ сидѣли за столомъ въ гостинницѣ с. Утраты, когда съ аванпостовъ дано было знать, что колонна польской пѣхоты съ артиллеріею и кавалеріею наступаетъ изъ Варшавы къ Олтаржеву. Бергъ, раскрывъ карту, тотчасъ сообразилъ опасность положенія непріятеля и сказалъ: «Если мы исполнимъ свою обязанность, то вся колонна будетъ наша». «Хорошо,—отвѣчалъ генералъ Виттъ,—ступайте и возьмите ее». Принявъ немедленно начальство надъ тремя кавалерійскими полками и казаками, Бергъ въ полчаса благоразумными распоряженіями покончилъ дѣло: изъ всего непріятельскаго отряда, за исключеніемъ части кавалеріи, обратившейся въ бѣгство въ самомъ началѣ дѣла, не спасся почти ни одинъ человѣкъ; два орудія съ полною упряжью и до 1,350 плѣнныхъ достались побѣдителямъ, понесшимъ самую ничтожную потерю (18). За это отличіе генералъ Бергъ пожалованъ званіемъ генералъ-адъютанта Его Императорскаго Величества.

Въ два дни варшавскаго штурма Бергъ покрылъ себя новою славой, какъ смѣлый рекогносцеръ, храбрый начальникъ штурмовой колонны и, наконецъ, какъ ловкій дипломатъ. Въ первый день (25-го Августа) фельдмаршалъ, замѣтивъ, что, вслѣдствіе дѣйствія нашей артиллеріи, огонь съ укрѣпленій Воли ослабѣваетъ, поручилъ генералу Бергу осмотрѣть вблизи состояніе этихъ укрѣпленій. Бергъ, ловкій и смѣлый ѣздокъ, поскакалъ къ Волѣ, на близкомъ разстояніи осмотрѣлъ укрѣпленія, особенно заднюю часть ихъ, обращенную къ городу, и возвратился къ фельдмаршалу съ донесеніемъ, что и тамъ можно начать штурмъ. Тогда Паскевичъ поручилъ ему самому произвести эту атаку съ юго-восточной стороны Воли, независимо отъ двухъ другихъ колоннъ— Лидерса и Мартынова, назначивъ для того изъ резерва Старо- и Новоингерманландскіе и 11-й егерскій полки. И это порученіе, какъ все возлагаемое на Берга, было исполнено имъ съ полнымъ успѣхомъ. Во второй день штурма, генералъ Бергъ, по приказанію главнокомандующаго, два раза ѣздилъ въ Варшаву съ прислан-

ными изъ города парламентерами, при продолжавшемся штурмѣ и между сражающимися, подъ жестокимъ съ обѣихъ сторонъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ и при веденіи переговоровъ выказалъ необыкновенную находчивость и ловкость. Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что поляки безъ всякой конвенціи сдали Варшаву, мостъ черезъ Вислу и Прагу, со всѣми находившимися тамъ орудіями и военными припасами. За столь успѣшно веденные переговоры генералу Бергу выпала честь первымъ вступить на слѣдующій день въ Варшаву, во главѣ гвардейской бригады,—съ лейбъ-гвардіи Егерскимъ и Финляндскимъ полками. Къ концу польской кампаніи генералъ Бергъ произведенъ за боевыя отличія въ генералъ-лейтенанты на 38 году отъ роду, и тогда же назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи на мѣсто возвратившагося въ Петербургъ генералъ-адъютанта Нейдгарта ([19]).

Слѣдя за событіями польской войны, нельзя не остановиться также на нѣкоторыхъ дѣйствовавшихъ съ полнымъ отличіемъ личностяхъ, которыя, хотя въ то время и не носили мундира генеральнаго штаба, но принадлежали къ этому вѣдомству по прежней болѣе или менѣе продолжительной въ немъ службѣ. Такъ, въ теченіе всей кампаніи генералъ Владиміръ Афанасьевичъ Обручевъ исполнялъ должность дежурнаго генерала арміи; генералъ-адъютантъ князь М. Д. Горчаковъ—былъ начальникомъ артиллеріи; генералъ-отъ-инфантеріи Курута начальствовалъ отдѣльнымъ гвардейскимъ отрядомъ и за сраженіе подъ Вильною, на Понарскихъ высотахъ, гдѣ онъ передалъ главное начальство генералу Сакену, хотя былъ старше его, получилъ орденъ св. Георгія 3-й ст. Наконецъ, герой гроховскаго сраженія, командиръ Кирасирскаго принца Альберта полка, полковникъ баронъ Мейендорфъ, также началъ свою службу въ генеральномъ штабѣ въ 1812 году.

Переходя къ указанію отличій, оказанныхъ въ польскую кампанію штабъ и оберъ-офицерами генеральнаго штаба, прежде всего слѣдуетъ остановиться на двухъ офицерахъ этого вѣдомства, удостоившихся получить высшую военную награду—ордена св. Георгія 4-й ст., именно, на гвардейскаго генеральнаго штаба капитанѣ Сливицкомъ и генеральнаго штаба штабсъ-капитанѣ

Тюфяевѣ. Сливицкій вступилъ прапорщикомъ въ генеральный штабъ въ 1819 году, изъ 27-й артиллерійской бригады; за отличіе въ турецкую войну въ 1829 году переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ, будучи въ чинѣ штабсъ-капитана. Въ этомъ же чинѣ, онъ, съ войсками VI пѣхотнаго корпуса, вступилъ въ Царство Польское. Страдая аневризмомъ, онъ искалъ самыхъ сильныхъ опасностей, дабы избавиться медленной смерти, но судьба щадила его. За гроховское сраженіе онъ произведенъ въ капитаны. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, состоя въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Угрюмова, Сливицкій, въ дѣлѣ при переправѣ у Лива, велъ колонну 1-го карабинернаго полка подъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, для овладѣнія мостовымъ укрѣпленіемъ, которое и было взято штыками; при этомъ Сливицкій раненъ пулею въ шею; за этотъ подвигъ онъ удостоился получить георгіевскій крестъ. Высокая награда какъ бы поощрила его къ новымъ подвигамъ: будучи назначенъ, какъ дѣятельный и способный офицеръ, въ авангардъ генерала Берга, Сливицкій постоянно былъ посылаемъ съ казачьими партіями и употребляемъ на аванпостахъ, за отличное исполненіе чего удостоенъ ордена св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. За участіе въ сраженіи подъ Остроленкою ему объявлено Высочайшее благоволеніе; послѣ этого сраженія онъ безсмѣнно находился въ авангардѣ и на аванпостахъ до 18-го Іюня, когда, по требованію генерала Берга, откомандированъ снова къ войскамъ VI корпуса. Надо замѣтить, что Бергъ, будучи самъ неутомимъ въ авангардѣ, справедливо требовалъ такой же неутомимости и отъ подчиненныхъ ему офицеровъ генеральнаго штаба; такъ, изъ Пултуска 16-го Іюня, онъ отослалъ изъ авангарда гвардейскаго генеральнаго штаба капитана Носкова и поручика Скалона (Василія Антоновича), подъ тѣмъ предлогомъ, что они, имѣя отличныя способности къ съемкѣ, могутъ быть болѣе полезны въ топографическомъ отдѣленіи генерала Рихтера, чѣмъ въ авангардѣ; 18-го же Іюня онъ послалъ генералу Найдгарту слѣдующій лаконическій рапортъ: «сегодня утромъ я далъ предписаніе капитану Сливицкому обозрѣть дороги до д. Попельчинъ, съ тѣмъ, чтобы завтра онъ возвратился съ донесеніемъ; на это Сливицкій рапортомъ донесъ, что всякое сильное движеніе для его болѣзненнаго состоянія вредно, почему, находя этого офицера

лишнимъ и безполезнымъ въ авангардѣ, испрашиваю указаній, куда его надлежитъ отправить». Вслѣдствіе этого рапорта, въ авангардъ былъ назначенъ капитанъ Коцебу (Павелъ Евстафьевичъ), а Сливицкій возвращенъ къ VI корпусу, командиръ котораго, баронъ Розенъ, уже и прежде ходатайствовалъ о томъ ([20]). Здѣсь снова встрѣчаемъ Сливицкаго на передовыхъ постахъ и въ самыхъ отчаянныхъ предпріятіяхъ. Такъ, въ концѣ Іюля, онъ участвовалъ въ преслѣдованіи Дембинскаго, возвращавшагося изъ Литвы въ Варшаву, и при этомъ сдѣлалъ съ сотней казаковъ, отъ Каменецъ-Литовска черезъ Мелейчицъ къ Цѣхановцу, въ 36 часовъ 120 верстъ. Когда же въ первыхъ числахъ Августа Розенъ, дойдя до Дембе-Вельке, возымѣлъ мысль сжечь мостъ, соединяющій Прагу съ Варшавою, то Сливицкій, знакомый хорошо съ мѣстностью, какъ варшавскій уроженецъ, вызвался стать во главѣ охотниковъ и руководить этимъ смѣлымъ предпріятіемъ. Въ ночь съ 7-го на 8-е Августа онъ и подпоручикъ Горскій, съ 13-ю охотниками, отплыли изъ Мендзиржеца на трехъ небольшихъ лодкахъ внизъ по Вислѣ; Сливицкій собственными руками прикрѣпилъ кольца съ привязанными къ нимъ смоляными вѣнками къ пятому понтону моста, бросилъ связки соломы въ ближайшіе плашкоты и зажегъ все это, между тѣмъ какъ солдаты, всѣ ученые пловцы, бросились въ воду, чтобы обрубить якорные канаты. Когда вспыхнуло пламя, въ Варшавѣ и Прагѣ распространилось смятеніе, раздались набатные колокола и противъ лодокъ былъ направленъ ружейный огонь. Сливицкій и Горскій съ четырьмя охотниками поплыли внизъ по рѣкѣ и благополучно вышли на берегъ у сел. Зеранъ, гдѣ ихъ ожидали казаки; остальные люди пропали безъ вѣсти ([21]). Смѣлое предпріятіе это не удалось, потому что пламя, не успѣвъ распространиться, было потушено, но тѣмъ не менѣе Императоръ Николай наградилъ Сливицкаго орденомъ св. Анны 2-й ст. и, желая увѣковѣчить его подвигъ, повелѣлъ, когда онъ умеръ въ 1835 г., похоронить его въ тетъ-де-понѣ Александровской цитадели, который и получилъ названіе форта Сливицкаго.

Къ концу кампаніи Сливицкій едва не поплатился жизнью въ дѣлѣ при Рагозницѣ. Находясь при генералѣВарпаховскомъ, отрядъ котораго былъ подавленъ превосходными силами непрія-

теля, Сливицкій во время неудачной атаки Волынскаго уланскаго полка, прикрывавшаго отступленіе, весь израненый, въ безчувственномъ состояніи, взятъ въ плѣнъ: онъ былъ контуженъ картечью въ правую руку ниже локтя и въ лѣвую ногу, раненъ пулей въ шею на вылетъ съ поврежденіемъ челюсти, штыкомъ въ правый бокъ и избитъ прикладами. И, не смотря на такое состояніе, энергія этого человѣка была столь велика, что едва стали заживать его раны, какъ ночью 27-го Августа онъ ушелъ изъ плѣна, въ которомъ пробылъ только 10 дней ([22]). Герою этому, искавшему смерти на поляхъ сраженій, суждено было умереть на постели: произведенный въ 1834 году въ полковники, онъ въ слѣдующемъ году скончался отъ аневризма. Семья его не была забыта Монаршими милостями и пользовалась особымъ покровительствомъ Императора Николая.

Тюфяевъ принадлежалъ также къ числу отличнѣйшихъ офицеровъ генеральнаго штаба: въ чинѣ поручика онъ удостоился получить золотое оружіе за штурмъ Браилова, гдѣ былъ раненъ; польскую войну онъ началъ въ чинѣ штабсъ-капитана, занимая должность дивизіоннаго квартирмейстера 2-й дивизіи, при которой и оставался почти безотлучно. Съ этой дивизіей онъ участвовалъ въ сраженіи подъ Гроховымъ, гдѣ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; подъ Минскомъ, за что объявлено Высочайшее благоволеніе; подъ Сѣдлецомъ (12-го Мая), гдѣ за отличную дѣятельность и храбрость, произведенъ въ капитаны. Наконецъ, подъ Варшавою онъ съ полками 2-й дивизіи—Ревельскимъ принца Вильгельма и принца Карла прусскаго—состоялъ въ штурмовой колоннѣ генералъ-маіора Лидерса, на долю которой выпала трудная задача атаковать укрѣпленіе № 57 (впереди Воли) и самую Волю. Здѣсь Тюфяевъ, слѣдуя съ охотниками, былъ въ числѣ первыхъ на валахъ; при занятіи Воли, какъ сказано въ послужномъ его спискѣ, онъ, подъ сильнымъ ружейнымъ и картечнымъ огнемъ, водилъ нижнихъ чиновъ на штурмъ редюита съ особеннымъ хладнокровіемъ и неустрашимостію. Сохранился разсказъ, что Тюфяевъ на штурмѣ не вынималъ даже шпаги изъ ноженъ, но, взобравшись съ первыми охотниками на валъ вольскаго укрѣпленія, сталъ набрасывать карандашемъ на бумагу планъ внутренняго расположенія укрѣпленія ([23]). Орденъ

св. Георгія 4-й ст. былъ справедливымъ воздаяніемъ за столь примѣрное хладнокровіе и неустрашимость.

Къ числу наиболѣе отличившихся и заслужившихъ высокую награду орденъ св. Георгія 3-й ст. слѣдуетъ отнести и генералъ-маіора Гурко, которому пожалована эта награда за Варшаву и который, по должности начальника штаба Гренадерскаго корпуса, числился въ генеральномъ штабѣ.

Независимо отъ георгіевскихъ кавалеровъ слѣдуетъ упомянуть еще о 22-хъ офицерахъ генеральнаго штаба, получившихъ въ теченіе польской кампаніи золотое оружіе за храбрость, а именно: полковники: Брюммеръ, Галяминъ, Брадке и Райскій и подполковникъ Сахатскій; капитаны: Дюгамель, Коцебу, Похитоновъ, баронъ Зальцъ, Левшинъ и Бутовскій; штабсъ-капитаны: графъ Остенъ-Сакенъ, Эссенъ 2-й, фонъ-Венцель, Семякинъ, Тютчевъ, Прибытковъ и Шредеръ; поручики: Татариновъ, Длотовскій, Миткевичъ, Сазоновичъ и Фроловъ; подъ послѣднимъ въ дѣлѣ при с. Рудки (8-го Мая) убита двумя пулями лошадь въ то время, когда онъ находился въ застрѣльщичьей цѣпи; видя неминуемую потерю лошади, поручикъ Фроловъ имѣлъ время соскочить съ нея, подрѣзать подпругу и унести сѣдло.

Было бы слишкомъ длинно пересчитывать всѣ награды, полученныя офицерами генеральнаго штаба въ польскую кампанію, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не остановиться на нѣкоторыхъ, пріобрѣтенныхъ болѣе выдающимися отличіями.

Штабсъ-капитанъ Цухановъ, служившій въ генеральномъ штабѣ съ 1828 года и заслужившій себѣ этотъ чинъ отличіемъ противъ турокъ, прибылъ въ концѣ Марта 1831 года, съ передовою бригадою II пѣхотнаго корпуса, на подкрѣпленіе барона Розена и принялъ блистательное участіе въ сраженіи при Игане. Вся слава сраженія принадлежитъ именно этой бригадѣ (2-я бригада 7-й пѣхотной дивизіи), состоявшей изъ доблестныхъ 13-го и 14-го егерскихъ полковъ, столь блистательно отличавшихся подъ Варною. При Игане, гдѣ имъ довелось защищать доступъ къ плотинѣ черезъ Муховецъ, вся тяжесть боя выпала на эти два полка, и Цухановъ безотлучно находился при нихъ; когда же застрѣльщики, потерявъ почти всѣхъ офицеровъ, стали приходить въ разстройство, то Цухановъ собралъ ихъ остатки и, не смотря на

полученную рану, храбро защищалъ съ ними самый мостъ черезъ Муховецъ, отбивъ всѣ попытки непріятеля къ его овладѣнію. Орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ былъ наградою этого подвига. Затѣмъ, вылечившись отъ раны, Цухановъ снова является въ половинѣ Іюля при войскахъ Головина на брестскомъ шоссе и, начальствуя летучимъ отрядомъ въ 300 казаковъ, до самаго конца кампаніи дѣйствуетъ на пространствѣ между этимъ шоссе и Бугомъ, дѣлая поиски къ Варшавѣ и Модлину. За эти дѣйствія онъ получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. ([24]).

При взятіи барономъ Крейцомъ Люблина, полковникъ баронъ Притвицъ велъ на штурмъ спѣшенный дивизіонъ драгунскаго герцога Александра Виртембергскаго полка, а поручикъ князь Друцкой-Сокольницкій — Казанскаго драгунскаго. За выказанное ими при этомъ мужество и распорядительность, баронъ Притвицъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ командиромъ 2-й бригады 26-й пѣхотной дивизіи, а князь Друцкой произведенъ въ штабсъ-капитаны.

Вообще въ польскую кампанію было много примѣровъ того, что молодые офицеры генеральнаго штаба съ примѣрнымъ мужествомъ водили колонны въ атаку. Такъ, подъ Остроленкою, подъ сильнымъ огнемъ вели черезъ мостъ: 2-ю бригаду 3-й гренадерской дивизіи—поручикъ Печковскій, а 3-ю бригаду той же дивизіи—поручикъ Шредеръ; оба эти офицера оставались на правомъ берегу Нарева до конца сраженія ([25]).

Составившій себѣ репутацію боеваго офицера въ турецкую войну полковникъ Стихъ, состоя въ должности начальника штаба III пѣхотнаго корпуса (Ридигера), командовалъ передовыми войсками на переправѣ черезъ Вислу у Юзефова (18-го Іюля) и первымъ съ охотниками переправился въ лодкахъ на противоположный берегъ и занялъ его ([26]). Чинъ генералъ-маіора былъ наградою за это отличіе.

Настоящій перечень оказался бы слишкомъ длиннымъ, если бы, руководствуясь послужными списками, выписать всѣ рекогносцировки, произведенныя офицерами генеральнаго штаба въ польскую кампанію. Рекогносцировокъ этихъ было производимо очень много, что и понятно, если вспомнить, что оба главнокомандующіе отличались осторожностію, иногда даже излишнею, въ своихъ

дѣйствіяхъ; имѣвшіяся карты страны были плохи, а противникъ, особенно въ началѣ кампаніи, имѣлъ довольно хорошую кавалерію, которая отбывала сторожевую службу исправно. Всѣ эти условія вызывали необходимость частыхъ, усиленныхъ и добросовѣстныхъ рекогносцировокъ, которыя дѣйствительно и производились въ обиліи: передъ гроховскимъ сраженіемъ оберъ-квартирмейстеръ III резервнаго кавалерійскаго корпуса, полковникъ Брадке, съ цѣлою партіею офицеровъ генеральнаго штаба, осматриваетъ непріятельское расположеніе, нерѣдко въѣзжая въ сферу ружейнаго огня; послѣ Остроленки офицеры генеральнаго штаба рекогносцируютъ всю страну, по которой предполагалось совершить передвиженіе арміи къ нижней Вислѣ; во время стоянки арміи у Осека, у Ловича, а потомъ подъ Варшавою, самъ графъ Толь съ генераломъ Нейдгартомъ, сопровождаемые офицерами генеральнаго штаба, почти ежедневно выѣзжали осматривать позиціи поляковъ. Между офицерами генеральнаго штаба, состоявшими при войскахъ, расположенныхъ подъ Варшавою, поѣздки на рекогносцировку укрѣпленій сдѣлались какъ бы потребностію того выжидательнаго положенія, въ которомъ находилась вся армія: войска готовились къ штурму, обучаясь взлѣзать на валы, а офицеры генеральнаго штаба, въ видѣ прогулки, рыскали по окрестной мѣстности, изучая ее; они дѣлали это уже и безъ особыхъ приказаній, просто какъ бы по привычкѣ, или ради развлеченій. Тутъ-то, между прочимъ, въ числѣ находчивыхъ, ловкихъ рекогносцеровъ, обратилъ на себя особое вниманіе молодой Фрейтагъ, будущій герой Кавказа. Такъ какъ польская кампанія была началомъ боеваго поприща этого замѣчательнаго военнаго человѣка, то позволимъ себѣ сказать о немъ нѣсколько словъ ([27]). Выпущенный изъ 1-го кадетскаго корпуса въ 1821 году прапорщикомъ въ 3-ю гренадерскую артиллерійскую бригаду, Робергъ Карловичъ Фрейтагъ ([28]) въ томъ же году былъ прикомандированъ къ свитѣ Его Величества по квартирмейстерской части 1-й арміи, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ оную по выдержаніи экзамена. Первые шаги его на новомъ поприщѣ были неудачны, и это послужило ему въ пользу: въ 1822 году Фрейтагу поручена была маршрутная съемка отъ г. Брянска до Орла, исполненная имъ небрежно. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ эту неудачу въ

письмѣ къ старушкѣ матери, съ которою постоянно, до самой смерти ея, поддерживалъ самую дружескую переписку, хорошо очерчивающую его честный, прямой и веселый характеръ: «Не привыкнувъ къ подобнымъ занятіямъ, я по вѣтрености своей не исполнилъ порученія какъ слѣдуетъ,—выговоръ былъ моимъ удѣломъ, выговоръ, полученный отъ генерала Гартинга (генералъ-квартирмейстеръ 1-й арміи) былъ чувствителенъ для Роберта. Робертъ далъ себѣ слово быть исправнымъ и, конечно, сдержитъ свое слово на цѣлую жизнь!»

И дѣйствительно, онъ его сдержалъ вполнѣ добросовѣстно: безпечный отъ природы къ своимъ собственнымъ дѣламъ, онъ служилъ постоянно образцомъ добросовѣстнаго и точнаго исполнителя всѣхъ служебныхъ требованій. Оставаясь при войскахъ 1-й арміи, сперва въ III, а затѣмъ въ I пѣхотномъ корпусѣ, Фрейтагъ, съ 1821—1830 годъ, дошелъ по линіи до чина штабсъ-капитана и въ этомъ чинѣ въ январѣ 1831 года вступилъ съ войсками I корпуса въ Царство Польское.

Весело забилось сердце Фрейтага, говоритъ его біографъ, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ. Назначенный къ передовымъ войскамъ, онъ не зналъ отдыха ни днемъ, ни ночью. Едва авангардъ приходилъ на бивакъ, какъ Фрейтагъ на свѣжемъ конѣ, съ двумя, тремя казаками, осматривалъ пути, ведущіе къ непріятелю, разставлялъ и повѣрялъ передовую цѣпь и караулы. Его неутомимая дѣятельность, вѣрный взглядъ на мѣстность, умѣніе ею пользоваться и угадывать намѣренія непріятеля обратили на него особенное вниманіе корпуснаго командира графа Палена. Послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ непріятелемъ, Фрейтагъ пріобрѣлъ общее довѣріе, отчетливо и съ полнымъ хладнокровіемъ исполнялъ онъ возлагаемыя на него порученія; *храбрый капитанъ!* говорили солдаты, указывая на Фрейтага. Во всѣхъ дѣлахъ Фрейтагъ, находясь постоянно въ самомъ сильномъ огнѣ, казалось, не замѣчалъ опасности. Въ дѣлахъ подъ Вавромъ (7-го февраля), подъ Минскомъ (14-го Апрѣля) и въ сраженіи подъ Остроленкою (14-го Мая) подъ Фрейтагомъ было убито шесть лошадей и двѣ ранены, но ни одна пуля, однако, не коснулась его. Подъ Варшавою его смѣлыя рекогносцировки обращали на себя особое вниманіе: пользуясь утреннимъ туманомъ и оплошностію польскихъ

аванпостовъ, Фрейтагъ въ казачьей шинели, съ пикою въ рукахъ, проникалъ въ тылъ первой линіи варшавскихъ укрѣпленій и, только благодаря своему скакуну, уходилъ отъ погони поздно всполошившагося непріятеля ([29]). Война кончена, и Фрейтагъ извѣщаетъ о томъ свою мать въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Варшава наша и все кончено! Богъ дастъ я скоро къ вамъ пріѣду. Робертъ вашъ здоровъ, былъ счастливъ, въ продолженіе всей кампаніи ни разу не раненъ. Вся потеря моя состоитъ изъ шести убитыхъ и двухъ раненыхъ лошадей. Товарищи зовутъ меня храбрымъ, начальники внимательны. Царь наградилъ, и совѣсть довольна исполненіемъ долга; я служилъ съ честію, награжденъ хорошо ([30])! Довольны ли вы мною?»

Съ этого времени репутація Фрейтага упрочилась: его знали за отличнѣйшаго офицера. Когда, послѣ взятія Варшавы, командующимъ I пѣхотнымъ корпусомъ назначенъ былъ генералъ-лейтенантъ Головинъ, то, при встрѣчѣ съ Фрейтагомъ, сказалъ ему: «Весьма радъ, что имѣю удовольствіе съ вами познакомиться; въ продолженіе нынѣшней кампаніи вы сдѣлали себѣ прекрасную репутацію; я былъ далеко отъ васъ, но ваше имя доходило до меня». Когда же въ 1832 году Фрейтагъ былъ назначенъ на топографическую съемку Царства Польскаго, то, при представленіи фельдмаршалу Паскевичу, послѣдній встрѣтилъ его слѣдующими словами: «Очень радъ васъ видѣть, вы славно служили въ послѣднюю кампанію; я слышалъ, что подъ вами убито шесть лошадей».—«Это былъ только случай, ваша свѣтлость», скромно отвѣтилъ Фрейтагъ.—«Случай, который бываетъ только съ тѣми, кто его ищетъ», сказалъ князь Варшавскій; «я желалъ бы, чтобы вы всегда служили съ такимъ же счастіемъ; пусть бьютъ вашихъ лошадей, лишь бы не трогали васъ».

Фрейтагъ всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ эти отзывы о немъ, тѣмъ болѣе, что именно Головину и Паскевичу онъ обязанъ былъ дальнѣйшей своей карьерой.

Вышеприведенные подвиги офицеровъ генеральнаго штаба въ польскую кампанію и полученныя награды достаточно свидѣтельствуютъ, что офицеры этого вѣдомства служили дѣйствительно честно и добросовѣстно, какъ бы стараясь своими трудами, а когда требовалось, то и своею кровью, поддержать добрую ре-

путацію и честь своего мундира. Нѣкоторые изъ нихъ запечатлѣли кровью свою вѣрность присягѣ и долгу службы.

Польская кампанія была непродолжительна, но обильна потерями, въ ряду которыхъ и генеральный штабъ принесъ довольно большую дань: трое офицеровъ умерли на самомъ театрѣ войны отъ полученныхъ ими смертельныхъ ранъ (*), девять человѣкъ ранены или контужены болѣе или менѣе значительно. Изъ числа умершихъ отъ ранъ, генералъ-маіоръ Насакинъ былъ назначенъ въ дѣйствующую армію по Высочайшему повелѣнію и въ началѣ кампаніи былъ начальникомъ штаба у Гейсмара, а потомъ командовалъ особыми отрядами; умеръ отъ ранъ, полученныхъ подъ Остроленкою. Поручикъ Кобяковъ, весьма дѣльный и способный офицеръ, палъ жертвою своей запальчивости въ кавалерійскомъ дѣлѣ подъ Колачиномъ, получивъ шесть ранъ. Наконецъ, поручикъ Дурново 3-й состоялъ съ начала кампаніи при авангардѣ Гейсмара и въ маѣ мѣсяцѣ исключенъ изъ списковъ умершимъ отъ ранъ, неизвѣстно гдѣ полученныхъ; за участіе въ разныхъ дѣлахъ въ февралѣ мѣсяцѣ, онъ послѣдовательно былъ представленъ къ чину, къ золотой шпагѣ за храбрость, къ ордену св. Анны 2-й ст., но смерть не позволила ему воспользоваться этими наградами.

Что касается раненыхъ, то они были: полковникъ Комаровъ, раненъ подъ Гроховомъ, состоя при главной квартирѣ арміи; капитанъ Сливицкій дважды, какъ сказано выше, при Ливѣ и при Рагозницѣ; штабсъ-капитанъ Цухановъ—при Игане; штабсъ-капитанъ Шипиловъ—у Варни, находясь въ авангардѣ у генералъ-маіора барона Делингсгаузена; состоявшій при фельдмаршалѣ Дибичѣ генеральнаго штаба поручикъ Львовъ раненъ у Лива; поручикъ Шабельскій контуженъ при Выгодѣ (7-го Февраля) ядромъ въ руку, а при Циганкѣ (19-го Марта) израненъ въ рукопашномъ бою и взятъ въ плѣнъ; поручикъ Раевскій, состоя при VI пѣхотномъ корпусѣ, былъ раненъ подъ Гроховомъ картечью въ голову и, не смотря на полученную рану, оставался въ дѣлѣ. Наконецъ, контужены: поручикъ Ширковъ въ голову, при атакѣ кирасиръ принца Альберта полка, на батарею между Гро-

---

(*) Генералъ-маіоръ Насакинъ, поручики: Кобяковъ и Дурново 3-й.

ховомъ и Прагою, а штабсъ-капитанъ Раговской — подъ Остроленкою.

Со вступленіемъ русскихъ войскъ въ Варшаву и съ окончаніемъ войны, на долю офицеровъ генеральнаго штаба выпали другаго рода занятія—по устройству военной части въ Царствѣ Польскомъ. Такъ, съ назначеніемъ графа Витта варшавскимъ генералъ-губернаторомъ, бывшій оберъ-квартирмейстеръ V резервнаго кавалерійскаго корпуса, находившійся постоянно съ графомъ въ авангардѣ, полковникъ Брадке, назначенъ правителемъ канцеляріи его по званію генералъ-губернатора ([31]); въ ту же канцелярію тогда назначены: начальникомъ отдѣленія—капитанъ Похитоновъ и въ помощь ему штабсъ-капитанъ Стіернсканцъ и поручикъ Длотовскій ([32]); всѣ трое почти безпрерывно находились во время кампаніи въ авангардѣ.

Тогда же генералъ-маіоръ Рененкампфъ (Павелъ Яковлевичъ) назначенъ былъ чрезвычайнымъ военнымъ агентомъ въ Австрію для окончанія разсчетовъ по содержанію польскихъ войскъ, перешедшихъ черезъ австрійскую границу, а въ помощь къ дѣйствительному статскому совѣтнику Пейкеру, назначенному на тотъ же предметъ въ Прусію, прикомандированы гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Дюгамель и штабсъ-капитанъ Ширковъ.

Наконецъ, немедленно послѣ окончанія польской кампаніи нѣкоторыми офицерами генеральнаго штаба приступлено было къ собиранію матеріаловъ о происходившихъ дѣйствіяхъ и къ описанію самой войны, независимо отъ тѣхъ военно-историческихъ журналовъ, которые были ведены въ штабахъ войскъ. Къ сожалѣнію, по разнымъ причинамъ, эти труды не были своевременно напечатаны и по настоящее время остаются въ рукописяхъ въ нашихъ архивахъ, какъ матеріалы для будущихъ историковъ. Между ними на первомъ планѣ стоятъ работы генеральнаго штаба генерала Окунева, капитана Дюгамеля, полковниковъ Иванова 1-го, Иванова 2-го и состоявшаго по кавалеріи князя Тенишева, переведеннаго въ 1837 году полковникомъ въ генеральный штабъ.

Николай Александровичъ Окуневъ началъ службу юнкеромъ въ л.-гв. Семеновскомъ полку, откуда въ 1810 году былъ переведенъ въ Калужскій пѣхотный полкъ, въ рядахъ котораго дѣлалъ кампаніи 1812—1814 годовъ. Съ 1821 по 1828 годъ

Окуневъ командовалъ 1-мъ егерскимъ полкомъ, а затѣмъ, пробывъ годъ въ отставкѣ, опредѣленъ въ 1829 году въ генеральный штабъ полковникомъ. Зачисленіемъ своимъ на службу въ генеральный штабъ онъ обязанъ былъ репутаціи, которую пріобрѣлъ какъ единственный въ то время стратегическій русскій писатель, писавшій, впрочемъ, на французскомъ языкѣ ([33]), что и доставило ему еще большую извѣстность, особенно въ глазахъ главнаго судьи по этому предмету барона Жомини, при которомъ Окуневъ и назначенъ былъ состоять. Отправляясь главнокомандующимъ въ Польшу, фельдмаршалъ Паскевичъ взялъ съ собою Н. А. Окунева, какъ будущаго исторіографа, и доставилъ ему за штурмъ Варшавы чинъ генералъ-маіора. Два года трудился Окуневъ надъ составленіемъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ фельдмаршала, исторіи его военныхъ дѣйствій въ Польшѣ и, наконецъ, издалъ это описаніе на французскомъ языкѣ въ 1833 году, удостоившись за то назначенія въ свиту Его Величества. Самое сочиненіе представляетъ офиціальный панегирикъ заслугамъ фельдмаршала и было переведено въ 1835 году на русскій языкъ.

Труды полковника Дюгамеля и обоихъ Ивановыхъ не появлялись въ печати и до сихъ поръ хранятся въ архивахъ. Изъ нихъ работа полковника Дюгамеля имѣетъ болѣе характеръ стратегическихъ обзоровъ польской кампаніи ([34]), а полковниковъ Ивановыхъ и состоявшаго по кавалеріи князя Тенишева представляетъ подробный историческій журналъ военныхъ дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ въ первой половинѣ 1831 года, причемъ особое вниманіе обращено на хозяйственную часть.

Съ окончаніемъ польской войны наступилъ періодъ болѣе чѣмъ 20-ти-лѣтняго мира для русской арміи, нарушаемаго лишь военными дѣйствіями на Кавказѣ. Для генеральнаго штаба этотъ періодъ имѣлъ особенно важное значеніе по тѣмъ преобразованіямъ, которыя были въ немъ сдѣланы. Главнѣйшими изъ нихъ были: учрежденіе новаго источника для комплектованія этого корпуса офицеровъ и ограниченіе его постояннымъ опредѣленнымъ штатомъ.

ГЛАВА XIV.

Занятія коммисіи, Высочайше учрежденной въ 1829 году по составленію проекта высшаго военно-учебнаго заведенія для комплектованія генеральнаго штаба. Выработанный ею Уставъ Императорской Военной Академіи. Открытіе Академіи 26-го Ноября 1832 года. Составъ въ ней административной и учебной части и первоначальное распредѣленіе годовыхъ и ежедневныхъ занятій.

Съ упраздненіемъ училища колоновожатыхъ, на первый планъ выдвигался вопросъ о томъ, какъ обезпечить въ будущемъ комплектованіе генеральнаго штаба, какую степень подготовки должны имѣть лица, предназначаемыя для этого рода службы. Еще весною 1826 года генералъ-адъютантъ баронъ Жомини представлялъ Государю, какъ о томъ сказано въ главѣ XII, особую записку по этому предмету. Въ Февралѣ 1829 года баронъ Жомини снова касается этого вопроса въ особой запискѣ о надлежащей организаціи генеральнаго штаба ([1]).

Будучи представлена въ самый разгаръ приготовленій къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ Турціи, записка эта временно осталась безъ послѣдствій и только осенью того же года для ея разсмотрѣнія была образована, по Высочайшему повелѣнію, особая коммисія изъ графа Сухтелена 2-го, генералъ-лейтенанта Хатова и генералъ-маіора Шуберта, подъ предсѣдательствомъ самого же барона Жомини. На эту коммисію, кромѣ разсмотрѣнія вышеупомянутой записки объ организаціи генеральнаго штаба, было возложено и составленіе положенія о высшемъ военно-учебномъ заведеніи, которое бы предназначалось для комплектованія этого вѣдомства. Коммисіи была выражена Высочайшая воля, чтобы проектируемое заведеніе не было исключительно школой генеральнаго штаба, а *военной академіей*, которая бы распространяла свое вліяніе и на другія части нашей арміи и въ которую при-

нимались бы оберъ-офицеры до штабсъ-капитанскаго чина, имѣющіе уже нѣкоторую опытность по службѣ, а слѣдовательно болѣе способные къ изученію высшихъ военныхъ наукъ; вмѣстѣ съ тѣмъ Государю благоугодно было повелѣть, «чтобы, при составленіи распредѣленія занятій въ академіи, непремѣнно одинъ день въ недѣлю былъ посвящаемъ практическимъ строевымъ ученіямъ всѣхъ родовъ оружія, дабы эти занятія отнюдь не были пренебрегаемы, а, напротивъ, тѣсно связаны съ теоретическимъ преподаваніемъ другихъ отраслей военнаго искусства» (2).

Записка барона Жомини начинается слѣдующимъ громкимъ афоризмомъ: «Хорошій генеральный штабъ для арміи столь же важенъ, какъ хорошее правительство для народа. Безъ него можно имѣть хорошіе полки, но, тѣмъ не менѣе, неимѣть хорошей арміи».

Сдѣлавъ это опредѣленіе, баронъ прямо переходитъ къ указанію на весьма крупный недостатокъ нашего генеральнаго штаба, заключающійся будто бы въ томъ, что отъ субалтернъ-офицеровъ, входящихъ въ его составъ, требовали слишкомъ однообразныхъ познаній, между тѣмъ какъ служба крайне разносторонняя и и нуждается въ офицерахъ разныхъ категорій. Вслѣдствіе того, Жомини предлагаетъ раздѣлить офицеровъ генеральнаго штаба на двѣ части: одни будутъ заниматься топографическими съемками, выборомъ лагерей, размѣщеніемъ въ нихъ войскъ, производствомъ обозрѣній мѣстности; другіе посвятятъ себя занятіямъ въ канцеляріяхъ, будутъ производить рекогносцировки непріятеля, составлять диспозиціи, военные журналы, однимъ словомъ, будутъ вѣдать тактическую и стратегическую часть службы. Для первыхъ предложено названіе квартирмейстерскихъ офицеровъ, а для вторыхъ—офицеровъ генеральнаго штаба, причемъ какъ тѣ, такъ и другіе должны быть въ чинѣ капитанскомъ, хотя для квартирмейстерскихъ офицеровъ это и не признается крайне необходимымъ. Сверхъ того, предлагается еще образованіе особаго класса офицеровъ, причисленныхъ къ генеральному штабу, въ чинахъ отъ прапорщика до капитана, которые составляли бы резервъ для пополненія этого вѣдомства въ военное время.

Такому раздѣленію генеральнаго штаба на спеціальности баронъ Жомини придавалъ большое значеніе въ томъ смыслѣ, что-

бы каждый офицеръ могъ быть употребляемъ и назначаемъ на службу согласно съ своими способностями и призваніемъ, но нельзя не замѣтить, что самыя - то спеціальности службы генеральнаго штаба раздѣлены имъ очень сбивчиво: къ занятіямъ квартирмейстерскихъ офицеровъ, которыхъ онъ приравниваетъ къ французскимъ инженеръ-географамъ и которые подходятъ къ нашимъ военнымъ топографамъ, онъ относитъ выборъ лагерей и размѣщеніе въ нихъ войскъ, что, находясь въ зависимости отъ тактическихъ и стратегическихъ условій, прямо подлежитъ вѣдѣнію генеральнаго штаба. Что касается до комплектованія генеральнаго штаба, то по этому предмету баронъ Жомини высказываетъ въ своей запискѣ вполнѣ опредѣлительно лишь то, что генеральный штабъ долженъ быть открытъ для строевыхъ офицеровъ, имѣющихъ призваніе къ военному дѣлу, хотя бы они и не были съемщиками; для таковыхъ офицеровъ онъ считаетъ достаточными слѣдующія познанія:

1) Небольшое знаніе рисованія съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи сдѣлать кроки;

2) Знаніе новой Военной Исторіи съ Петра Великаго и Людовика XIV до настоящаго времени;

3) Знакомство съ военной литературой, какъ древней, такъ новѣйшей, главнѣйше съ дидактическими писателями;

4) Понятіе о Стратегіи и Тактикѣ и, конечно, знаніе уставовъ.

Изъ этихъ познаній баронъ Жомини уступаетъ еще рисованіе, приводя въ оправданіе то, что самъ Наполеонъ не въ состояніи былъ бы представить удовлетворительнаго кроки на экзаменѣ и что многіе начальники штабовъ находятся въ томъ же положеніи.

Послѣдній намекъ видимо сдѣланъ по отношенію къ тогдашнему начальнику главнаго штаба барону Дибичу и къ его помощнику, генералъ-адъютанту Чернышеву.

Предлагая пополнять генеральный штабъ строевыми офицерами, баронъ Жомини признаетъ, что для этого учрежденія было бы полезно и высшее учебное заведеніе, въ видѣ ли спеціальной школы или даже военной академіи, что, наконецъ, за образецъ могла бы быть принята и англійская школа генеральнаго штаба

въ Сандгурстѣ, надъ которою, однако, имѣла бы всегда предпочтеніе военная академія, которая приготовляла бы офицеровъ высшаго военнаго образованія для всѣхъ спеціальностей.

Занятія коммисіи представляютъ тотъ особый интересъ, что въ нихъ должно было отразиться столкновеніе между приверженцами прежняго устройства генеральнаго штаба и новыми стремленіями къ его преобразованію. Къ сожалѣнію, коммисія не только не вела протоколовъ своимъ занятіямъ, но даже члены ея, имѣя обширныя служебныя занятія, избѣгали вообще письменнаго изложенія своихъ мнѣній, такъ что ходъ занятій коммисіи и предметы споровъ только и могутъ быть реставрированы по немногимъ письмамъ и запискамъ, оставшимся отъ участниковъ обсужденія этого важнаго въ жизни генеральнаго штаба вопроса.

Съ перваго же засѣданія коммисіи обнаружилось разногласіе въ пониманіи самой цѣли ея занятій.. Баронъ Жомини понималъ задачу коммисіи чрезвычайно широко: что она должна преобразовать генеральный штабъ по смыслу представленной имъ записки и, согласно потребностямъ этого учрежденія въ новомъ его видѣ, проектировать заведеніе для его комплектованія. Съ своей стороны, графъ Сухтеленъ, какъ генералъ-квартирмейстеръ, отстаивалъ существующую организацію генеральнаго штаба и ограничивалъ задачу коммисіи только разработкою, на основаніи Высочайшихъ указаній, положенія для высшаго учебнаго заведенія, которое могло бы комплектовать нашъ генеральный штабъ. Доводы Сухтелена, поддержанные генералами Хатовымъ и Шубертомъ, видимо одержали верхъ, но тогда вышло новое несогласіе: баронъ Жомини, основываясь на томъ, что заведеніе, проектъ котораго предстояло создать, должно удовлетворять всѣмъ многоразличнымъ требованіямъ службы генеральнаго штаба, въ особенности, если ему дается названіе академіи, полагалъ, что заведенію этому необходимо придать весьма широкое развитіе. Исходя изъ того положенія, что офицерамъ нашего генеральнаго штаба не только приходится нести службу при войскахъ, но также руководить картографическими и геодезическими работами, онъ считалъ необходимымъ дать въ проектируемомъ заведеніи развитіе не только военнымъ, но и математическимъ наукамъ; онъ находилъ страннымъ (bizarre), если нашъ генеральный штабъ, имѣя академію

для своего комплектованія, будетъ въ то же время посылать своихъ офицеровъ въ Дерптъ для усовершенствованія ихъ въ математическихъ и астрономическихъ познаніяхъ, какъ это дѣлалось прежде. Чтобы избѣгнуть этого, онъ полагалъ достаточнымъ, кромѣ двухъ классовъ академическихъ, установить еще одинъ—приготовительный, въ которомъ бы преподавались: сферическая тригонометрія, начертательная геометрія, коническія сѣченія, геодезія и всѣ познанія, относящіяся къ съемкѣ и картографіи, а изъ военныхъ предметовъ низшая тактика. Изъ этого приготовительнаго класса офицеры переходили бы уже въ младшій классъ академіи, гдѣ имъ были бы преподаваемы всѣ военныя науки теоретически; этотъ классъ назывался бы учебнымъ; затѣмъ, слѣдующій, собственно академическій курсъ, тоже однолѣтній, былъ бы посвященъ исключительно однимъ практическимъ занятіямъ, по преимуществу письменнымъ упражненіямъ. Наконецъ, давая полное значеніе проектируемому заведенію какъ академіи, баронъ Жомини предлагалъ придать ему всю обстановку высшаго, не только учебнаго, но и ученаго заведенія, учредивъ академическій совѣтъ, почетныхъ членовъ и членовъ корреспондентовъ изъ числа кончившихъ курсъ офицеровъ, дабы академія, и по выпускѣ ихъ на службу, могла слѣдить за ихъ учеными занятіями.

Нѣтъ указаній, чтобы эти послѣднія предположенія барона Жомини встрѣчали въ коммисіи особыя возраженія, но они не были одобрены Государемъ, который въ концѣ Октября Высочайше повелѣть соизволилъ назначить въ коммисію начальника штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанта Нейдгарта.

Со вступленіемъ генерала Нейдгарта въ коммиссію (27-го Октября), занятія ея принимаютъ новое направленіе, являются новыя предложенія о томъ, чтобы офицеры проектируемаго заведенія жили вмѣстѣ на казенныхъ квартирахъ, для лучшаго надзора за ними; чтобы на время нахожденія въ заведеніи они были прикомандированы къ гвардейскимъ полкамъ Петербургскаго гарнизона и вмѣстѣ съ ними несли гарнизонную и строевую службу, посѣщая лекціи въ свободное отъ занятій время и по вечерамъ, получая содержаніе изъ полковъ и вообще находясь въ подчиненіи строеваго, а не академическаго начальства. Баронъ Жомини энергически противодѣйствовалъ этимъ предложеніямъ,

дѣлая представленія генералъ-адъютанту графу Чернышеву, даже лично представляясь по этому предмету Государю Императору, и, наконецъ, въ половинѣ декабря, получилъ отъ графа увѣдомленіе [3]), что Государь согласенъ, чтобы обучающіеся офицеры жили на частныхъ квартирахъ и состояли въ прямомъ вѣдѣніи академическаго начальства, будучи прикомандированы къ полкамъ гвардіи лишь для отбыванія гарнизонной службы и для строевыхъ ученій; чтобы никто изъ обучающихся не былъ изъемлемъ отъ этихъ занятій, но, дабы занятія эти не стѣсняли классныхъ, то допускается не требовать одиночныхъ офицеровъ для строевыхъ ученій въ отдѣльные полки, а разъ въ недѣлю производить таковыя цѣлому классу, по сношенію съ штабомъ войскъ гвардіи; въ караулы же обучающіеся офицеры должны ходить въ общей очереди съ полковыми, что потребуетъ отсутствія каждаго изъ нихъ изъ классовъ не болѣе какъ черезъ 15 дней. Вмѣстѣ съ тѣмъ было заявлено, что Государь Императоръ имѣетъ въ виду назначить нѣсколько строевыхъ штабъ-офицеровъ для надзора за образомъ жизни и поведеніемъ обучающихся офицеровъ; наконецъ, что относительно примѣненія къ проектируемому заведенію академической обстановки Государь соизволитъ дать свое рѣшеніе, когда проектъ будетъ представленъ на Высочайшее утвержденіе, но Его Величеству благоугодно, чтобы при составленіи проекта по этому предмету не была упущена изъ виду прямая цѣль заведенія и чтобы вообще не было излишней внѣшности, существующей въ нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ.

Послѣ столь опредѣлительныхъ Высочайшихъ указаній, въ комитетѣ, по составленію академическаго устава, не было уже возбуждаемо никакихъ новыхъ вопросовъ, и 8-го Апрѣля 1830 года баронъ Жомини представилъ, при письмѣ къ графу Чернышеву, рапортъ на Высочайшее Имя, съ приложеніемъ къ оному проекта положенія о Военной Академіи. Въ письмѣ своемъ Жомини выражаетъ, что хотя представляемый проектъ расходится съ первоначально имъ предложенными основаніями, но, тѣмъ не менѣе, въ томъ видѣ, какъ онъ есть, обѣщаетъ дать Россіи лучшихъ въ Европѣ офицеровъ генеральнаго штаба, и, во всякомъ случаѣ, новое учрежденіе это прославитъ царствованіе просвѣщеннаго Монарха, которому принадлежитъ первая мысль его основанія.

Несмотря на таковую похвалу, проекту Академіи суждено было подвергнуться еще нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ прежде, чѣмъ онъ вошелъ въ силу. Графъ Чернышевъ представилъ его на Высочайшее воззрѣніе съ своими довольно вѣскими и справедливыми замѣчаніями. Такъ, указывалось, что проектируемой Военной Академіи дано какое-то отдѣльное существованіе, съ особымъ президентомъ и съ чрезвычайно многосложнымъ управленіемъ. Дѣйствительно, на 50 обучающихся офицеровъ устанавливалось штатомъ, кромѣ профессоровъ и преподавателей: президентъ съ адъютантомъ, директоръ, вице-директоръ, два инспектора отдѣленій, два правителя дѣлъ (одинъ для совѣта и конференціи, другой для канцеляріи), адъютантъ, казначей, докторъ, фельдшеръ, цирюльникъ, 6 писарей, 2 рисовальщика. Затѣмъ, на жалованье профессорамъ опредѣлено было штатныхъ 30 тыс. руб. ассигн., но какъ эта сумма, такъ и предметы ученія вовсе не распредѣлены между профессорами; не назначено числа профессоровъ и ихъ адъюнктовъ, не опредѣлены имъ оклады и вообще не указано никакихъ способовъ для ихъ комплектованія, а равно не указано какихъ-либо преимуществъ, которыя могли-бы привлечь въ Академію людей, болѣе извѣстныхъ своими познаніями и опытностью. Даже права учащихся не были выяснены вполнѣ опредѣлительно; наконецъ, нѣкоторые параграфы изложены неясно, и вообще слогъ всего положенія, какъ замѣчаетъ графъ Чернышевъ, требовалъ многихъ исправленій.

Передѣлка Положенія объ Академіи, согласно съ таковыми замѣчаніями графа Чернышева, была возложена на генералъ-адъютанта Нейдгарта, который 21-го Апрѣля 1830 года замѣнилъ графа Сухтелена въ должности генералъ-квартирмейстера. Ему же поручено было доложить проектъ устава фельдмаршалу графу Дибичу. Нельзя при этомъ не замѣтить, что вліянію Дибича, стоявшаго въ то время въ апогеѣ своей военной славы, проектируемое заведеніе обязано было установленіемъ медалей для офицеровъ, кончающихъ курсъ съ отличіемъ, противъ чего былъ графъ Чернышевъ, а также установленіемъ курса древней Военной Исторіи во всей ея полнотѣ, между тѣмъ какъ по первоначальному проекту предполагалось Военную Исторію до временъ Петра В. ограничить лишь очеркомъ однихъ примѣчательнѣйшихъ эпохъ.

Наконецъ, графъ Дибичъ находилъ, что двухъ лѣтъ для выполненія всѣхъ проектированныхъ программъ и занятій было крайне недостаточно и слѣдовало бы установить въ Военной Академіи трехлѣтній курсъ; однако, единственно только по тому соображенію, что, быть можетъ, трехлѣтній курсъ удержитъ многихъ отъ желанія поступить въ Академію, рѣшено было оставить въ уставѣ двухлѣтній срокъ, дабы на самомъ дѣлѣ удостовѣриться достаточенъ-ли онъ или нѣтъ для выполненія курса.

Измѣненное и передѣланное генераломъ Нейдгартомъ Положеніе Военной Академіи было, наконецъ, Высочайше утверждено Государемъ Императоромъ 4-го Октября 1830 года и явилось въ печати подъ названіемъ «Устава Военной Академіи», за подписомъ лишь одного Нейдгарта, какъ генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба Его Величества.

Обстоятельство это справедливо оскорбило барона Жомини; онъ жаловался на это забвеніе Государю, который повелѣлъ припечатать въ самомъ началѣ устава Военной Академіи Всеподданнѣйшій рапортъ барона Жомини отъ 8-го Апрѣля 1830 года, а въ концѣ устава и штата помѣстить имена всѣхъ членовъ комитета по составленію проекта положенія о Военной Академіи.

Въ рапортѣ своемъ баронъ Жомини прямо указываетъ, что основныя мысли учрежденія Академіи всецѣло принадлежали Императору Николаю.

«Ваше Императорское Величество», сказано въ рапортѣ, «убѣжденные въ необходимости учредить заведеніе, въ коемъ, съ вѣрнѣйшимъ успѣхомъ и сколь можно въ кратчайшее время, могли бы образоваться офицеры для службы по генеральному штабу, соизволили признать, что Военная Академія будетъ наидѣйствительнѣйшимъ средствомъ къ достиженію сей цѣли по нижеслѣдующимъ причинамъ:

«1) Потому что дозволится помѣщать въ оную оберъ-офицеровъ до штабсъ-капитанскаго чина, имѣющихъ уже нѣкоторую опытность по службѣ и слѣдовательно болѣе способныхъ постигать высшія военныя науки.

«2) Что вмѣстѣ съ симъ, доставляя средства къ распространенію полезнаго вліянія ея и на другія части арміи, можетъ

принести гораздо болѣе пользы, нежели высшее училище, исключительно для генеральнаго штаба учрежденное.

«3) Что таковая Академія немало способствовать будетъ введенію единообразія въ преподаваніи военныхъ наукъ въ прочихъ военно-учебныхъ заведеніяхъ.»

Уставъ Военной Академіи изложенъ въ 157 параграфахъ, распредѣленныхъ въ десяти главахъ; къ нему приложены штатъ, опредѣляющій число служащихъ и содержаніе имъ; всего по штату на содержаніе академіи назначено 76.170 руб. ассигн., не считая жалованья военнымъ чинамъ и столовыхъ президенту и вице-президенту, что подлежало отпуску непосредственно изъ коммисаріата (4).

Военной Академіи, какъ высшему въ государствѣ учебному заведенію по военной части, присвоено наименованіе Императорской.

Цѣлію учрежденія Академіи поставлено *образованіе офицеровъ для службы въ генеральномъ штабѣ и распространеніе военныхъ познаній;* въ то же время она должна была преподавать нѣкоторому числу офицеровъ артиллерійскаго и главнаго инженернаго училищъ курсъ высшей тактики и стратегіи въ томъ же объемѣ, какъ и офицерамъ, приготовляемымъ для службы въ генеральномъ штабѣ.

Курсъ академическій долженъ былъ продолжаться два года въ двухъ отдѣленіяхъ, или классахъ: младшемъ—теоретическомъ и старшемъ—практическомъ, съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ классѣ было отъ 20 до 25 офицеровъ, образуемыхъ для службы генеральнаго штаба, и 4 или 5 офицеровъ изъ артиллерійскаго и инженернаго училищъ.

Право поступленія въ Академію распространялось на всѣхъ оберъ-офицеровъ до чина штабсъ-капитана гвардіи, артиллеріи и до капитана арміи; кромѣ того, директорамъ военно-учебныхъ заведеній предоставлялось представлять къ помѣщенію въ Академію лучшихъ офицеровъ изъ выпускаемыхъ изъ этихъ заведеній.

Представляемые къ поступленію въ Академію должны были имѣть не менѣе 18 лѣтъ отъ роду, быть отлично аттестованными и выдержать строгое испытаніе въ слѣдующихъ предметахъ: а) въ языкахъ: Русскомъ, Французскомъ или Нѣмецкомъ; б) изъ Математики—въ Ариѳметикѣ, Алгебрѣ до уравненій 2-й степени,

Планиметріи, Стереометріи, прямолинейной Тригонометріи; в) изъ военныхъ наукъ—въ начальныхъ основаніяхъ Артиллеріи, Фортификаціи полевой и долговременной; г) въ ученіяхъ—баталіонномъ, стрѣлковомъ, эскадронномъ и линейномъ, въ разсыпномъ строѣ и форпостной службѣ; д) въ исторіи—Всеобщей до XVI столѣтія въ ея главныхъ эпохахъ, въ особенности относительно Россіи; подробной новѣйшихъ временъ, въ особенности европейскихъ государствъ; е) въ географіи—всеобщей и въ особенности Россіи и сосѣднихъ съ нею державъ. Сверхъ того, требовалось ясное понятіе о ситуаціонныхъ планахъ и топографическихъ картахъ.

Зачисленные въ Академію офицеры должны были считаться въ своихъ полкахъ и пользоваться преимуществами службы наравнѣ съ офицерами, при войскахъ состоящими; они состояли подъ непосредственнымъ начальствомъ четырехъ штабъ-офицеровъ, опредѣляемыхъ по Высочайшему назначенію.

Для строевой службы, офицеры, поступившіе изъ частей, расположенныхъ въ Петербургѣ, оставлялись при своихъ частяхъ, а прибывшіе изъ частей, расположенныхъ внѣ Петербурга, причислялись къ полкамъ С.-Петербургскаго гарнизона и съ ними, каждый день по два офицера, вступали въ караулъ по первому отдѣленію; одинъ же разъ въ недѣлю всѣ академическіе офицеры должны были участвовать на практическомъ фронтовомъ ученіи. Содержаніе во время нахожденія въ Академіи получали по чинамъ, съ прибавкою всѣмъ, кромѣ гвардейскихъ, ежегодно по 500 руб. ассигн. ([5]).

Въ теоретическомъ отдѣленіи опредѣлено было преподавать:

а) Русскую словесность, примѣненную къ искусству правильнаго изложенія сочиненій по части военной и къ военному письмоводству.

б) Общія понятія объ Артиллеріи и подробнѣйшія объ ея устройствѣ, какъ рода войскъ; употребленіе въ полевой войнѣ и при осадѣ крѣпости.

в) Малую тактику одной дивизіи, съ присоединеніемъ къ тому познаній о свойствѣ и дѣйствіи колоннъ и пальбы; изложенія разныхъ построеній, употребляемыхъ во всѣхъ трехъ родахъ войскъ для движенія, развертыванія и боя.

г) Начальныя основанія Топографіи и Геодезіи, черченія плановъ и глазомѣрной съемки.

д) Глазомѣръ и искусство судить о мѣстоположеніи, въ отношеніи тактическомъ и вообще военномъ.

е) Кастраметацію, или науку о лагеряхъ и позиціяхъ.

ж) Логистику, т. е. все относящееся до движенія войскъ, какъ вдали, такъ и въ виду непріятеля.

з) Фортификацію—полевую и долговременную, какъ относительно участія, принимаемаго въ атакѣ и оборонѣ крѣпостей и укрѣпленныхъ лагерей, такъ равно и по вліянію этихъ сооруженій на дѣйствія войскъ въ полѣ.

и) Высшую Тактику, т. е. разборъ различныхъ системъ сраженій, о построеніи и надлежащемъ употребленіи въ нихъ разныхъ родовъ войскъ, а также о внезапныхъ сраженіяхъ или встрѣчѣ двухъ армій на походѣ.

к) Военную Географію Европы и въ особенности Россіи и сосѣднихъ съ нею государствъ.

л) Военную Статистику, или познаніе о сухопутныхъ и морскихъ силахъ и военныхъ средствахъ европейскихъ государствъ.

м) Стратегію во всемъ ея объемѣ, съ приложеніемъ оной къ послѣднимъ войнамъ и съ приведеніемъ событій, доказывающихъ великое вліяніе этой науки на дѣйствія цѣлой кампаніи.

н) Военную исторію, съ древнихъ временъ до Петра Великаго въ главныхъ основаніяхъ и достопримѣчательнѣйшихъ эпохахъ, а съ этого времени до настоящаго въ полномъ объемѣ.

о) Военную Литературу, т. е. разборъ лучшихъ военныхъ и историческихъ сочиненій, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ.

п) Обязанности и должности офицера генеральнаго штаба, какъ въ военное, такъ и въ мирное время.

Въ практическомъ же или старшемъ классѣ офицеры должны были заниматься тѣми же самыми предметами, но не на лекціяхъ, а практически, исполняя разныя работы подъ надзоромъ профессоровъ.

Въ оба учебные года офицеры должны были заниматься изученіемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Все преподаваніе устанавливалось на русскомъ языкѣ, и только въ практическомъ классѣ офицеры должны были излагать одно или два сочиненія на языкахъ иностранныхъ.

Лѣтомъ офицеры младшаго класса откомандировывались въ полки для несенія лагерной службы, а въ старшемъ классѣ были занимаемы съемкою, военными обозрѣніями, разбивкою лагерей и укрѣпленій на мѣстности, посылались на практическія ученія артиллеріи и саперъ, а во время маневровъ прикомандировывались къ войскамъ въ помощь офицерамъ генеральнаго штаба.

Выпускъ офицеровъ долженъ былъ производиться ежегодно въ Октябрѣ мѣсяцѣ, причемъ кончившимъ полный курсъ опредѣлено выдавать свидѣтельства въ томъ, а отличнѣйшимъ награды: первому—слѣдующій чинъ и золотую медаль, второму—годовой окладъ жалованья и большую серебряную медаль, а третьему—малую серебряную медаль; имена всѣхъ получившихъ медали подлежали занесенію на мраморныя доски въ залахъ Академіи.

Кончившіе академическій курсъ, отправлялись обратно въ мѣста служенія сверхкомплектными, именуясь причисленными къ генеральному штабу, кромѣ офицеровъ, поступившихъ изъ артиллерійскаго и инженернаго училищъ.

Офицеры, считавшіеся причисленными къ генеральному штабу, состояли въ зависимости отъ генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества, который обязывался возлагать на нихъ, не отрывая однако отъ фронтовой службы, разныя занятія, долженствовавшія споспѣшествовать развитію способностей этихъ офицеровъ. Непосредственные же начальники войскъ должны были не только имѣть бдительный надзоръ, чтобы причисленные офицеры занимались данными имъ порученіями, но и всячески тому способствовать.

Тѣхъ изъ офицеровъ причисленныхъ къ генеральному штабу, которые и по возвращеніи къ своимъ полкамъ будутъ продолжать прилежно заниматься военными науками и отличаться усердіемъ къ службѣ, соблюденіемъ строгой дисциплины и хорошимъ поведеніемъ, положено награждать переводомъ въ генеральный штабъ: офицеровъ старой гвардіи—соотвѣтствующими чинами, молодой гвардіи, артиллеріи и саперъ—слѣдующими чинами, а арміи—тѣмъ же чиномъ.

Всѣмъ причисленнымъ къ генеральному штабу офицерамъ долженъ былъ генералъ-квартирмейстеръ вести особые списки, а командиры частей, въ которыхъ таковые офицеры находились,

обязаны были ежегодно 1-го Января представлять на нихъ формулярные и кондуитные списки черезъ генералъ-квартирмейстера Начальнику Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества и сверхъ того два раза въ году (1-го Мая и 1-го Сентября) доносить ему же о степени усердія къ службѣ, поведеніи и нравственности ихъ, присовокупляя подробныя свѣдѣнія о занятіяхъ каждаго по фронтовой части. Причисленные къ генеральному штабу офицеры не могли быть избираемы въ казначеи и квартермистры, а въ генеральскіе адъютанты назначались не иначе, какъ по сношенію съ генералъ-квартирмейстеромъ. Въ случаѣ потребности усилить генеральный штабъ въ военное время, или для какихъ-либо работъ во время мира, генералъ-квартирмейстеръ могъ требовать изъ войскъ офицеровъ причисленныхъ къ генеральному штабу, и, по минованіи въ нихъ надобности, снова возвращать въ строй. Но на такую временную службу въ генеральномъ штабѣ офицеры эти не могли быть требуемы прежде двухъ лѣтъ, проведенныхъ ими въ полку, а если они состояли ротными или эскадронными командирами, то не прежде года, проведеннаго ими въ этомъ командованіи. Наружнаго знака отличія таковые офицеры вовсе не имѣли и только, въ случаяхъ дѣйствительнаго нахожденія на службѣ при генеральномъ штабѣ, должны были надѣвать аксельбанты по цвѣту пуговицъ.

Военная Академія непосредственно подчинена Начальнику Главнаго Штаба Его Величества, а главное управленіе ею ввѣрено президенту и вице-президенту.

Для обсужденія всѣхъ дѣлъ по управленію и по учебной части Академіи предположенъ Совѣтъ Военной Академіи, состоящій, подъ предсѣдательствомъ президента, изъ шести непремѣнныхъ членовъ: генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества, начальника штаба гвардейскаго корпуса, вице-президента Академіи и трехъ генераловъ—отъ генеральнаго штаба, артиллерійскаго и инженернаго; сверхъ того, могли быть члены и по особому назначенію.

Военной Академіи опредѣлено было имѣть, какъ сказано въ уставѣ, «по примѣру другихъ высшихъ ученыхъ заведеній въ государствѣ», нѣсколько почетныхъ членовъ, назначаемыхъ по Высочайшему соизволенію изъ числа лицъ, извѣстныхъ своими заслугами и военными познаніями.

Внутреннее управленіе и вся хозяйственная часть Академіи всецѣло возложены уставомъ на вице-президента, ближайшими органами и помощниками котораго служили четыре штабъ-офицера, предназначенные для начальствованія надъ образуемыми офицерами, и академическая конференція, состоявшая, подъ его же предсѣдательствомъ, изъ этихъ штабъ-офицеровъ и всѣхъ профессоровъ Академіи.

Штабъ-офицеры надлежали быть по уставу—«достойнѣйшія по своимъ способностямъ, благоразумію и нравственности, не молодыхъ лѣтъ, бывшіе въ походахъ и дѣйствительныхъ сраженіяхъ, словомъ, такіе, которые во всѣхъ отношеніяхъ могли бы служить полезнымъ примѣромъ для своихъ подчиненныхъ»; двое изъ нихъ, старшіе по чинамъ, предназначались въ званіе инспекторовъ отдѣленій.

Конференція была совѣщательнымъ органомъ при вице-президентѣ по учебной части; на нее возлагалось обсужденіе всѣхъ вопросовъ по преподаванію, производству испытаній и по программамъ; на окончательное утвержденіе всѣ эти вопросы представляются въ Совѣтъ Академіи. Конференція же производитъ всѣ испытанія офицерамъ, какъ поступающимъ въ Академію, такъ и обучающимся въ ней.

Число профессоровъ, адъюнктовъ и учителей не было опредѣлено уставомъ; выборъ ихъ, назначеніе имъ окладовъ за преподаваніе, распредѣленіе между ними занятій вполнѣ предоставлено президенту, по представленіямъ вице-президента. Для привлеченія къ службѣ по учебной части въ Академіи установлены особыя широкія пенсіонныя льготы не только для служащихъ по этой части, но и для ихъ вдовъ и сиротъ. Такъ, за выслугу 25 лѣтъ полагалась пенсія полнаго оклада, половиннаго за 20 и третнаго за 15 лѣтъ; особые оклады были опредѣлены для оставляющихъ службу по болѣзни ранѣе этихъ сроковъ, а равно для вдовъ и дѣтей чиновъ учебной части, но, что всего важнѣе, пенсіоны за учебную службу сохранялись и на службѣ при Академіи, а при отставкѣ производились независимо отъ окладовъ пенсіи, слѣдуемыхъ на основаніи общаго пенсіоннаго устава.

Все дѣлопроизводство по Академіи сосредоточено въ канцеляріи, состоящей изъ адъютанта и правителя дѣлъ, съ опредѣлен-

нымъ числомъ писцовъ. Адъютантъ состоитъ непосредственно при вице-президентѣ, завѣдываетъ письмоводствомъ по строевой части, ведетъ книгу приказовъ, дневные, мѣсячные и годовые рапорты о состоянiи всѣхъ чиновъ. Правитель дѣлъ завѣдываетъ всѣмъ письмоводствомъ по Совѣту, конференцiи и канцелярiи академической; ему же подчиненъ и архивъ.

При Академiи опредѣлено имѣть казначея, журналиста, доктора и фельдшера.

Таковы главныя положенiя проектированнаго высшаго военно-учебнаго заведенiя, которое по размѣрамъ своихъ учебныхъ курсовъ должно было стать выше всѣхъ существовавшихъ въ то время за границею подобныхъ заведенiй; проектируемая Академiя становилась выше простаго училища генеральнаго штаба и въ этомъ отношенiи она наиболѣе подходила къ Берлинской военной школѣ, которая одна изъ всѣхъ иностранныхъ военно-учебныхъ заведенiй включала въ свои курсы нѣкоторыя высшiя отрасли военныхъ познанiй. Осуществленiе этого проекта во всей его полнотѣ казалось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что вообще развитiе военно-научныхъ знанiй было у насъ крайне слабо, и почти вовсе не было лицъ, подготовленныхъ для заполненiя учебнаго состава будущей Академiи.

Политическiя событiя въ западной Европѣ и польское возстанiе 1830 года прiостановили на время осуществленiе проекта Военной Академiи; но лишь кончилась польская война, какъ въ началѣ 1830 года поручено было Управляющему Главнымъ Штабомъ Его Величества, генералъ-адъютанту Чернышеву, немедленно приступить къ распоряженiямъ по открытiю Академiи въ Августѣ мѣсяцѣ того же года. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовали назначенiя лицъ высшаго управленiя Академiи. Августѣйшiй братъ Государя, Его Императорское Высочество Великiй Князь Михаилъ Павловичъ облеченъ званiемъ Почетнаго Президента Академiи, причемъ послѣдовало Высочайшее повелѣнiе, чтобы лицамъ, управляющимъ Академiею, были присвоены наименованiя директора и вице-директора, со всѣми правами и обязанностями, опредѣленными по уставу президенту и вице-президенту. Почетными членами Академiи назначены: инженеръ-генералъ графъ Сухтеленъ 1-й, генералъ-адъютантъ князь Волконскiй, генералъ отъ инфантерiи Довре, генералъ-адъю-

танты: баронъ Жомини, графъ Толь, графъ Сухтеленъ 2-й и Нейдгартъ; нѣсколько позже Его Королевское Высочество герцогъ Александръ Виртенбергскій, прусскіе генералы: баронъ Мюфлингъ и Раухъ и знаменитый противникъ Наполеона I, австрійскій эрцъ-герцогъ Карлъ.

Прямымъ непосредственнымъ начальникомъ Военной Академіи, съ званіемъ директора, былъ назначенъ человѣкъ, служившій постоянно во фронтѣ, вовсе непринадлежавшій по своему прошлому къ генеральному штабу, извѣстный по своей суровости въ дѣлѣ дисциплины, — генералъ-адъютантъ Иванъ Онуфріевичъ Сухозанетъ (6).

Выпущенный въ 1803 году изъ инженернаго (2-го) кадетскаго корпуса офицеромъ въ артиллерію, онъ блистательно завершилъ свое военное образованіе въ боевой школѣ войнъ съ Франціею съ 1806 по 1815 годъ. Въ 1812 году И. О. Сухозанетъ командовалъ уже конно-артиллерійскою ротою и за сраженіе подъ Полоцкомъ (6-го Августа) удостоенъ Св. Георгія 4 ст. Въ 1813 г. онъ, на 27 году отъ роду, произведенъ въ генералъ-маіоры за сраженіе подъ Бауценомъ и нѣкоторое время, за болѣзнію князя Яшвиля, управлялъ артиллеріею дѣйствующей арміи. Всѣмъ извѣстна его доля участія въ сраженіи 4 Октября подъ Лейпцигомъ, когда, по приказанію Императора Александра I, онъ развернулъ 100 орудій нашей резервной артиллеріи, огонь которой встрѣтилъ знаменитую атаку французской кавалеріи. По возвращеніи нашихъ войскъ изъ-за границы, Сухозанетъ, съ 1819 г., болѣе 10 лѣтъ занималъ мѣсто начальника гвардейской артиллеріи; 14 Декабря 1825 г. пожалованъ генералъ-адъютантомъ; въ турецкую войну 1828 года былъ начальникомъ штаба войскъ, осаждавшихъ Браиловъ, а за штурмъ этой крѣпости, 3 Іюля, удостоенъ ордена Св. Георгія 3 ст. Съ началомъ польской войны, онъ былъ назначенъ начальникомъ артиллеріи дѣйствующей арміи, но 7 Февраля 1831 г., въ дѣлѣ подъ Вавромъ, едва онъ ввелъ въ дѣло нашу артиллерію, какъ ядромъ ему оторвало ногу и убило подъ нимъ лошадь.

Таково было прошедшее генерала Сухозанета, поставленнаго во главѣ новаго заведенія; по-видимому, онъ не имѣлъ никакихъ особыхъ данныхъ для того, чтобы выполнить порученное ему дѣло

организацiи и руководства учебнымъ и даже ученымъ заведенiемъ, тѣмъ не менѣе, благодаря природному уму, необычайной энергiи и умѣнiю пользоваться способностями и трудами другихъ, первый директоръ Академiи, управлявшiй ею болѣе 20 лѣтъ (до 1854 года), вполнѣ оправдалъ довѣрiе къ нему Государя и безспорно, какъ показали послѣдствiя, стоялъ на высотѣ своего назначенiя. Въ предписанiи, данномъ генералу Сухозанету отъ генералъ-адъютанта Чернышева, поручено было ему озаботиться немедленно выборомъ профессоровъ, учителей и штабъ-офицеровъ для начальствованiя надъ офицерами въ Академiи, а также составленiемъ всѣхъ программъ и курсовъ, согласно съ уставомъ, съ тѣмъ, чтобы возможно было открыть Академiю 30 Августа 1832 года, а самое преподаванiе въ ней начать съ 1 Октября.

Изъ всѣхъ чиновъ составляемаго управленiя Академiею, генералъ Сухозанетъ справедливо полагалъ наиболѣе важнымъ избрать себѣ помощника, вице-директора, какъ онъ самъ выражался,— такого, который бы дополнялъ то, «чего недостаетъ мнѣ собственно на столько, чтобы мы хотя въ двухъ лицахъ составляли одно цѣлое, могущее обезпечить успѣхи и пользу, ожидаемые Государемъ Императоромъ отъ сего вновь учреждаемаго заведенiя» ([7]). Кандидатами къ этой должности онъ предлагалъ трехъ лицъ: генеральнаго штаба генералъ-маiора Окунева, командира 1 бригады 19-й пѣхотной дивизiи, генералъ-маiора барона Зедделера, и состоящаго по армiи генералъ-маiора Михайловскаго-Данилевскаго.

Утвержденiя Государя удостоенъ генералъ-маiоръ Зедделеръ ([8]), который соединялъ въ себѣ всѣ данныя, чтобы быть полезнымъ для вновь учреждаемаго заведенiя.

Баронъ Людвигъ Ивановичъ Зедделеръ родился въ Петербургѣ, но воспитывался въ Австрiи и началъ службу въ рядахъ австрiйской армiи, сперва въ гусарахъ, а потомъ въ генеральномъ штабѣ; за Ваграмское сраженiе, гдѣ былъ тяжело раненъ и обратилъ на себя вниманiе своей храбростью эрцъ-герцога Карла, онъ былъ произведенъ въ поручики. Въ 1813 году вступилъ въ русскую службу и подъ Лейпцигомъ (6 Октября) былъ раненъ въ ногу съ раздробленiемъ кости, а 9 Октября зачисленъ чиномъ поручика въ русскiй генеральный штабъ, которому и посвящена была вся дальнѣйшая его служба. Наиболѣе замѣчательными

эпизодами этой службы были: участіе барона Зедделера въ занятіяхъ Могилевской офицерской школы, устройство лагеря подъ Княжимъ дворомъ для гренадерскаго корпуса, при которомъ баронъ былъ оберъ-квартирмейстеромъ, и дѣятельность его въ Польскую войну 1831 года, гдѣ онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ, за что, кромѣ другихъ наградъ, удостоенъ производства въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ бригады. Государь лично узналъ его при устройствѣ лагеря подъ Княжимъ дворомъ, гдѣ познакомился съ его опытностью и дарованіями, почему и остановилъ на немъ свой выборъ. Дѣйствительно, баронъ Зедделеръ, получивъ блистательное образованіе, имѣлъ богатый запасъ военныхъ познаній, постоянно освѣжаемый широкимъ изученіемъ военныхъ наукъ, слѣды чего и остались въ нашей военной литературѣ. Благородный, прямой характеръ, доброта души, безпредѣльное стремленіе къ пользѣ дѣла, по общимъ отзывамъ современниковъ, вполнѣ располагали къ личности барона Людвига Ивановича всѣхъ знавшихъ его и имѣвшихъ какія бы то ни было съ нимъ отношенія. Къ сожалѣнію, назначеніе барона Зедделера вице-директоромъ Академіи состоялось поздно и застало его за границею, гдѣ онъ лечился отъ послѣдствій имѣвшихся у него ранъ; только въ началѣ Сентября онъ прибылъ къ новой своей должности.

Организовать административный штатъ Академіи было нетрудно; въ началѣ же 1832 года гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ князь Циціановъ назначенъ правителемъ дѣлъ Академіи, съ переводомъ въ Л.-Гв. Преображенскій полкъ; имъ и открыта временная канцелярія у Синяго моста, по Мойкѣ, въ домѣ Митусова, до приведенія въ надлежащій порядокъ Высочайше пожалованнаго Академіи дома на Англійской набережной, который до того былъ занимаемъ квартирами разныхъ чиновъ Главнаго Штаба. На князя Циціанова возложены всѣ заботы по приспособленію зданія къ чтенію лекцій и къ занятіямъ офицеровъ, по меблировкѣ Академіи и устройству всей хозяйственной части. Ближайшими помощниками его были: казначей Академіи, переведенный изъ штаба генералъ-инспектора по инженерной части, чиновникъ 9 класса Тарасенковъ и журналистъ, титулярный совѣтникъ Тимошенко. Въ это же время должность доктора Академіи была поручена лекарю воспитательнаго дома Гаммельману и избраны первые штабъ-офи-

церы для начальствованія надъ обучающимися офицерами: 26-й Артиллерійской бригады полковникъ Жуковскій и 1-й поселенной саперной бригады подполковникъ Блау, а вслѣдъ за тѣмъ и другіе двое, генеральнаго штаба полковники Рокасовскій и Ивановъ.

Гораздо труднѣе было пополненіе учебнаго состава и вообще организація всей учебной части Академіи. На вызовъ, сдѣланный по генеральному штабу и по всѣмъ военно-учебнымъ заведеніямъ, относительно лицъ, желающихъ принять на себя преподаваніе въ Академіи, отозвался лишь одинъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Болотовъ, который, бывъ уже преподавателемъ математики въ училищѣ колоновожатыхъ, былъ извѣстенъ своими трудами по учебной части, почему прямо и назначенъ адъюнктъ-профессоромъ Геодезіи и Топографіи. Остальныхъ затѣмъ преподавателей избралъ самъ генералъ Сухозанетъ изъ лицъ, занимавшихся преподаваніемъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, руководствуясь при этомъ болѣе всего своими собственными впечатлѣніями, вынесенными изъ бесѣдъ съ этими лицами.

Такъ какъ Уставомъ Академіи вовсе не было опредѣлено какими званіями и окладами имѣютъ пользоваться академическіе преподаватели, да и не была означена относительная степень важности разныхъ предметовъ преподаванія, то уже по представленію генерала Сухозанета было Высочайше утверждено, дабы предметы преподаванія, по сравнительной важности ихъ, были раздѣлены на необходимые, на весьма нужные и вспомогательные, или только полезные и чтобы, сообразно съ этимъ, были назначаемы оклады жалованья преподавателямъ. Самые оклады на первыхъ порахъ были назначены отчасти и по взаимному соглашенію съ преподавателями. По ходатайству генерала Сухозанета, первыми преподавателями ко времени открытія Военной Академіи назначены слѣдующія лица:

1) *Профессоры:* а) Россійской словесности и военнаго письмоводства—ординарный профессоръ С.-Петербургскаго Университета, статскій совѣтникъ Бутырскій, съ окладомъ въ 3.000 руб. ассигн.

б) Тактики и Исторіи Военнаго Искусства—состоявшій при Артиллерійскомъ училищѣ, конной артиллеріи полковникъ баронъ Медемъ, съ окладомъ въ 4.000 руб.

в) Стратегіи, Исторіи военныхъ походовъ и Военной литературы,—эту должность занялъ также баронъ Медемъ, уступивъ каѳедру Тактики адъюнкту этого предмета, гвардейскаго генеральнаго штаба полковнику Веймарну (Ивану Ѳедоровичу).

г) Военной Географіи и Военной Статистики—состоявшій при Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщеній, того-же корпуса маіоръ Языковъ, съ окладомъ въ 3.000 руб.

д) Новой Исторіи,—адъюнктъ-профессоръ Императорскаго Царскосельскаго Лицея, коллежскій совѣтникъ Шульгинъ, въ 2.000 руб.

е) Артиллеріи,—состоявшій при Артиллерійскомъ училищѣ, Л.-Гв. 1-й Артиллерійской бригады полковникъ Вессель.

ж) Обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба,—генеральнаго же штаба полковникъ Ивановъ; оба послѣдніе профессора съ окладомъ въ 1.500 руб.

2) *Адъюнктъ-профессоры:* а) Геодезіи и Топографіи съ черченіемъ—генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Болотовъ, съ окладомъ въ 2.000 руб.

б) Тактики—генеральнаго штаба полковникъ Веймарнъ, съ окладомъ въ 1.000 руб.

в) Фортификаціи—преподаватель Главнаго Инженернаго училища, инженеръ штабсъ-капитанъ Ласковскій, съ окладомъ тоже въ 1.000 руб.

Кромѣ того, были установлены должности еще двухъ адъюнктовъ—по Русской Словесности и Стратегіи и двухъ учителей Французскаго и Нѣмецкаго языковъ; всѣмъ имъ опредѣленъ окладъ по 1.000 руб. въ годъ.

Къ открытію Академіи учителями языковъ были назначены: Французскаго—г. Курнандъ, а Нѣмецкаго—г. Штернъ.

Всѣ избранныя на учебныя должности лица были обязаны составить по своимъ предметамъ преподаванія программы, которыя, послѣ обсужденія ихъ директоромъ, вносились въ Совѣтъ Академіи.

28-го Марта состоялось первое засѣданіе Совѣта Академіи, въ который, кромѣ непремѣнныхъ членовъ, директора, вице-директора Академіи, генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба (генералъ-адъютанта Нейдгарта) и начальника штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-маіора Веймарна (Петра Ѳедоровича), были

назначены еще: генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ Шубертъ, инженеръ генералъ-маіоръ Христіани и артиллеріи генералъ-маіоръ Перренъ.

Результатомъ первыхъ занятій Совѣта были: «Правила и программы испытанія офицеровъ, поступающихъ въ Императорскую Военную Академію», объявленныя въ приказѣ военнаго министра 3 іюля 1832 года. Въ программу пріемнаго экзамена вошли: уставы: баталіонное и линейное ученіе пѣхоты, эскадронное и полковое ученіе кавалеріи, разсыпной строй и форпостная служба; математика: ариѳметика, алгебра, лонгиметрія, планиметрія, стереометрія и прямолинейная тригонометрія; фортификація—полевая и часть долговременной; артиллерія (почти одно краткое описаніе матеріальной части); исторія: древняя и среднихъ вѣковъ вмѣстѣ съ исторіею Россіи до Іоанна Грознаго, а изъ исторіи трехъ послѣднихъ столѣтій лишь хронологическій порядокъ важнѣйшихъ событій и преимущественно войнъ; географія въ очень общихъ чертахъ; по Русскому языку—грамматика, синтаксисъ и риторика, отвѣты по которымъ требовались преимущественно отъ офицеровъ, поступающихъ изъ присоединенныхъ отъ Польши, остзейскихъ и другихъ иноплеменныхъ губерній. Въ изданныхъ программахъ были указаны и учебники по каждому предмету.

Система аттестаціи была установлена десятибальная съ коефиціентомъ, соотвѣтствующимъ степени важности предмета; наибольшій коефиціентъ—3, былъ приданъ—черченію, за сочиненіе по русскому языку, за алгебру, фортификацію, новѣйшую исторію и географію. Полное число балловъ опредѣлялось суммою балловъ по всѣмъ предметамъ испытанія и составляло 420. Для принятія въ Академію надо было получить въ суммѣ не менѣе 280 балловъ и имѣть не менѣе $^2/_3$ балловъ въ уставахъ, математикѣ и въ русскомъ языкѣ.

Что касается разработки курсовыхъ программъ, то Совѣтъ поручилъ таковую личной заботливости генерала Сухозанета, который занялся этимъ съ свойственною ему энергіею, работая непосредственно съ самими преподавателями безъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ конференціи, имѣвшей вслѣдствіе поздняго возвращенія изъ-за границы ея предсѣдателя, барона Зедделера,

свое первое засѣданіе только 13 Сентября. Обстоятельство это имѣло очень важное значеніе въ ряду тѣхъ несогласій, которыя не замедлили возникнуть между генераломъ Сухозанетомъ и барономъ Зедделеромъ и окончились выходомъ послѣдняго изъ Академіи.

Постановленіями Совѣта Академіи опредѣлены распредѣленія какъ годовыхъ, такъ и ежедневныхъ занятій офицеровъ.

Годичный курсъ распредѣленъ на зимнія и лѣтнія занятія; первыя предположено продолжать въ теоретическомъ отдѣленіи 7 мѣсяцевъ, съ 1 Ноября по 1 Іюня, а въ практическомъ—6, съ 1 Ноября по 1 Мая. Три лѣтніе мѣсяца офицеры проводили частью въ лагерѣ съ войсками, на съемкахъ и въ различныхъ полевыхъ занятіяхъ. Остальные, осенніе мѣсяцы предназначались на производство переводныхъ, выпускныхъ и пріемныхъ экзаменовъ.

Ежедневно, съ 9 до $3^1/_2$ часовъ, назначались три двухчасовыя лекціи, съ получасовымъ отдыхомъ между второю и третьею лекціями; разъ въ недѣлю имѣли быть производимы фронтовыя ученья, почему въ этотъ день лекціи начинались часомъ ранѣе, дабы окончить ихъ къ 2 часамъ.

Для ученья назначались отъ полковъ и артиллерійскихъ бригадъ одинъ восьмирядный баталіонъ, одинъ эскадронъ и одинъ дивизіонъ (полубатарея) артиллеріи, по усмотрѣнію начальства гвардейскаго корпуса. Очередь ученій учреждалась такъ, чтобы каждый мѣсяцъ было два пѣшихъ, одно конное и одно артиллерійское ученіе; самыя ученія производились въ Михайловскомъ или Конногвардейскомъ манежѣ, а съ ранней весны на Царицыномъ лугу.

Занятія иностранными языками предполагались по вечерамъ, два раза въ недѣлю, а уроки верховой ѣзды три раза въ недѣлю, тоже по вечерамъ отъ 6 до 7 часовъ.

По предметамъ еженедѣльныя лекціи были распредѣлены такъ: для тактики, исторіи военнаго искусства и стратегіи 6 лекцій въ недѣлю, для военной географіи и военной статистики 4, для топографіи съ геодезіею и черченіемъ—2, для русской словесности тоже 2, для артиллеріи, фортификаціи, новѣйшей исторіи и обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба, по одной для каждаго предмета.

Всѣ эти предположенія были Высочайше одобрены; отмѣнена только верховая ѣзда, такъ какъ оказалось, что манежъ Берейторской школы, гдѣ предполагалось вести обученіе, былъ постоянно занятъ, почему офицерамъ и предоставлено учиться верховой ѣздѣ въ частныхъ манежахъ.

Вслѣдствіе вызова, сдѣланнаго въ іюлѣ 1832 года по военному вѣдомству, къ первому пріемному экзамену явилось 25 Сентября въ Академію 36 офицеровъ, изъ числа которыхъ 24 офицера признаны подлежащими зачисленію по выдержаніи экзамена; сверхъ того, впослѣдствіи еще два офицера были приняты по вторичному экзамену, да одинъ зачисленъ въ Академію безъ экзамена, какъ офицеръ инженернаго вѣдомства, кончившій курсъ главнаго инженернаго училища ([9]).

Къ первымъ числамъ Ноября все было готово къ начатію академическаго курса, но самое открытіе Академіи воспослѣдовало только 26 Ноября, въ день кавалерскаго праздника ордена Св. Георгія, который считается также и праздникомъ всего генеральнаго штаба.

Открытіе состоялось въ присутствіи Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича, Почетнаго Президента Академіи и многочисленныхъ гостей, приглашенныхъ на это торжество.

Послѣ молебствія въ одной изъ академическихъ аудиторій, Императоръ Николай обошелъ все помѣщеніе Академіи, гдѣ въ разныхъ залахъ представлялись члены Совѣта Академіи, всѣ назначенные въ ней на службу и офицеры, принятые въ число обучающихся.

Государь остался всѣмъ весьма доволенъ и удостоилъ вновь поступившихъ офицеровъ особымъ привѣтствіемъ, въ которомъ, въ милостивыхъ, но строгихъ выраженіяхъ, изволилъ указать на важность какъ назначенія этихъ офицеровъ, такъ и принятыхъ ими на себя обязанностей. Обратясь тутъ же къ барону Зедделеру, Государь выразилъ надежду, что онъ подыметъ Академію на высоту ея призванія, поведетъ ее какъ слѣдуетъ, причемъ милостиво выразилъ свое благоволеніе, если все пойдетъ хорошо, и пригрозилъ закрытіемъ Академіи, коль скоро выйдетъ противное ([10]).

29 Ноября 1832 года начатъ былъ первый академическій курсъ.

---

*

ГЛАВА XV.

Внутренній бытъ Императорской Военной Академіи и состояніе въ ней учебной части за время съ 1832 по 1852 г.

Мѣры, принимаемыя въ этотъ періодъ, для обезпеченія комплектованія Академіи обучающимися офицерами.

Уставомъ Императорской Военной Академіи, директоръ оной, состоящій при немъ Совѣтъ и почетные члены Академіи стояли какъ бы внѣ сферы обычной жизни этого заведенія, въ которомъ главное начальствованіе по всѣмъ частямъ было возложено на вице-директора; послѣднему предоставлены были всѣ распоряженія касательно порядка и исполненія внутренней службы въ Академіи, онъ созывалъ конференцію, вносилъ на ея обсужденіе всѣ учебные вопросы, наблюдалъ за занятіями профессоровъ, за успѣхами обучающихся офицеровъ, наконецъ, вполнѣ завѣдывалъ всей хозяйственной частію.

На практикѣ же отношенія между этими двумя инстанціями высшаго академическаго управленія совершенно установились иначе, отчасти вслѣдствіе той случайности, что баронъ Зедделеръ прибылъ очень поздно къ своей новой должности, а еще болѣе вслѣдствіе полнѣйшаго различія во взглядахъ его и генерала Сухозанета какъ на учебную часть, такъ въ особенности на отношенія начальствующихъ лицъ къ обучающимся офицерамъ.

Генералъ Сухозанетъ энергически принялся за трудное дѣло устройства Академіи съ самаго перваго дня своего назначенія директоромъ; имъ лично избраны всѣ преподаватели, избранъ весь штатъ Академіи, установлены главныя положенія ея внутренняго быта и учебной части. Хотя уставъ Академіи допускалъ, въ случаѣ необходимости, преподаваніе на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, предполагая вызовъ преподавателей изъ-за границы,

но Сухозанетъ не довелъ до этого: не имѣя достаточной ученой подготовки, онъ замѣнилъ ее природнымъ умомъ, тактомъ и энергіей. По цѣлымъ днямъ онъ проводитъ въ совѣщаніяхъ съ лицами, избранными для преподаванія, обсуждая вмѣстѣ съ ними программы разныхъ курсовъ и методы ихъ исполненія; излагая при этомъ свои собственныя мнѣнія, онъ терпѣливо выслушиваетъ дѣлаемыя ему объясненія и даже возраженія. Благодаря всей этой дѣятельности, учебная часть Академіи выработалась и установилась съ перваго же курса въ достаточно опредѣленной формѣ.

Черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ начала той кипучей дѣятельности Сухозанета, когда въ главныхъ чертахъ уже все было рѣшено, является баронъ Зеделеръ, который по своей прошлой учебной дѣятельности въ Могилевской офицерской школѣ могъ бы считаться вполнѣ авторитетнымъ лицомъ въ учебномъ дѣлѣ. Но въ настоящемъ случаѣ онъ натолкнулся на начальническій авторитетъ Сухозанета, который сдѣлался уже полнымъ хозяиномъ учебной части. Баронъ Зеделеръ старался поднять значеніе академической конференціи, устраняя отъ рѣшенія учебныхъ вопросовъ штабъ-офицеровъ, начальствующихъ надъ обучающимися офицерами; такое направленіе прямо противорѣчило желаніямъ и видамъ директора, да и возбуждало противъ барона Зеделера противниковъ въ средѣ самой конференціи, съ нѣкоторыми членами которой онъ расходился и во взглядахъ на нѣкоторые предметы академическаго преподаванія.

Во взглядахъ на отношенія къ обучающимся офицерамъ господствовала полная рознь между директоромъ и вице-директоромъ; по понятіямъ перваго, личность подчиненнаго не признавалась, строгость—единственная основа порядка, мягкость обращенія вела къ распущенности; совершенно иныхъ взглядовъ придерживался баронъ Зеделеръ, сознававшій, что рѣзкостію никого не исправишь, что уваженіе къ личности подчиненнаго, нисколько не роняя начальника, охраняетъ самолюбіе, этотъ важный рычагъ въ военной службѣ, что, наконецъ, мягкость обращенія можетъ быть вполнѣ соединяема съ строгой справедливостію ([1]).

При такомъ коренномъ различіи во взглядахъ между директоромъ и вице-директоромъ, не могло быть, конечно, никакого между ними согласія, и каждое новое столкновеніе только раздражало

все болѣе и болѣе обѣ стороны; столкновенія особенно усилились въ 1834 году и довели вскорѣ до того, что генералъ Сухозанетъ донесъ военному министру, что поступки генерала барона Зедделера потрясаютъ основанія службы и подчиненности, почему просилъ объ удаленіи его отъ должности (2).

Результатомъ того было увольненіе барона отъ службы (3), причемъ ему не было предоставлено никакихъ преимуществъ, на которыя онъ имѣлъ право; только черезъ годъ онъ былъ вновь принятъ на службу.

Въ преемники барону Зедделеру по должности вице-директора генералъ Сухозанетъ представилъ бывшаго штабъ-офицера Академіи, Л.-гв. 2-й артиллерійской бригады полковника Сиверса, но ходатайство это не было уважено, и 13 Октября 1834 г. вице-директоромъ Академіи былъ назначенъ генералъ-маіоръ Ренненкампфъ, занимавшій эту должность до самой смерти, въ 1848 году.

Карлъ Павловичъ Ренненкампфъ, получивъ образованіе въ Дерптскомъ Университетѣ, вступилъ въ 1808 году въ свиту по квартирмейстерской части колоновожатымъ, а черезъ годъ былъ произведенъ въ подпоручики и затѣмъ остальные оберъ-офицерскіе чины получалъ за боевыя отличія на поляхъ сраженій: за Бауценъ—поручика, за Кацбахъ,—штабсъ-капитана, за Парижъ—капитана, да сверхъ того за Лейпцигъ—золотое оружіе, не считая орденовъ. Съ такой боевой подготовкой дальнѣйшая карьера его была обезпечена, на сколько это дозволяло тогдашнее положеніе генеральнаго штаба: десять лѣтъ онъ пробылъ въ должности оберъ-квартирмейстера 2-го пѣхотнаго корпуса, сдѣлавъ съ нимъ турецкую и польскую кампаніи. Произведенный за штурмъ Варшавы въ генералъ-маіоры, Ренненкампфъ сталъ искать болѣе покойнаго мѣста, почему въ 1832 году и былъ назначенъ директоромъ Московскаго кадетскаго корпуса. Отсюда онъ былъ вызванъ къ занятію должности вице-директора Военной Академіи, въ которой, вслѣдствіе своего благороднаго и мягкаго характера, пользовался общимъ расположеніемъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, умѣя въ то же время ладить и съ генераломъ Сухозанетомъ.

Въ новомъ вице-директорѣ генералъ Сухозанетъ нашелъ вполнѣ покорнаго исполнителя своихъ повелѣній, но нельзя не замѣтить,

что и конференція сдѣлалась въ это время вполнѣ безгласною; за вице-директорство генерала Ренненкампфа журналы ея засѣданій не представляютъ ничего, что служило бы хотя намекомъ на какую либо съ ея стороны инициативу; конференція только и занимается утвержденіемъ списка книгъ и журналовъ, пріобрѣтаемыхъ для академической библіотеки, да разборомъ результатовъ экзаменовъ и составленіемъ экзаменныхъ списковъ. Въ особенности эта безгласность конференціи поддерживалась, пока въ составѣ Академіи преобладали лица, начавшія свою академическую службу подъ непосредственнымъ руководствомъ генерала Сухозанета; но мало-по-малу на первый планъ въ Академіи выдвигаются личности самостоятельныя, для которыхъ директоръ сталъ терять прежній ореолъ авторитетности. Это становится замѣтнымъ, когда, послѣ смерти генерала Ренненкампфа, къ исправленію его должности, въ Сентябрѣ 1848 года, былъ допущенъ Генеральнаго штаба полковникъ Стефанъ, произведенный въ Декабрѣ того-же года въ генералъ-маіоры, съ утвержденіемъ въ званіи вице-директора.

Получивъ прекрасное домашнее воспитаніе, Густавъ Ѳедоровичъ Стефанъ, 16-ти лѣтъ отъ роду, состоялъ въ чинѣ коллежскаго регистратора учителемъ математики въ лѣсномъ корпусѣ, но, прельстившись ученою дѣятельностію тогдашней свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, вступилъ въ нее въ 1815 году колоновожатымъ; произведенный черезъ два года въ прапорщики свиты, Стефанъ вполнѣ посвятилъ себя съемкамъ и пріобрѣлъ репутацію отличнаго, ученаго съемщика. Неумѣстная горячность, выразившаяся «самоуправствомъ съ таможеннымъ чиновникомъ», подвергла Стефана суду, по рѣшенію котораго онъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ армію, откуда, по болѣзни, уволился въ 1827 году. Турецкая война приманила его, однако, снова въ военную службу: онъ поступилъ поручикомъ въ 31 егерскій полкъ; но прежніе сослуживцы и начальники помнили о немъ и взяли его въ генеральный штабъ; за боевыя отличія подъ Силистріею и Шумлою, а въ особенности за сраженіе подъ Кулевчею, Стефану пожалованъ чинъ штабсъ-капитана, которымъ онъ и переведенъ въ генеральный штабъ. Весною 1834 года Стефанъ, въ чинѣ подполковника, прикомандированъ

къ Академіи и въ томъ же году назначенъ штабъ-офицеромъ для начальствованія надъ обучающимися офицерами; въ этой должности опъ оставался до назначенія вице-директоромъ, исполняя въ то же время и обязанности адъюнктъ-профессора военной географіи. Наиболѣе же полезны были для Академіи практическія познанія Стефана въ съемкахъ, правильная постановка которыхъ въ Академіи преимущественно обязана его личному въ томъ участію.

При участіи Стефана, благодаря вліятельному положенію, пріобрѣтенному профессорами Академіи: Д. А. Милютинымъ, А. П. Карцевымъ, М. И. Богдановичемъ, П. С. Лебедевымъ, быть можетъ, также вслѣдствіе нѣкотораго утомленія и болѣзненности генерала Сухозанета, академическая конференція видимо оживилась съ 1848 года. Возбуждается вопросъ о неудовлетворительности прежней системы аттестаціи, вырабатывается новая программа военной администраціи, вводится новое распредѣленіе лѣтнихъ занятій, вслѣдствіе отмѣны прикомандированія академическихъ офицеровъ къ войскамъ красносельскаго лагернаго сбора, впервые возбуждается, какъ о томъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, мысль объ усиленіи геодезическаго образованія въ Академіи. Большинству изъ этихъ начинаній суждено было осуществиться уже впослѣдствіи, когда съ переходомъ Военной Академіи въ 1854 году въ вѣдомство Военно-Учебныхъ заведеній, Г. Ѳ. Стефанъ былъ поставленъ въ самостоятельное положеніе Начальника Академіи.

Въ первое двадцатилѣтіе Императорской Военной Академіи Совѣтъ ея казался-было болѣе самостоятельнымъ, но и его значеніе затемнилось всеподавляющею личностію генерала Сухозанета; члены Совѣта не имѣли никакой самостоятельности, а большинство ихъ слишкомъ пассивно относилось къ вопросамъ, предлагаемымъ на ихъ разсмотрѣніе, будучи отвлекаемо занятіями по своимъ должностямъ. Поэтому-то встрѣчается постоянное единомысліе всего Совѣта съ его предсѣдателемъ, директоромъ Академіи, который самъ и вносилъ всѣ предложенія. Только въ концѣ 1851 года засѣданія Совѣта приняли болѣе оживленный, можно сказать, даже бурный характеръ, когда на него возложено было, по Высочайшему повелѣнію, разсмотрѣть вопросъ о причинахъ

уменьшенія числа поступающихъ въ Академію офицеровъ. Объ этихъ засѣданіяхъ будетъ сказано особо, въ концѣ настоящей главы.

Ближайшее начальствованіе надъ обучающимися въ Академіи офицерами, по уставу, было возложено на четырехъ штабъ-офицеровъ, изъ которыхъ двое старшихъ служили прямыми помощниками вице-директора въ званіи инспекторовъ отдѣленій. Права и обязанности штабъ-офицеровъ опредѣлялись инструкціею, Высочайше одобренною 23 Марта 1833 года.

Офицеры каждаго отдѣленія подраздѣлялись на двѣ части по назначенію вице-директора, и каждая часть состояла подъ непосредственною командою своего штабъ-офицера; послѣдніе обязаны было имѣть неусыпный надзоръ надъ офицерами своего отдѣленія, вести имъ списки съ отмѣтками о ихъ поведеніи и прилежаніи и ежемѣсячно представлять вице-директору подробныя о нихъ аттестаціи; всѣ приказанія передавались офицерамъ черезъ штабъ-офицеровъ, и къ нимъ же обязаны были обращаться офицеры по всѣмъ своимъ дѣламъ. Инспекторы отдѣленій завѣдывали также храненіемъ и раздачей учебныхъ припасовъ, для чего могли избирать себѣ въ помощь одного изъ обучающихся офицеровъ, которые, однако, должны были мѣняться ежемѣсячно.

Штабъ-офицеры имѣли право дѣлать офицерамъ словесныя увѣщеванія, словесные выговоры въ присутствіи товарищей и подвергать домашнему аресту при Академіи, донося въ послѣднемъ случаѣ словесно вице-директору; только во время нахожденія на съемкѣ они могли арестовать офицера на гауптвахтѣ.

Ежедневно въ каждомъ классѣ на время преподаванія назначался дежурнымъ одинъ штабъ-офицеръ, а съ 1834 г. разрѣшено было наряжать лишь одного штабъ-офицера по Академіи, а въ помощь ему одного изъ обучающихся офицеровъ.

На время съемки и вообще полевыхъ занятій штабъ-офицеры становились непосредственными начальниками всѣхъ чиновъ, находящихся на съемкѣ, завѣдывали дѣлопроизводствомъ и представляли вице-директору отчетъ съ отмѣтками о прилежаніи офицеровъ.

Штабъ-офицеры постоянно избирались на половину изъ генеральнаго штаба и изъ строевыхъ всѣхъ оружій, по преимуще-

ству спеціальныхъ родовъ войскъ (¹); на нхъ долю выпадала трудная задача управляться съ молодежью, болѣе или менѣе обладавшею всѣми достоинствами, а также и недостатками молодости, а вмѣстѣ съ тѣмъ нести отвѣтственность за нее передъ суровымъ и требовательнымъ начальникомъ, много такта и искусства требовалось, чтобы въ тѣ времена, когда суровость, переходящая въ рѣзкость, считалась непремѣнною принадлежностію начальническаго тона,—не оскорблять щекотливаго самолюбія молодости, а, напротивъ, мягкостію характера смягчать тягость того положенія, въ какомъ находились академическіе офицеры въ первые годы существованія Военной Академіи. Въ этомъ отношеніи въ особенности заслуживаютъ вниманія и добраго воспоминанія тѣ штабъ-офицеры, которые, долго оставаясь въ этой должности, успѣли сохранить къ себѣ и доброе расположеніе подчиненныхъ, и свое собственное достоинство. Сколько извѣстно, за разсматриваемый періодъ времени, наиболѣе сохранили о себѣ добрую память въ сердцахъ офицеровъ, прошедшихъ черезъ Военную Академію, полковники: Ивановъ, Стефанъ, М. И. Богдановичъ и К. Ѳ. Багговутъ; трое послѣднихъ, пробывъ въ Академіи каждый болѣе 10 лѣтъ, не оставили за собою ничего, что могло бы наводить на непріятныя воспоминанія въ ряду ихъ служебной дѣятельности.

Положеніе офицеровъ, обучавшихся въ Военной Академіи въ первыя 20 лѣтъ ея существованія, было крайне тяжело. Начиная съ того, что въ тѣ времена вообще военная наука была не въ почетѣ; въ частяхъ войскъ не существовало библіотекъ, которыхъ вообще было немного и въ первоклассныхъ нашихъ городахъ; если между офицерами встрѣчались личности, занимавшіяся какими либо научными вопросами, то они слыли за оригиналовъ; нерѣдко и высшіе начальники не жаловали ученыхъ офицеровъ.

При господствѣ такихъ взглядовъ надо было имѣть немало призванія, а главное характера и энергіи, чтобы покидать строевую службу, особенно въ гвардіи, и поступать въ Академію, для перехода впослѣдствіи въ генеральный штабъ, который также не имѣлъ особо выдающихся преимуществъ.

Самая жизнь въ Академіи была чрезвычайно трудна. Директоръ Академіи на первомъ планѣ ставилъ охраненіе дисциплины

между молодыми офицерами; любимое его выраженіе, употребляемое имъ въ приказахъ и въ рѣчахъ офицерамъ, было—«безъ науки побѣждать возможно, но безъ дисциплины никогда»; на науку онъ смотрѣлъ какъ на что-то придаточное къ военному дѣлу.— «Наука въ военномъ дѣлѣ»,—говорилъ И. О. Сухозанетъ,—«не болѣе какъ пуговица къ мундиру: мундиръ безъ пуговицы нельзя надѣть, но пуговица еще не составляетъ всего мундира (5)». Относительно офицеровъ, по понятіямъ Сухозанета, всѣ академическія власти должны были стоять въ строго начальственныхъ отношеніяхъ, т. е., не принимая никакихъ объясненій, не вдаваясь въ разговоры съ офицерами, употреблять лишь власть карательную при малѣйшемъ проступкѣ; узнавать причину проступка офицера, вводить слѣдовательно смягчающія обстоятельства, значило бы, по словамъ Сухозанета, «становиться болѣе отцомъ, нежели начальникомъ». «Стыдитесь, господа»,—говоритъ онъ въ своемъ обращеніи къ вице-директору и штабъ-офицерамъ,—«вы здѣсь не школьники надъ школьниками, вы здѣсь полные начальники; вы можете и должны требовать полнаго повиновенія. Вы всегда и во всякое время можете сами послать офицера подъ арестъ—сперва въ Академію, потомъ на гауптвахту и только доложить объ этомъ вице-директору. А то они думаютъ (относится къ присутствующимъ при этомъ офицерамъ), что безъ меня никто ихъ и арестовать не можетъ, что о нихъ надо доводить до свѣдѣнія Самого Государя Императора!»

Неудивительно, что при такихъ взглядахъ высшаго начальника, обучающимся офицерамъ приходилось очень жутко; малѣйшая провинность подвергалась взысканію; изъ приказовъ по Академіи видно, что за опозданіе на лекцію 1/4 часа объявлялся выговоръ, за получасовое опозданіе, за невниманіе офицера на лекціи—суточный арестъ; за дурное салютованіе въ караулѣ—выговоръ; за то, что офицеръ шелъ рядомъ съ юнкеромъ,—арестъ. Каждый малѣйшій случай служилъ поводомъ или къ грозному приказу по Академіи, или же къ не менѣе грозной бесѣдѣ директора со всѣми собранными офицерами и административными властями Академіи; такъ, напр., входя въ академическій залъ, директоръ замѣчаетъ, что казачій офицеръ держалъ руки въ карманахъ шароваръ; слѣдуетъ общее собраніе всѣхъ офице-

ровъ, передъ которыми въ рѣзкой формѣ объявляется, «что подобное неприличіе можетъ быть допускаемо развѣ гдѣ-нибудь въ трактирѣ, но не въ стѣнахъ Академіи, этого святилища науки».

Каждая встрѣча съ грознымъ директоромъ внушала страхъ офицерамъ, а встрѣчи эти случались очень часто. Независимо отъ посѣщеній директоромъ Академіи, офицерамъ приходилось ѣздить къ Сухозанету на дежурство. Съ 1834 года было установлено, чтобы ежедневно, кромѣ штабъ-офицера, назначался одинъ изъ обучающихся офицеровъ дежурнымъ по Академіи. Обязанность дежурнаго состояла въ томъ, чтобы въ парадной формѣ присутствоватъ на лекціи и рапортовать «о благополучіи» при входѣ кого-либо изъ начальствующихъ лицъ въ классъ; вечеромъ-же, къ 7 часамъ, надлежало ѣхать на квартиру директора (на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста) и тамъ ожидать 2, 3 часа, пока генералъ выйдетъ изъ внутренних комнатъ. Для того, чтобы это время не пропадало даромъ для офицера, онъ обязанъ былъ сидѣть и читать въ особой комнатѣ, гдѣ на столахъ лежали академическія записки и руководства; при пріемѣ директоръ обыкновенно разспрашивалъ офицера о прочитанномъ, бесѣдовалъ съ нимъ; нерѣдко же, когда рана безпокоила Сухозанета и онъ не могъ послѣ обѣда заснуть и ѣхать въ клубъ, то принималъ дежурнаго офицера въ халатѣ, лежа, а офицеру дозволялось сѣсть и читать вслухъ, или же разсказать что-либо изъ академическаго курса. Подходить съ рапортомъ надо было также умѣючи, чтобы остановиться подъ лѣвую ногу, не ближе и не далѣе какъ за два шага; нерѣдко заставляли отставить, еще разъ подойти; при этомъ малѣйшая неисправность или отступленіе въ формѣ одежды подвергали виновнаго замѣчанію, высказываемому обыкновенно въ самой грубой и рѣзкой формѣ.

И, тѣмъ не менѣе, все это переносилось обучающеюся въ Академіи молодежью легко и безропотно, отчасти потому, что къ такому обращенію привычны были военнослужащіе того времени, но главное, конечно, вслѣдствіе того, что дѣйствительно офицеры, поступавшіе въ тѣ времена въ Академію, искали науки, просвѣщенія, которое нигдѣ не пріобрѣталось такъ легко и обильно, какъ въ столицѣ и къ тому же въ стѣнахъ Академіи.

Никто, конечно, не упрекнетъ академическихъ офицеровъ того времени, чтобы они увлекались жизнію и столичными удовольствіями; на это не было у нихъ времени, не было и средствъ. Періодическіе экзамены, повторенія разнаго рода задачи и сочиненія заставляли серіозно работать, дорожа временемъ, тѣмъ болѣе, что весьма часто бывали случаи отчисленія офицеровъ отъ Академіи среди курса за неуспѣшныя занятія; дежурства по Академіи, наряды въ караулъ, строевыя ученія въ манежѣ, по воскресеньямъ обязательное присутствованіе цѣлаго отдѣленія офицеровъ на разводахъ съ церемоніею,—все это отнимало немало времени; въ тѣ времена, т. е. до Восточной войны, и репертуаръ развлеченій былъ крайне незначителенъ—онъ почти ограничивался одними театрами, да маскарадами.

Наконецъ, жизнь академическихъ офицеровъ была скромна и по незначительности того содержанія, которое они получали Содержаніе это до 1852 года ограничивалось жалованьемъ по чину и добавочными 500 руб. ассигнац., или 150 руб. сер. Нелишне припомнить, что въ тѣ времена, даже послѣ усиленія окладовъ въ 1838 году, съ переводомъ ихъ съ 1840 года на серебро ([6]), въ годъ получали: прапорщики гвардіи 238 руб. 80 коп., подпоручики 282 руб. 75 коп., а поручики 307 руб. 5 коп. и соотвѣтственно тому въ другихъ родахъ войскъ; содержаніе къ тому же выдавалось по третямъ; сколько нужно было разсчетливости, акуратности молодому офицеру, чтобы сводить концы съ концами, получая въ треть всего содержанія 130—140 руб.

Дешевизна квартиръ въ Коломнѣ, гдѣ по преимуществу ютились академическіе офицеры, да и дешевизна тогдашней жизни позволяли кое-какъ изворачиваться; нуждавшіеся офицеры прибѣгали обыкновенно къ помощи вице-директора, который разрѣшалъ выдачу въ счетъ жалованья изъ казенныхъ суммъ; но чаще всѣ профессоры и обучавшіеся офицеры прибѣгали къ тогдашнему казначею Академіи, Василію Якимовичу Тарасенкову, который рѣдко кому отказывалъ въ выдачѣ заимообразно небольшой суммы, не безъ пользы для себя и не иначе, какъ на срокъ до слѣдующей получки жалованья; многіе оставались ему должны и по выходѣ изъ Академіи.

Учебный академическій день начинался въ 9, а въ дни

строевыхъ ученій въ 8 часовъ; къ этому времени офицеры собирались прямо въ классныхъ комнатахъ, проходя черезъ дежурную комнату, гдѣ лежалъ списокъ, въ которомъ надо было отмѣтить свое прибытіе, и гдѣ находился дежурный штабъ-офицеръ, замѣчавшій, кто опоздаетъ, явится не въ формѣ или съ длинными волосами. Первое время офицеры являлись на лекціи въ мундирахъ, но вскорѣ воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе посѣщать лекціи въ сюртукахъ, оставляя оружіе вмѣстѣ съ верхнимъ платьемъ; въ тѣ же дни, когда бывали строевыя ученія, всѣ офицеры должны были являться на лекціи въ мундирахъ, для того, чтобы идти изъ классовъ въ манежъ на ученье, на кототоромъ, по тогдашнимъ положеніямъ, не дозволялось бывать въ сюртукахъ.

Высидѣть въ классахъ до получасовой перемѣны цѣлыхъ четыре часа было крайне тяжело, тѣмъ болѣе, что въ маленькую перемѣну между первыми двумя лекціями негдѣ было отдохнуть; особенно тяжело было для курильщиковъ, такъ какъ куреніе воспрещалось въ стѣнахъ Академіи, не было особаго курильнаго зала, а желавшіе курить бѣгали на черную лѣстницу жившихъ въ томъ же домѣ правителя дѣлъ и адъютанта Академіи.

Въ большую перемѣну (получасовую) всѣ офицеры спѣшили въ сосѣднюю съ Академіею, по Галерной улицѣ, кандитерскую Калаца, гдѣ въ маленькихъ двухъ комнатахъ, среди сплошнаго табачнаго дыма, уничтожались разнаго рода пирожки, кофе и чай, преподносимые добродушнымъ хозяиномъ, всегда готовымъ кредитовать офицеровъ, и сердитою его супругою, выказывавшею любезность лишь тѣмъ, немногимъ, кто забиралъ на наличныя деньги.

Здѣсь-то, въ табачномъ дыму, шли самые горячіе споры, сужденія о слышанномъ на лекціяхъ, объ испытанномъ въ жизни.

Послѣдняя лекція обыкновенно слушалась крайне тяжело и невнимательно, особенно въ глубокую зиму, когда дни бывали коротки, а освѣщенія въ то время для классныхъ комнатъ не полагалось. Даже и по вечерамъ залы Академіи не были освѣщаемы, а если кто желалъ заниматься по картамъ, то долженъ былъ испрашивать на то разрѣшеніе вице-директора и являться

съ своими собственными свѣчами. Жизнь офицеровъ въ Академіи вообще была однообразна, скромна и не представляла ничего особенно выдающагося; жили дружно между собою, съ профессорами и съ начальствомъ, хотя въ Академіи вообще не завязывались прочныя товарищескія узы. Въ городѣ, въ зимнее время, по преимуществу сходились только на лекціяхъ; большее сближеніе бывало на полевыхъ практическихъ занятіяхъ, а въ особенности, когда прикомандированіе по окончаніи курса къ образцовымъ войскамъ вынуждало жить всѣхъ въ Павловскѣ, или Царскомъ селѣ. Отношенія къ профессорамъ были постоянно самыя лучшія, по крайней мѣрѣ лѣтописи Академіи не представляютъ никакихъ исторій или крупныхъ столкновеній между учащимися и преподавателями.

Въ первыя 20 лѣтъ существованія Академіи почти всѣ ея курсы, а особенно спеціально военныхъ предметовъ, представляютъ постоянныя колебанія, то сжимаясь, то чрезмѣрно расплываясь, мѣняя распредѣленіе своихъ частей, иногда даже и самый характеръ ихъ изложенія. Всѣ эти фазисы академическаго преподаванія служили постояннымъ отраженіемъ общаго состоянія военно-научныхъ познаній въ нашемъ отечествѣ; поэтому-то очеркъ развитія этихъ фазисовъ представляетъ несомнѣнный интересъ и поучительность, указывая ту постепенность, въ которой вырабатывались у насъ разныя отрасли военныхъ знаній.

Подробный обзоръ этого развитія сдѣланъ уже нами въ «Историческомъ очеркѣ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба», изданномъ по случаю ея юбилея въ 1882 году, а потому здѣсь остановимся только на наиболѣе выдающихся фактахъ академическаго преподаванія, находившихся въ болѣе или менѣе близкой связи съ жизнію нашего генеральнаго штаба.

По первоначальнымъ программамъ академическаго курса тактика признана предметомъ, наиболѣе необходимымъ для образованія будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба, почему на нее обращено главное вниманіе. Въ основу изученія этого предмета поставлены были очень правильныя два положенія: знаніе строевыхъ уставовъ всѣхъ трехъ родовъ оружія и возможно полнѣйшее развитіе практическихъ занятій.

Для удовлетворенія первому положенію, установлено было

требовать знанія уставовъ на пріемномъ экзаменѣ; въ самой Академіи еженедѣльно, сперва по два часа, а съ 1834 г. по четыре, посвящалось на строевыя ученія всѣхъ родовъ оружія; часть лѣта офицеры проводили при войскахъ въ красносельскомъ лагерѣ, а съ 1850 г. кончившіе курсъ офицеры были прикомандировываемы на годъ къ образцовымъ войскамъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, для узнанія быта войскъ и строевой службы (7).

Что касается практическихъ занятій по тактикѣ, то съ перваго же года существованія Академіи она была установлена въ широкихъ размѣрахъ, благодаря участію въ этомъ дѣлѣ вице-директора барона Зедделера. Ему принадлежитъ установленіе словесныхъ задачъ, даваемыхъ въ классахъ на произвольной мѣстности, начерченной мѣломъ на доскѣ, а также организація полевыхъ тактическихъ занятій съ участіемъ казаковъ и жалонеровъ отъ войскъ.

Въ первыя десять лѣтъ существованія Академіи преподаваніе тактики лежало на конной артиллеріи полковникѣ баронѣ Медемѣ и гвардейскаго генеральнаго штаба, флигель-адъютантахъ: полковникѣ Веймарнѣ (Иванъ Ѳедоровичъ) и штабсъ-капитанѣ Фроловѣ; изъ нихъ первые двое занимались уже до зачисленія въ Академію преподаваніемъ тактики въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, и труды ихъ для Академіи были весьма значительны, хотя и въ разныхъ совершенно направленіяхъ. Баронъ Медемъ по преимуществу заботился о развитіи начальной тактики, далъ этому отдѣлу полное развитіе, но Совѣтъ Академіи призналъ курсъ его слишкомъ элементарнымъ, почему поручено было полков. Веймарну переработать этотъ курсъ болѣе примѣнительно къ потребностямъ Академіи, какъ высшаго учебнаго заведенія; это въ особенности признавалось умѣстнымъ въ томъ вниманіи, что съ 1837 года начальная тактика была введена въ преподаваніе военно-учебныхъ заведеній, для которыхъ баронъ Медемъ издалъ свой курсъ чистой и прикладной тактики.

Результатомъ труда И. Ѳ. Веймарна былъ изданный имъ въ 1840 году курсъ «Высшей тактики», напечатанный на счетъ Академіи.

Перевѣсъ, данный высшей тактикѣ, неизбѣжно отразился не только въ изложеніи самаго курса, но еще болѣе въ практиче-

скихъ занятіяхъ по этому предмету. Въ курсъ тактики включенъ краткій обзоръ исторіи военнаго искусства, а при изложеніи принято за правило, по возможности, дѣлать заключенія по большему количеству войскъ о меньшемъ; соотвѣтственно тому и въ практическихъ занятіяхъ, отъ прежнихъ мелкихъ и по преимуществу изустныхъ задачъ, сдѣланъ переходъ къ болѣе крупнымъ, какъ по числу войскъ, такъ и по размѣрамъ операцій и самой ихъ обстановки. Крайности эти не замедлили выказать и неудобства: изученіе подробностей военной техники стало слабѣть, что прямо не соотвѣтствовало условіямъ подготовки офицеровъ для службы въ генеральномъ штабѣ; пришлось снова усилить изученіе элементарныхъ познаній тактики, соблюдая должное равновѣсіе между всѣми ея отдѣлами. Въ этомъ новомъ направленіи и проявилась дѣятельность послѣдующихъ преподавателей тактики, офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба, прошедшихъ черезъ Академію,—Горемыкина, Вунча и Карцова, которые послѣдовательно занимали кафедру этого предмета съ 1843 по 1856 годъ.

Полковникъ Горемыкинъ строго систематизировалъ весь курсъ, придавъ всѣмъ частямъ одинаково соразмѣрное развитіе и руководствуясь тѣмъ, чтобы, начавъ съ самыхъ простыхъ положеній, относящихся порознь до каждаго рода оружія, переходить постепенно къ понятіямъ болѣе обширнымъ и сложнымъ. Оставивъ прежнее раздѣленіе тактики на низшую, прикладную и высшую, онъ отнесъ къ 1-й части элементарное изслѣдованіе устройства и дѣйствій войскъ, безъ всякихъ постороннихъ соображеній; ко 2-й части элементъ мѣстности и вліяніе его на боевыя соображенія, и, наконецъ, въ третьей, не останавливаясь на подробностяхъ устройства войскъ и зависимости ихъ дѣйствій отъ мѣстности, излагались главныя идеи и высшія предначертанія къ употребленію войскъ въ значительныхъ массахъ, при разнообразныхъ и сложныхъ обстановкахъ.

При такомъ развитіи тактика получила значительно большій противъ прежняго объемъ, почему изъ нея былъ исключенъ отдѣлъ объ историческомъ развитіи военнаго искусства, включенный въ курсъ военной исторіи, а самое преподаваніе тактики распредѣлено между обоими классами Академіи. Въ 1849 году Горемыкинъ издалъ «Руководство къ изученію тактики», въ трехъ ча-

стяхъ, съ планами и чертежами; сочиненіе это, какъ единственное въ своемъ родѣ по своей полнотѣ и систематическому изложенію, удостоено отъ Императорской Академіи наукъ первой Демидовской преміи (8).

Преемникъ Горемыкина, полковникъ Вуичъ, ознаменовалъ свое кратковременное профессорство изданіемъ въ 1850 году «Записокъ о малой войнѣ». Въ томъ же году кафедру тактики занялъ, бывшій до того адъюнктомъ (съ 1847 года), гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ Александръ Петровичъ Карцовъ, на которомъ до 1856 года вполнѣ лежало веденіе курса этого предмета.

Съ новымъ профессоромъ являются новыя измѣненія въ изложеніи предмета, въ его практическихъ занятіяхъ, въ учебникѣ, служившемъ для изученія тактики. Оставляя въ прежнихъ размѣрахъ высшую тактику, придается преобладающее значеніе начальной, съ усиленнымъ развитіемъ уставнаго элемента и съ той особенностію, что за безусловный образецъ тактическаго развитія войскъ стали принимать не столько боевые примѣры и теоретическіе изъ нихъ выводы, сколько дѣятельность Красносельскаго лагеря, гдѣ, при всѣхъ достоинствахъ производимыхъ въ немъ занятій, на первомъ планѣ стояли по преимуществу смотровыя условія. Новое это направленіе вполнѣ очерчено въ академическомъ отчетѣ за 1851 годъ, гдѣ говорится: «Практическое направленіе въ преподаваніи тактики основано на томъ, что Военная Академія должна приготовлять не столько ученыхъ, сколько способныхъ офицеровъ для службы при войскахъ; и потому эта наука идетъ рядомъ съ тактическими усовершенствованіями Красносельскаго лагеря. Таковому развитію сего предмета много содѣйствуетъ то, что профессора избираются всегда изъ офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба; служа при гвардейскомъ корпусѣ, они не по однѣмъ книгамъ, а на опытѣ, въ полѣ, видятъ и изучаютъ, какъ должно двигать войска, слѣдовательно излагаютъ этотъ предметъ съ совершеннымъ знаніемъ дѣла».

Въ зависимости отъ этого направленія измѣнились и практическія занятія по тактикѣ: вмѣсто прежнихъ небольшихъ задачъ, гдѣ офицеры распоряжались баталіонами и полками на литографированныхъ планахъ, введены большія тактическія задачи, вполнѣ соотвѣтствовавшія большимъ красносельскимъ маневрамъ, гдѣ дѣй-

ствовали цѣлые корпуса; для этихъ задачъ потребовались карты заграничнаго изданія, съ которыхъ приходилось мѣстность перечерчивать въ увеличенномъ масштабѣ. Сверхъ того, введена военная игра, для которой планы также должны были вычерчивать сами офицеры. Наконецъ, введено составленіе проектовъ линейныхъ ученій для пѣхотной и одной кавалерійской дивизій съ ихъ артиллеріею; въ этихъ проектахъ надлежало продѣлывать всѣ существовавшіе тогда Высочайше утвержденные боевые порядки съ соблюденіемъ всѣхъ смотровыхъ условій и съ означеніемъ въ особой легендѣ всѣхъ командныхъ словъ какъ главнаго, такъ и частныхъ начальниковъ до баталіоннаго, эскадроннаго и батарейнаго командировъ.

Всѣ эти задачи требовали массы труда, почему на каждаго обучающагося офицера приходилось за время пребыванія его въ Академіи не болѣе двухъ или трехъ рѣшенныхъ задачъ; наконецъ, самая повѣрка задачъ потеряла прежнее значеніе и поучительность, будучи дѣлаема однимъ лишь профессоромъ, или его адъюнктомъ, и притомъ рѣдко въ присутствіи всего класса, какъ то бывало прежде.

Полевыя тактическія занятія продолжались не болѣе двухъ дней, изъ которыхъ одинъ былъ посвящаемъ двухстороннему маневру, а другой примѣрному корпусному ученью.

Что касается до учебника по тактикѣ, то въ пятидесятыхъ годахъ на первомъ планѣ какъ въ Академіи, такъ и вообще во всѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ стоялъ курсъ тактики, составленный А. П. Карцовымъ въ двухъ томахъ, имѣвшій три изданія въ десятилѣтіе съ 1850—1860 годъ.

Увлеченіе красносельскими порядками и условіями линейныхъ ученій составляло общее въ пятидесятыхъ годахъ затрудненіе, которое не замедлило отразиться и на академическомъ преподаваніи; ему до нѣкоторой степени подпалъ и А. П. Карцовъ, что, однако, вполнѣ искупается крупными его достоинствами.

По своей должности главнаго наблюдателя по преподаванію военныхъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, онъ имѣлъ въ высшей степени благотворное вліяніе на преподаваніе тактики въ этихъ заведеніяхъ, издавши образцовыя по системѣ и изложенію руководства для нихъ какъ по этому предмету, такъ и по воен-

ной исторіи. Какъ лекторъ въ Академіи, Александръ Петровичъ былъ замѣчательно хорошъ. Рѣчь его, простая, сжатая, звучала глубокимъ убѣжденіемъ, а потому неотразимо дѣйствовала на слушателей, глубоко запечатлѣвая въ нихъ излагаемыя положенія и образы. Особенною картинностію отличались изображенія военно-историческихъ эпизодовъ, приводимыхъ имъ въ подкрѣпленіе тактическихъ положеній; въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, онъ изображалъ нравственную сторону дѣла и душевное настроеніе войскъ и ихъ начальниковъ. Практическія занятія, веденныя имъ въ Академіи, отличались особенною поучительностію: вѣрность военнаго взгляда, мѣткость замѣчаній, высказываемыхъ хотя и рѣзко, но всегда справедливо, откровенно, никого не оскорбляла, а невольно привлекала къ нему сердца учениковъ и поддерживала въ нихъ полнѣйшее уваженіе къ его добросовѣстнымъ трудамъ. Безспорно можно признать, что профессорская дѣятельность А. П. Карцова многихъ пріохотила къ военному дѣлу, къ серьезному его изученію и имѣла сильное воспитательное значеніе для цѣлаго поколѣнія военнослужащихъ ([9]).

Другимъ первостепеннымъ предметомъ преподаванія въ Императорской Военной Академіи, по ея первоначальному уставу, была поставлена стратегія, съ военною исторіею и военною литературою, причемъ опредѣлено было стратегію читать въ полномъ объемѣ въ приложеніи къ послѣднимъ войнамъ, военную исторію съ древнихъ временъ до Петра Великаго въ общихъ основаніяхъ, а съ этой эпохи до настоящаго времени въ полной подробности, а военную литературу въ видѣ разбора лучшихъ древнихъ и новѣйшихъ военныхъ сочиненій.

Исполненіе этой трудной и обширной задачи принялъ на себя конной артиллеріи полковникъ баронъ Медемъ, который, благодаря громаднымъ познаніямъ, необычайному трудолюбію и энергіи, блестяще исполнилъ ее въ первый же годъ преподаванія.

По стратегіи баронъ Медемъ держался изложенія системъ всѣхъ извѣстнѣйшихъ по этой части писателей, начиная съ Лойда до Клаузевица, а по военной исторіи онъ знакомилъ со всѣми войнами, происходившими въ Европѣ съ 30-лѣтней войны до 1815 года, причемъ болѣе достопримѣчательныя и поучительныя кампаніи излагались съ полною подробностію. Наконецъ, военная

литература была излагаема въ видѣ краткаго историческаго очерка главныхъ ея явленій въ разныя эпохи, съ древнихъ временъ до XVIII вѣка; за послѣднія же два столѣтія сообщалась лишь номенклатура тѣхъ сочиненій, которыя могли служить къ дальнѣйшему образованію офицеровъ по выходѣ ихъ изъ Академіи.

Дѣятельность барона Медема значительно была облегчаема его трудолюбивымъ адъюнктомъ, генеральнаго штаба подполковникомъ княземъ Голицынымъ 6 (Николай Сергѣевичъ), который повторялъ съ офицерами пройденное, самъ читалъ нѣкоторыя части курса и особенно трудился по составленію какъ картъ и плановъ читанныхъ кампаній, такъ и учебныхъ записокъ для офицеровъ.

Князь Голицынъ принялъ отъ барона Медена въ 1838 году каѳедру стратегіи и военной исторіи, которую занималъ до 1848 года, имѣя за все это время вполнѣ преданнаго дѣлу и трудолюбиваго помощника въ лицѣ адъюнктъ-профессора, генеральнаго штаба капитана Модеста Ивановича Богдановича, получившаго военное образованіе въ Академіи и посвятившаго ей же лучшіе годы своей жизни въ теченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ (съ 1838 по 1863 годъ).

Во время своего профессорства баронъ Медемъ неуклонно старался о томъ, чтобы не допускать курсъ военной исторіи до чрезмѣрнаго развитія, чего, къ сожалѣнію, не придерживались его преемники по каѳедрѣ, поощряемые впрочемъ генераломъ Сухозанетомъ, который желалъ создать въ Академіи «полный курсъ военной исторіи, какого не имѣетъ ни одна изъ европейскихъ литературъ и ни одно изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній» ([10]).

Составленіе такого курса и предпринято было Академіею подъ руководствомъ князя Н. С. Голицына, причемъ самая работа отдѣльныхъ частей курса возлагалась на академическихъ офицеровъ. Хотя на изданіе курса и было разрѣшено употребить изъ неприкосновеннаго капитала Академіи 15,000 руб. ассигн. ([11]), но отчасти вслѣдствіе выхода князя Голицына въ отставку, а еще болѣе вслѣдствіе недостатка единства, зрѣлой обдуманности и надлежащей полноты въ этой работѣ она была оставлена; нѣсколько разъ возбуждался вопросъ объ ея возобновленіи, но неуспѣшно, и только уже въ 1873 году князь Голицынъ сталъ издавать от-

дѣльныя, наиболѣе разработанныя части этого курса на свой собственный счетъ.

Преемники барона Медема признали для офицера съ академическимъ образованіемъ вполнѣ необходимымъ знакомство со всѣми походами древнихъ и новѣйшихъ временъ, притомъ же постепенно вводилось изученіе походовъ и кампаній не только вслѣдствіе ихъ поучительности, но просто «какъ эпизодовъ, вполнѣ достойныхъ любознательности офицеровъ, образующихся въ Академіи» (12). Такъ, въ курсъ военной исторіи были включены всѣ походы великихъ полководцевъ, начиная съ Александра Македонскаго, новѣйшія военныя событія въ Шлезвигѣ въ 1848—1849 годахъ, дѣйствія французовъ въ Алжирѣ и англичанъ въ Индіи, а, сверхъ того, съ конца сороковыхъ годовъ было введено изученіе одной изъ новѣйшихъ кампаній во всей подробности, для болѣе обстоятельнаго ознакомленія офицеровъ съ механизмомъ большихъ военныхъ дѣйствій.

Изученіе столь обширнаго курса занимало много времени: оно было распредѣлено между обоими академическими классами и возложено на двухъ преподавателей. Для обучающихся же офицеровъ изученіе это облегчалось лишъ обиліемъ пособій по этому предмету. Благодаря дѣятельности князя Н. С. Голицына и М. И. Богдановича, Академія была обильно снабжена военно-историческими картами и планами, а также и учебниками. Не говоря о массѣ литографированныхъ записокъ, которыя были составлены для академическихъ офицеровъ въ періодъ времени съ 1846 по 1853 годъ, М. И. Богдановичъ издалъ слѣдующіе учебники: въ 1846 году—«Замѣчательные походы Петра Великаго и Суворова» и «Походы Суворова въ Италіи и Швейцаріи»; въ 1847 году—«Записки стратегіи»; въ 1848 году—«Походъ 1796 года въ Италіи», имѣвшій въ 1860 году второе изданіе; въ 1849 году—«Алжирія въ новѣйшее время» и «Описаніе походовъ графа Радецкаго въ Италіи въ 1848 и 1849 годахъ»; въ 1850 году—«Очеркъ венгерской войны 1848 и 1849 годовъ», составленный вмѣстѣ съ полковникомъ Лебедевымъ; въ 1852 году—«Походы Румянцева, Потемкина и Суворова въ Турціи» и, наконецъ, въ 1853 году—«Исторія военнаго искусства и замѣчательныхъ походовъ отъ начала войнъ до настоящаго времени» (въ двухъ

частяхъ). Всѣ эти произведенія служили какъ бы вступленіемъ къ капитальнымъ произведеніямъ нашего военнаго историографа, появившимся уже послѣ 1859 года, и составляютъ несомнѣнно великую его заслугу, не только для Академіи, но и для всего нашего военнаго общества.

Въ числѣ первостепенныхъ предметовъ преподаванія въ Академіи назначены были два предмета—военная географія и военная статистика, по разработкѣ которыхъ въ нашей литературѣ вовсе не было никакихъ образцовъ, да и за границею имѣлись лишь нѣкоторыя попытки въ Германіи создать учебники военной географіи, а о военной статистикѣ не было и помина. Военной Академіи пришлось вырабатывать собственный взглядъ на эти предметы и самый методъ ихъ изложенія, что и было исполнено съ замѣчательнымъ успѣхомъ.

Первый профессоръ этихъ предметовъ, корпуса инженеровъ путей сообщенія маіоръ Языковъ, пытался возвести военную географію на степень самостоятельной науки, которая бы изслѣдовала географическія данныя съ опредѣленною цѣлію для военныхъ сообщеній. Свою систему онъ изложилъ въ изданной въ 1837 г. «Теоріи военной географіи», которая, однако, не имѣла успѣха не только въ литературѣ, но и въ самой Академіи.

Рядомъ съ этими начинаніями Языкова, съ 1834 г., генеральнаго штаба подполковникъ Стефанъ составилъ военные обзоры наиболѣе важныхъ въ военномъ отношеніи частей Россіи и смежныхъ съ нею государствъ, останавливаясь преимущественно на географическихъ данныхъ, дополняемыхъ и нѣкоторыми статистическими цифрами. Полковникъ Стефанъ замѣнилъ въ 1843 году маіора Языкова, но въ слѣдующемъ году, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, долженъ былъ отказаться отъ преподаванія, и на его мѣсто приглашенъ генеральнаго штаба подполковникъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ, исправлявшій до того должность оберъ-квартирмейстера Кавказской линіи.

Система, введенная Д. А. Милютинымъ въ Академіи, изложена вполнѣ въ его замѣчательномъ сочиненіи «Первые опыты военной статистики», удостоенномъ въ 1849 году половинной Демидовской преміи. Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе значенія военной географіи и военной статистики. Исходя изъ той основной

мысли, что для опредѣленія могущества государства недостаточно указанія лишь на одни географическія данныя, да на численную силу его войска, а необходимо изслѣдованіе всѣхъ средствъ и силъ государства, Д. А. Милютинъ справедливо признаетъ, что такому изслѣдованію приличнѣе присвоить названіе военной статистики. Это положеніе введено и въ академическій курсъ съ 1847 года, причемъ тогда же была прочно установлена и самая программа этого предмета, состоявшая изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: 1) военной статистики сосѣднихъ съ нашимъ отечествомъ государствъ и 2) стратегическихъ разборовъ наиболѣе замѣчательныхъ въ военномъ отношеніи частей Россіи.

Исполняя во всей полнотѣ эту трудную и сложную программу, Д. А. Милютинъ употреблялъ всѣ старанія къ тому, чтобы обставить курсъ военной статистики прекрасно составленными имъ замѣтками, а также и всѣми необходимыми для его изученія картами, между которыми на первомъ планѣ стояла громадная стѣнная карта Средней Европы, составленная въ 1852 году подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и почти собственноручно самимъ профессоромъ. Независимо отъ того, Д. А. Милютинъ обращалъ особое вниманіе не только на то, чтобы самый курсъ былъ хорошо разучиваемъ обучающимися офицерами, но чтобы послѣдніе имѣли возможность знакомиться со статистикою и тѣхъ государствъ, обзоръ которыхъ не входитъ въ академическую программу. Для этой цѣли онъ не только сверхъ программы читалъ общую сравнительную статистику европейскихъ государствъ и отдѣльные обзоры нѣкоторыхъ изъ этихъ государствъ, но и задавалъ офицерамъ разныя письменныя по этому предмету задачи, тщательно провѣряя представляемыя ему рѣшенія и разбирая ихъ затѣмъ на лекціяхъ.

Подобныя работы, значительно утруждая и профессора и обучающихся офицеровъ, исполнялись послѣдними съ величайшею охотою, потому что были вполнѣ цѣлесообразны, какъ-бы подготовляя офицеровъ къ тѣмъ ученымъ работамъ, которыя предстояли имъ на службѣ въ генеральномъ штабѣ.

Непосредственная подготовка къ этой службѣ обучающихся въ академіи офицеровъ въ первоначальныхъ академическихъ программахъ представлялась въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ;

для этого считался достаточнымъ небольшой курсъ «обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба», на который была предназначена лишъ одна лекція въ старшемъ классѣ. Для веденія этого курса былъ приглашенъ опытный въ штабной службѣ какъ мирнаго, такъ и военнаго времени, генеральнаго штаба полковникъ Аполлонъ Алексѣевичъ Ивановъ 1-й.

Въ теченіе восьмилѣтняго своего нахожденія въ Академіи Ивановъ придалъ этому курсу надлежащее развитіе, по преимуществу ограничиваясь изученіемъ штабнаго дѣлопроизводства и военнаго письмоводства, но удѣляя крайне мало вниманія на внутреннее устройство, управленіе и хозяйство войскъ.

Какъ бы въ видѣ дополненія къ этому курсу, установленъ былъ съ 1834 года особый курсъ законовѣдѣнія, который долженъ былъ знакомить съ основными законами Имперіи, съ учрежденіями гражданской администраціи и съ законами о состояніяхъ въ государствѣ; впослѣдствіи присоединенъ былъ еще историческій очеркъ военно-уголовныхъ нашихъ законовъ и предполагалось ввести военное судопроизводство; однако, весь этотъ курсъ законовѣдѣнія, веденный профессоромъ, титулярнымъ совѣтникомъ Палибинымъ, не имѣлъ никакого соотношенія къ изучаемому въ Академіи военно-научному дѣлу, почему кафедра этого предмета и была закрыта въ 1859 году.

Измѣненіе и радикальное преобразованіе курса обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба было предпринято преемникомъ Иванова, генеральнаго штаба полковникомъ Вольфомъ, кончившимъ курсъ академіи въ 1837 году.

Считая необходимымъ знакомить будущихъ офицеровъ генеральнаго штаба со всѣмъ относящимся до образованія вооруженныхъ силъ, ихъ комплектованія и организаціи, а равно и до устройства дѣйствующихъ армій и разныхъ способовъ довольствія ихъ въ военное время, полковникъ Вольфъ полагалъ ввести всѣ эти предметы въ курсъ, который въ такомъ видѣ наиболѣе соотвѣтственно было-бы называть курсомъ *военной администраціи*; въ видѣ особаго отдѣла этого курса оставлена была прежняя программа обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба.

Предположенія эти были утверждены совѣтомъ академіи, но внезапная командировка въ 1842 году полковника Вольфа на Кав-

казъ, а затѣмъ и отчисленіе его въ 1844 году отъ Академіи пріостановили на время самую разработку этого новаго курса. До 1848 года кафедра этого предмета вовсе не была замѣщена, а разные отдѣлы его программы были исполняемы другими академическими преподавателями—полковниками Голицынымъ и Стефаномъ, капитанами Карцовымъ и Лебедевымъ, штабсъ-капитаномъ Усовскимъ, и, наконецъ, полковникомъ Соковичемъ; послѣдній былъ даже назначенъ адъюнктомъ, но пробылъ при Академіи всего одинъ годъ; наконецъ, только съ начала учебнаго 1849 — 1850 года окончательно введенъ въ Академіи курсъ военной администраціи, а полное преподаваніе его возложено на профессора генеральнаго штаба подполковника Петра Семеновича Лебедева. Программа же этого новаго курса окончательно утверждена совѣтомъ Академіи только въ 1852 году.

Курсъ военной администраціи обнималъ все относящееся до комплектованія, организаціи, управленія, снабженія арміи какъ въ мирное, такъ и въ военное время. При такой обширности этого курса и при томъ важномъ значеніи, какое онъ дѣйствительно имѣлъ, самая разработка его требовала усиленнаго вниманія и тщательности. Къ сожалѣнію, разработка эта выпала на долю безспорно талантливаго, но обремененнаго работою профессора. П. С. Лебедевъ, состоя редакторомъ ежедневной газеты «Русскій Инвалидъ», при одной Военной Академіи занималъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, въ одно и то же время, должности профессора военной администраціи и адъюнкта военной исторіи и русской словесности, не считая уроковъ въ разныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ; въ одно и то же время ему приходилось устанавливать курсы военной администраціи и исторіи военнаго искусства, что было очевидно не по силамъ одного человѣка. Этимъ объясняется, почему курсъ военной администраціи въ первое время послѣ его введенія въ академіи былъ какимъ-то сборникомъ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній: военно-историческихъ, статистическихъ, стратегическихъ, даже тактическихъ, среди которыхъ терялись собственно военно-административныя и хозяйственныя свѣдѣнія. Тѣмъ не менѣе, заслуга перваго профессора военной администраціи немаловажна: онъ собралъ сырой матеріалъ для будущей разработки этого курса, сгруппировалъ его въ составленныхъ для Академіи

учебныхъ запискахъ, а врожденнымъ даромъ слова нерѣдко увлекалъ своихъ слушателей, которые съ полнымъ увлеченіемъ изучали и немногія передаваемыя имъ съ кафедры военно-административныя свѣдѣнія.

Съ учрежденіемъ корпуса топографовъ, съемочная и картографическая дѣятельность генеральнаго штаба значительно ослабѣла, а подъ этимъ впечатлѣніемъ и при учрежденіи Императорской Военной Академіи не дано было въ ея курсахъ значительнаго развитія математическимъ наукамъ; такъ, по уставу надлежало проходить лишь начальныя основанія топографіи и геодезіи, черченіе плановъ и глазомѣрную съемку; сообразно тому и требованія по математикѣ на пріемномъ экзаменѣ были весьма ограничены. Однако, назначеніе на должность профессора геодезіи генеральнаго штаба капитана Алексѣя Павловича Болотова обезпечило надлежащую постановку этого предмета. Будучи ученикомъ Муравьевскаго училища, а затѣмъ состоя на государственныхъ съемкахъ и занимаясь преподаваніемъ топографіи въ школѣ колоновожатыхъ, Болотовъ прочно установилъ програму геодезіи и топографіи и къ тому же издалъ «Руководство къ геодезіи», представлявшее первое сочиненіе по этой части на русскомъ языкѣ и удостоенное въ 1837 году половинной Демидовской преміи. Занимая кафедру до самой своей смерти въ 1853 году ([13]), А. П. Болотовъ не переставалъ постоянно совершенствовать читаемый имъ курсъ, стараясь придать ему возможно болѣе популярное изложеніе, въ видахъ облегченія обучающихся. Только благодаря этимъ усиленнымъ стараніямъ и возможно было исполнить безъ особаго обремененія офицеровъ програму, въ которую входили, кромѣ топографіи, еще астрономическая геодезія, высшая геодезія и значительная часть картографіи, именно ознакомленіе съ разнаго рода проекціями картъ и съ постройкою по нѣкоторымъ изъ нихъ географическихъ сѣтокъ.

Въ тѣсной связи съ преподаваніемъ геодезіи находились занятія черченіемъ и съемками; прямымъ помощникомъ профессора по этой части былъ особый учитель черченія, корпуса топографовъ прапорщикъ Баструевъ (съ 1833 по 1849 г.), а въ завѣдываніи съемками постоянно участвовали академическіе штабъ-офицеры; изъ числа послѣднихъ наиболѣе были полезны по своей опыт-

ности генеральнаго штаба полковники Ивановъ и Стефанъ, первый преимущественно по глазомѣрной, а второй по инструментальной съемкѣ. Полковнику Стефану въ особенности академія многимъ обязана въ съемочныхъ занятіяхъ; имъ же изобрѣтена мензула, которая посвящена имъ, съ Высочайшаго соизволенія, Императорской Военной Академіи въ 1835 году и, какъ извѣстно, считается и по настоящее время одною изъ лучшихъ.

На занятія черченіемъ удѣлялось очень много времени въ академическомъ курсѣ, что было вполнѣ необходимо вслѣдствіе принятой для черченія горъ Леманновской системы. На съемки же, въ первые годы существованія Академіи, удѣлялось за все время пребыванія офицеровъ въ обоихъ классахъ не болѣе 2, $2^1/_2$ мѣсяцевъ; только послѣ 1849 года, когда было отмѣнено прикомандированіе офицеровъ на лѣто къ войскамъ красносельскаго лагеря, учебной съемкѣ въ Академіи дано болѣе полное развитіе, такъ что за время пребыванія въ академіи офицеру доводилось проводить на съемкахъ не менѣе пяти мѣсяцевъ. Наиболѣе значительная часть этого времени была посвящаема инструментальной съемкѣ, а затѣмъ производились нивелировки и глазомѣрныя съемки какъ маршрутовъ, такъ и полныхъ участковъ.

Отдѣлъ военныхъ познаній въ академическомъ преподаваніи заканчивался небольшими курсами фортификаціи и артиллеріи; наиболѣе значительная часть свѣдѣній по инженерной и артиллерійской части была требуема на пріемномъ экзаменѣ, а затѣмъ въ самой Академіи было установлено, чтобы, избѣгая по возможности всякихъ теоретическихъ и техническихъ свѣдѣній, ограничивать курсъ фортификаціи и артиллеріи тѣми отдѣлами, которые наиболѣе пригодны для службы въ генеральномъ штабѣ, пополняя ихъ по возможности болѣе историческими примѣрами ([14]).

Изъ предметовъ не спеціально военныхъ, въ академическій курсъ было введено только преподаваніе всеобщей исторіи, законовѣдѣнія, о которомъ упомянуто выше, русскаго и иностранныхъ языковъ, какъ бы въ дополненіе къ тѣмъ общеобразовательнымъ свѣдѣніямъ, которыя офицеры должны были имѣть при поступленіи въ Академію.

Цѣлію преподаванія всеобщей исторіи ставилось: «доказать происшествіями ту истину, въ которой убѣждаемся мы здравымъ

смысломъ и которую каждый россіянинъ долженъ считать догматомъ вѣры, т. е. что Единодержавіе есть совершеннѣйшій и лучшій образъ правленія для всякаго народа и особенно для могущественнаго государства» ([15]). Курсъ этотъ, возложенный на профессора Ивана Петровича Шульгина, долженъ былъ обнимать исторію трехъ послѣднихъ вѣковъ съ изложеніемъ обзора новѣйшихъ событій до тридцатыхъ, а потомъ и до сороковыхъ годовъ. Это послѣдное требованіе, однако, вовсе не было осуществлено въ первыя 20 лѣтъ существованія Академіи, такъ какъ профессоръ признавалъ Ахенскій конгрессъ 1818 года за крайній предѣлъ изученія исторіи.

При полномъ сознаніи, что въ тридцатыхъ годахъ въ нашемъ обществѣ основательное знаніе русскаго языка было вообще слабо, приходилось обращать особое вниманіе въ Академіи на пополненіе этого недостатка. Въ виду того, русскій языкъ по уставу Академіи былъ поставленъ во главѣ всѣхъ прочихъ предметовъ преподаванія; на занятія онымъ назначено по двѣ лекціи въ недѣлю въ каждомъ классѣ; къ руководству этими занятіями приглашенъ ординарный профессоръ С.-Петербургскаго университета, статскій совѣтникъ Бутырскій, коему въ Академіи дано званіе профессора россійской словесности и военнаго письмоводства; наконецъ, съ 1833 года, въ помощь ему приданъ еще адъюнктъ-профессоръ, такъ какъ оказалось, что съ академическими офицерами приходится вести очень много практическихъ занятій. Послѣднія заключались въ составленіи военныхъ бумагъ и сочиненій на военныя темы, а также въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ на русскій, причемъ всѣ работы офицеровъ тщательно разбирались преподавателями; съ болѣе слабыми были установлены даже особыя занятія внѣ класснаго времени по воскресеньямъ.

Такой порядокъ занятій приносилъ несомнѣнную пользу, но онъ былъ измѣненъ въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда профессоръ Бутырскій былъ замѣненъ П. С. Лебедевымъ. Послѣдній сливаетъ практическія занятія по военной исторіи и военной администраціи съ упражненіями русскаго языка, что дало возможность сократить число лекцій, посвящаемыхъ на этотъ предметъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшило поучительность ихъ въ смыслѣ

языкознанія. Особенно же неудобство это возросло въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда сочиненія, задаваемыя по военной исторіи и военной администраціи, стали принимать все большіе размѣры, стали представляться въ изящной формѣ, переписанными писарями, а какъ около того же времени увеличилось и число офицеровъ, поступающихъ въ Академію, то неудивительно, что постепенно утратилась и всякая возможность обстоятельной провѣрки этихъ сочиненій въ грамматическомъ отношеніи.

Что касается до изученія иностранныхъ языковъ, то съ самаго основанія Академіи положено было имѣть преподавателей французскаго и нѣмецкаго языковъ, дабы помогать изученію этихъ языковъ внѣ класснаго времени для наиболѣе нуждающихся въ томъ офицеровъ. Были дѣлаемы предложенія къ тому, чтобы ввести обязательное изученіе всѣми офицерами нѣмецкаго языка, но предложенія эти оставались безъ послѣдствій, и постоянно большинство академическихъ офицеровъ занималось исключительно только французскимъ языкомъ. Точно также оставались безъ особыхъ послѣдствій и попытки къ установленію въ Академіи занятій по изученію восточныхъ языковъ, конечно, только для желающихъ.

Съ самаго основанія Академіи, генералъ Сухозанетъ дѣятельно заботится о снабженіи ея всякаго рода учебными пособіями — книгами, картами, моделями, инструментами, хотя не особенно щедро была первоначально снабжена Академія средствами для того. При основаніи ей было назначено единовременно 6,000 руб. ассигн. (1,714 р. 28¼ к. сер.) на пріобрѣтеніе моделей и инструментовъ, да по штату ассигновано ежегодно 3,000 р. ассигн. (857 р. 13 к. сер.) на пополненіе кабинета моделей и инструментовъ, да 4,000 руб. ассигн. (1,142 р. 85½ к. сер.) на чертежные и письменные припасы по части учебной. Книгами для временнаго употребленія Академія, по уставу, имѣла право пользоваться изъ библіотеки генеральнаго штаба, а для постояннаго употребленія, равно и карты изъ-за границы, должна была пріобрѣтать на счетъ суммъ, въ штатѣ опредѣленныхъ. Замѣчательно, что въ уставѣ нигдѣ не упоминается объ академической библіотекѣ и даже имѣется предписаніе военнаго министра къ директору Академіи, въ которомъ прямо заявлено, что Государю Императору

не угодно, чтобы Академія имѣла свою собственную библіотеку. Однако, вскорѣ послѣ того Государь Императоръ соизволилъ подарить Академіи до 500 книгъ, купленныхъ у отъѣзжавшаго изъ Россіи Барона Жомини, которыя и послужили основаніемъ академической библіотекѣ, пополнявшейся затѣмъ ежегодно изъ остатковъ штатныхъ суммъ, безъ особаго на этотъ предметъ ассигнованія.

Къ концу первыхъ 20 лѣтъ существованія библіотека эта имѣла всего 4,545 томовъ, затративъ на свое пополненіе 7,152 руб.

Рядомъ съ библіотекою Академія имѣла обширную коллекцію литографированныхъ учебныхъ записокъ, которыя были заводимы по всѣмъ предметамъ преподаванія и безплатно выдавались офицерамъ. Хотя записки эти литографировались въ литографіяхъ Военно-Топографическаго Депо и Департамента Военныхъ Поселеній съ уплатою отъ Академіи лишь за бумагу, тѣмъ не менѣе въ первое 20-лѣтіе своего существованія Академія затратила на эти записки вдвое болѣе того, сколько было израсходовано ею въ то же время на пополненіе библіотеки, именно 14,362 руб.; къ началу пятидесятыхъ годовъ курсовыхъ записокъ имѣлось болѣе 1,000 листовъ.

Масса труда, положеннаго академическими преподавателями на составленіе и постоянное исправленіе этихъ записокъ, представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ нашу тогдашнюю бѣдную военную литературу; нелишне припомнить, что всѣ эти литографированные учебники, щедро распространяемые Академіею, имѣли въ то время широкое значеніе для всѣхъ нашихъ военно-учебныхъ заведеній и даже для нашей арміи.

Рядомъ съ литографированіемъ записокъ шло и заготовленіе другаго рода учебныхъ пособій, именно картъ войнъ и походовъ, плановъ сраженій и военно-статистическихъ картъ. Въ этомъ отношеніи, благодаря особымъ трудамъ и стараніямъ профессоровъ: князя Н. С. Голицына, М. И. Богдановича, Д. А. Милютина, Военная Академія вполнѣ могла гордиться многочисленными и прекрасно составленными учебными картами и планами.

Кабинетъ моделей и инструментовъ съ основанія Академіи пріобрѣтаетъ очень хорошую обстановку, благодаря какъ единовременному денежному для него назначенію, такъ и содѣйствію

А. П. Болотова, который не упускалъ случая для пополненія его новыми пріобрѣтеніями, во время командировокъ своихъ за границу, куда онъ былъ неоднократно посылаемъ для осмотра геодезическихъ работъ въ западной Европѣ. Завѣдываніе академическими библіотекою и кабинетомъ было возлагаемо на адъютанта Академіи; частая смѣна адъютантовъ, поступавшихъ на эту должность изъ строевыхъ офицеровъ, вовсе неподготовленныхъ къ этому дѣлу, вліяла, конечно, на неустройство библіотеки, которая только въ концѣ пятидесятыхъ годовъ приведена въ нѣкоторый порядокъ, когда для завѣдыванія ею была установлена особая должность билбіотекаря.

Учреждая Императорскую Военную Академію, правительство разсчитывало, что заведеніе это привлечетъ въ свои стѣны многочисленныхъ слушателей, жаждущихъ высшаго военнаго образованія и стремящихся къ службѣ въ генеральномъ штабѣ. Дѣйствительность, однако, не подвердила этихъ ожиданій. Съ первыхъ же годовъ существованія Академіи и въ теченіе всего перваго двадцатилѣтняго періода ея жизни постоянно число принимаемыхъ въ Академію и обучающихся въ ней офицеровъ далеко не достигало нормальной штатной цифры, не смотря на то, что за это время начальство Академіи неоднократно изыскивало мѣры къ возможно болѣе полному обезпеченію комплектованія этого заведенія.

Къ первому пріему въ Военную Академію были допущены офицеры безъ всякихъ ограниченій, и явилось 36 офицеровъ, изъ которыхъ держали пріемный экзаменъ 28, а принято 27 офицеровъ. Такъ какъ число это было выше опредѣленнаго уставомъ, то въ слѣдующемъ году число кандидатовъ, присылаемыхъ въ Академію для экзамена, было ограничено 25 офицерами, которые распредѣлялись такъ: отъ гвардейскаго корпуса — 4 кандидата, отъ гренадерскаго — 3, отъ каждаго изъ шести пѣхотныхъ и отъ отдѣльнаго кавказскаго по 2, отъ каждаго изъ трехъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ и отъ войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ, по одному; сверхъ того, допускалось нѣсколько офицеровъ изъ числа прикомандированныхъ къ генеральному штабу, по усмотрѣнію генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества ([16]).

Правило объ ограниченіи числа офицеровъ, назначаемыхъ къ экзамену отъ каждаго корпуса, было отмѣнено въ 1835 году ([17]), такъ какъ оно представляло болѣе неудобствъ, чѣмъ выгодъ, тѣмъ болѣе, что во второй и въ третій годъ существованія Академіи число экзаменовавшихся и принятыхъ офицеровъ было значительно менѣе опредѣленнаго уставомъ; такъ, въ 1833 году принято 18, а въ 1834 г.—19 офицеровъ ([18]); въ это же время оказался другой, весьма знаменательный фактъ въ дѣлѣ комплектованія Академіи—уменьшилось число офицеровъ гвардіи, являвшихся къ экзамену; такъ, въ первый годъ явилось таковыхъ 19, во второй—4, а въ третій только двое и то весьма слабыхъ по своимъ познаніямъ.

Въ видахъ привлеченія къ Академіи слушателей, а въ особенности изъ числа гвардейскихъ офицеровъ, генералъ Сухозанетъ ходатайствовалъ о предоставленіи Академіи новыхъ преимуществъ, а именно: 1) чтобы переходящимъ въ практическій классъ былъ данъ аксельбантъ; 2) всѣмъ оканчивающимъ курсъ предоставлено было право пользоваться 4-хъ-мѣсячнымъ отпускомъ съ сохраненіемъ содержанія; 3) чтобы первый ученикъ при выпускѣ, если онъ будетъ изъ армейскихъ офицеровъ, былъ переводимъ въ гвардію съ пониженіемъ одного чина, а если изъ артиллеріи или саперъ, то тѣмъ же чиномъ; 4) чтобы первому ученику даваемъ былъ шифръ на владимірской орденской лентѣ и 5) гвардейскимъ офицерамъ, по переводѣ въ генеральный штабъ, оставлять линію производства въ чины въ своихъ полкахъ и предоставлять гвардейскій мундиръ. По этому ходатайству послѣдовало Высочайшее утвержденіе лишь на первые три пункта ([19]), что и не замедлило обнаружить вліяніе на число являвшихся къ экзамену въ первые затѣмъ года, когда число поступающихъ офицеровъ колебалось между 20 и 25.

Но затѣмъ, въ 1839 году, снова число прибывшихъ въ Академію кандидатовъ уменьшилось, вслѣдствіе чего и состоялось новое распоряженіе о назначеніи кандидатами Академіи отличнѣйшихъ воспитанниковъ, выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ и причисляемыхъ къ генеральному штабу.

Еще до учрежденія Академіи, въ видахъ комплектованія генеральнаго штаба, допускалось прикомандированіе строевыхъ офи-

церовъ и выпускаемыхъ изъ кадетскихъ корпусовъ къ генеральному штабу для перевода впослѣдствіи въ оный. Офицеры эти должны были экзаменоваться при штабахъ, а впослѣдствіи (съ 1834 г.) при Академіи, по программамъ: для прикомандированія—пріемнаго, а потомъ—для перевода въ генеральный штабъ одного переводнаго экзамена; при этомъ полагалось, что служба при генеральномъ штабѣ замѣнитъ имъ вполнѣ курсъ практическаго класса. Число офицеровъ, переводимыхъ такимъ путемъ въ генеральный штабъ, было очень невелико, а съ развитіемъ Академіи подобныя прикомандированія, какъ и вообще переводы въ генеральный штабъ помимо Академіи, вовсе прекратились ([20]).

Но въ 1835 году И. О. Сухозанетъ составляетъ проектъ о новомъ видѣ прикомандированія къ генеральному штабу для перевода въ оный послѣ прохожденія черезъ Академію. Проектъ этотъ, послѣ долгихъ обсужденій, Высочайше утвержденъ лишь 23 Марта 1840 года ([21]). Сущность новаго положенія о комплектованіи Академіи заключалась въ слѣдующемъ.

Выпускаемымъ изъ кадетскихъ корпусовъ въ гвардію предоставлено безусловно право поступать по экзамену въ Академію по прослуженіи 2-хъ лѣтъ; изъ лучшихъ же воспитанниковъ, выпускаемыхъ въ артиллерію, инженеры и саперы, ежегодно назначается на службу въ генеральномъ штабѣ 30 офицеровъ, которые считаются въ теченіе двухъ лѣтъ причисленными къ оному штабу и по распоряженію генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества распредѣляются въ войска, въ распоряженіе корпусныхъ оберъ-квартирмейстеровъ; послѣдніе обязаны знакомить этихъ молодыхъ людей съ сущностію службы генеральнаго штаба и наблюдать, чтобы они готовились для поступленія въ Академію.

Положеніе 23 Марта 1840 года прямо говоритъ, что практическое знаніе фронтовой службы должно почитать важнѣйшимъ предметомъ для офицера генеральнаго штаба и что поступающіе въ Академію должны быть хорошо въ этомъ подготовлены, почему и установилось, что причисленные къ генеральному штабу были въ теченіе перваго года прикомандировываемы къ пѣхотѣ, а на второй годъ къ кавалеріи и артиллеріи, гдѣ должны сблизиться съ солдатскимъ бытомъ и узнать всѣ обязанности субалтернъ-

офицера каждаго оружія. Собственно по службѣ генеральнаго штаба офицеры эти должны были упражняться въ черченіи ситуаціонныхъ плановъ, въ практической съемкѣ инструментально и глазомѣрно и въ занятіяхъ по канцеляріи. Ежегодно, по окончаніи лагерныхъ сборовъ, имъ производились испытанія и объ успѣхахъ занятій оберъ-квартирмейстеры доносили генералъ-квартирмейстеру; съ 1843 года донесенія о ходѣ занятій надлежало дѣлать ежемѣсячно ([22]). На пріобрѣтеніе книгъ причисленные офицеры получали по 500 руб. ассиг. (150 руб. сер.) добавочнаго жалованья.

По окончаніи двухъ лѣтъ, причисленные офицеры обязаны поступать въ Императорскую Военную Академію, для чего держали предварительный экзаменъ при корпусныхъ штабахъ, а затѣмъ въ самой Академіи. Удостоенные принятія въ Академію производились за отличіе въ подпоручики, а невыдержавшіе экзамена возвращались въ строй, причемъ имъ предоставлено было право перевода въ другія части и право еще разъ явиться къ пріемному экзамену въ Академію. Офицеръ, невыдержавшій два раза этого экзамена, уже навсегда терялъ возможность попасть на службу въ генеральный штабъ.

На положеніе 23 Марта возлагались большія надежды, которыя, однако, вовсе не оправдались, что лучше всего доказывается слѣдующими цифрами: съ 1840 по 1848 годъ причислено изъ кадетскихъ корпусовъ къ генеральному штабу 164 офицера; изъ нихъ явились къ экзамену съ 1842 по 1851 годъ—122 офицера, слѣдовательно около 30% изъ числа причисленныхъ къ генеральному штабу даже и не пытались экзаменоваться; затѣмъ въ этотъ же періодъ времени было принято въ Академію изъ числа причисленныхъ только 50 офицеровъ, что составляетъ 41% изъ числа явившихся къ экзамену и только 30% изъ общаго числа всѣхъ 164 офицеровъ, пользовавшихся правами причисленія къ генеральному штабу. Изъ числа же принятыхъ удостоено выпуска изъ Академіи только 40 человѣкъ, т. е. лишь около 33% явившихся къ экзамену.

Неудовлетворительность этой мѣры выясняется еще болѣе и тѣмъ, что изъ другихъ источниковъ, т. е. изъ гвардіи и прямо изъ строя, за это же время Академія комплектовалась болѣе успѣшно; такъ, изъ этихъ источниковъ съ 1842 по 1851 годъ

явилось къ экзамену 211 офицеровъ, изъ числа которыхъ по экзамену принято—148, а выпущено 104 офицера. Слѣдовательно причисленные къ генеральному штабу составляли: въ числѣ явившихся для экзамена въ Академію около 37%, въ числѣ выдержавшихъ пріемный экзаменъ 25%, и при выпускѣ изъ Академіи до 27%.

Совѣтъ Академіи еще въ 1843 г., послѣ двухлѣтняго опыта, оцѣнилъ непрактичность положенія 23 Марта 1840 года, но, тѣмъ не менѣе, оно оставалось неотмѣненнымъ до 1852 г., когда, вслѣдствіе новыхъ преимуществъ, дарованныхъ Академіи, значительно увеличилось число поступающихъ въ это заведеніе.

Въ окончательномъ результатѣ положеніе это, не принеся существенной пользы комплектованію Академіи и генеральнаго штаба, оказало лишь вредъ для послѣдняго, потому что, по сознанію самого генерала Сухозанета, «ознакомивъ съ истиннымъ состояніемъ службы въ генеральномъ штабѣ, содѣйствовало къ утвержденію общаго противъ оной нерасположенія фронтовыхъ офицеровъ. Послѣдніе, имѣя случай знакомиться съ генеральнымъ штабомъ всякій разъ, когда причисленные къ корпуснымъ штабамъ прапорщики артиллеріи временно командировались къ войскамъ, или возвращались во фронтъ, перемѣнили свое мнѣніе о преимуществахъ службы въ генеральномъ штабѣ и не стали болѣе стремиться къ поступленію въ Военную Академію ([23])».

Самыя преимущества, предоставляемыя Военною Академіею обучающимся въ ней офицерамъ, вовсе не были особенно обширны. По уставу, только первый ученикъ удостоиваемъ былъ награды слѣдующимъ чиномъ и золотою медалью; второму выдавалась большая серебряная, а третьему—малая серебряная медали и обоимъ послѣднимъ по окладу годоваго жалованья, но всѣмъ тремъ при условіи полученія на выпускномъ экзаменѣ полнаго числа балловъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что рисунокъ медали, установленный для награжденія выпускаемыхъ изъ Военной Академіи офицеровъ, былъ Высочайше утвержденъ въ 1833 году по проекту извѣстнаго художника, бывшаго вице-президента Академіи художествъ, графа Толстого. Рисунокъ этотъ изображаетъ на одной сторонѣ медали бюстъ основателя Академіи съ надписью кругомъ: «Б. М. Николай I Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій», а на дру-

гой фигуру Минервы, вѣнчающей колѣнопреклоненнаго воина въ славянскомъ вооруженіи, съ надписью: «Достойному въ наукахъ». По ободку медали вырѣзывалось мѣсто служенія, чинъ и фамилія удостоеннаго медали.

Условія, поставленныя уставомъ для полученія медали, были столь тяжки, что за первое 20-лѣтіе выдана была только одна золотая медаль, въ 1852 году, Л.-гв. саперпаго баталіона поручику Шидловскому, 5 большихъ и 29 малыхъ серебряныхъ медалей, а чины, если давались ежегодно въ награду нѣсколькимъ офицерамъ, то единственно по особымъ каждый разъ ходатайствамъ директора Академіи, который постоянно настаивалъ, чтобы чины были даваемы въ награду всѣмъ офицерамъ, кончающимъ курсъ въ разрядѣ отличныхъ. Независимо отъ того, въ первые года существованія Академіи почти всѣмъ оканчивающимъ курсъ офицерамъ были жалуемы, по представленію академическаго начальства, *денежныя вспоможенія* въ размѣрѣ третнаго, полугодоваго, и даже годоваго жалованья.

Но всѣ эти льготы мало имѣли успѣха, почему генералъ Сухозанетъ не переставалъ заявлять, что необходимы особыя мѣры къ измѣненію положенія генеральнаго штаба, такъ какъ положеніе это болѣе всего вліяетъ на самое комплектованіе Военной Академіи.

Прискорбный фактъ, что въ 1851 году было выпущено изъ этого заведенія лишь 12, а принято въ оное только 7 офицеровъ, изъ числа 10 явившихся къ пріемному экзамену, вызвало Высочайшее повелѣніе о внимательномъ изслѣдованіи причинъ этого явленія въ совѣтѣ Академіи, въ присутствіи: товарища военнаго министра, генералъ-адъютанта князя Долгорукова, дежурнаго генерала главнаго штаба Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютанта Игнатьева, и начальника штаба Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича по управленію военно-учебными заведеніями, генералъ-адъютанта Ростовцева.

Въ составѣ совѣта Академіи, сверхъ этихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ директора Академіи, генералъ-адъютанта Сухозанета, въ то время засѣдали: генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, генералъ-адъютантъ Бергъ 1-й, генералъ отъ инфантеріи Шубертъ, генералъ-адъютанты:

Витовтовъ и баронъ Ливенъ, генералъ-лейтенанты: баронъ Медемъ и Дюгамель 1-й и генералъ-маіоръ Стефанъ (по званію вице-директора Академіи). Собранію этому поручено было—«изыскать средства къ привлеченію достаточнаго числа офицеровъ въ Академію, дабы столь полезное заведеніе, на которое правительство такъ много жертвуетъ и успѣхи коего имѣли счастіе обратить на себя вниманіе Государя Императора, не могло прійдти въ упадокъ» ([24]).

Усиленный въ своемъ составѣ совѣтъ Академіи дѣятельно занялся исполненіемъ возложеннаго на него порученія, посвятивъ на это десять засѣданій. Протоколы этихъ засѣданій и особыя мнѣнія, представленныя нѣкоторыми членами, составляютъ драгоцѣнный матеріалъ какъ для характиристики положенія тогдашняго нашего генеральнаго штаба, такъ и для соображеній по его устройству.

Съ первыхъ же засѣданій выяснилось, что комплектованіе Академіи зависитъ главнѣйше отъ степени распространенія любознательности среди нашихъ офицеровъ, а съ другой отъ преимуществъ службы въ генеральномъ штабѣ; большинство голосовъ признавало, что служба въ генеральномъ штабѣ не представляетъ въ мирное время преимуществъ и выгодъ, соотвѣтствующихъ трудамъ, кои требуются отъ офицеровъ, для поступленія въ оную, и что потому вопросъ объ организаціи генеральнаго штаба имѣетъ весьма важное значеніе для самой Академіи. Вслѣдствіе того заявлена была необходимость нѣкоторыхъ предложеній, относящихся до чинопроизводства, содержанія и лучшаго обезпеченія карьеры офицеровъ генеральнаго штаба; но всѣ эти предложенія встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны генералъ-адъютанта Берга, доказывавшаго: 1) что офицеры генеральнаго штаба любятъ свою службу, привязаны къ ней и неохотно оставляютъ оную, не смотря на затрудненія къ дальнѣйшему продолженію ихъ карьеры по производствѣ въ полковники, и 2) что фронтовые офицеры, при всемъ ревностномъ желаніи служить въ генеральномъ штабѣ, не оказываютъ особаго расположенія ко вступленію въ Военную Академію.

Такое заявленіе генералъ-адъютанта Берга, какъ бы сваливающее неуспѣхи комплектованія Академіи на войска и на самую

Академію, возбудило особенно сильныя возраженія со стороны генерала Сухозанета, который, защищая находящееся въ его вѣдѣніи заведеніе, тѣмъ сильнѣе напиралъ на организацію генеральнаго штаба, какъ коренную причину неуспѣшнаго комплектованія Академіи. Тѣмъ не менѣе, въ виду категорическаго заявленія генералъ-квартирмейстера, а въ особенности и потому, что оно было поддержано представителемъ военнаго министра, генералъ-адъютантомъ княземъ Долгорукимъ, отозвавшимся, что министерство не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, доказывающихъ, чтобы малое поступленіе офицеровъ въ Академію происходило отъ недостаточности преимуществъ службы въ генеральномъ штабѣ, совѣтъ призналъ себя не въ правѣ входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса объ организаціи генеральнаго штаба и исключительно занялся обсужденіемъ лишь тѣхъ мѣръ, которыя могли бы непосредственно содѣйствовать привлеченію офицеровъ въ Академію.

Разбирая причины неуспѣшности комплектованія Академіи, совѣтъ остановился на нижеслѣдующихъ, ходатайствуя въ то же время и о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ ослабленію дѣйствія таковыхъ причинъ.

I. Ограниченность средствъ академическихъ офицеровъ для содержанія себя въ столицѣ, для устраненія чего совѣтъ полагалъ:

1) производить академическимъ офицерамъ двойное жалованье за время нахожденія ихъ въ Академіи;

2) переходящимъ изъ теоретическаго въ практическое отдѣленіе выдавать, въ видѣ награды, единовременно, положенное уставомъ прибавочное жалованье по 142 р. 85 к.;

3) это же прибавочное жалованье сохранить и всѣмъ офицерамъ практическаго отдѣленія;

4) офицерамъ, которые по выпускѣ изъ Академіи поступаютъ въ образцовыя войска, производить двойное жалованье и квартирныя деньги наравнѣ съ офицерами этихъ войскъ;

5) Производство всѣхъ означенныхъ окладовъ начать нынѣ же.

II. Неопредѣлительность мѣръ, принимаемыхъ при отправленіи отъ войскъ академическихъ кандидатовъ. По этому вопросу совѣтъ ходатайствовалъ:

1) чтобы корпусные командиры поручали оберъ-квартирмей-

стерамъ не только производство предварительныхъ экзаменовъ кандидатамъ, желающимъ поступить въ Академію, но и доставленіе имъ всѣхъ средствъ для приготовленія къ экзамену, подробно разъясняя требованія онаго;

2) дабы экзамены эти производились по академической пріемной программѣ въ коммисіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ оберъ-квартирмейстера, не менѣе какъ изъ двухъ офицеровъ генеральнаго штаба;

3) чтобы экзаменные списки доставлялись въ Академію за подписомъ всѣхъ экзаменовавшихъ, по утвержденіи ихъ корпусными командирами, на отвѣтственность которыхъ возложить, если половина офицеровъ, отправленныхъ въ Академію, не выдержитъ установленнаго въ ней испытанія.

III. Существовавшее до того постановленіе, по которому офицеры, окончившіе курсъ въ Военной Академіи, непремѣнно обязаны были служить въ генеральномъ штабѣ, признано также вліяющимъ на неудовлетворительность комплектованія Академіи, почему и положено ходатайствовать: 1) дозволить офицерамъ, кончившимъ двухгодичный академическій курсъ, возвращаться обратно въ свои мѣста служенія, не проходя через образцовыя войска, и получать академическое свидѣтельство;

2) таковымъ офицерамъ не давать при выпускѣ ни чиновъ, ни денежныхъ наградъ, но, получившимъ аттестацію отличныхъ, оставлять на службѣ аксельбантъ до штабъ-офицерскаго чина включительно; тѣмъ изъ нихъ, которые по экзамену получили право на медали, выдавать таковыя;

3) чтобы командующіе войсками выше начальника дивизіи, могли избирать себѣ по одному адъютанту изъ офицеровъ генеральнаго штаба, съ оставленіемъ таковыхъ въ спискахъ этого вѣдомства, по предварительному сношенію съ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, согласіе котораго необходимо также и на возвращеніе этихъ офицеровъ обратно въ генеральный штабъ;

4) дозволить офицерамъ генеральнаго штаба во всякое время переходъ изъ онаго въ другіе роды службы.

IV. Неопредѣленность закона о поступленіи въ Академію офицеровъ отъ специальныхъ войскъ признана также нѣкоторыми

членами совѣта причиною, неблагопріятно вліяющею на комплектованіе Академіи, почему шесть членовъ ходатайствовали о допущеніи офицеровъ этихъ войскъ въ Академію, а пятеро были противнаго мнѣнія.

По всѣмъ вышеизложеннымъ пунктамъ ходатайство усиленнаго собранія совѣта Академіи было Высочайше одобрено, за исключеніемъ послѣдняго, по которому Государь Императоръ повелѣть соизволилъ: право поступать въ Академію не распространять на офицеровъ корпуса горныхъ инженеровъ, лѣснаго корпуса и морскаго вѣдомства.

Эти новыя доказательства Монаршей милости къ офицерамъ Военной Академіи были объявлены въ приказѣ военнаго министра 11 Марта 1852 года, № 32, и составили дѣйствительно эпоху въ жизни Академіи, что не замедлило выказаться въ томъ же году, когда къ пріемному экзамену явилось 59 офицеровъ, изъ числа которыхъ принято 37; цифры, какихъ еще ни разу не представляло комплектованіе Академіи въ теченіе 20-лѣтняго ея существованія и которыя лишь ничтожно уменьшились въ послѣдующіе годы, не взирая на начавшуюся Восточную войну.

Обсуждая все вышеизложенное, совѣтъ Академіи коснулся также и сроковъ службы, требуемыхъ отъ офицеровъ, желающихъ поступить въ Академію. Первоначальнымъ уставомъ Академіи вовсе не было опредѣлено, сколько лѣтъ должны прослужить офицеры до поступленія въ Академію, почему въ первый пріемъ не только были приняты офицеры, служившіе менѣе 2 лѣтъ въ строю, но даже нѣкоторые прямо послѣ выпуска изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ; только съ 1833 года въ приказѣ о вызовѣ офицеровъ, желающихъ поступить въ Академію, оговорено, что они должны прослужить не менѣе 2 лѣтъ со дня выпуска, что и повторялось затѣмъ ежегодно, хотя постоянно дѣлаемы были многія исключенія изъ этого правила. Въ 1849 году Высочайше разрѣшено было принимать и офицеровъ неслужившихъ 2 лѣтъ, вслѣдствіе чего явилось таковыхъ 6 кандидатовъ, изъ которыхъ, однако, только двое выдержали пріемный экзаменъ. Обстоятельство это вынудило директора Академіи просить въ слѣдующемъ же году о возстановленіи прежняго положенія въ полной силѣ.

Вопросъ объ отмѣнѣ требованія двухлѣтней службы до по-

ступленія въ Академію былъ поднятъ въ совѣтѣ Академіи генераломъ Шубертомъ, который находилъ, что молодой составъ генеральнаго штаба, какъ то было въ царствованіе Императора Александра I, представляется болѣе выгоднымъ и для службы, и для скрѣпленія духа товарищества и соревнованія между офицерами этого вѣдомства.

Мнѣніе Шуберта не встрѣтило, однако, поддержки въ совѣтѣ, который призналъ необходимымъ сохранить во всей силѣ постановленіе о пріемѣ офицеровъ въ Академію по прослуженіи 2 лѣтъ на дѣйствительной службѣ, какъ въ уваженіе того, что правило это, оправданное 20-лѣтнимъ опытомъ, дало генеральному штабу много прекрасныхъ офицеровъ, такъ еще болѣе потому, что послѣ 2-хъ-годичной службы офицеръ поступаетъ въ Академію съ большею зрѣлостію ума, съ нѣкоторою опытностію общественной жизни и съ практическими понятіями о военномъ бытѣ и дисциплинѣ, вслѣдствіе чего является болѣе способнымъ къ полезному слушанію академическаго курса, который долженъ его подготовить къ службѣ генеральнаго штаба.

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ засѣданіяхъ усиленнаго совѣта Академіи, между предложеніями, сдѣланными съ цѣлію поднятія значенія генеральнаго штаба, значится проектъ генералъ-адъютанта Ростовцева, чтобы адъютантовъ въ штабахъ дивизій и отдѣльныхъ бригадъ назначать изъ офицеровъ, кончившихъ академическій курсъ, и чтобы вообще все дежурство, или штабъ дивизіи подчинить начальству дивизіоннаго квартирмейстера, а оберъ-квартирмейстеровъ въ корпусахъ переименовать въ помощники начальниковъ корпусныхъ штабовъ. Это были первыя проявленія тѣхъ мыслей, которыя получили столь широкое развитіе въ царствованіе Императора Александра II.

ГЛАВА XVI.

Управлявшіе генеральнымъ штабомъ въ періодъ съ 1832—1855 годъ: генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, генералъ-лейтенантъ Шубертъ и генералъ-адъютантъ Бергъ. Дѣятельность ихъ: по устройству генеральнаго штаба: штаты генеральному штабу 1832 г., департаменту онаго 1836 г. и военно-топографическому депо 1841 г.; постоянный некомплектъ генеральнаго штаба и усиленіе корпуса топографовъ. Безсрочные отпуски. Оклады содержанія генеральнаго штаба и измѣненія въ обмундированіи.

Съ окончаніемъ Польской войны установился для русской арміи 20-лѣтній періодъ мира, нарушаемаго лишь военными дѣйствіями на Кавказѣ, да небольшою Венгерскою кампаніею, періодъ, въ который можно было ожидать, что наши войска и вообще наши военныя учрежденія получатъ широкое и многостороннее развитіе, вслѣдствіе той особой заботливости и любви къ военному дѣлу, которую выказалъ Императоръ Николай съ первыхъ дней своего царствованія. Слишкомъ смѣло было бы предполагать, что армія наша, вышедшая столь блистательно изъ гигантской борьбы съ Наполеономъ, нуждалась въ радикальныхъ преобразованіяхъ; нѣтъ, этого не было, но, тѣмъ не менѣе, многое въ этой арміи оставалось еще въ концѣ царствованія Императора Александра въ томъ-же положеніи, въ какое пришло вслѣдствіе войны съ Франціею. Среди глубокаго мира сухопутныя силы наши оставались по-прежнему раздѣленными на двѣ арміи, изъ которыхъ во главѣ каждой былъ почти самостоятельный главнокомандующій съ своимъ штабомъ. Самое управленіе войсками, ихъ отношенія къ главному штабу Его Величества и къ военному министерству были обусловлены, на основаніи учрежденія о большой дѣйствующей арміи, потребностями военнаго времени, съ небольшими лишь позднѣйшими, отрывочными и далеко не достаточными дополненіями. Эту-то разрозненность и поставилъ себѣ за-

дачею уничтожить Императоръ Николай, замѣнивъ ее полною централизаціею военной власти, установленіемъ строго систематическаго порядка, при которомъ все занимало бы соотвѣтственное ему мѣсто, съ строго опредѣленными правами, обязанностями и отношеніями между собою. Дѣятельность по этому предмету особенно усилилась съ окончаніемъ Польской войны и главнымъ исполнителемъ въ этомъ отношеніи Высочайшей воли является генералъ-адъютантъ графъ Александръ Ивановичъ Чернышевъ, который съ 1828 г. управлялъ главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества и военнымъ министерствомъ, а съ 1832 г. получилъ званіе военнаго министра, сохраненное имъ до 26 Августа 1852 года. Здѣсь не мѣсто входить въ перечисленіе всѣхъ обширныхъ реформъ, совершенныхъ въ бытность графа (впослѣдствіи свѣтлѣйшаго князя) Чернышева военнымъ министромъ; онѣ обширны, и въ ихъ ряду не послѣднее мѣсто занимаетъ преобразованіе нашего генеральнаго штаба, который подвергся кореннымъ преобразованіямъ, какъ въ своемъ составѣ, системѣ комплектованія, такъ и въ устройствѣ своего высшаго управленія.

Новая система комплектованія генеральнаго штаба и устройство Императорской Военной Академіи, долженствующей служить главнымъ его источникомъ, изложены въ предъидущихъ главахъ; здѣсь-же перейдемъ къ обзору тѣхъ мѣръ, которыя были предприняты для приданія генеральному штабу и его высшему управленію новой организаціи, а именно къ разработкѣ штата какъ генеральнаго штаба, такъ и стоящаго во главѣ его департамента.

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ обзору всѣхъ этихъ мѣропріятій, необходимо ознакомиться съ тѣми лицами, которыя, будучи поставлены въ царствованіе Императора Николая во главѣ генеральнаго штаба, были главными исполнителями по ввѣренному имъ вѣдомству.

Назначенный въ 1830 году, вмѣсто графа Сухтелена 2, генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ Нейдгартъ, имѣлъ, казалось бы, всѣ данныя къ тому, чтобы быть дѣятельнымъ руководителемъ предположенныхъ преобразованій. Къ сожалѣнію, Польская война отвлекла его отъ этихъ занятій, а съ окончаніемъ ея онъ является далеко уже не столь авторитетнымъ лицомъ въ глазахъ графа

Чернышева, какъ прежде. А. И. Нейдгартъ душею и тѣломъ былъ преданъ генеральному штабу, съ которымъ связывались для него лучшія воспоминанія его служебной карьеры; онъ былъ поклонникъ и приверженецъ фельдмаршала Дибича, который высоко цѣнилъ его достоинства, зная его еще съ 1812 года, и которому Нейдгартъ обязанъ былъ отчасти своимъ назначеніемъ. Но послѣ Польской войны прежній авторитетъ и значеніе Дибича совершенно упали; его памяти не охраняли теперь ни прежняя его слава, ни даже свѣжая, только что закрывшаяся могила.

На горизонтѣ нашего военнаго вѣдомства явилось новое свѣтило—князь Варшавскій, имѣвшій громадное значеніе во все царствованіе Императора Николая, выказывавшаго полнѣйшее довѣріе къ отцу-командиру, какъ называлъ Государь фельдмаршала Паскевича; неудивительно, что передъ фельдмаршаломъ все преклонялось, что авторитетъ его чувствовался на всѣхъ ступеняхъ военной іерархіи. Между тѣмъ генералъ Нейдгартъ еще во время Польской войны не вполнѣ ладилъ съ новымъ главнокомандующимъ, держась постоянно на сторонѣ графа Толя; онъ и уѣхалъ изъ дѣйствующей арміи одновременно съ послѣднимъ. Возвратившись въ Петербургъ, онъ дѣятельно занялся вопросомъ о преобразованіи генеральнаго штаба, но всѣ его предложенія, какъ увидимъ ниже, не удостоивались одобренія графа Чернышева. Когда же разработанъ былъ новый штатъ генеральнаго штаба, удостоившійся Высочайшаго утвержденія 28 Марта 1832 года, то А. И. Нейдгартъ, не успѣвъ провести въ немъ задуманныя имъ преобразованія, уѣзжаетъ въ Апрѣлѣ того-же года въ заграничный отпускъ, видимо утомленный борьбой и сознаніемъ своего безсилія. Возвратившись изъ отпуска, онъ уже какъ-то апатично относится къ своей должности, отъ которой и былъ отчисленъ въ Январѣ 1834 г., съ назначеніемъ командиромъ 1-го пѣхотнаго корпуса ([1]).

Самостоятельность, выказанная генераломъ Нейдгартомъ, видимо затрудняла графа Чернышева, почему и понятна осторожность въ выборѣ ему преемника. Въ теченіе почти десяти лѣтъ должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба остается незамѣщенною, а ее лишь временно занимаетъ директоръ военно-топографическаго депо, генералъ-лейтенантъ Шубертъ, при которомъ и было довер-

шено преобразованіе генеральнаго штаба, точнымъ опредѣленіемъ мѣста его въ средѣ военнаго министерства.

Федоръ Федоровичъ Шубертъ сблизился съ графомъ Чернышевымъ въ 1831 г., когда, за отсутствіемъ Нейдгарта къ дѣйствующей арміи, управлялъ генеральнымъ штабомъ. Непосредственному назначенію его въ 1834 г. генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества препятствовало, конечно, то, что генералъ-квартирмейстеръ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Бергъ, былъ старше его по производству въ генералъ-лейтенанты ([2]); къ тому-же назначеніе генерала Шуберта генералъ-квартирмейстеромъ повело бы за собою необходимость оставленія имъ нѣкоторыхъ другихъ должностей, съ которыми были связаны значительные оклады содержанія и по которымъ дѣятельность Федора Федоровича была чрезвычайно полезною.

Вступивъ въ исправленіе должности генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества, генералъ Шубертъ остался и при прежнихъ должностяхъ: директора военно-топографическаго депо, директора гидрографическаго департамента главнаго морскаго штаба, начальника съемокъ Псковской и Витебской губерній; вслѣдъ затѣмъ онъ былъ назначенъ еще непремѣннымъ членомъ совѣта Императорской Военной Академіи и военно-ученаго комитета. Изъ всѣхъ этихъ должностей, занятія по съемкамъ, по военно-топографическому депо и гидрографическому департаменту были наиболѣе близки и сочувственны генералу Шуберту, такъ какъ въ нихъ онъ могъ вполнѣ сохранять свою самостоятельность, почему на нихъ и было обращено главное его вниманіе. Напротивъ того, въ управленіи дѣлами генеральнаго штаба Ф. Ф. Шубертъ, будучи еще молодымъ генералъ-лейтенантомъ, не имѣлъ ни авторитета, ни извѣстности своего предшественника, не могъ имѣть, да и не искалъ выказать свою собственную инниціативу; поэтому, за время его управленія генеральнымъ штабомъ, все, что дѣлалось по этому вѣдомству, вовсе обходилось безъ его въ томъ участія, а исходило или непосредственно изъ канцеляріи военнаго министра, или-же шло черезъ гвардейскій генеральный штабъ, по инниціативѣ непосредственнаго его начальства. А между тѣмъ, во время управленія генераломъ Шубертомъ генеральнымъ штабомъ (съ 26 Января 1834 г. по

31 Октября 1843 г.), составлено положеніе и штаты военнаго министерства, а въ томъ числѣ и департамента генеральнаго штаба, установлены безсрочные отпуски, изданъ Сводъ военныхъ постановленій, приступлено къ составленію новаго устава объ управленіи арміями въ мирное и военное время, не считая многихъ болѣе мелкихъ узаконеній, относящихся до службы, содержанія и положенія офицеровъ генеральнаго штаба. Результаты этого десятилѣтняго управленія были, какъ увидимъ, крайне неблагопріятны для генеральнаго штаба. Винить исключительно въ томъ генерала Шуберта невозможно, такъ какъ были и многія другія причины, непозволявшія представителю генеральнаго штаба быть болѣе самостоятельнымъ.

Равнодушіе генерала Шуберта къ дѣламъ управляемаго имъ вѣдомства достигло, наконецъ, крайнихъ предѣловъ: вслѣдствіе неисправности срочныхъ донесеній, несвоевременно было подано Государю Императору ежемѣсячное росписаніе сухопутныхъ войскъ, не сдѣлано представленія къ наградамъ офицеровъ генеральнаго штаба, и генералъ Шубертъ внезапно, Высочайшимъ приказомъ 31-го Октября 1843 г., назначенъ членомъ военнаго совѣта, а должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества замѣщена тогда-же генералъ-адъютантомъ Бергомъ, бывшимъ до того генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи и незадолго до того (10 Октября) произведеннымъ въ генералы отъ инфантеріи. Казалось-бы, что настало наконецъ время генеральному штабу воспрянуть къ новой жизни подъ управленіемъ начальника вполнѣ боеваго, умнаго, отлично понимавшаго службу этого вѣдомства. И дѣйствительно, все какъ-бы встрепенулось отъ продолжительнаго усыпленія, закипѣла новая дѣятельность въ генеральномъ штабѣ, но дѣятельность односторонняя, которая, доставивъ новую извѣстность генералу Бергу, какъ картографу и статистику, собственно для генеральнаго штаба принесла мало пользы, отдаливъ его еще болѣе отъ прямой его спеціальности при войскахъ. Правда, что въ это-же время приняты были нѣкоторыя мѣры, клонившіяся къ тому, чтобы вывести генеральный штабъ изъ прежняго его положенія, но онѣ были предпринимаемы какъ-бы съ опасеніемъ поколебать тѣ начала, на которыхъ были сдѣланы прежнія преобразованія; только уже въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ является со-

знаніе въ необходимости болѣе крупныхъ реформъ по генеральному штабу, но и здѣсь было сдѣлано немного, а между тѣмъ Восточная война прервала всякія дальнѣйшія къ тому попытки. Наконецъ, вступленіе на престолъ Императора Александра II составило новую эру въ исторіи генеральнаго штаба. Въ первые же дни царствованія новаго Императора послѣдовала замѣна генерала Берга въ должности генералъ-квартирмейстера генералъ-адъютантомъ барономъ Ливеномъ (3), при которомъ Высочайшая воля Государя указала генеральному штабу новые пути къ его развитію и преуспѣянію.

Послѣ этой краткой характеристики лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія генеральнымъ штабомъ въ царствованіе Императора Николая, перейдемъ къ изложенію того, что было сдѣлано для этого вѣдомства въ разсматриваемый періодъ времени по части его организаціи; изложеніе это послужитъ подтвержденіемъ вышесказаннаго о лицахъ, стоявшихъ во главѣ генеральнаго штаба.

Преобразованіе генеральнаго штаба въ царствованіе Императора Николая было начато измѣненіемъ прежняго названія этого вѣдомства, недопущеніемъ въ него чиновъ ниже поручичьяго, наконецъ введеніемъ новой системы его комплектованія, учрежденіемъ Императорской Военной Академіи. Дальнѣйшій ходъ этого преобразованія долженъ былъ исходить изъ этихъ основныхъ началъ, къ чему и приступилъ генералъ Нейдгартъ тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ Польши. Въ запискѣ, представленной имъ графу Чернышеву въ Ноябрѣ 1831 года (4), онъ указываетъ, что настоящая организація генеральнаго штаба не обезпечиваетъ для служащихъ въономъ офицеровъ того, чтобы они имѣли въ виду собственную отъ той службы пользу, или по крайней мѣрѣ, чтобы посвящая себя трудной службѣ въ генеральномъ штабѣ, они не теряли никакихъ выгодъ и преимуществъ, со службою другаго рода сопряженныхъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ Нейдгартъ приводитъ, что гвардейскіе офицеры, которые бы пожелали черезъ Военную Академію попасть въ генеральный штабъ, теряютъ очень много, и при выпускѣ изъ Академіи, и на самой службѣ въ генеральномъ штабѣ, сравнительно съ своими сослуживцами въ гвардіи; что существованіе особаго гвардейскаго генеральнаго штаба предста-

вляетъ также препятствіе къ справедливому уравненію офицеровъ генеральнаго штаба въ пріобрѣтаемыхъ службою преимуществахъ, такъ какъ безъ вреда для службы не могутъ быть допускаемы особые разряды въ корпусѣ офицеровъ, который, подобно генеральному штабу, долженъ состоять изъ офицеровъ самыхъ отличныхъ какъ по образованію и познаніямъ, такъ и по существу занятій, совершенно одинаковыхъ, при какомъ бы родѣ войскъ они ни находились. Признавая въ существѣ дѣла полезнымъ полное упраздненіе гвардейскаго генеральнаго штаба, самъ же генералъ Нейдгартъ находилъ, однако, эту мѣру неудобною, такъ какъ учрежденію этому дано начало блаженной памяти Императоромъ Александромъ I по окончаніи достопамятной войны противъ французовъ въ 1814 году, почему и полагалъ болѣе цѣлесообразнымъ изыскать способъ приведенія гвардейскаго генеральнаго штаба въ большее единообразіе съ генеральнымъ штабомъ въ отношеніи къ преимуществамъ и производству. Въ этихъ видахъ имъ предложены слѣдующія мѣры:

1) уничтожить всякое внѣшнее различіе между гвардейскимъ генеральнымъ штабомъ и генеральнымъ штабомъ, предоставивъ послѣднему мундиръ, присвоенный первому;

2) дать генеральному штабу всѣ преимущества гвардіи;

3) опредѣлить, хотя приблизительно, число чиновъ генеральнаго штаба для того, чтобы, ограничивъ онное штатнымъ положеніемъ, установить порядокъ въ немъ чинопроизводства;

4) присвоить нѣкоторымъ должностямъ по генеральному штабу постоянныя выгоды, какъ, напр., дивизіоннымъ квартирмейстерамъ, по примѣру дивизіонныхъ адъютантовъ,—столовыя деньги;

5) гвардейскому генеральному штабу сохранить преимущество одного чина надъ генеральнымъ штабомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить точно, сколько должно быть въ немъ офицеровъ, и отъ этой нормы уже никакъ не отступать, а самые переводы изъ генеральнаго штаба въ гвардейскій дѣлать не иначе, какъ на вакансію и съ пониженіемъ чина;

6) производство по гвардейскому генеральному штабу установить такъ, чтобы капитаны этого штаба равнялись съ подполковниками генеральнаго штаба и производились въ полковники наравнѣ съ ними въ генеральный штабъ; въ гвардейскій же гене-

ральный штабъ производить въ полковники только тѣхъ, которые должны оставаться въ числѣ штабъ-офицеровъ, положенныхъ при гвардейскомъ корпусѣ и въ главномъ штабѣ. Въ прочіе-же чины производить на вакансіи, когда таковыя будутъ открываться, а также и въ общемъ производствѣ по генеральному штабу, дабы при производствѣ по старшинству офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба ни въ какомъ случаѣ не могли быть обойдены офицерами генеральнаго штаба.

Такимъ образомъ, генералъ Нейдгартъ имѣлъ въ виду принять въ основаніе предполагаемаго преобразованія генеральнаго штаба увеличеніе преимуществъ службы этого вѣдомства и установленіе правильнаго чинопроизводства на основаніи опредѣленныхъ штатовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ генералъ Нейдгартъ полагалъ необходимымъ дать и внутреннему управленію онаго новое устройство, организовавъ его изъ трехъ главныхъ частей: военной, геодезической и распорядительной, которыя составляли бы управленіе генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Императорскаго Величества и находились бы подъ непосредственнымъ его надзоромъ. Что-же касается до отдѣльной ихъ организаціи, то предлагалось слѣдующее:

1) Часть военная, заключающая въ себѣ канцелярію генералъ-квартирмейстера и управляемая директоромъ оной, должна состоять попрежнему изъ трехъ отдѣленій: *исполнительнаго*— по движенію и расположенію войскъ, *пріуготовительнаго*—по собиранію историческихъ и статистическихъ свѣдѣній, относящихся какъ до Россіи, такъ и до всѣхъ пограничныхъ государствъ, по разсмотрѣнію разнаго рода военныхъ сочиненій и т. под., и *чертежнаго*. Въ случаѣ, если бы Государь Императоръ изволилъ отправиться въ походъ, то первое отдѣленіе должно слѣдовать при главной квартирѣ Его Величества.

2) Часть геодезическая, подъ управленіемъ особаго начальника съ званіемъ генералъ-географа, завѣдывала бы: военно-топографическимъ депо, механическимъ заведеніемъ главнаго штаба Его Величества, всѣми вообще государственными съемками и училищемъ топографовъ; состоящій при этой части корпусъ топографовъ долженъ быть раздѣленъ на роты, изъ которыхъ каждая

имѣла бы особаго ротнаго командира и офицеровъ не изъ корпуса, но произведенныхъ изъ фронтовыхъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, преимущественно изъ саперныхъ баталіоновъ.

3) Часть распорядительная, соотвѣтственно существующей канцеляріи управляющаго генеральнымъ штабомъ, заключала бы въ себѣ всю инспекторскую, хозяйственную и контрольную часть и сверхъ того ей были бы подчинены: управленіе домомъ главнаго штаба, Финляндскимъ кадетскимъ корпусомъ и типографіею генеральнаго штаба. Начальникъ ея имѣлъ бы званіе правителя канцеляріи управленія генеральнаго штаба.

Таковыя предложенія генерала Нейдгарта въ сущности не представляли ничего новаго: они были только возстановленіемъ того порядка, который былъ созданъ для квартирмейстерскаго вѣдомства знаменитымъ его устроителемъ княземъ Волконскимъ въ 1815 году; какъ тогда, часть военная и хозяйственная или распорядительная были раздѣлены и имѣли особыхъ представителей въ лицѣ Толя и Селявина, такъ и теперь предполагалось сдѣлать то-же самое, поставивъ ихъ только въ прямую зависимость отъ генералъ-квартирмейстера, такъ какъ званіе особаго управляющаго генеральнымъ штабомъ предполагалось упразднить, вслѣдствіе соединенія должности начальника главнаго штаба Его Величества съ званіемъ военнаго министра, въ одномъ лицѣ графа Чернышева.

Всѣ предложенія генерала Нейдгарта остались безъ послѣдствій: въ расширеніи правъ генеральнаго штаба было отказано, съ тѣмъ, чтобы ограничиться лишь составленіемъ ему опредѣленнаго штата, а обѣ канцеляріи—генералъ-квартирмейстера и управлявшаго генеральнымъ штабомъ—Высочайше повелѣно было соединить въ одну, какъ это было въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, при генералъ-квартирмейстерѣ Сухтеленѣ 1.

Въ Мартѣ 1832 года генералъ Нейдгартъ представилъ графу Чернышеву составленный имъ по Высочайшему повелѣнію, совмѣстно съ генералъ-лейтенантомъ Шубертомъ, новый штатъ генеральнаго штаба, причемъ имъ снова было возбуждено ходатайство о предоставленіи этому вѣдомству преимуществъ гвардіи. Въ особой запискѣ, отъ 8 Марта ([5]), онъ еще разъ указываетъ, что съ введеніемъ новаго штата, ограничивающаго составъ гвардейскаго

*

генеральнаго штаба, офицерамъ гвардіи будетъ представляться еще менѣе прежняго выгодъ къ поступленію въ это вѣдомство.

«При всемъ пламенномъ желаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ»,— говорится въ запискѣ,—«посвятить себя полезной, отличной, но вмѣстѣ съ тѣмъ многотрудной службѣ генеральнаго штаба, неминуемо остановитъ ихъ въ исполненіи онаго, особенно въ мирное время, то обстоятельство, что они съ переходомъ въ генеральный штабъ лишаются всѣхъ тѣхъ лестныхъ преимуществъ и выгодъ, коими они въ бытность на службѣ въ гвардіи пользуются и которыя, для образованнаго и благомыслящаго дворянина русскаго, наиболѣе драгоцѣнны.

«Перемѣщеніе въ генеральный штабъ преграждаетъ имъ входъ къ Высочайшему Двору, воспрещаетъ участіе въ празднествахъ, исключаетъ ихъ изъ числа удостоиваемыхъ приглашенія къ представленіямъ, бывающимъ въ эрмитажѣ. Посвятивъ себя наукамъ и многосложнымъ занятіямъ по различнымъ отраслямъ военнаго искусства, обрекаясь въ военное время на большіе труды и большія опасности, офицеры сіи, въ кругу высшаго общества, къ коему многіе изъ нихъ принадлежатъ по рожденію и связямъ, даже при Высочайшемъ Дворѣ, должны уступать свое мѣсто бывшимъ своимъ товарищамъ за то единственно, что превосходство способностей увлекло ихъ къ желанію посвятить себя исключительно на службу въ генеральномъ штабѣ».

Записка эта осталась опять безъ всякихъ послѣдствій; быть можетъ, она вовсе и не была докладываема Государю, такъ какъ на ней не значится никакой помѣтки графа Чернышева.

28-го Марта 1832 года послѣдовало Высочайшее утвержденіе для генеральнаго штаба новаго штата, который обнималъ не только опредѣленіе числа разныхъ чиновъ, входящихъ въ составъ этого вѣдомства, но также и распредѣленіе ихъ по разнымъ должностямъ, правила ихъ чинопроизводства и размѣры получаемаго содержанія ([6]). Штатъ этотъ, измѣняемый лишь въ частныхъ мелочахъ, служилъ безъ малаго почти тридцать лѣтъ главнымъ основаніемъ для всей жизни нашего генеральнаго штаба.

Собственно личный составъ всего вѣдомства опредѣленъ по штату изъ: генералитета, гвардейскаго генеральнаго штаба, генеральнаго штаба и корпуса топографовъ. Число-же чиновъ этихъ

разныхъ категорій положено было и въ дѣйствительности находилось на службѣ ко времени утвержденія штата слѣдующее:

	По штату.	Состояло на службѣ.
1) Генераловъ гвардейскаго генеральнаго штаба и генеральнаго штаба	17	37
2) *Гвардейскаго генеральн. штаба:*		
Полковниковъ	2	12
Капитановъ	4	11
Штабсъ-капитановъ	4	12
Поручиковъ	6	7
Подпоручиковъ	4	5
Итого гвард. генеральн. штаба	20	47
3) *Генеральнаго штаба:*		
Полковниковъ	30	23
Подполковниковъ	48	17
Капитановъ	54	22
Штабсъ-капитановъ	60	32
Поручиковъ	68	60
Подпоручиковъ	—	7
Итого генеральнаго штаба . .	260	161
Прикомандированныхъ къ генеральному штабу	—	45

Такимъ образомъ собственно въ генеральномъ штабѣ по штату было уменьшено число генераловъ и офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба; оба эти сокращенія являются крайне невыгодными для цѣлаго корпуса. На прежній гвардейскій генеральный штабъ никто не могъ жаловаться, потому что каждому по его способностямъ и заслугамъ былъ открытъ къ нему доступъ; если допустить даже, что существованіе его было несправедливостію, то все таки это зло уравновѣшивалось тѣмъ, что имъ каждый могъ воспользоваться, такъ какъ число офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба не ограничивалось никакими положеніями. Теперь-же комплектъ гвардейскаго генеральнаго штаба былъ ограниченъ штатомъ, туда можно было попасть только на вакансію, слѣдовательно право пользованія особыми преимуществами было предоставлено не отличнѣйшимъ, а тѣмъ, кому благопріятствовалъ

случай, счастіе или протекція; даже экзаменное старшинство при выпускѣ изъ Военной Академіи не обезпечивало возможности попасть въ гвардейскій генеральный штабъ; такъ, за тридцать лѣтъ (съ 1834 по 1864 г., когда гвардейскій генеральный штабъ былъ упраздненъ), только въ 17 выпускахъ, первые по экзамену были зачислены въ гвардейскій генеральный штабъ; изъ нѣкоторыхъ выпусковъ никто не былъ удостоиваемъ того по неимѣнію вакансіи, а были года, когда такой переводъ выпадалъ на долю 3, 4 офицеровъ, стоявшихъ по экзамену далеко не въ числѣ самыхъ первыхъ (7).

Не менѣе прискорбно для генеральнаго штаба было то, что по новому штату исключенъ былъ изъ его списковъ весь генералитетъ, составлявшій постоянно его гордость и славу. Восемнадцать генераловъ, а именно: графъ Сухтеленъ 1-й, князь Волконскій, Довре, графъ Толь, графъ Курута, Селявинъ, графъ Сухтеленъ 2-й, Киселевъ, два Эйхена, князь Голицынъ, Хоментовскій, Готовскій, баронъ Икскюль, Линденъ, баронъ Ренненкампфъ 2-й, Ренненкампфъ 1-й, Чевкинъ, были отчислены отъ генеральнаго штаба, что въ глазахъ тогдашняго общества прямо имѣло значеніе, что корпусъ генеральнаго штаба недостоинъ считать этихъ лицъ въ своихъ спискахъ. До 1825 года мундиръ генеральнаго штаба пользовался почетомъ и значеніемъ, имъ дорожили, онъ служилъ какъ-бы выставкою ума и высшаго образованія. Это особенно вліяло на самолюбіе молодежи, которая гордилась тѣмъ, что попадала въ одинъ списокъ съ заслуженными генералами, что въ этотъ-же списокъ зачисляли и лицъ, занимавшихъ высшія должности; самое общество и войска съ уваженіемъ смотрѣли на этотъ скромный, но красивый и почетный мундиръ. Конечно, не безъ того, что такое преувеличенное, быть можетъ, значеніе мундира имѣло и нѣкоторыя дурныя стороны, проявлявшіяся болѣе рѣзко въ отдѣльныхъ личностяхъ; такъ, возможно, что это значеніе мундира поддерживало во многихъ офицерахъ генеральнаго штаба, особенно въ молодыхъ, самонадѣянность, нѣкоторую заносчивость, рѣзкость приговоровъ объ авторитетахъ науки и военнаго дѣла. Все это нерѣдко слышалось въ видѣ укора генеральному штабу и не только у насъ, но и повсюду, во всѣхъ арміяхъ. Тѣмъ не менѣе никто, конечно, никогда не дерзнулъ бы распространять эти обви-

пенія на всю массу служащихъ въ этомъ корпусѣ, а если высказанные недостатки составляли принадлежность отдѣльныхъ личностей, то противъ этого могли быть приняты мѣры, не карая все вѣдомство.

Ослабленіе значенія мундира генеральнаго штаба по штату 1832 г. является тѣмъ болѣе прискорбнымъ явленіемъ, что оно совпало именно съ той эпохой, когда въ обществѣ, какъ было уже указано, и безъ того составилось неблагопріятное мнѣніе объ этомъ вѣдомствѣ, вслѣдствіе событій конца 1825 года. Къ тому-же было еще одно обстоятельство, неблагопріятно отразившееся на генеральномъ штабѣ, это именно усиленіе послѣ 1832 г. корпуса топографовъ, представителей котораго въ обществѣ очень часто смѣшивали съ офицерами генеральнаго штаба, вслѣдствіе общности ихъ мундира.

Собственно по штату 1832 г. положено было:

4) *Корпуса топографовъ.*

	По штату.	Состояло на службѣ.
Подполковниковъ	—	3
Капитановъ	5	4
Штабсъ-капитановъ	5	1
Поручиковъ	10	8
Подпоручиковъ	20	13
Прапорщиковъ	30	21
Итого корпуса топографовъ.	70	50
Прикомандирован. къ корпусу.	—	19

Топографовъ нижняго званія положено по штату имѣть 456 человѣкъ, между тѣмъ какъ на службѣ ихъ имѣлось до того 347, такъ что и здѣсь противъ штата недоставало 109 человѣкъ ([8]).

Топографы нижняго званія раздѣлялись на восемь ротъ: рота военно-топографическаго депо, рота № 1 при 1-й арміи, № 2—при дѣйствующей арміи (въ Варшавѣ), № 3—при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, № 4, раздѣленная на двѣ полуроты, изъ коихъ 1-я при отдѣльномъ Оренбургскомъ, а 2-я при отдѣльномъ Сибирскомъ корпусѣ, наконецъ, роты №№ 5, 6 и 7—при большихъ государственныхъ съемкахъ. Каждая рота имѣла своего ротнаго командира (изъ оберъ-офицеровъ арміи), фельдфебеля, каптенармуса, писаря и цирюльника; рота-же № 4, раздѣленная на двѣ отдѣль-

ныя половины, имѣла таковое-же число этихъ чиновъ при каждой своей половинѣ. Въ полуротахъ полагалось по 24, въ ротахъ по 48 топографовъ, кромѣ роты военно-топографическаго депо, въ которой имѣлось 120 топографовъ.

Переходя къ штатному распредѣленію всѣхъ вышеозначенныхъ чиновъ, оказывается, что весьма значительная часть ихъ, безъ малаго около половины, была назначена на разныя должности въ главномъ штабѣ Его Величества, а другая при войскахъ. Въ составъ главнаго штаба входили:

генераловъ		11
штабъ-офицеровъ		33
оберъ-офицеровъ:	генеральнаго штаба	18
	топографовъ	59
классныхъ чиновниковъ		16
нижнихъ чиновъ		241

Въ генеральскихъ чинахъ полагались: военный министръ, который въ дѣйствительности занялъ мѣсто бывшаго управляющаго квартирмейстерскою частію, генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества, директоръ военно-топографическаго депо, начальникъ отдѣленія военно-ученаго комитета по части генеральнаго штаба, два генерала при государственныхъ съемкахъ и 5 для особыхъ порученій по генеральному штабу. Изъ числа послѣднихъ, одинъ постоянно долженъ былъ находиться при главномъ штабѣ для занятій по военно-статистической, исторической и ученой части, подъ руководствомъ генералъ-квартирмейстера, при которомъ онъ полагался въ родѣ помощника, для замѣны его въ случаѣ отсутствія. Такъ было предложено генераломъ Нейдгартомъ, но въ дѣйствительности это никогда не исполнялось, и нерѣдко должность генерала для занятій военно-историческихъ и статистическихъ была занимаема даже полковниками, а въ 1841 году и вовсе упразднена.

Изъ числа штабъ и оберъ-офицеровъ были назначены:

1) въ распоряженіе военнаго министра и генералъ-квартирмейстера, для особыхъ работъ и порученій, или экстренныхъ довѣренныхъ командировокъ, 8 штабъ и 12 оберъ-офицеровъ;

2) постоянно при большихъ государственныхъ съемкахъ: полковниковъ 4, подполковниковъ 6 и корпуса топографовъ оберъ-офицеровъ 33;

3) въ канцелярію генералъ-квартирмейстера: штабъ-офицеровъ 5 и оберъ-офицеровъ 5; канцелярія эта, представляя соединеніе бывшей канцеляріи того-же наименованія съ бывшею канцеляріею управлявшаго квартирмейстерскою частію, состояла теперь изъ слѣдующихъ шести отдѣленій: 1-го инспекторскаго съ архивомъ, 2-го—по движеніямъ и расположенію войскъ, 3-го—военно-статистическаго, топографическаго и историческаго, 4-го—чертежнаго, 5-го—казначейскаго и 6-го—контрольнаго (9); во главѣ канцеляріи поставленъ правитель ея, въ чинѣ полковника; отдѣленіями завѣдывали офицеры генеральнаго штаба (1 полковникъ, 3 подполковника и 1 капитанъ), кромѣ 5-го отдѣленія, коимъ управлялъ классный чиновникъ; при начальникахъ 2, 3, 4 и 6 отдѣленій имѣлись помощники въ чинѣ капитана или штабсъ-капитана, а при отдѣленіяхъ 1, 2, 3 и 5 по одному классному чиновнику; при канцеляріи состояло 16 писарей и типографія, имѣвшая смотрителя изъ классныхъ чиновниковъ и 7 наборщиковъ и печатниковъ.

4) На должности по военно-топографическому депо, неподвергшемуся никакимъ измѣненіямъ, было назначено генеральнаго штаба или корпуса топографовъ—5 штабъ-офицеровъ и корпуса топографовъ—22 оберъ-офицера. На всѣ должности по депо положено было попрежнему назначать безразлично офицеровъ генеральнаго штаба или корпуса топографовъ. Депо состояло изъ шести отдѣленій и школы топографовъ; отдѣленія имѣли самый разнобразный составъ, а именно:

1) письмоводительное отдѣленіе — 1 офицеръ, 2 чиновника (одинъ для письмоводства, а другой коммисаромъ при продажѣ картъ), 3 писаря и 1 вахтеръ;

2) топографическое—19 офицеровъ, изъ которыхъ 1 начальникомъ отдѣленія и 3 его помощниками;

3) астрономическое,—3 офицера—начальникъ отдѣленія, его помощникъ и хранитель инструментовъ;

4) гравировальное и печатное—1 офицеръ (начальникъ отдѣленія), неопредѣленное число граверовъ, словорѣзовъ и литографовъ изъ классныхъ чиновниковъ, 1 рисовальщикъ и 2 старшихъ печатника и, наконецъ, 2 подмастерья печатниковъ, 3 ученика и 9 работниковъ;

5) механическое—начальникъ отдѣленія изъ классныхъ чиновниковъ, 4 старшихъ мастеровыхъ и 48 простыхъ мастеровыхъ;

6) архивное—2 офицера (начальникъ отдѣленія и его помощникъ), 2 переплетчика и 4 наклейщика.

Что касается до школы топографовъ, замѣнившей прежнее училище, то во главѣ ея стоялъ инспекторъ школы, полагавшійся также изъ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба или корпуса топографовъ; въ составъ школы входила рота топографовъ военно-топографическаго депо изъ 120 топографовъ 1-го и 2-го классовъ, съ своимъ ротнымъ командиромъ, фельдфебелемъ и каптенармусомъ, и нестроевая команда изъ 24 нижнихъ чиновъ; изъ роты топографовъ 60 граверовъ, словорѣзовъ и литографовъ назначены были состоять при 4-мъ отдѣленіи депо.

5) Наконецъ, изъ генеральнаго штаба положено было имѣть: при библіотекѣ генеральнаго штаба—одного полковника въ должности начальника оной и ему въ помощь капитана или штабсъ-капитана, да при Военной Академіи инспекторами отдѣленій 2-хъ полковниковъ и 2-хъ подполковниковъ, а изъ корпуса топографовъ — 3 оберъ-офицера полагались по штату въ постоянной командировкѣ въ Дерптѣ, для слушанія тамъ астрономическихъ лекцій.

Штатъ распредѣленія офицеровъ генеральнаго штаба по войскамъ опредѣленъ былъ согласно потребностямъ военнаго времени, причемъ въ основаніе принято было прежнее число чиновъ генеральнаго штаба при штабахъ арміи, корпусовъ и дивизій, а именно: при штабахъ армій — генералъ-квартирмейстеръ, 3 старшихъ адъютанта и для особыхъ порученій — 4 штабъ и 4 оберъ-офицера; при штабахъ пѣхотныхъ корпусовъ, кромѣ оберъ-квартирмейстера, по два старшихъ адъютанта и для особыхъ порученій по 1 штабъ и по 2 оберъ-офицера; при резервныхъ кавалерійскихъ корпусахъ—только оберъ-квартирмейстеръ и 1 оберъ-офицеръ; при дивизіяхъ, какъ пѣхотныхъ, такъ и кавалерійскихъ, по дивизіонному квартирмейстеру и одному младшему офицеру; исключеніе изъ этого составляли: двѣ кавказскія дивизіи (21 и 22), при которыхъ полагалось по два младшихъ офицера ([10]), сводныя дивизіи, которыя вовсе не имѣли младшихъ офицеровъ, а также отдѣльные корпуса—Кавказскій, Оренбургскій, Сибирскій, внутрен-

ней стражи, войска, въ Финляндіи расположенныя, и управленіе военныхъ поселеній и резервныхъ войскъ, гдѣ число офицеровъ генеральнаго штаба сообразовалось съ мѣстными потребностями.

Вообще штатомъ было опредѣлено, что оберъ-квартимейстеры и старшіе адъютанты въ арміяхъ имѣютъ быть въ чинахъ полковниковъ и подполковниковъ, старшіе адъютанты въ корпусныхъ штабахъ и дивизіонные квартирмейстеры въ чинахъ капитановъ и штабсъ-капитановъ; исключеніе изъ этого составляли оберъ-квартирмейстеры корпусовъ гвардейскаго, отдѣльнаго Кавказскаго, внутренней стражи и поселенныхъ войскъ, гдѣ они полагались въ чинѣ генералъ-маіора; сверхъ того, въ гвардейскомъ корпусѣ были два отдѣльные оберъ-квартирмейстера пѣхоты и кавалеріи, а въ Кавказскомъ корпусѣ особый оберъ-квартирмейстеръ на кавказской линіи.

Такимъ образомъ по штату всего полагалось при войскахъ:

1. *При отдѣльномъ гвардейскомъ корпусѣ:*

Оберъ-квартирмейстеръ корпуса, генералъ-маіоръ .	1
Оберъ-квартирмейстеровъ пѣхоты и кавалеріи, полковниковъ	2
Старшихъ адъютантовъ 2 и при нихъ 4 оберъ-офицера, а всего оберъ-офицеровъ	6
Дивизіонныхъ квартирмейстеровъ 6 и столько же младшихъ офицеровъ	12
Итого .	21

2. *При главныхъ квартирахъ двухъ армій:*

Генералъ-квартирмейстеровъ въ генеральскихъ чинахъ	2
Старшихъ адъютантовъ, штабъ-офицеровъ . . .	6 (11)
Для особыхъ порученій, штабъ-офицеровъ . . .	8
» » » оберъ-офицеровъ . . .	8
Итого .	24

3. *При гренадерскомъ корпусѣ:*

Штабъ-офицеровъ:

Оберъ-квартирмейстеръ	1
Для порученій	1

Оберъ-офицеровъ:

Старшихъ адъютантовъ	2
При корпусѣ	2
Дивизіонныхъ квартирмейстеровъ	4
Младшихъ офицеровъ при дивизіяхъ	4
Итого	14

4. *При шести пѣхотныхъ корпусахъ:*

Штабъ-офицеровъ:

Оберъ-квартирмейстеровъ	6
Для порученій	6

Оберъ-офицеровъ:

Старшихъ адъютантовъ	12
При корпусѣ	12
Дивизіонныхъ квартирмейстеровъ	30
Младшихъ офицеровъ при дивизіяхъ (кромѣ сводныхъ)	24
Итого	90

5. *При четырехъ резервныхъ кавалерійскихъ корпусахъ:* (пятый въ составѣ гвардейскаго корпуса).

Штабъ-офицеровъ:

Оберъ-квартирмейстеровъ	4

Оберъ-офицеровъ:

При корпусахъ	4
Дивизіонныхъ квартирмейстеровъ	8
Младшихъ офицеровъ при дивизіяхъ	8
Итого	24

6. *При отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ:*

Оберъ-квартирмейстеръ, въ чинѣ генералъ-маіора	1

Штабъ-офицеровъ:

Оберъ-квартирмейстеръ кавказской линіи	1
Для порученій: при корпусѣ 3 и на линіи 1, всего	4
Старшій адъютантъ при корпусѣ	1

Оберъ-офицеровъ:

Старшихъ адъютантовъ на линіи	2

Дивизіонныхъ квартирмейстеровъ 21 и 22 дивизій и кавказской гренадерской бригады .	3
Для порученій при корпусѣ 4, на линіи 1, всего .	5
Младшихъ офицеровъ при 21 и 22 дивизіяхъ .	4
Итого .	21

7. *При отдѣльномъ Оренбургскомъ корпусѣ:*

Штабъ-офицеровъ:	
Оберъ-квартирмейстеръ	1
Оберъ-офицеровъ:	
Старшихъ адъютантовъ	2
Для порученій	4
Дивизіонный квартирмейстеръ 28 пѣх. дивизіи .	1
Итого .	8
Сверхъ того, корпуса топографовъ оберъ-офицеровъ.	3

8. *При отдѣльномъ Сибирскомъ корпусѣ:*

Штабъ-офицеровъ:	
Оберъ-квартирмейстеръ	1
Для порученій	1
Оберъ-офицеровъ:	
Старшихъ адъютантовъ	2
Для порученій	4
Дивизіонный квартирмейстеръ 29 пѣх. дивизіи .	1
Итого .	9
Сверхъ того, корпуса топографовъ оберъ-офицеровъ.	3

9. *При корпусѣ внутренней стражи:*

Оберъ-квартирмейстеръ, въ чинѣ генералъ-маіора .	1
Для порученій оберъ-офицеръ	1
Итого .	2

10. *При войскахъ, въ Финляндіи расположенныхъ:*

Штабъ-офицеръ:	
Оберъ-квартирмейстеръ	1
Оберъ-офицеровъ:	
Дивизіонный квартирмейстеръ 23 пѣх. дивизіи .	1
Младшій офицеръ при дивизіи	1
Итого .	3

11. *При военныхъ поселеніяхъ и резервныхъ войскахъ:*

Оберъ-квартирмейстеръ въ чинѣ генералъ-маіора .	1
Штабъ-офицеровъ:	
Для порученій	3
Оберъ-офицеровъ:	
Для порученій	6
Дивизіонныхъ квартирмейстеровъ гренадерской резервной и шести пѣх. рез. дивизій	7
Итого .	17

12. *При 4-й уланской дивизіи*, не вошедшей въ общее росписаніе войскъ:

Дивизіонный квартирмейстеръ и младшій офицеръ, оберъ-офицеры	2

Такимъ образомъ собственно при войскахъ по штату полагалось офицеровъ генеральнаго штаба.

Генераловъ	6
Штабъ-офицеровъ	47
Оберъ-офицеровъ	182
Итого .	235

Въ томъ числѣ двадцать штабъ и оберъ-офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба.

Въ дѣйствительности же, при войскахъ никогда не находилось такого числа офицеровъ; независимо отъ того, что какъ выше было видно изъ сравненія штатнаго числа офицеровъ съ состоящимъ налицо, имѣлся значительный въ нихъ некомплектъ, сверхъ того, и самымъ штатомъ было опредѣлено, чтобы въ мирное время всѣ младшіе офицеры, т. е. незанимающіе мѣстъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ и старшихъ адъютантовъ, были отдѣляемы отъ войскъ для государственныхъ съемокъ и рекогностировокъ, присоединяясь къ войскамъ лишь въ военное время.

Послѣдняя мѣра имѣла особенно неблагопріятное вліяніе на службу генеральнаго штаба, окончательно отстраняя отъ войскъ офицеровъ этого вѣдомства.

На всѣхъ должностяхъ по генеральному штабу, за небольшимъ лишь исключеніемъ, оклады содержанія оставлены прежніе; вновь введено, что генералъ, состоящій при главномъ штабѣ для ученыхъ

занятій, правитель канцеляріи генералъ-квартирмейстера и оберъ-квартермейстеры военныхъ поселеній и отдѣльныхъ корпусовъ: гвардейскаго, кавказскаго и внутренней стражи, имѣютъ получать столовыхъ денегъ по 3,000 руб. ассигн. въ годъ, да дивизіоннымъ квартирмейстерамъ и старшимъ адъютантамъ по части генеральнаго штаба въ корпусахъ назначены столовыя деньги наравнѣ со старшими дивизіонными адъютантами по 500 руб. въ годъ. Сверхъ того, по штату установлены въ штабахъ двухъ армій должности третьихъ старшихъ адъютантовъ, получающихъ столовыхъ также по 500 руб.; да при канцеляріи генералъ-квартирмейстера вновь установлено четверо классныхъ чиновниковъ съ окладомъ столовыхъ каждому въ 1,200 руб. ассигн. Вслѣдствіе всего этого, расходы по новому штату на столовыя деньги по генеральному штабу увеличились противъ прежняго на 52,300 руб.

На содержаніе военно-топографическаго депо по штату положено всего 100,835 руб. ассигн., что составляетъ уменьшеніе противъ прежняго отпуска на 6,526 руб.; но, сверхъ сказанной суммы, оставлены прежніе отпуски: на покупку картъ для депо 500 червонцевъ и столько же на покупку книгъ для библіотеки главнаго штаба.

Большихъ измѣненій собственно въ штатѣ военно-топографическаго депо не послѣдовало, за исключеніемъ лишь того, что прежнее званіе директора корпуса топографовъ замѣнено должностію директора военно-топографическаго депо, учреждена новая должность инспектора школы топографовъ съ добавочнымъ содержаніемъ въ 1,200 руб., да упразднена отдѣльность механическаго заведенія главнаго штаба включеніемъ его въ составъ 5-го механическаго отдѣленія депо, причемъ, однако, директору этого заведенія, дѣйствительному статскому совѣтнику Рейсигу, сдѣлавшемуся начальникомъ отдѣленія, сохранено званіе директора, пока онъ будетъ завѣдывать этимъ отдѣленіемъ.

Для разграниченія круга дѣятельности военно-топографическаго депо отъ дѣятельности собственно генеральнаго штаба, штатомъ опредѣлено, что всѣ государственныя съемки и геодезическія работы, состоя въ вѣдѣніи генералъ-квартирмейстера, управляются онымъ посредствомъ депо; всѣ же прочія съемки, рекогностировки и тому подобныя работы, въ военномъ отношеніи, производятся

подъ непосредственнымъ руководствомъ самого генералъ-квартирмейстера.

Наконецъ, штатомъ же опредѣленъ и порядокъ чинопроизводства по генеральному штабу. Старшинство генераловъ положено считать по общему генеральскому списку, причемъ только оберъ-квартирмейстеръ гвардейскаго корпуса назначенъ состоять въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, а всѣ прочіе генералы въ генеральномъ штабѣ. Тутъ же опредѣлено, что директоръ Императорской Военной Академіи, начальники штабовъ армій и корпусовъ, если они назначаются изъ генераловъ генеральнаго штаба, остаются въономъ сверхъ штатнаго числа, доколѣ занимаютъ эти мѣста; съ назначеніемъ же на другую должность не по генеральному штабу переводятся изъ онаго; собственно же въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, кромѣ оберъ-квартирмейстера гвардейскаго корпуса, можетъ считаться только одинъ начальникъ штаба этого корпуса. Генералы-же, назначаемые начальниками главныхъ штабовъ армій и начальниками штабовъ корпусовъ, съ переводомъ въ генеральный штабъ, остаются въ ономъ пока занимаютъ эти мѣста.

Положенія эти были дополнены въ 1835 году Высочайшимъ повелѣніемъ, по которому начальникамъ штабовъ армій и корпусовъ, непринадлежащимъ къ генеральному штабу, предоставлено было право носить мундиръ этого вѣдомства, пока они будутъ въ этихъ должностяхъ, съ тѣмъ, чтобы состоящіе по кавалеріи носили мундиръ этотъ наравнѣ съ прочими, по установленной формѣ, т. е. со шпагою и съ чернымъ султаномъ на шляпѣ ([12]).

Старшинство полковниковъ гвардейскаго генеральнаго штаба, генеральнаго штаба и корпуса топографовъ положено считать съ пѣхотными полковниками, почему и производство ихъ въ генералы должно было идти не иначе, какъ съ назначеніемъ къ мѣсту, смотря по способностямъ; тѣ-же изъ ихъ числа, которые предназначаются къ поступленію во фронтъ, должны прикомандировываться къ образцовымъ войскамъ или къ другой части войскъ, для лучшаго узнанія подробныхъ правилъ строевой службы; за время нахожденія при образцовыхъ войскахъ имъ опредѣлено производить на общемъ положеніи двойное жалованье. Полковники, занимающіе генеральскія мѣста, считаются сверхштатными.

По корпусу топографовъ особыхъ штабъ-офицеровъ не было положено, но они должны были считаться въ общемъ числѣ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, нося, однако, мундиръ корпуса топографовъ.

Капитаны гвардейскаго генеральнаго штаба и подполковники генеральнаго штаба должны состоять въ общемъ спискѣ и производиться въ полковники по старшинству ихъ; изъ первыхъ оставляются въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ лишь тѣ, которые имѣютъ оставаться въ числѣ штабъ-офицеровъ, положенныхъ при гвардейскомъ корпусѣ.

Офицеры прочихъ чиновъ производятся по старшинству на вакансіи, причемъ офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба повышаются не только на открывающіяся въ ихъ линіи вакансіи, но и при общемъ производствѣ по генеральному штабу, въ послѣднемъ случаѣ съ переводомъ въ оный, дабы они при производствѣ по старшинству ни въ какомъ случаѣ не могли быть обойдены офицерами генеральнаго штаба; изъ послѣдняго-же въ гвардейскій генеральный штабъ переводы могутъ быть дѣлаемы не иначе, какъ на вакансіи и съ пониженіемъ чина. Такимъ образомъ, новымъ положеніемъ о чинопроизводствѣ отмѣнялось совершенно прежнее, если не положеніе, то обычай, получившій вполнѣ силу закона, о производствѣ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ по генеральному штабу черезъ три года.

Оберъ-офицеры корпуса топографовъ, состоя въ одномъ спискѣ съ офицерами генеральнаго штаба, должны были сохранять и общее съ ними производство по старшинству.

Что-же касается до топографовъ нижняго званія, то, вмѣсто прежнихъ двухъ классовъ, они по своимъ познаніямъ дѣлились на три класса, изъ которыхъ въ 1-й зачислялись лишь тѣ, которые удостоятся принятія въ школу, состоящую при депо; топографъ-же 3-го класса не могъ быть унтеръ-офицеромъ, и если онъ, съ достиженіемъ 24-хъ-лѣтняго возраста, при отличномъ поведеніи и прилежаніи, не выкажетъ достаточно способностей для перехода во 2-й классъ, то производится въ унтеръ-офицеры въ войска или въ писаря главнаго штаба. Топографъ 2-го класса, прослужившій при отличномъ поведеніи 8 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, но неимѣющій достаточныхъ познаній для зачисленія въ 1 классъ

точно также переводится соотвѣтствующимъ званіемъ со старшинствомъ своимъ въ войска или писаря, смотря по способностямъ. Номерныя роты топографовъ имѣютъ въ своемъ составѣ поровну топографовъ 2 и 3 классовъ, а рота военно-топографическаго депо состоитъ изъ 60 топографовъ 1-го класса и 60 топографовъ 2-го класса, обучающихся гравировальному, словорѣзному и литографскому искусству; послѣднимъ оставлено преимущество, что они, при отличномъ поведеніи и знаніи своего искусства, производятся, за выслугу въ унтеръ-офицерскомъ званіи отъ 10 до 12 лѣтъ, въ 14 классъ, въ граверы военно-топографическаго депо. Топографъ 1-го класса производится въ офицеры не иначе, какъ по экзамену, пробывъ въ школѣ топографовъ не менѣе года, причемъ, выслужившій отъ 8 до 10 лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи производится въ офицеры корпуса, если имѣется въономъ вакансія, или-же, за неимѣніемъ оной, въ подпоручики арміи; топографъ-же 1-го класса, немогущій выдержать вполнѣ положеннаго экзамена, но при отличномъ поведеніи выслужившій унтеръ-офицеромъ 12 лѣтъ, производится въ прапорщики арміи. Равномѣрно въ прапорщики арміи производятся и тѣ топографы, которые во время войны или при исполненіи какого-либо порученія будутъ удостоены производства въ офицеры.

Таковы главныя положенія штата 1832 г., оцѣнка котораго лучше всего можетъ быть сдѣлана разсмотрѣніемъ, какъ именно онъ примѣнился къ жизни генеральнаго штаба и на сколько онъ подвергался впослѣдствіи дополненіямъ и измѣненіямъ. Установленіе штата для генеральнаго штаба имѣло цѣлію воспрепятствовать тому, чтобы вѣдомство это не расплывалось внѣ своей прямой спеціальности, а, напротивъ, было какъ можно ближе и непосредственно связано съ нею. Отсюда при составленіи штата возникали даже затрудненія, въ какой мѣрѣ необходимы особые генералы для порученій и командировокъ при военномъ министрѣ и генералъ-квартирмейстерѣ, и, только благодаря особому ходатайству генералъ-адъютанта Нейдгарта, установлена была особая категорія этихъ чиновъ. Вслѣдствіе той-же основной идеи, принятой при изданіи штата 1832 г., строжайше подтверждалось, чтобы штабъ и оберъ-офицеры генеральнаго штаба отнюдь не были переводимы въ другія вѣдомства ([13]); одно время даже признавалось,

что офицерамъ генеральнаго штаба неумѣстно заниматься преподаваніемъ наукъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, «такъ какъ это болѣе или менѣе отвлекаетъ ихъ отъ предмета настоящихъ ихъ обязанностей, въ прямомъ смыслѣ до службы генеральнаго штаба относящихся ([14])». Не только изъ офицеровъ генеральнаго штаба, но даже изъ прикомандированныхъ къ оному воспрещалось брать къ кому-либо въ адъютанты ([15]).

Такимъ образомъ, генеральный штабъ поставленъ былъ въ совершенно замкнутое положеніе, изъ котораго единственный возможный выходъ, безъ оставленія службы, представлялся для полковниковъ, поступившихъ, какъ сказано выше, въ одну линію съ пѣхотными полковниками. Но и здѣсь ихъ встрѣчало новое затрудненіе: собственно по генеральному штабу было весьма немного мѣстъ, которыя могли бы быть открыты для полковниковъ; переходъ-же въ другое вѣдомство требовалъ новой подготовки въ образцовыхъ войскахъ. Къ чему-же вела эта новая подготовка, какія права давала она?

Первыми, воспользовавшимися правомъ на прикомандированіе къ образцовымъ войскамъ, были: оставшійся за штатомъ помощникъ директора корпуса топографовъ, полковникъ Федоръ Андреевичъ Шраммъ 1-й, и оберъ-квартирмейстеръ военныхъ поселеній, полковникъ Морицъ Августовичъ Коцебу 1-й. Первый изъ нихъ вступилъ въ генеральный штабъ въ 1813 г. подпоручикомъ изъ 20 егерскаго полка, участвовалъ въ наполеоновскихъ войнахъ, былъ всегда на отличномъ счету, чему доказательствомъ можетъ служить то, что въ 1823 г. онъ былъ уже произведенъ въ полковники; послѣ года, проведеннаго въ образцовомъ пѣхотномъ полку, онъ былъ назначенъ командующимъ бригадою и только послѣ испытанія утвержденъ въ этомъ званіи въ 1834 году съ производствомъ въ генералъ-маіоры.

М. Ав. Коцебу, поступивъ въ генеральный штабъ въ 1806 г. изъ 1-го кадетскаго корпуса, имѣлъ несчастіе пробыть почти два года въ плѣну (съ 1812 по 1814 г.), но затѣмъ, быстро подвигаясь въ чинахъ, будучи подполковникомъ, исполнялъ должность оберъ-квартирмейстера отдѣльнаго кавказскаго корпуса съ 1822 г.; произведенный въ 1823 году въ полковники, онъ оставался на Кавказѣ до 1828 г., когда былъ назначенъ оберъ-квартирмейсте-

ромъ резервныхъ войскъ и военныхъ поселеній. Годъ прикомандированія къ образцовому пѣхотному полку доставилъ ему въ 1834 г. чинъ генералъ-маіора и также командованіе пѣхотною бригадою.

Эти два примѣра видимо неблагопріятно подѣйствовали на генеральный штабъ, въ особенности, быть можетъ, потому, что собственно по окладу столовыхъ денегъ (2,000 р. ассигн.) должность оберъ-квартирмейстера была приравнена къ должности бригаднаго командира и слѣдовательно годичное прикомандированіе къ образцовымъ войскамъ доставляло лишь чинъ генерала, вовсе еще не открывая дороги къ назначенію начальникомъ корпуснаго штаба, должности, которую генеральный штабъ привыкъ считать своею и въ которую между тѣмъ стали назначать изъ лицъ, вовсе неслужившихъ въ этомъ вѣдомствѣ. Поэтому-то и неудивительно, что на первыхъ порахъ изданія штата, кромѣ двухъ названныхъ полковниковъ, никто не прикомандировывался къ образцовымъ войскамъ, и только съ 1836 г. явились вновь желающіе подвергаться этому испытанію, но съ расчетомъ не на производство въ генералы, а на полученіе полка, почему и прикомандировывались по преимуществу только-что произведенные полковники и даже подполковники.

Всего за время съ 1832 по 1853 г. перебывало въ образцовыхъ войскахъ 1 генералъ-маіоръ и 41 штабъ-офицеръ генеральнаго штаба, изъ которыхъ только десять получили полки ([16]).

Должность начальника корпуснаго штаба была почти вовсе закрыта для офицеровъ генеральнаго штаба, въ особенности въ дѣйствующей арміи; чести этой до сороковыхъ годовъ удостоились только полковникъ Коцебу 2-й (Павелъ Евстафьевичъ), назначенный въ 1837 г. исправляющимъ должность начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса, и генералъ-маіоръ баронъ Ховенъ, назначенный начальникомъ штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса въ 1838 г. Только въ 1843 г., по ходатайству генерала Берга, были объявлены особыя условія, при которыхъ офицеръ генеральнаго штаба могъ надѣяться быть назначеннымъ на должность начальника штаба, а именно 12 Ноября того года были Высочайше утверждены правила о постоянномъ командированіи по четыре изъ старшихъ по службѣ и способнѣйшихъ полковниковъ

генеральнаго штаба къ образцовымъ войскамъ, для изученія фронтовой службы и занятія впослѣдствіи должностей начальниковъ штабовъ въ войскахъ ([17]).

На основаніи этихъ правилъ выборъ четырехъ штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба, для занятія впослѣдствіи должностей начальниковъ штабовъ, предоставлялся генералъ-квартирмейстеру, но не иначе, какъ по предварительномъ сношеніи объ ихъ практическихъ способностяхъ съ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи или командирами отдѣльныхъ корпусовъ, коимъ эти офицеры могутъ быть ближе извѣстны; избранные представляются черезъ военнаго министра на Высочайшее утвержденіе и только тогда поступаютъ въ распоряженіе начальства гвардейскаго корпуса, прикомандировываясь къ образцовымъ войскамъ и отчисляясь отъ своихъ должностей; на время прикомандированія оберъ-квартирмейстерамъ сохраняется содержаніе по прежнимъ должностямъ, а прочимъ производится, наравнѣ съ состоящими въ кадрахъ образцовыхъ войскъ, двойное жалованье.

Срокъ прикомандированія положенъ былъ двухлѣтній, причемъ первый годъ полагался на ознакомленіе во всѣхъ подробностяхъ съ пѣхотною службою; прикомандированные должны были изучить: рекрутскую школу, ротное, баталіонное, линейное и егерское ученья, а также уставъ гарнизонной службы. Затѣмъ слѣдовало прикомандированіе на 6 мѣсяцевъ къ образцовому кавалерійскому полку, для узнанія особенностей кавалерійской службы, «а какъ срока сего»,—сказано въ правилахъ,—«недостаточно для образованія совершеннаго кавалериста, то вниманіе командированныхъ должно быть въ особенности обращено на пріобрѣтеніе полнаго понятія: о посадкѣ кавалериста, сѣдланіи лошадей, ѣздѣ на кордѣ и въ манежѣ и на изученіе шереножнаго, эскадроннаго, полковаго и линейнаго ученій и фланкерской службы». Наконецъ, чтобы ознакомить ихъ также съ организаціею артиллеріи, вообще съ правилами орудійной стрѣльбы и батарейнаго ученья, они командируются къ образцовымъ пѣшей и коннымъ батареямъ, на 3 мѣсяца къ каждой.

Начальству гвардейскаго корпуса вмѣнялось въ особую обязанность обращать постоянное вниманіе на этихъ штабъ-офицеровъ, употребляя ихъ во время лагеря и на маневрахъ для командова-

нія особыми отрядами и вообще при войскахъ, «какъ для вящшаго ихъ усовершенствованія, такъ равно и для того, чтобы предоставить имъ удобнѣйшій случай выказать свои успѣхи и способности въ практическомъ ихъ примѣненіи».

Окончившіе съ успѣхомъ прикомандированіе и получившіе отъ гвардейскаго начальства въ томъ удостовѣреніе, могли быть назначаемы начальниками штабовъ, если имѣлись вакансіи, а въ противномъ случаѣ, вносились въ списокъ кандидатовъ на эти должности и прикомандировывались еще къ штабу гвардейскаго корпуса, «дабы подъ руководствомъ начальника штаба этого корпуса имѣть случай ознакомиться съ ходомъ дѣлъ въ корпусныхъ штабахъ». Въ случаѣ производства ихъ въ это время въ генералы, они могли быть назначены бригадными командирами, оставаясь все-таки въ спискѣ кандидатовъ на должность начальника штаба. На обязанность генералъ-квартирмейстера возлагалось, чтобы постоянно въ этомъ спискѣ находилось четыре кандидата изъ генеральнаго штаба, подготовленные вышеозначеннымъ порядкомъ.

Изъ числа подготовленныхъ такимъ образомъ кандидатовъ четверо удостоились мѣста начальниковъ штабовъ, а именно: Павелъ Ивановичъ Прибытковъ—въ 3-й резервный кавалерійскій корпусъ 1844—46), а потомъ въ отдѣльный Оренбургскій (1846—1848), Отто Гавриловичъ Бломъ—въ 3-й резервный кавалерійскій 1846—1850), Иванъ Андреевичъ Яковлевъ—отдѣльнаго Сибирскаго корпуса (1848—1856) и Николай Кузьмичъ Тетеревниковъ, бывшій съ 1851 по 1854 г. начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса. Всѣ эти офицеры считались прекрасными и знающими свое дѣло и съ отличіемъ служили въ турецкую, польскую и венгерскую войны.

Въ послѣдствіи времени оказалось, однако, что и правила 1843 г. недостаточны для надлежащей подготовки штабъ-офицера генеральнаго штаба къ должности начальника корпуснаго штаба. Въ 1852 г. было объявлено, что такъ какъ не имѣется возможности при образцовыхъ войскахъ ознакомиться со всѣми подробностями внутренняго устройства и хозяйства войскъ, то до назначенія начальниками штабовъ опредѣлять генераловъ бригадными, а полковниковъ—полковыми командирами на два года, и только послѣ того уже назначать ихъ начальниками штабовъ, а если нѣтъ

вакансіи, то генераловъ назначать состоять при корпусахъ, а полковниковъ въ полки подъ команду старшихъ полковниковъ или генераловъ (18).

Такимъ образомъ, офицеру генеральнаго штаба для того, чтобы только попасть въ кандидаты на должность начальника штаба, надо было пробыть два года въ образцовыхъ войскахъ, да еще столько-же въ должности бригаднаго или полковаго командира, между тѣмъ какъ въ то-же самое время служба въ строю, особенно въ гвардіи, давала возможность получить то же званіе безъ всякихъ испытаній.

Что еще тягостнѣе должно было казаться для тогдашнихъ офицеровъ генеральнаго штаба, такъ это то, что рядомъ съ столь большими затрудненіями для однихъ, другими ихъ товарищами, имѣвшими счастіе или случай обратить на себя чѣмъ-либо вниманіе, всѣ эти затрудненія обходились. Такъ, изъ того-же генеральнаго штаба, безъ всякаго испытанія и прикомандированія къ образцовымъ войскамъ, нѣкоторыя лица бывали назначаемы начальниками штабовъ, лишь вслѣдствіе протекціи, или-же потому, что были лично извѣстны Государю Императору, а именно: генералъ-маіоръ Аполлонъ Аполлоновичъ Жемчужниковъ—Оренбургскаго корпуса (съ 1841—1846 г.), генералъ-маіоръ Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ—гренадерскаго (съ 1836—1840 г.), генералъ-маіоръ баронъ Иванъ Александровичъ Зальца—4-го пѣхотнаго (съ 1843—1847 г.), флигель-адъютантъ полковникъ Иванъ Федоровичъ Веймарнъ—сперва гренадерскаго (съ 1840—1842 г.), а потомъ отдѣльнаго гвардейскаго (съ 1842—1846 г.), флигель-адъютантъ полковникъ Александръ Семеновичъ Траскинъ—кавказской линіи (съ 1838—1846 г.), генералъ-маіоръ Егоръ Семеновичъ Герасимовъ—сперва и. д. генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи (съ 1846—1849 г.), а потомъ начальникомъ штаба кавказской линіи (съ 1849—1852 г.).

При значительности затрудненій къ выходу изъ генеральнаго штаба въ строевыя должности, штабъ-офицеры онаго естественно искали въ самомъ этомъ вѣдомствѣ мѣстъ, на которыхъ они могли бы оставаться даже въ генеральскихъ чинахъ при хорошемъ матеріальномъ обезпеченіи; таковыми мѣстами представлялись должности по разнымъ размежеваніямъ казенныхъ земель; и дѣйствительно

встрѣчаемъ, что на эти должности въ царствованіе Императора Николая было болѣе назначеній, чѣмъ къ войскамъ, особенно во время управленія генеральнымъ штабомъ генерала Шуберта. Такъ, только въ 1837 и 1838 гг. были назначены начальниками межевыхъ съемокъ по министерству государственныхъ имуществъ одиннадцать полковниковъ генеральнаго штаба, а всего съ 1834 г. по 1843 г. было 17 таковыхъ назначеній, между тѣмъ какъ въ управленіе генерала Берга только шесть ([19]); конечно, не безъ вліянія на эти назначенія было то обстоятельство, что генеральный штабъ тридцатыхъ годовъ, особенно въ высшихъ чинахъ, былъ болѣе близокъ къ съемочнымъ занятіямъ, чѣмъ тотъ, который сформировался подъ вліяніемъ Императорской Военной Академіи. Тѣмъ не менѣе, нельзя не обратить вниманія на то, что рядомъ съ вышеуказаннымъ числомъ назначеній на межевыя съемки, были назначены изъ генеральнаго штаба командирами полковъ въ первый періодъ (генерала Шуберта) только семь полковниковъ, а во второй (генерала Берга) десять ([20]).

Такъ какъ некомплектъ генеральнаго штаба, особенно въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, былъ очень великъ при установленіи штата 1832 г., то въ началѣ штатъ имѣлъ даже благопріятное вліяніе на чинопроизводство, не смотря на то, что для штабъ-офицеровъ почти вовсе не было никакого движенія. Но уже къ 1-му Января 1834 г. штабъ-офицерскіе чины были въ комплектѣ, а число капитанскихъ и штабсъ-капитанскихъ было столь незначительно, что ими возможно было замѣстить всѣ штатныя должности, полагаемыя въ этихъ чинахъ. Вслѣдствіе того многія дивизіи оставались безъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, почему въ 1834 г. воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе, впредь до совершеннаго комплекта оберъ-офицеровъ, назначать на эти должности подполковниковъ ([21]); это было первое существенное отступленіе отъ штата 1832 г. и притомъ неоставшееся единственнымъ; та же причина вынудила распространить въ 1839 г. такое-же отступленіе отъ штата и на полковниковъ ([22]). Сначала же сороковыхъ годовъ встрѣчаемъ, что корпусные оберъ-квартирмейстеры, пробывъ по 10, 12 лѣтъ въ полковничьихъ чинахъ, производятся въ генералъ-маіоры и оставляются при своихъ должностяхъ. Такъ, оберъ-квартирмейстеръ 6-го пѣхотнаго корпуса, полковникъ Носковъ,

произведенъ въ 1843 году въ генералы и въ той-же должности оставался до 1849 г., когда былъ назначенъ вторымъ комендантомъ въ Севастополь, съ зачисленіемъ по арміи; полковникъ Руге, будучи произведенъ въ генералы, тоже въ 1843 г., еще четыре года оставался оберъ-квартирмейстеромъ 1-го пѣхотнаго корпуса; полковникъ Озерскій въ 1840 году также былъ произведенъ въ генералы, оставаясь оберъ-квартирмейстеромъ Сибирскаго корпуса.

Таковыя отступленія отъ штата, независимо отъ неблагопріятнаго вліянія на ходъ чинопроизводства, естественно должны были вредно вліять и на самый характеръ службы генеральнаго штаба. Въ военной службѣ, болѣе чѣмъ въ какой-либо другой карьерѣ, важное значеніе имѣетъ возбужденіе и поддержаніе личнаго самолюбія каждаго изъ служащихъ; могущественнымъ рычагомъ къ тому служатъ чины и не только потому, что съ каждымъ изъ нихъ связано увеличеніе содержанія, но еще болѣе вслѣдствіе расширенія круга занятій, власти и значенія. Офицеру-же генеральнаго штаба приходилось оставаться на одной и той-же должности дивизіоннаго квартирмейстера съ штабсъ-капитанскаго чина до полковничьяго включительно, на оберъ-квартирмейстерской съ подполковничьяго до генеральскаго. Если принять во вниманіе, что курсъ дѣятельности на этихъ должностяхъ, особенно въ мирное время, при расположеніи войскъ на постоянныхъ квартирахъ, былъ крайне ограниченъ и незначителенъ, то станетъ понятно, что подобная неподвижность въ должностяхъ должна была весьма вредно отзываться на самыя личности офицеровъ, на ихъ характеръ, зарождая и поддерживая въ нихъ полнѣйшую апатію къ своему дѣлу, которая тѣмъ гибельнѣе была, что не предвидѣлось и возможности выйти изъ нея.

Относительно въ лучшемъ положеніи по штату 1832 г. находился гвардейскій генеральный штабъ, но и то потому, что, благодаря инціативѣ гвардейскаго начальства, введены были нѣкоторыя измѣненія противъ штатнаго положенія. Такъ, въ концѣ 1838 г., вслѣдствіе ходатайства командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, послѣдовало Высочайшее повелѣніе, дабы въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ лишь общее число офицеровъ оставалось по штатному положенію, не стѣсняясь тѣмъ, если въ каждомъ

чинѣ будетъ болѣе или менѣе противъ штата; производство въ чины сохранено по общей линіи съ генеральнымъ штабомъ, но по предварительномъ всегда сношеніи съ гвардейскимъ начальствомъ и съ тѣмъ, чтобы до капитана производить за выслугу трехъ лѣтъ; капитаны должны быть попрежнему производимы въ одной линіи съ подполковниками генеральнаго штаба и съ переводомъ въ послѣдній; но если въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ откроется штабъ-офицерская вакансія, то старшій капитанъ подлежалъ производству въ полковники, хотя-бы онъ обходилъ своихъ сверстниковъ по генеральному штабу ([23]).

Повелѣніе это наносило явный ущербъ чинопроизводству генеральнаго штаба. Пользуясь повышеніемъ въ оберъ-офицерскихъ чинахъ черезъ каждые три года, между тѣмъ, какъ въ генеральномъ штабѣ не было столь быстраго производства, офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба обгоняли своихъ сверстниковъ всего на одинъ годъ, или на два года, но затѣмъ переходили подполковниками въ генеральный штабъ, замедляя этимъ повышеніе капитановъ онаго. Но и на этомъ не остановилось гвардейское начальство: въ 1847 г. оно ходатайствовало, чтобы капитаны гвардейскаго генеральнаго штаба производились въ одной линіи съ капитанами гвардейской пѣхоты и по производствѣ въ полковники были оставляемы на должностяхъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ и старшихъ адъютантовъ; но на этотъ разъ Государь Императоръ не изволилъ согласиться на таковое ходатайство, находя, что и «безъ того офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба имѣютъ преимущества незаслуженныя»; однако, тогда-же было дозволено представлять одного капитана и одного подполковника сверхъ штата, а вмѣстѣ съ тѣмъ не возбранять капитанамъ гвардейскаго генеральнаго штаба и подполковникамъ генеральнаго штаба переходить во фронтъ, но не иначе, какъ въ тѣ-же полки, гдѣ служили. «Офицеры эти»,—сказано въ Высочайшемъ повелѣніи,—«получивъ академическое образованіе и вновь поступивъ во фронтъ, могутъ принести пользу и быть впослѣдствіи хорошими полковыми командирами и отличнѣйшими генералами» ([24]).

Разрѣшеніемъ этимъ не замедлили многіе воспользоваться: такъ, изъ гвардейскаго генеральнаго штаба возвратились въ свои прежніе полки капитаны: Арцыбашевъ въ 1847 году, Баумгартенъ

(Александръ Карловичъ) и Козлянинов (Николай Федоровичъ) въ 1848 г., Лермонтовъ въ 1849 г., а изъ генеральнаго штаба: въ 1848 г.—подполковникъ Цумпфортъ, въ 1849 г.—полковникъ Павелъ Николаевичъ Броневскій, въ 1850 г.—полковники: Дараганъ и Гросманъ и подполковникъ флигель-адъютантъ баронъ Леонтій Павловичъ Николаи, въ 1851 г.—полковникъ Марковичъ и подполковникъ Срезневскій, въ 1852 г. — полковникъ баронъ Дельвигъ и въ 1853 г.—полковники: Мелетій Яковлевичъ Ольшевскій и Коваленскій. Это былъ первый шагъ къ тому, чтобы открыть выходъ изъ генеральнаго штаба, что окончательно было разрѣшено только въ 1852 г.

Ко всѣмъ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ введенія штата генеральнаго штаба 1832 г. присоединялось еще и то, что рядомъ съ постояннымъ переполненіемъ въ генеральномъ штабѣ штабъ-офицерскихъ чиновъ и некомплектомъ оберъ-офицерскихъ, другая составная часть его, корпусъ топографовъ, имѣвшій съ нимъ одну линію и почти одинаковый мундиръ, постоянно все разросталась въ своей численности.

Цифры лучше всего покажутъ это усиленіе.

Корпусъ топографовъ состоялъ изъ слѣдующаго числа чиновъ:

	Шт.-оф.	Об.-оф.	Прпк.	Топ. н. зв.
Къ 1 Апрѣля 1832 г.	3	47	19	347
По штату 1832 г. полож.	—	70	—	456
Къ 1 Января 1842 г. полож.	10	89	22	483
Къ 1 Января 1852 г. полож.	13	157	50	688

При этомъ слѣдуетъ замѣтить:

1) Что въ 1832 г. всѣ штабъ-офицеры были изъ офицеровъ генеральнаго штаба, въ 1842 г. изъ десяти семь было таковыхъ (Тарасовъ, Мѣдниковъ, Бахтистовъ, Безкорниловичъ, Меркушинъ, Меланъ и Бунинъ), а въ 1852 г. изъ 13-ти только двое (Будбергъ и Цеге-фонъ-Мантейфель) служили въ генеральномъ штабѣ, а прочіе изъ коренныхъ офицеровъ корпуса, слѣдовательно совершенно различествовавшіе по происхожденію и особенно по воспитанію отъ офицеровъ генеральнаго штаба.

2) Что корпусъ комплектовался по преимуществу офицерами, которые, не выдерживая экзамена на производство въ прапорщики топографовъ, были производимы прапорщиками въ армію за вы-

слугу лѣтъ или за военныя отличія на Кавказѣ, а затѣмъ, пробывъ прикомандированными къ корпусу 2, 3 года, переводились въ оный. Таковое комплектованіе корпуса особенно было въ силѣ въ періодъ управленія генеральнымъ штабомъ генерала Шуберта. Такъ, съ 1833 г. по 1843 г. включительно произведено по экзамену въ прапорщики топографовъ—38 человѣкъ, а въ то же время переведено изъ прикомандированныхъ прапорщиковъ—50. За время-же управленія генеральнымъ штабомъ генерала Берга отношенія эти хотя и очень слабо, но нѣсколько измѣнились; такъ, съ 1844 по 1854 г. по экзамену произведено въ корпусъ топографовъ 55 человѣкъ, и изъ прикомандированныхъ къ корпусу переведено въ оный—42.

3) Что, не смотря на допущеніе въ незначительномъ числѣ въ школу топографовъ съ 1832 г. вольноопредѣляющихся изъ дворянъ, дѣтей оберъ-офицерскихъ и купеческихъ, а съ 1833 г. и своекоштныхъ сверхкомплектныхъ топографовъ на правахъ вольноопредѣляющихся, тѣмъ не менѣе, этотъ новый элементъ не имѣлъ почти никакого вліянія на корпусъ топографовъ; по-прежнему, происходящіе изъ солдатскихъ дѣтей составляли столь сплошную массу, что въ ней терялись принадлежавшіе къ привилегированнымъ сословіямъ; такъ, напримѣръ, изъ числа 92 офицеровъ, переведенныхъ съ 1833 по 1854 годъ изъ прапорщиковъ арміи въ корпусъ топографовъ, только было двое дворянъ; къ тому-же проходившіе черезъ школу топографовъ оставались съ самымъ ничтожнымъ общимъ образованіемъ и съ очень слабою математическою подготовкою; въ подтвержденіе того достаточно указать на число уроковъ, посвящавшихся въ обоихъ классахъ школы топографовъ на разные предметы; такъ, въ недѣлю занятія были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

	Въ младшемъ классѣ.	Въ старшемъ классѣ.	
На черченіе, калиграфію и рисованіе	31	32	урока.
На математическія науки . .	15	14	„
На общіе предметы (законъ Божій, географія, русскій и нѣмецкій языки)	13	11	„
На военныя экзерциціи . . .	4	4	„

Преподаванiе исторiи введено было въ школѣ только уже съ 1856 г. и тогда-же отмѣнено изученiе нѣмецкаго языка, которое было установлено съ цѣлiю доставленiя топографамъ возможности слушать лекцiи въ Дерптѣ, но въ дѣйствительности не вело ни къ какимъ результатамъ.

Математическiя занятiя шли еще довольно хорошо во время Шуберта, который строго и зорко слѣдилъ за ними, но послѣ него и они упали; общаго образованiя школа почти не давала; наконецъ, и прямую спецiальность свою, т. е. подготовку хорошихъ съемщиковъ, школа мало-по-малу утратила, особенно послѣ 1843 года; инспекторы школы, какъ высказано въ Историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ съ 1822—1872 г., вовсе не заботились о знанiи топографами съемки и черченiя и не считали своею обязанностiю слѣдить за этимъ важнымъ и главнымъ дѣломъ спецiальнаго ихъ образованiя ([25]). Въ первое время существованiя корпуса топографовъ всѣ работы его, производимыя подъ непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ генеральнаго штаба, отличались большою правильностiю и изяществомъ, такъ что служили образцами не только для другихъ частей военнаго вѣдомства, но и для тѣхъ гражданскихъ учрежденiй, гдѣ производились съемочныя и чертежныя работы, какъ-то: министерства Императорскаго Двора, департамента удѣловъ, министерства юстицiи по межевой части, морскаго министерства по гидрографической части и съемкѣ корабельныхъ лѣсовъ, наконецъ, по министерству государственныхъ имуществъ; во всѣ эти вѣдомства постоянно были командируемы офицеры корпуса топографовъ для обученiя правильному и изящному черченiю; такъ, въ 1842 году состояло при названныхъ вѣдомствахъ 12 офицеровъ корпуса ([26]). Но уже къ концу тридцатыхъ годовъ замѣчается ослабленiе черченiя между офицерами корпуса, что вызвало въ 1838 г. рѣзкiй приказъ по генеральному штабу генерала Шуберта, напоминающiй, что офицеры корпуса топографовъ не обращаютъ на черченiе должнаго вниманiя и старанiя, и требующiй, чтобы всѣ начальники обращали на этотъ предметъ особое вниманiе и заставляли всѣхъ, отъ прапорщика до поручика включительно, въ свободное отъ занятiй время чертить и таковые планы доставляли въ исходѣ Декабря каждаго года въ департаментъ ([27]).

Корпусъ топографовъ, чрезмѣрно расширяясь въ личномъ своемъ составѣ, принося несомнѣнную пользу, какъ увидимъ ниже, для обширныхъ съемочныхъ работъ нашего отечества, сильно вредилъ собственно генеральному штабу. Будучи составною частію этого вѣдомства, и притомъ по штату 1832 г. самою незначительною, онъ къ 1842 году составлялъ уже половину генеральнаго штаба, а къ 1852 г. по своей числительности почти равнялся числу штабъ и оберъ-офицеровъ генеральнаго штаба ([28]). Не имѣя ничего общаго съ послѣднимъ по своему образованію и происхожденію, офицеры корпуса носили одинаковый мундиръ съ офицерами генеральнаго штаба, различаемый лишь выпушкою, и не только въ глазахъ общества, но даже и офиціально были приравниваемы и смѣшиваемы съ офицерами генеральнаго штаба.

Съ тридцатыхъ годовъ встрѣчаются въ приказахъ по военному вѣдомству выраженія «офицеры генеральнаго штаба и замѣняющіе ихъ офицеры топографы», что естественно какъ-бы устанавливало полное тождество между тѣми и другими, которое не могло быть выгодно для генеральнаго штаба. На этотъ предметъ указывалъ еще въ сороковыхъ годахъ генералъ Сухозанетъ. «Стоитъ только прислушаться къ невыгодному мнѣнію»,—говоритъ онъ въ особой запискѣ ([29]),—«распространившемуся о генеральномъ штабѣ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ производятся топографическія съемки, чтобы удостовѣриться, какъ несоотвѣтствующее званія поведеніе нѣкоторыхъ офицеровъ корпуса топографовъ можетъ подрывать репутацію всего корпуса генеральнаго штаба, потому только, что однообразіе формы подводитъ всѣхъ подъ общую категорію».

Наконецъ, усиленіе корпуса топографовъ имѣло неблагопріятное вліяніе и на самыя занятія офицеровъ генеральнаго штаба, а также на ихъ подготовку къ прямой своей спеціальности. Съ усиленіемъ корпуса топографовъ, чертежныя и даже съемочныя занятія совершенно потеряли прежнее свое значеніе для генеральнаго штаба. Съ 1837 года двѣ роты топографовъ (№ 1 и № 2) получили постоянное распредѣленіе къ штабамъ дѣйствующей арміи и корпусовъ, и съ того времени число чиновъ этого вѣдомства постоянно возрастало при войскахъ, такъ что къ 1 Января 1852 года таковыхъ было:

при войскахъ гвардіи		—	офицер.	13	ниж. чин.
„ штабѣ дѣйствующей арміи	. .	2	„	19	„ „
„ гренадер., пѣх. и кавал. корп.	.	1	„	47	„ „
„ отдѣльномъ Кавказскомъ корп.	.	17	„	Рота № 3.	
„ „ Оренбургскомъ „	.	12	„	Рота № 4.	
„ „ Сибирскомъ „	.	8	„		

При столь значительномъ числѣ топографическихъ чиновъ при войскахъ, всѣ съемочныя и чертежныя работы, вызываемыя собственно занятіями войскъ, вполнѣ возлагались на топографовъ, между тѣмъ какъ прежде онѣ были исполняемы офицерами генеральнаго штаба; вслѣдствіе того послѣдніе все болѣе и болѣе отвыкали отъ подобныхъ работъ, теряли практику въ оцѣнкѣ и осмотрѣ мѣстности и дѣлались неспособными къ тому, чтобы быть потомъ руководителями съемочныхъ и картографическихъ занятій.

Сводя общіе итоги всѣхъ послѣдствій установленія для генеральнаго штаба постояннаго штата, оказывается:

1) Онъ не поднялъ, а уронилъ прежнее значеніе этого вѣдомства, какъ исключивъ изъ него лицъ, пріобрѣвшихъ извѣстность своею прежнею въ немъ службою, такъ и доставивъ возможность чрезмѣрному усиленію корпуса топографовъ.

2) Онъ не создалъ прочнаго положенія генеральнаго штаба, потому что не прошло и пяти лѣтъ со времени введенія штата, какъ уже необходимость вынудила замѣщать штатныя мѣста вовсе не тѣми чинами, какими предполагалось.

3) Онъ оставилъ существованіе гвардейскаго генеральнаго штаба, ненормальность котораго выступила еще рельефнѣе, такъ какъ въ оный переводили не за награду, а просто случайно, или, вѣрнѣе, произвольно, даже по протекціи.

4) Штатомъ сохранились и преимущества чинопроизводства гвардейскаго генеральнаго штаба, а позднѣйшими законоположеніями даже и усилились.

5) Штатъ имѣлъ невыгодное вліяніе вообще на чинопроизводство въ генеральномъ штабѣ.

6) Имъ не указывалось никакого исхода для службы офицеровъ генеральнаго штаба.

Не смотря на всѣ эти невыгоды, штатъ 1832 г. просуществовалъ болѣе 30 лѣтъ, подвергаясь лишь частнымъ измѣненіямъ.

и дополненіямъ, вслѣдствіе переформированія тѣхъ или другихъ управленій. Наиболѣе крупныя измѣненія его въ этомъ отношеніи представляются вслѣдствіе окончательнаго устройства въ 1836 г. центральнаго управленія генеральнаго штаба подъ названіемъ департамента и новый штатъ 1841 г. для военно-топографическаго депо. Два эти законоположенія не остались безъ вліянія на генеральный штабъ, почему на нихъ и остановимся съ большею подробностію.

Названіе департамента генеральнаго штаба было и прежде придаваемо канцеляріи генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества, но офиціально оно введено лишь на основаніи Высочайше утвержденнаго 29 Марта 1836 г. положенія и штата военнаго министерства ([30]).

Согласно этому положенію, бывшая канцелярія генералъ-квартирмейстера переименована въ департаментъ генеральнаго штаба, причемъ, вмѣсто прежнихъ шести отдѣленій, образовано три, съ особою канцеляріею и архивомъ. Вѣдѣнію департамента, во главѣ котораго поставленъ генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества, отнесено все касающееся до расквартированія, расположенія, передвиженія и дѣйствія военно-сухопутныхъ силъ Имперіи, а также управленіе вспомогательными способами генеральнаго штаба: Императорскою Военною Академіею, военно-топографическимъ депо и всѣми вообще геодезическими работами.

Генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба Его Величества принадлежалъ по своему званію къ главной квартирѣ Государя Императора, а по управленію департаментомъ имѣлъ ближайшимъ помощникомъ вице-директора департамента, который, завѣдывая письменной частію и распредѣленіемъ дѣлъ по отдѣленіямъ, замѣщалъ генералъ-квартирмейстера въ случаѣ его отбытія съ главною квартирою. При открытіи департамента въ должность вице-директора назначенъ былъ генералъ-маіоръ Ренenкампфъ 1-й (Карлъ Павловичъ), который въ Апрѣлѣ 1837 г. былъ замѣненъ генералъ-маіоромъ Ризенкампфомъ 1-мъ (Егоромъ Евстафьевичемъ).

Отдѣленія департамента завѣдывали: 1-е, бывшее 2-е и 4-е— размѣщеніемъ и увольненіемъ войскъ, 2-е, бывшее 3-е, военно-ученое,—всякими военно-статистическими работами, наконецъ, 3-е, бывшія 5 и 6, счетное, заключало въ себѣ бухгалтерскую и

контрольную часть. Собственно-же казначейская часть и бывшее 1-е отдѣленіе (инспекторское) отошли въ вѣдѣніе канцеляріи департамента, которая, имѣя особаго правителя, состояла изъ двухъ столовъ и особой казначейской части; столы были: 1-й—инспекторскій, къ которому отнесены и дѣла по корпусу топографовъ, и 2-й—регистратуры и разныхъ общихъ дѣлъ, неподвѣдомственныхъ отдѣленіямъ.

Къ вѣдѣнію 1-го оттѣленія департамента отнесено собираніе подробныхъ свѣдѣній о мѣстныхъ удобствахъ разныхъ частей государства для квартированія разнаго рода войскъ и содержаніе таковыхъ свѣдѣній въ порядкѣ, т. е. часть военно-статистическая, на сколько она относилась къ расквартированію войскъ.

Въ кругъ дѣятельности 2-го военно-ученаго отдѣленія введены два пункта, очень туманные и неопредѣленные, а именно, что военно-ученое отдѣленіе вѣдаетъ: *занятіями офицеровъ въ высшемъ отношеніи по прямой обязанности службы генеральнаго штаба и соображеніями объ оборонѣ и безопасности границъ Имперіи, въ общемъ и высшемъ отношеніи.* Нельзя не замѣтить, что туманное выраженіе *въ высшемъ отношеніи* очень часто встрѣчается въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ въ примѣненіи къ генеральному штабу; это какъ-бы модное выраженіе въ оффиціальномъ языкѣ тогдашняго военнаго министерства, выраженіе, которое, не имѣя никакого точно опредѣленнаго значенія, могло лишь внушать, что генеральный штабъ имѣетъ что-то особенное въ своихъ занятіяхъ или въ своемъ значеніи.

При департаментѣ состояли общій архивъ, типографія, библіотека генеральнаго штаба съ особымъ библіотекаремъ и его помощникомъ, докторъ съ фельдшеромъ и курьеры.

Вслѣдъ за утвержденіемъ штата департамента послѣдовали назначенія и на должности по оному изъ офицеровъ генеральнаго штаба, а именно ([31]): начальникомъ 1-го отдѣленія—генеральнаго штаба капитанъ Антонъ Антоновичъ Скалонъ 3, 2-го—полковникъ Фантонъ де-Вераіонъ, библіотекаремъ полковникъ Андреевскій; при 1-мъ отдѣленіи назначено состоять пять офицеровъ генеральнаго штабь и одинъ корпуса топографовъ, а при 2-мъ—три офицера генеральнаго штаба и одинъ классный чиновникъ. Канцелярія и 3-е отдѣленіе состояли изъ однихъ классныхъ

чиновниковъ, причемъ правителемъ канцеляріи былъ назначенъ чиновникъ 7 класса Бѣлявскій, а 3-го отдѣленія чиновникъ тоже 7 класса Медвѣдевъ.

Число офицеровъ при отдѣленіяхъ, особенно при первомъ, постоянно измѣнялось и зависѣло не столько отъ усиленія работы въ этомъ отдѣленіи, какъ преимущественно отъ установившагося обычая причислять всѣхъ прибывающихъ въ Петербургъ офицеровъ генеральнаго штаба именно къ этому отдѣленію. Наконецъ, число писарей увеличено противъ прежняго однимъ, и они распредѣлены по отдѣленіямъ такъ, что въ 1-е назначено 5, во второе—4, въ третье—2 и въ канцелярію—6 писарей. Съ усиленіемъ-же переписки число писарей возрасло постепенно вдвое, такъ что къ 1852 году ихъ было 24.

Вмѣстѣ съ положеніемъ о военномъ министерствѣ послѣдовало Высочайшее утвержденіе новаго положенія о военно-ученомъ комитетѣ, во главѣ котораго поставленъ директоръ съ канцеляріею, состоящею изъ правителя дѣлъ и его помощника. Назначеніе комитета — распространять свѣдѣнія по военно научной части и разсмотрѣніе изобрѣтеній и открытій, относящихся до военнаго дѣла. На обязанность комитета возложено изданіе военнаго журнала.

Соотвѣтственно главнымъ спеціальностямъ военнаго дѣла, комитетъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: генеральнаго штаба, артиллерійскаго и инженернаго. Каждое отдѣленіе имѣло начальника и двухъ членовъ, а для производства дѣлъ—ученаго секретаря съ помощникомъ и журналистомъ. Сверхъ того, военно-ученому комитету предоставлено право имѣть особыхъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ, россійскихъ и иностранныхъ, на правахъ, присвоенныхъ академіямъ и университетамъ ([32]).

Самыя права и обязанности военнаго министерства и разныхъ чиновъ его опредѣлены въ наказѣ, составляющемъ вторую часть Высочайше утвержденнаго положенія о министерствѣ. Здѣсь къ числу высшихъ обязанностей министерства отнесено размѣщеніе и движеніе войскъ, или часть генеральнаго штаба во всемъ ея пространствѣ. Главнымъ-же основаніемъ,—сказано въ § 419 по 421 наказа,—дѣйствій военнаго министерства по размѣщенію и движенію войскъ и по всѣмъ вообще предметамъ части генеральнаго

штаба должны служить точные и подробные карты и планы, а для составленія таковыхъ министерство обязано производить, по мѣрѣ надобности и возможности, военныя обозрѣнія, съемки и рекогносцировки; производство-же этихъ работъ возложено на офицеровъ генеральнаго штаба при содѣйствіи корпуса топографовъ.

Далѣе въ наказѣ опредѣляются также особыя обязанности генералъ-квартирмейстера главнаго штаба Его Величества по завѣдыванію подвѣдомственными ему чинами генеральнаго штаба и корпуса топографовъ и высказано, что на него возлагается общее завѣдываніе всѣми геодезическими работами въ Имперіи; онъ обязанъ представлять военному министру всѣ свои предположенія о съемкахъ и наблюдать, чтобы снимались тѣ губерніи, которыя по важности своей въ военномъ отношеніи преимущественно должны быть сняты.

Положеніемъ 1836 года о военномъ министерствѣ дано новое устройство департаменту генер. штаба, а военно-топографическое депо оставлено въ прежнемъ видѣ безъ измѣненія, и только уже 30 ноября 1841 года Высочайше утвержденъ новый штатъ и для этого учрежденія ([33]).

Въ силу этого штата, военно-топографическое депо имѣло состоять, подобно департаменту генер. штаба, изъ канцеляріи (бывшее 1-е письмоводительное отдѣленіе), архива и трехъ отдѣленій: 1-е—топографическое, 2-е—гравировально-печатное, 3-е—механическое; бывшее 3-е отдѣленіе (астрономическое) упразднено; сверхъ того, при депо состояли: школа топографовъ съ ротою военно-топографическаго депо, астрономъ, особый хранитель инструментовъ, коммисаръ для продажи картъ и плановъ, 1 вахтеръ и 7 писарей. Канцеляріею завѣдывалъ правитель канцеляріи, а отдѣленіями и архивомъ начальники оныхъ, которые попрежнему полагались изъ офицеровъ генер. штаба или корпуса топографовъ; затѣмъ, относительно всѣхъ прочихъ чиновъ депо, въ штатѣ 1841 года прямо опредѣлено, что они назначаются изъ офицеровъ корпуса топографовъ. При отдѣленіяхъ полагалось: при 1-мъ—3 помощника начальника отдѣленія и 15 оберъ-офицеровъ; при 2-мъ — 26 разныхъ печатниковъ, иллюминаторовъ, граверовъ и т. под. чиновъ; при 3-мъ — 52 разныхъ мастеровыхъ; при архивѣ—помощникъ начальника онаго и 6 переплет-

чиковъ и наклейщиковъ; наконецъ, при канцеляріи одинъ помощникъ правителя оной. Что касается до школы топографовъ, то она оставлена безъ измѣненій, и только добавлена одна должность помощника командира роты военно-топографическаго депо.

Общее число чиновъ военно-топографическаго депо по новому штату измѣнено очень мало, но въ немъ уменьшено штатное число чиновъ генер. штаба, что на дѣлѣ дошло до того, что къ 1 Января 1842 года на должностяхъ собственно по депо были только два офицера генер. штаба, а именно: полковникъ Гецель—начальникомъ 1 отдѣленія и инспекторомъ школы топографовъ и подполковникъ Искрицкій—и. д. начальника архива депо. Такое вытѣсненіе офицеровъ генер. штаба изъ штата военно-топографическаго депо являлось прямымъ слѣдствіемъ развитія корпуса топографовъ.

Другое нововведеніе, сдѣланное штатомъ 1841 года, было усиленіе вообще окладовъ содержанія чиновъ военно топографическаго депо и установленіе для нихъ жалованья по чинамъ, а не по должностямъ, т. е. приравненіе этого учрежденія и въ этомъ отношеніи къ департаменту генер. штаба. Всего на военно-топографическое депо назначено штатной суммы — 18,151 руб. 53 коп. сер., изъ числа которыхъ 1,428 руб. 45 коп. сер. на изданіе записокъ депо. Сверхъ того, попрежнему отпускалось изъ кабинета Его Величества 500 черв. на покупку картъ, а особо изъ государственнаго казначейства на школу топографовъ — 8,237 руб. 79 коп. сер., изъ которыхъ собственно на преподаваніе 2,265 руб. сер.

Единовременно съ введеніемъ новаго штата для военно-топографическаго депо, въ штатѣ департамента генер. штаба упразднена должность журналиста, а его обязанности возложены на секретаря 2-го стола департаментской канцеляріи, а также упразднена и должность генерала для занятій по военно-исторической, статистической и ученой части, такъ какъ занятія эти вполнѣ перешли во второе отдѣленіе департамента. Вмѣстѣ съ тѣмъ исключено окончательно изъ смѣты департамента 2,960 руб. 10 коп. сер., которые по прежнимъ положеніямъ предназначались на ремонтъ и ковку лошадей, полагаемыхъ при училищѣ колоновожатыхъ. Отпускъ этой суммы былъ оставленъ послѣ уничтоженія училища

въ тѣхъ видахъ, что предполагалось завести обученіе верховой ѣздѣ въ школѣ топографовъ, но какъ это не состоялось, то съ 1842 года и прекращенъ отпускъ названной суммы.

Изъ другихъ болѣе значительныхъ измѣненій, относящихся до штатныхъ положеній генер. штаба въ разсматриваемый періодъ времени, слѣдуетъ упомянуть:

а) Упраздненіе въ 1835 году штаба бывшей 1-й арміи, которое, сокративъ число должностей по генер. штабу, не имѣло, однако, вліянія на уменьшеніе числа чиновъ этого вѣдомства ([34]).

б) Упраздненіе въ томъ-же 1835 году должности оберъ-квартирмейстера войскъ, въ Финляндіи расположенныхъ, причемъ при 21-й пѣхотной дивизіи оставленъ лишъ одинъ дивизіонный квартирмейстеръ ([35]).

в) Назначеніе въ 1839 году оберъ-квартирмейстера въ штабъ инспектора резервной кавалеріи ([36]).

г) Преобразованія штабовъ какъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, такъ равно и особыхъ его частей; корпусъ этотъ постоянно пріобрѣталъ значеніе особой арміи: въ немъ число старшихъ адъютантовъ по части генер. штаба возрасло до трехъ, число офицеровъ генер. штаба, состоящихъ въ распоряженіи начальника штаба и оберъ-квартирмейстера, увеличилось до десяти; установленъ въ 1848 году особый завѣдывающій чертежною, архивъ, помощникъ журналиста, переводчикъ, на канцелярскія издержки прибавлено 500 руб. ([37]), и, наконецъ, въ 1854 году при генер. штабѣ Кавказскаго корпуса учрежденъ военно-топографическій отдѣлъ коему подчинены всѣ производящіяся на Кавказѣ геодезическія топографическія, межевыя и всѣ вообще по военной части ученыя занятія. Въ составъ отдѣла, завѣдываніе которымъ поручено было генер.-маіору Ходзько, вошли: чертежная, рота № 3 топографовъ, архивъ картъ и плановъ, геодезическіе инструменты, военно-походная литографія, Тифлисская магнитная обсерваторія и всѣ подвѣдомственныя оной станціи; начальнику отдѣла подчинены и всѣ работы по тріангуляціи въ Закавказскомъ краѣ ([38]).

Кавказская линія получила свой особый штабъ съ начальникомъ онаго, оберъ-квартирмейстеромъ, двумя старшими адъютантами и пятью офицерами генер. штаба, состоящими для порученій ([39]); наконецъ, составились особыя управленія Черноморскою береговою

линіею и командующаго войсками въ Прикаспійскомъ краѣ, въ которыхъ полагалось по одному штабъ-офицеру, завѣдывающему штабомъ, и по одному старшему адъютанту по части генер. штаба. Вслѣдствіе всѣхъ таковыхъ дополненій, при отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, при которомъ по штату 1832 года всего полагалось 20 офицеровъ генер. штаба и 6 корпуса топографовъ, имѣлось въ 1853 году 29 первыхъ, 14 вторыхъ и сверхъ того еще 19 офицеровъ арміи, причисленныхъ къ корпусу топографовъ.

д) Въ 1848 году въ составѣ военно-топографическаго депо учреждено, въ видѣ опыта на два года, особое геодезическое отдѣленіе, порученное тогда-же корп. топогр. капит. Максимову ([40]); для занятій въ немъ назначенъ одинъ помощникъ и 5 офицеровъ корпуса топографовъ и генер. штаба поруч. Писаревскій, который въ 1856 году, въ чинѣ капитана, былъ назначенъ начальникомъ новаго фотографическаго отдѣленія, учрежденнаго по его-же иниціативѣ и открытаго съ 1 Января 1856 года ([41]).

е) Съ цѣлію усиленія средствъ по печатанію картъ, прибавлено въ 1851 году къ составу военно-топографическаго депо 20 граверовъ и словорѣзовъ, а для полученія средствъ къ ихъ содержанію сдѣланы штатныя сокращенія: въ департаментѣ упразднены счетное отдѣленіе, а взамѣнъ его учрежденъ при канцеляріи департамента контрольный столъ, изъ контролера, его помощника и бухгалтера ([42]); въ военно-топографическомъ депо упразднены должности — помощника правителя канцеляріи и начальника 3-го (механическаго) отдѣленія, убавлено при этомъ отдѣленіи число рабочихъ съ 48 на 28, уменьшена на 457 р. сумма на ремонтъ инструментовъ и на 228 руб. сумма, назначенная на изданіе записокъ военно-топографическаго депо ([43]).

Единовременно со всѣми вышеизложенными узаконеніями, относящимися непосредственно къ генеральному штабу, на оный были распространены и служебныя преимущества, установляемыя для всѣхъ вообще войскъ, въ числѣ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ положенія объ отпускахъ и о содержаніи.

Сверхкомплектъ офицеровъ, оказавшійся въ нашихъ войскахъ по окончаніи польской войны, побудилъ правительство установить въ 1834 году продолжительные отпуски, которые съ 1836 года распространены и на вѣдомство генеральнаго штаба ([44]), хотя въ по-

слѣднемъ далеко еще не имѣлось въ это время штатнаго комплекта чиновъ. Первоначально было разрѣшено увольнять офицеровъ генеральнаго штаба въ продолжительный отпускъ (на годъ) не болѣе какъ отъ каждаго пѣхотнаго корпуса по три, отъ кавалерійскаго по два, а отъ прочихъ по одному офицеру противъ полнаго комплекта, причемъ увольняемымъ не было сохраняемо содержаніе, но дозволялось входить съ представленіемъ о выдачѣ единовременнаго пособія въ уваженіе особыхъ заслугъ. Въ томъ же 1836 году было установлено, чтобы офицеры, уволенные въ продолжительный отпускъ, не считались при войскахъ, а были зачисляемы: офицеры генеральнаго штаба въ число положенныхъ по штату въ распоряженіе военнаго министра и генералъ-квартирмейстера, а корпуса топографовъ—по военно-топографическому депо. Вскорѣ послѣ того, именно въ 1841 году, были объявлены правила о безсрочныхъ отпускахъ, которыя съ 1843 года распространены также на генеральный штабъ, причемъ первоначально было установлено, чтобы таковые отпуска были разрѣшаемы лишь бывшимъ въ военныхъ походахъ и штабъ-офицерамъ, прослужившимъ не менѣе 5 лѣтъ въ этихъ чинахъ, а оберъ-офицерамъ, имѣющимъ не менѣе 15 лѣтъ службы; впослѣдствіи, однако, Высочайше было повелѣно сократить эти сроки—штабъ-офицерамъ до 3 лѣтъ, а оберъ-офицерамъ до 8, не требуя вовсе участія въ походахъ ([45]).

Такъ какъ по положенію 1848 года увольняемые въ шестимѣсячный отпускъ и свыше ([46]), а по Высочайшему повелѣнію 1851 года увольняемые на годъ ([47]), не подлежали уже производству по линіи, то установленіе продолжительныхъ и безсрочныхъ отпусковъ могло бы оказывать нѣкоторое вліяніе на движеніе чинопроизводства въ генеральномъ штабѣ. Вліяніе это не могло, однако, быть значительнымъ, такъ какъ весьма немногіе офицеры генеральнаго штаба пользовались этими отпусками. Такъ, изъ приказовъ по генеральному штабу видно, что за время съ 1835 по 1853 годъ перебывало въ годовыхъ отпускахъ всего 77, а въ безсрочномъ только 9 офицеровъ генеральнаго штаба, причемъ наибольшее число увольняемыхъ, именно 11, падаетъ на 1851 годъ, а обыкновенно изъ года въ годъ не превышало 4 или 5 человѣкъ. Цыфры эти крайне незначительны, будучи взяты отдѣльно, но получаютъ значеніе только въ виду об-

щаго некомплекта въ генеральномъ штабѣ въ разсматриваемую эпоху.

Царствованіе Императора Николая знаменательно вообще для нашей арміи по весьма значительному увеличенію въ тридцатыхъ годахъ всѣхъ окладовъ жалованья, хотя въ послѣдствіи времени и эти новые оклады, съ переводомъ ихъ на серебро и при повсемѣстно усилившейся дороговизнѣ жизни, оказались крайне скудными. Для генеральнаго штаба это увеличеніе было особенно чувствительно, потому что оно служило доказательствомъ Монаршей милости къ этому вѣдомству, выказанной тѣмъ, что генеральный штабъ, получавшій по положенію 1816 года жалованье по окладамъ армейскихъ кирасиръ, былъ приравненъ съ 1 Января 1835 г. къ артиллеріи ([48]). Затѣмъ 6 Декабря 1838 года послѣдовало уже общее повышеніе окладовъ жалованья всѣмъ войскамъ, а въ томъ числѣ и генеральному штабу, и, наконецъ, съ 1 Января 1840 года Высочайше повелѣно начать выдачу всѣхъ окладовъ съ переводомъ на серебро ([49]). Всѣ таковыя измѣненія въ окладахъ жалованья генеральнаго штаба показаны въ слѣдующей таблицѣ:

	По положенію.			Съ переводомъ на серебро.
	1816 г.	1834 г.	1838 г.	
	ассигнаціями.			
полковникъ . . .	1,404 р. —	1,700 р.	2,000 р.	560 р. 55 к.
подполковникъ . .	1,170 „ —	1,200 „	1,500 „	419 „ 25 „
капитанъ . . .	877 „ 50 к.	1,000 „	1,200 „	336 „ 30 „
штабсъ-капитанъ .	760 „ 50 „	900 „	1,100 „	307 „ 5 „
поручикъ . . .	702 „ —	800 „	1,000 „	282 „ 75 „
подпоручикъ . .	643 „ 20 „	700 „	850 „	238 „ 85 „
прапорщикъ . .	585 „ —	650 „	800 „	224 „ 25 „

Оклады гвардейскаго генеральнаго штаба были приравнены къ соотвѣтствующимъ чинамъ, т. е. капитанъ получалъ окладъ подполковничій, штабсъ-капитанъ — капитанскій и т. д. Сверхъ того, во все время царствованія Императора Николая сохранены были генеральному штабу установленныя въ 1816 году деньги

на чертежные припасы, которые производились въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	По положенію 1816 г. на ассигнаціи.	Съ 1840 г. на серебро.
генералъ-квартирмейстеру .	300 р.	85 р. 80 к.
генералъ-маіору	150 „	42 „ 90 „
полковнику	585 „	167 „ 25 „
подполковнику	75 „	21 „ 45 „

Что касается столовыхъ денегъ, то оклады ихъ оставались почти безъ измѣненій, какъ были установлены въ 1818 году, а, будучи переведены въ 1840 году на серебро, выразились въ слѣдующихъ цыфрахъ ([50]):

начальникъ главнаго штаба арміи	2,802 р. —
генералъ-квартирмейстеръ арміи . . .	по 1,961 „ 40 к.
начальникъ штаба гвардейскаго корпуса.	по 1,961 „ 40 к.
начальникъ дивизіи	по 1,961 „ 40 к.
начальники штаба прочихъ корпусовъ .	„ 1,401 „ — „
бригадные командиры	„ 1,401 „ — „

Для оберъ-квартирмейстеровъ установлено было три оклада: наибольшій въ 1,120 р. 80 к. для гвардейскаго корпуса, въ 840 р. 60 к. для гренадерскаго и въ 560 р. 40 к. для всѣхъ прочихъ. Впрочемъ, по особымъ ходатайствамъ оклады эти нерѣдко измѣнялись, то-есть повышались изъ низшаго въ высшій разрядъ для отдѣльныхъ лицъ, и только съ 1848 года Высочайше повелѣно было оберъ-квартирмейстерамъ производить столовыя наравнѣ съ полковыми командирами, т. е. въ размѣрѣ—840 р. 60 к.; тогда же окладъ столовыхъ дивизіонныхъ квартирмейстеровъ, равнявшійся по переложеніи на серебро—140 руб. 10 к., былъ приравненъ къ столовымъ баталіонныхъ командировъ, т. е. увеличенъ до 280 р. 20 к. ([51]). Это было окончательнымъ признаніемъ, что должность дивизіоннаго квартирмейстера полагается всегда въ штабъ-офицерскомъ чинѣ, а не въ оберъ-офицерскомъ, какъ то было назначено по штату 1832 года.

Что касается старшихъ адъютантовъ, то для нихъ оклады столовыхъ были самые разнообразные; наибольшій былъ для штаба гвардейскаго корпуса въ 420 р. 30 к., затѣмъ въ штабѣ дѣйствующей арміи въ 280 р. 20 к. и, наконецъ, въ корпусныхъ штабахъ въ 140 р. 10 к., окладъ, меньшій того, какой былъ

назначенъ помощнику старшаго адъютанта въ гвардіи, который получалъ 280 р. 20 к.

Наиболѣе значительные оклады столовыхъ на серебро были назначены служащимъ въ департаментѣ, хотя число получающихъ здѣсь этотъ видъ содержанія былъ крайне ограниченъ; такъ, получали: директоръ департамента—жалованья 1,681 р. 20 коп. и столько же столовыхъ; вице-директоръ—жалованье по чину и столовыхъ 1,401 р. сер.; начальники отдѣленій—каждый жалованья 980 р. 70 к. и столовыхъ 420 р. 30 к.; 9 штатныхъ офицеровъ генеральнаго штаба—жалованья по чинамъ и по 210 р. 15 к. столовыхъ.

Въ видахъ усиленія содержанія офицеровъ генеральнаго штаба и корпуса топографовъ при командировкахъ, размѣръ порціонныхъ денегъ, установленныхъ въ 1816 году, усиленъ въ 1833 году для штабъ-офицеровъ до 3 р., а для оберъ-офицеровъ—2 р. ([52]), что съ переложеніемъ въ 1839 году на серебро составляло для первыхъ 90 к. сер., а для вторыхъ 60 к. сер. Тогда-же было опредѣлено производить порціонные съ 1-го Января 1834 года отъ департамента генеральнаго штаба, возлагая отвѣтственность за вѣрность требованій на генералъ-квартирмейстеровъ арміи и оберъ-квартирмейстеровъ; деньги требовались по третямъ за прошедшее время ([53]). Распоряженіе это ставило офицеровъ въ крайне неблагопріятное положеніе: истратившись въ командировкѣ, приходилось ждать цѣлую треть, а иногда и болѣе, пока представленіе черезъ оберъ-квартирмейстера дойдетъ до департамента и пока послѣдній отпуститъ, наконецъ, порціонныя деньги. Вскорѣ къ этому прибавилось еще новое ограниченіе: журналомъ военнаго совѣта 13 Апрѣля 1834 года опредѣлено, что порціонные не даются за нахожденіе при составленіи дислокаціи, за нахожденіе на маневрахъ, при сборахъ, когда это дѣлается въ раіонѣ расположенія войскъ, при которыхъ состоитъ офицеръ, а лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда командировка выходитъ за предѣлы этого раіона ([54]). Такое ограниченіе въ выдачѣ порціонныхъ почти вовсе лишало права на ихъ полученіе всѣхъ непосредственно состоящихъ при войскахъ офицеровъ генеральнаго штаба, которымъ, конечно, только и приходилось имѣть командировки въ раіонѣ расположенія тѣхъ частей, при которыхъ они состояли.

ГЛАВА XVII.

Занятія и служба генеральнаго штаба при войсках съ 1823 по 1853 годъ; преобладаніе смотровыхъ условій; значеніе гвардейскаго генеральнаго штаба. Практическіе полевые походы и военная игра.
Участіе генеральнаго штаба этого періода въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ; наиболѣе выдающіяся при этомъ личности: И. И. Горскій, Н. П. Вольфъ, Д. А. Милютинъ, Б. К. Шульцъ. Р. К. Фрейтагъ, Д. В. Пассекъ, П. Е. Коцебу, А. К. Вранкенъ, Графъ Ф. Л. Гейденъ и другіе.

Всякая спеціальность для своего успѣха и процвѣтанія требуетъ отъ лицъ, занимающихся ею, не только извѣстной, болѣе или менѣе значительной теоретической подготовки къ ней, но еще въ большей степени постоянныхъ упражненій, которыя должны развивать навыкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать и усовершенствованію самой спеціальности. Эта практическая дѣятельность имѣетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ теоретическая подготовка; послѣдней приходится имѣть дѣло нерѣдко съ людьми, которые или не вполнѣ еще отдались изучаемой спеціальности, или же только хотятъ испробовать на ней свои силы, между тѣмъ какъ практика по большей части имѣетъ дѣло уже съ остановившимися въ своемъ выборѣ людьми, которыхъ надо привязать къ дѣлу, такъ сказать, втянуть въ него; при этомъ естественно можно разсчитывать на большій успѣхъ, если самая практика будетъ разумна, цѣлесообразна, если она въ состояніи выставить спеціальность, составляющую ея предметъ, въ полной силѣ ея полезности; тогда несомнѣнно выиграетъ и самая спеціальность — ей будутъ отдаваться съ любовью и увлеченіемъ, она получитъ прочное основаніе для своего развитія и для разработки ея теоріи.

Таковы общія положенія, справедливость которыхъ трудно оспаривать; положенія эти какъ нельзя болѣе примѣнимы къ военной спеціальности, а затѣмъ и ко всѣмъ ея отдѣламъ, въ томъ числѣ

и къ спеціальности службы генеральнаго штаба. Для успѣха этой службы нужна также извѣстная теоретическая подготовка, а затѣмъ еще болѣе обширная, цѣлесообразная практическая дѣятельность.

По части теоретической подготовки русскій генеральный штабъ былъ поставленъ въ царствованіе Императора Николая въ самое прекрасное положеніе. Императорская Военная Академія давала офицерамъ, готовящимся къ этого рода службѣ, огромный запасъ знаній, съ которымъ они смѣло могли вступать въ сферу своей спеціальности для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ оной. Остается взглянуть, на сколько условія самой жизни этой сферы способствовали дальнѣйшему развитію спеціальной подготовки путемъ практической дѣятельности, на сколько занятія службою генеральнаго штаба содѣйствовали питомцамъ Академіи какъ къ ближайшему ознакомленію съ нею, такъ равно и къ тому, чтобы предназначающіе себя къ ней имѣли всю возможность полюбить ее и всецѣло ей отдаться.

Наиболѣе важна и существенна служба генеральнаго штаба при войскахъ, обнимающая собою въ обширномъ смыслѣ все относящееся до движенія, расположенія и дѣйствія войскъ и проявляющаяся въ двухъ видахъ: занятія подготовительныя, штабныя, исполняемыя въ канцеляріяхъ, и занятія въ полѣ, на конѣ, непосредственно при войскахъ. Въ царствованіе Императора Александра I оба эти виды службы генеральнаго штаба, какъ мы видѣли, были довольно точно опредѣлены положеніемъ о должности квартирмейстерскихъ офицеровъ, находящихся при корпусахъ и дивизіяхъ въ мирное время. Но съ преобразованіемъ генеральнаго штаба, съ развитіемъ новаго взгляда на это вѣдомство, сказанное положеніе пришло въ полное забвеніе, не будучи замѣнено ничѣмъ новымъ; по крайней мѣрѣ нигдѣ послѣ 1825 года не встрѣчается ни малѣйшаго даже намека на это положеніе; къ тому же и самый взглядъ на службу войскъ въ мирное время совершенно измѣнился съ тридцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Послѣ войнъ наполеоновскихъ на весь ходъ службы и занятій въ русскихъ войскахъ имѣлъ замѣтно преобладающее вліяніе штабъ 1-й арміи, управляемый сперва Дибичемъ, а потомъ Толемъ, и молодая польская армія, которая, подъ начальствомъ великаго князя Константина Павловича, сдѣлалась дѣйствительно

вполнѣ образцовою во многихъ отношеніяхъ. Однако, направленіе и духъ обученія войскъ въ этихъ двухъ группахъ войскъ были совершенно различны. Положеніями, изданными при 1 й арміи въ 1819 и 1822 годахъ, былъ опредѣленъ подробно весь порядокъ учебныхъ занятій войскъ, причемъ должное значеніе имѣли маневры, походныя движенія, сторожевая служба, даже цѣльная стрѣльба, начиная съ 60-ти и постепенно доходя до 300 шаговъ, причемъ всѣ занятія производились преимущественно въ полковыхъ раіонахъ, что было особенно важно при тогдашней разбросанности войскъ, располагаемыхъ почти исключительно постоемъ у обывателей съ крайне рѣдкими исключеніями казарменнаго расположенія. При этомъ генеральному штабу предстояло много работъ: составленіе маршрутовъ, дислокацій, предположеній для маневровъ, сводка замѣчаній, дѣлаемыхъ на маневрахъ; наконецъ, встрѣчаются офицеры генеральнаго штаба и въ командованіи учебными баталіонами, которые собирались въ тѣ времена при полковыхъ, дивизіонныхъ и корпусныхъ штабъ-квартирахъ.

Къ сожалѣнію, однако, это правильное развитіе занятій войскъ, установленное въ 1-й арміи, стало постепенно терять свое значеніе къ началу тридцатыхъ годовъ. Съ 1822 года установлены были шестинедѣльные дивизіонные сборы, а съ 1824 года и корпусные; причемъ слишкомъ много времени уходило на передвиженія къ пунктамъ сборовъ и роспускъ изъ нихъ, да къ тому же смотровыя условія стали брать верхъ надъ учебными; порядокъ службы, созданный въ штабѣ 1-й арміи, долженъ былъ измѣниться согласно новымъ требованіямъ централизующей власти военнаго министра, новымъ вѣяніямъ, шедшимъ изъ Варшавы и изъ гвардейскаго корпуса.

Въ польской арміи обученіе войскъ также было ведено чрезвычайно правильно и хорошо, но, подъ вліяніемъ личнаго характера великаго князя Константина Павловича, впадало въ крайнюю формалистику. Отличная выправка людей, доведенная до полнѣйшаго совершенства маршировка, стройность всѣхъ движеній — дѣлали польскую армію единственною въ своемъ родѣ на плацъ-парадахъ во время посѣщенія Варшавы Императоромъ. Порядокъ службы и воинскихъ занятій въ Варшавѣ, благодаря трудамъ и вниманію, а также и умѣнью Цесаревича, былъ доведенъ до-

образцовой степени, такъ что и великій князь Михаилъ Павловичъ изъ Петербурга, и королевскіе принцы изъ Берлина нарочно пріѣзжали въ Варшаву полюбоваться на войска Цесаревича и научиться у него этому замѣчательному искусству доводить одиночное и общее фронтовое образованіе войскъ въ относительно короткое время и безъ употребленія особенно крутыхъ мѣръ до высокаго совершенства ([1]). Отъ польской арміи перенимали и русскія войска всякія утонченности; даже варшавскія военныя моды въ формѣ одежды и въ военныхъ обычаяхъ проникали въ среду русскаго военнаго общества. Съ упраздненіемъ же польской арміи, прежнее значеніе ея, какъ образцоваго войска, всецѣло перешло въ Петербургъ на Императорскую гвардію. Великій князь Михаилъ Павловичъ, питавшій глубокое уваженіе и полнѣйшее довѣріе къ военнымъ способностямъ Цесаревича, явился продолжателемъ и дальнѣйшимъ совершенствователемъ системы обученія войскъ, перенятой частью изъ Варшавы, частью изъ Пруссіи. Родственное и дружественное сближеніе между дворами берлинскимъ и петербургскимъ еще болѣе содѣйствовало усиленію у насъ подражательности прусскимъ военнымъ порядкамъ, которые, непрерывно совершенствуясь съ 1807 года, дѣйствительно заслуживали полнаго вниманія и изученія.

Прусскій военный уставъ 1808 года былъ плодомъ трудовъ той знаменитой коммисіи, учрежденной послѣ Тильзитскаго мира, въ которой предсѣдательствовалъ принцъ прусскій, а душою былъ Шарнгорстъ; въ немъ пруссаки вполнѣ отрѣшились отъ Фридриховской тактики и обратили полное вниманіе на полевую службу, стрѣльбу въ цѣль, разсыпной строй. Затѣмъ прусскій уставъ не переставалъ совершенствоваться на основаніи опыта наполеоновскихъ войнъ, и представителями новыхъ идей являются профессоръ берлинской военной школы Грисгеймъ и графъ фонъ-Вальдерзее. Первый еще въ тридцатыхъ годахъ настаиваетъ на необходимости сдѣлать роту самостоятельною тактическою единицею, на упрощеніи всѣхъ уставныхъ построеній, на совершенной отмѣнѣ, такъ называемыхъ, линейныхъ ученій; идеи эти и приняты были въ Пруссіи въ началѣ сороковыхъ годовъ. Графъ Вальдерзее, будучи въ чинѣ поручика, также въ тридцатыхъ годахъ издалъ свое первое руководство къ образованію пѣхотнаго солдата, которое

тогда же введено въ прусскихъ войскахъ и до настоящаго времени не утратило своего значенія. Вслѣдствіе всего этого прусскій уставъ опередилъ уставы всѣхъ прочихъ европейскихъ армій, и въ немъ многое подлежало изученію и подражанію. Въ то же время въ Пруссіи обращено было полное вниманіе на умственное развитіе корпуса офицеровъ и на тактическую ихъ подготовку; труды Грисгейма и Вальдерзее и здѣсь имѣли весьма большое вліяніе. Къ тому же еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія дана надлежащая постановка занятіямъ офицеровъ генеральнаго штаба, благодаря дѣятельности талантливыхъ его представителей: Массенбаха, Шарнгорста, Мюфлинга, Краузенека, Рейхера и, наконецъ, графа Мольтке (управлявшаго генеральнымъ штабомъ съ 1857 г.). Установлены полевыя поѣздки, начало которыхъ относится еще къ 1808 году; въ двадцатыхъ же годахъ введена въ Пруссіи военная игра, сдѣлавшаяся почти обязательнымъ предметомъ занятій въ войскахъ. Все это испытывалось, постепенно развивалось и получало полное право гражданства въ прусскихъ войскамъ, доводя ихъ постепенно до того блестящаго состоянія, которое выразилось боевыми ихъ успѣхами во вторую половину настоящаго столѣтія ([2]).

Къ сожалѣнію, заимствованія, дѣланныя въ двадцатыхъ годахъ нашею арміею у пруссаковъ, относились скорѣе къ одной внѣшней сторонѣ военнаго дѣла, а не къ внутреннему быту и способамъ обученія войскъ. Какъ въ польской, такъ и въ прусской арміи наиболѣе поражали стройность и полное спокойствіе фронта, доведенныя до совершенства, однообразіе стойки и маршировки, почти механическая исполнительность на плацъ-парадахъ и смотрахъ. Эти-то качества, будучи приняты за наиболѣе существенныя, и сдѣлались у насъ не только предметомъ слѣпаго подражанія, но даже обращено полное вниманіе на ихъ развитіе и совершенствованіе; идеи же Грисгейма и Вальдерзее къ намъ вовсе не проникали; труды ихъ сдѣлались у насъ извѣстными лишь послѣ неудачи, понесенной нашею арміею въ восточную войну; если правительство наше или отдѣльныя лица повременамъ и старались перенести къ намъ изъ Пруссіи нѣкоторыя болѣе существенныя заимствованія, то таковыя не прививались у насъ, попадая на совершенно неподготовленную и неблагопріятную для нихъ почву.

Этому немало способствовали и нѣкоторыя другія обстоятельства. Съ одной стороны, стратегическія идеи барона Жомини встрѣчены были у насъ большимъ, чѣмъ гдѣ-либо, сочувствіемъ и не замедлили оказать огромное вліяніе на наше военное образованіе и вообще на наше военное общество; дѣйствія массъ стали главнымъ предметомъ изученія; стратегическія соображенія совершенно отодвинули на второй планъ мелочную и кропотливую работу по воспитанію войскъ и по тактической ихъ подготовкѣ. Результатомъ таковыхъ взглядовъ было увлеченіе линейною тактикою и полное забвеніе мѣстности, развитіе массъ въ ущербъ отдѣльнымъ личностямъ, установленіе постоянныхъ боевыхъ порядковъ, которые строились по жалонерамъ на плацъ-парадахъ и военныхъ поляхъ, избѣгая всякой пересѣченной, а тѣмъ болѣе закрытой мѣстности. Съ другой стороны, не обошлось безъ косвеннаго вліянія на нашу армію и то, что Императоръ Николай, въ своей безпримѣрной заботливости о войскахъ, почти ежегодно дѣлалъ большіе сборы войскъ для смотровъ—подъ Калишемъ, подъ Бородиномъ, въ Чугуевѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Вознесенскѣ, Елисаветградѣ и другихъ мѣстахъ; цѣлые корпуса, а нерѣдко и болѣе значительныя массы войскъ были собираемы для этихъ смотровъ, на которыхъ церемоніальный маршъ и линейное ученье являлись лучшими средствами для представленія войскъ Государю. Подготовка къ таковымъ смотрамъ невольно поглощала всю дѣятельность войскъ; желаніе представить ихъ въ возможно лучшемъ видѣ вынуждало выискивать совершенно ровныя мѣстности, на которыхъ искусственно сглаживались даже малѣйшія канавки, норки сурковъ и кротовъ; если сажались деревца, то для обозначенія линіи церемоніальнаго марша или мѣста захожденія плечемъ послѣ онаго. Это выравниваніе плацовъ обученія войскъ, выравниваніе шеренгъ и рядовъ, какъ на мѣстѣ, такъ и на ходу, сдѣлалось наиболѣе существеннымъ предметомъ и обученія войскъ, поглощавшимъ все вниманіе воинскихъ начальниковъ.

Такимъ образомъ, въ то время, когда въ западно-европейскихъ арміяхъ линейная тактика все болѣе утрачивала свое значеніе, когда тамъ въ дѣлѣ обученія войскъ переходили уже отъ крупныхъ къ мелкимъ частямъ, отъ дивизіи къ бригадѣ, баталіону и даже къ ротѣ, у насъ, напротивъ, линейная тактика пріобрѣтала

преобладающее значеніе, все обученіе было направлено къ тому, чтобы изъ солдата сдѣлать хорошо марширующую машину, которая бы не портила стройной сомкнутости массъ. Самыя массы эти строились не иначе, какъ въ заранѣе опредѣленные уставомъ боевые порядки, изъ которыхъ каждый былъ предписанъ на извѣстный случай и въ которыхъ густыя колонны и развернутый строй баталіоновъ составляли преобладающія формы. Мѣстность не имѣла никакого значенія; всячески избѣгали мало-мальски пересѣченной и закрытой мѣстности; полевая служба и маневры малыми отрядами вовсе не производились.

При такомъ направленіи учебныхъ занятій войскъ дѣятельность офицеровъ генеральнаго штаба совершенно отодвигалась на второй планъ, вѣрнѣе говоря, совсѣмъ стушевывалась. Поэтому-то въ тогдашнихъ уставахъ и положеніяхъ почти ничего не встрѣчаемъ объ обязанностяхъ генеральнаго штаба при войскахъ. До сороковыхъ годовъ по этому предмету не было издаваемо никакихъ особыхъ положеній, такъ какъ это было время опытовъ и разныхъ испытаній; но затѣмъ изданы Высочайше утвержденные: въ 1840 году —«Правила для маневровъ» ([3]), въ 1846 году—«Уставъ о полевой службѣ въ мирное и военное время» и «Уставъ для управленія дѣйствующею арміей въ мирное и военное время» ([4]).

Въ первомъ изъ этихъ положеній вовсе не упоминается о чинахъ генеральнаго штаба; во второмъ, которое по самой сущности своей имѣетъ весьма близкое отношеніе къ службѣ этихъ чиновъ, упоминается о нихъ лишь два раза и то при изложеніи службы войскъ въ военное время, а именно, что передъ каждымъ движеніемъ офицеры генеральнаго штаба собираютъ свѣдѣнія о дорогахъ, по которымъ приходится слѣдовать, и что для занятія бивака высылаются жалонеры при офицерѣ генеральнаго штаба. Въ мирное же время присутствіе этого офицера не требуется даже при занятіи бивака, лагеря или квартиръ; для этого высылались по уставу жалонеры или квартирьеры, подъ командою завѣдывающаго ими офицера, который, въ случаѣ, если располагается цѣлая дивизія, долженъ быть въ штабъ-офицерскомъ чинѣ. Таковой пропускъ о чинахъ генеральнаго штаба тѣмъ болѣе замѣтенъ и характеристиченъ, что вообще уставъ о полевой службѣ, какъ и

всѣ уставы того времени, отличался чрезвычайною мелочностью и педантизмомъ въ изложеніи подробностей.

Уставъ для управленія дѣйствующею арміей былъ собственно измѣненнымъ въ частностяхъ новымъ изданіемъ «Учрежденія для управленія большою дѣйствующею арміей 1812 года». Въ немъ сохранено прежнее устройство штаба арміи, но въ составѣ управленія генералъ-квартирмейстера введена новая должность дежурнаго штабъ-офицера и увеличено число отдѣленій, которыхъ впредь полагалось имѣть три: первое—по движенію, дѣйствію и размѣщенію войскъ; второе — по собиранію свѣдѣній о мѣстности и непріятелѣ, почему къ нему принадлежали—капитанъ надъ вожатыми, всѣ наличные въ штабѣ топографы, чертежная и военно-походная литографія; накопецъ, третье—по части инспекторской и хозяйственной. Сверхъ того, въ военное время, а въ мирное лишь тогда, если въ предѣлахъ расположенія арміи имѣлись крѣпости, полагалось еще четвертое отдѣленіе — инженерно - артилерійское, которымъ завѣдывалъ не офицеръ генеральнаго штаба, а инженеръ или артиллеристъ. Что касается до дежурнаго штабъ-офицера, то это былъ непосредственный начальникъ управленія; цѣль его назначенія была—облегчить занятія генералъ-квартирмейстера, дабы не отвлекать послѣдняго отъ полевыхъ занятій; на дѣлѣ же должность эта оказалась совершенно излишнею, замедлявшею дѣлопроизводство и нисколько необлегчавшею генералъ - квартирмейстера, такъ какъ ей не было предоставлено ни малѣйшей самостоятельности.

Обязанности генералъ-квартирмейстера и чиновъ его управленія въ военное время оставлены прежнія; въ мирное же время на генералъ-квартирмейстера возложена забота о распространеніи между офицерами генеральнаго штаба военныхъ знаній, о назначеніи имъ занятій, могущихъ служить къ ихъ усовершенствованію какъ по части генеральнаго штаба, такъ и по фронтовому образованію, также попеченіе объ образованіи топографовъ; рядомъ съ этими общими указаніями не встрѣчается, однако, никакихъ положеній, какъ именно и какими средствами возможно ихъ исполненіе. Прежнія положенія по этому предмету пришли въ полное забвеніе; изданное еще княземъ Волконскимъ руководство «О должности квартирмейстерскихъ офицеровъ, находящихся при корпусахъ и

дивизіяхъ», совершенно потеряло всякое значеніе: новыхъ изданій вовсе не появлялось, хотя и дѣлаемы были неоднократныя къ тому попытки во время управленія генеральнымъ штабомъ генерала Нейдгарта. Такъ, въ 1832 году генералъ-маіоръ Гасфортъ (Густавъ Христіановичъ) составилъ «Инструкцію для офицеровъ генеральнаго штаба, находящихся при дѣйствующихъ отрядахъ на Кавказѣ противъ горцевъ»; тогда же поручено было генеральнаго штаба полковнику Каменскому составить полное руководство для службы офицеровъ генеральнаго штаба, а когда трудъ его оказался недостаточнымъ, то приступлено было къ переводу съ нѣмецкаго VIII тома «Ручной библіотеки для офицеровъ», заключавшаго «Практическія свѣдѣнія генеральнаго штаба». Наконецъ, съ 1834 года возложено было на ученый комитетъ составленіе «Ручной книжки для офицеровъ всѣхъ родовъ войскъ»; въ этой книжкѣ четвертая часть ея предназначалась для свѣдѣній по части генеральнаго штаба, и составленіе ея было возложено на генералъ-лейтенанта Хатова. Однако, всѣ эти попытки оставались безо всякихъ послѣдствій, частью потому, что всѣ подобнаго рода труды подвергались не только цензурѣ военнаго министра, но и фельдмаршала Паскевича, на утвержденіе котораго посылалось все относившееся до нашихъ войскъ.

Только уже въ 1848 г., съ Высочайшаго соизволенія, издана была «Памятная книжка для офицеровъ въ полѣ», составленная генеральнаго штаба полковниками Искрицкимъ и Скалономъ (Антономъ Антоновичемъ). Книжка эта имѣла въ свое время большой успѣхъ, пополняя весьма чувствительный у насъ недостатокъ въ подобнаго рода изданіяхъ, но она имѣла исключительно характеръ справочнаго изданія для всѣхъ вообще родовъ оружія, а вовсе не была спеціальнымъ руководствомъ для генеральнаго штаба, въ родѣ изданнаго Толемъ въ 1811 г. «Руководства къ отправленію службы чиновниками дивизіоннаго генералъ-штаба». Книжка Искрицкаго и Скалона излагала вкратцѣ вообще тѣ предметы, которые, будучи дѣломъ памяти, легко забываются. Она особенно богата чертежами, которые, въ числѣ 28-ми, были прекрасно выгравированы на мѣди; чертежи эти заключали въ себѣ планы лагерей и биваковъ, пѣхотные и кавалерійскіе боевые порядки, условные знаки для плановъ и картъ, чертежи полевыхъ укрѣп-

леній. Изъ всѣхъ этихъ чертежей, изображеніе боевыхъ порядковъ имѣло въ то время наибольшее значеніе; твердое знаніе всѣхъ интерваловъ и дистанцій при каждомъ боевомъ порядкѣ считалось чуть-ли не послѣднимъ словомъ военной науки. Произвести ученье такъ, чтобы были продѣланы всѣ боевые порядки, не повторяя одного и того же построенія по два раза, а представивши все въ стройномъ, красивомъ видѣ, было верхомъ совершенства, и этимъ вполнѣ объясняется, что даже въ Императорской Военной Академіи введенъ былъ особый видъ тактическихъ занятій — составленіе проектовъ дивизіонныхъ ученій.

Не менѣе заботъ представлялъ и другой отдѣлъ смотровой практики — это построеніе большихъ массъ войскъ для смотра, выборъ линіи для церемоніальнаго марша и переходъ войскъ на эту послѣднюю съ смотровой линіи. Сколько различныхъ соображеній и чертежныхъ работъ вызывала эта дѣятельность, вполнѣ лежавшая на генеральномъ штабѣ; послѣдній передъ смотромъ тщательно вычерчивалъ съ помощью имѣвшихся при штабахъ топографовъ планы расположенія войскъ въ линіяхъ, съ точнымъ указаніемъ всѣхъ дистанцій и интерваловъ, что составляло немалый трудъ, такъ какъ обыкновенно требовалось заготовлять очень много подобныхъ плановъ для всѣхъ высшихъ начальниковъ, для лицъ, производящихъ смотры, и даже для ихъ свиты. Выѣзжая на смотръ или на линейное ученье, офицеры генеральнаго штаба никогда не имѣли въ рукахъ топографической карты, но только красиво вычерченные планы, или, вѣрнѣе говоря, чертежи расположенія войскъ. Таковыхъ чертежей находимъ множество въ нашихъ архивныхъ дѣлахъ, при полномъ отсутствіи плановъ, гдѣ бы войска были расположены на мѣстности. О рекогносцировкахъ, объ осмотрѣ мѣстности почти и не слышно; буссоль забыта офицерами генеральнаго штаба, но зато первостепенное значеніе получилъ эккеръ, какъ угломѣрный инструментъ, крайне необходимый для разбивки линіи и при постановкѣ жалонеровъ и линейныхъ унтеръ-офицеровъ.

Составленіе чертежей смотровъ и проектовъ линейныхъ ученій наиболѣе было развито, конечно, при штабѣ отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, не только во время красносельскихъ лагерныхъ сборовъ, но и по поводу многочисленныхъ петербургскихъ пара-

довъ, производимыхъ въ залахъ Зимняго дворца, на Адмиралтейской площади, на Марсовомъ полѣ и Семеновскомъ плацу. Естественно, что между офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба должны были образоваться и специалисты въ подобнаго рода упражненіяхъ; поэтому-то при большихъ сборахъ войскъ: подъ Калишемъ въ 1835 году, подъ Вознесенскомъ въ 1837 году, Бородиномъ въ 1839 году изъ Петербурга командируемы были офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба для показанія правилъ разстановки войскъ; болѣе частыя подобнаго рода командировки имѣли полковники баронъ Ливенъ и Фроловъ и капитанъ Теслевъ; послѣдній неоднократно былъ командируемъ въ армейскіе корпуса для показанія правилъ обученія жалонеровъ, что также составляло въ то время одну изъ наиболѣе существенныхъ обязанностей офицеровъ генеральнаго штаба.

Хотя въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ увлеченіе смотровою и парадною частью было болѣе значительно, чѣмъ въ прочихъ войскахъ, но въ его же средѣ въ то время были дѣлаемы попытки и къ болѣе раціональному направленію занятій офицеровъ генеральнаго штаба. Такъ, гвардейскій генеральный штабъ перенялъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ изъ Пруссіи военную игру въ полѣ, или, такъ называемыя, полевыя поѣздки. Военная игра на топографическихъ планахъ еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія быстро распространилась въ Германіи; прусскій офицеръ Рейсвицъ издалъ къ ней въ 1824 году руководство, а прусскій генеральный штабъ придалъ ей рекогносцировки на мѣстности, соединивъ такимъ образомъ это занятіе съ полевыми поѣздками офицеровъ генеральнаго штаба. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ сдѣлана была попытка ввести подобныя занятія и въ нашемъ генеральномъ штабѣ, а именно въ 1834 году, подъ руководствомъ оберъ-квартирмейстера отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, полковника Веймарна (Ивана Федоровича), произведена полевая поѣздка офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба, подъ названіемъ практическаго военнаго похода ([5]). Разыгранъ былъ собственно на планахъ, съ исполненіемъ лишь нѣкоторыхъ работъ на мѣстности, двусторонній маневръ съ предположеніемъ, что лифляндскій корпусъ, силою въ 36 баталіоновъ, 48 эскадроновъ при 104-хъ орудіяхъ, наступаетъ отъ Ямбурга къ Петербургу,

черезъ Ополье и Чирковицы, гдѣ встрѣчаетъ петербургскій корпусъ; послѣдній, будучи слабѣе (24 баталіона, 24 эскадрона при 64-хъ орудіяхъ), уклоняется отъ боя до прибытія къ нему подкрѣпленій, а, получивъ оныя, переходитъ въ наступленіе и оттѣсняетъ лифляндскій корпусъ за р. Лугу. Одною стороною (петербургскимъ корпусомъ) завѣдывалъ полковникъ Венцель, а другою—полковникъ баронъ Ливенъ; при первомъ находились: капитанъ Бломъ, штабсъ-капитаны Холминскій и баронъ Росильонъ и поручикъ Теслевъ, а при второмъ: капитаны Фроловъ и Тавастъ, штабсъ-капитанъ Волковъ и поручикъ Адеркасъ. Полковникъ Веймарнъ былъ посредникомъ и при немъ состоялъ штабсъ-капитанъ Глинка (Борисъ Григорьевичъ). Каждый офицеръ имѣлъ свое особое назначеніе: состоять при авангардѣ, при какой-либо колоннѣ, при отдѣльномъ отрядѣ и т. под. Самый маневръ былъ веденъ по картѣ, но для выбора позиціи, съемки маршрутовъ, разстановки аванпостовъ офицеры командировались на мѣстность, исполняя каждую работу въ опредѣленное время. Всѣ донесенія, распоряженія, диспозиціи дѣлались письменно. Маневръ продолжался всего только три дня, причемъ офицеры не получали никакого дополнительнаго содержанія и должны были имѣть своихъ собственныхъ верховыхъ лошадей. Отъ войскъ не было никакихъ назначеній на эту поѣздку.

Полное собраніе документовъ, относящихся до разыграннаго маневра, состоящее изъ 120 донесеній, предписаній и т. под. и 23-хъ плановъ, было представлено Государю Императору и по Высочайшему повелѣнію отлитографировано и по одному экземпляру онаго разослано всѣмъ начальникамъ штабовъ и оберъквартирмейстерамъ, какъ трудъ, могущій служить руководствомъ и полезнымъ примѣромъ при занятіяхъ офицеровъ и всѣмъ дивизіоннымъ квартирмейстерамъ для собственнаго ихъ руководства (6).

Таковое распоряженіе очевидно было сдѣлано въ тѣхъ видахъ, чтобы производство подобныхъ занятій могло установиться въ нашихъ войскахъ; въ 1835 году было даже предписано отъ генеральнаго штаба произвести практическіе военные походы безъ войскъ въ отдѣльномъ гвардейскомъ корпусѣ подъ руководствомъ флигель-адъютанта полковника Веймарна, въ 5-мъ и 6-мъ пѣхотныхъ корпусахъ, во 2-мъ и 3-мъ резервныхъ кавалерійскихъ,

подъ руководствомъ оберъ-квартирмейстеровъ этихъ корпусовъ полковника Менда, Сохацкаго, Зандена и Балакирева; но въ дѣйствительности, кажется, была произведена поѣздка только въ одномъ гвардейскомъ корпусѣ, за что всѣмъ участвовавшимъ въ оной объявлено особое Высочайшее благоволеніе. О дальнѣйшемъ ходѣ этихъ занятій не сохранилось никакихъ слѣдовъ, и надо полагать, что они не установились у насъ; болѣе всего это объясняется некомплектомъ офицеровъ въ корпусахъ, при которыхъ за разными командировками рѣдко бывало болѣе двухъ-трехъ офицеровъ налицо. А такъ какъ некомплектъ офицеровъ составлялъ постоянное явленіе въ нашемъ генеральномъ штабѣ тридцатыхъ годовъ, то неудивительно, что производство, такъ называемыхъ, практическихъ военныхъ походовъ пришло въ полнѣйшее забвеніе, такъ что, когда черезъ 40 лѣтъ они снова были у насъ установлены въ болѣе широкихъ размѣрахъ подъ именемъ полевыхъ поѣздокъ, то были приняты, какъ нѣчто совершенно новое и вовсе неизвѣстное нашему генеральному штабу.

Почти такая же участь постигла у насъ и военную игру на планахъ, въ дѣлѣ введенія которой также игралъ важную роль гвардейскій генеральный штабъ. Еще въ 1836 году переведено было съ нѣмецкаго языка на русскій руководство къ военной игрѣ Рейсвица и подведено подъ формы нашего устава. Затѣмъ въ 1847 году гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Кузминскій составилъ новое руководство къ военной игрѣ, которое было напечатано на казенный счетъ съ предоставленіемъ всего изданія въ пользу составителя, получившаго въ то-же время отъ Государя Императора брильянтовый перстень за свой трудъ. Въ нашемъ военномъ обществѣ оба эти руководства были очень мало распространены, но между офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба военная игра велась почти постоянно, чему немало способствовало то, что самъ Государь любилъ этого рода занятія и находилъ возможнымъ удѣлять ему свои досуги. О введеніи же военной игры въ видѣ обязательнаго занятія не было никакихъ распоряженій, и вообще можно безошибочно сказать, что въ разсматриваемую нами эпоху военная игра не встрѣчала въ нашемъ военномъ обществѣ сочувствія. Отчасти это было слѣдствіемъ ложнаго основанія, на которое ставили этого рода занятія, до-

пуская розыгрышъ самаго боя; но еще болѣе неуспѣхъ военной игры можетъ быть приписанъ тому малому значенію, какое имѣла въ то время мѣстность въ дѣлѣ обученія войскъ и ихъ начальниковъ ([7]).

Но если самая система обученія войскъ, установившаяся у насъ въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, была крайне неблагопріятною для образованія офицеровъ генеральнаго штаба, то, съ другой стороны, правительство не упускало изъ вида того, чтобы доставлять этимъ офицерамъ болѣе широкую боевую практику въ нашей дѣйствительно военной школѣ того времени—на Кавказѣ. Въ 1836 году состоялось Высочайшее повелѣніе о постоянномъ командированіи строевыхъ офицеровъ отъ войскъ на Кавказъ, и тогда же это положеніе было распространено и на генеральный штабъ, изъ котораго повелѣно было ежегодно командировать къ войскамъ кавказскаго корпуса отъ двухъ до трехъ офицеровъ, преимущественно изъ такихъ, которые не имѣли случая участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, съ тѣмъ, чтобы они оставались тамъ по крайней мѣрѣ два года, а взамѣнъ ихъ возвращаемы были въ Россію прослужившіе на Кавказѣ болѣе двухъ лѣтъ. Положеніе это не было, однако, исполняемо во всей точности по многимъ причинамъ: на Кавказѣ постоянно имѣлся сверхкомплектъ офицеровъ генеральнаго штаба; многіе изъ назначенныхъ туда на срокъ не возвращались, а были оставляемы тамошнимъ начальствомъ на постоянную службу; наконецъ, не безъ вліянія было и то, что кавказское начальство нерѣдко неблагопріятно встрѣчало офицеровъ, навязываемыхъ ему, а старалось преимущественно само сохранить за собою иниціативу выбора офицеровъ ([8]). Въ охотникахъ же служить на Кавказѣ въ тѣ времена не было недостатка: независимо отъ того, что туда манила понятная въ военномъ человѣкѣ жажда отличій и честолюбіе, сверхъ того, кавказская служба привлекала къ себѣ отсутствіемъ того мелочнаго педантизма, которымъ многіе такъ тяготились въ Россіи. Поэтому-то въ періодъ времени съ 1832 по 1855 годъ никогда не встрѣчается на службѣ при кавказскомъ корпусѣ (состоявшемъ изъ $3^1/_2$ дивизій пѣхоты) менѣе 25—30 офицеровъ генеральнаго штаба; по временамъ же, какъ, напримѣръ, съ прибытіемъ въ 1844 году на Кавказъ 5-го пѣхотнаго

корпуса, число это значительно увеличивается. Сверхъ того, вслѣдствіе значительнаго развитія на Кавказѣ съемокъ, тамъ постоянно было весьма значительное число топографовъ какъ офицерскаго, такъ и нижняго званія, которые, будучи назначаемы въ экспедиціи, во многомъ облегчали службу офицеровъ генеральнаго штаба и даже прямо были употребляемы на эту службу.

Было бы излишне распространяться о томъ, какое могущественное значеніе имѣла боевая кавказская служба на образованіе офицеровъ генеральнаго штаба, но, къ сожалѣнію, та польза, которую они и вообще служившіе на Кавказѣ извлекали изъ этой службы, оставалась чисто только при нихъ, нисколько не вліяя на другія войска нашей арміи. Замѣчательно, что французы, вслѣдствіе алжирской войны, служившей имъ боевою школою, пріобрѣли очень многое для своей арміи, что доставило имъ важныя преимущества въ Восточную войну: они ввели стрѣлковые баталіоны, усовершенствовали разсыпной строй, измѣнили систему обученія войскъ; ихъ генералы пріобрѣли практику командованія отдѣльными отрядами. У насъ-же кавказская война до Восточной войны не оказала почти никакого вліянія на усовершенствованіе нашей арміи, хотя въ ней было много такого, что не мѣшало бы позаимствовать; даже начальники, воспитавшіеся на Кавказѣ, не пользовались особымъ значеніемъ въ Россіи; на нихъ, кромѣ общаго упрека всѣмъ кавказцамъ въ незнаніи тонкостей фронтовой службы, нерѣдко падало тяжкое обвиненіе въ слабости къ подчиненнымъ и въ неумѣньѣ поддерживать истинную, по тогдашнимъ понятіямъ, дисциплину. Короче сказать, кавказская война имѣла чисто мѣстную только поучительность; она поддерживала энергію и способности участвовавшихъ въ ней, не допуская ихъ до усыпленія, давала обширное поприще для ихъ собственнаго развитія и развѣ только косвенно вліяла на процвѣтаніе у насъ военнаго дѣла тѣмъ, что наградами за отличіе выдвигала впередъ болѣе выдающихся личностей. Поэтому-то въ то время, какъ алжирская война создала цѣлую школу военныхъ людей во Франціи, зародила множество военныхъ идей въ военномъ дѣлѣ, наша кавказская война представляетъ лишь рядъ подвиговъ величайшаго самоотверженія, безпредѣльной отваги, нерѣдко прекрасно разработанныхъ и безукоризненно исполнен-

ныхъ соображеній, но все это, такъ сказать, остается собственностью Кавказа, не проявляя никакого вліянія внѣ его предѣловъ. Въ настоящемъ трудѣ не мѣсто входить въ разсмотрѣніе причинъ подобнаго явленія, но самый фактъ его существованія не можетъ быть оставленъ безъ вниманія, такъ какъ многое только имъ и можетъ быть объяснено.

Военныя дѣйствія на Кавказѣ въ концѣ двадцатыхъ и въ тридцатыхъ годахъ (въ командованіе отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ Паскевича и барона Розена) состояли почти исключительно изъ отдѣльныхъ экспедицій, предпринимаемыхъ по большей части для наказанія того или другаго горнаго общества; мюридизмъ не вошелъ еще въ полную свою силу, Дагестанъ и Чечня не были соединены подъ властью одного лица; племена западнаго Кавказа были вполнѣ разрознены. Кавказская линія и Черноморье, входившіе въ составъ новороссійскаго генералъ-губернаторства, представляли главный театръ войны и главное поприще для отличій; экспедиціи въ Чечню и Дагестанъ сравнительно были рѣдки. Главными дѣйствующими лицами въ эту эпоху были генералы: Эммануэль, Вельяминовъ, Зассъ, Раевскій и Анрепъ; около нихъ преимущественно группируется служба офицеровъ генеральнаго штаба, о которой, впрочемъ, имѣется очень мало свѣдѣній, состоящихъ преимущественно изъ указаній, даваемыхъ послужными списками. Нельзя, однако, не замѣтить, что служба эта имѣетъ двѣ болѣе видныя стороны: одну по части развѣдокъ и ознакомленія съ краемъ, другую—по непосредственному участію въ экспедиціяхъ. Въ первомъ отношеніи дѣятельность нѣкоторыхъ офицеровъ обращаетъ на себя особенное вниманіе. Въ хронологическомъ порядкѣ прежде всего приходится упомянуть о трудахъ штабсъ-капитана Бларамберга, который, воспользовавшись двухлѣтнимъ пребываніемъ своимъ на Кавказѣ (съ 1830—1832 г.), собралъ и привелъ въ систему разнообразныя свѣдѣнія о горскихъ народахъ. Рукопись его, состоявшая изъ двухъ частей, подъ заглавіемъ: «Описаніе Кавказа въ географическомъ, историческомъ и военномъ отношеніи», была представлена Государю Императорю и, доставивъ автору обильныя награды, схоронена въ архивахъ военно-топографическаго депо (9).

Матеріалами для труда штабсъ-капитана Бларамберга служили отчасти свѣдѣнія, собранныя штабсъ-капитаномъ 22-й артиллерійской бригады Новицкимъ, который въ 1830 г. совершилъ отважную скрытную поѣздку въ земли закубанскихъ горцевъ. Свѣдѣнія, доставленныя Новицкимъ, преимущественно были пріобрѣтены имъ, однако, не въ эту поѣздку, а изъ разсказовъ Тауша и Люлье, бывшихъ нѣкогда агентами де-Скасси, который взялся завести торговлю на восточномъ берегу Чернаго моря; лица эти прожили до 1829 г., въ теченіе 15-ти лѣтъ, среди закубанскихъ горцевъ, а послѣ служили переводчиками у Вельяминова и Раевскаго. За собранныя свѣдѣнія Новицкій былъ произведенъ въ капитаны и тогда-же переведенъ въ генеральный штабъ ([10]).

Примѣръ Новицкаго не остался безъ подражателей, и въ тридцатыхъ годахъ нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба рисковало проникать въ горы для собиранія топографическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Такъ, въ 1834 г. штабсъ-капитанъ князь Шаховской проникъ изъ Мингреліи черезъ Сванетію и снѣговой хребетъ въ землю карачаевцевъ и уруспіевъ, а въ 1835 г. изслѣдовалъ верховья Терека и Кубани, за что получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. Съ 22-го Декабря 1834 года по 21-е Ноября 1835 г. поручикъ баронъ Торнау находился въ горахъ западнаго Кавказа, перерѣзавъ дважды снѣговой хребетъ— изъ Абхазіи на Кубань и обратно къ мысу Адлеру. Поощренный этой удачей, Торнау предпринялъ въ Маѣ мѣсяцѣ 1836 г. новый поискъ къ черноморскому прибрежью, но былъ задержанъ плѣннымъ въ аулѣ кабардинскаго князя Асланъ-Гирея Біарсланова и возвращенъ изъ онаго только къ 11-му Ноября 1838 года, благодаря стараніямъ командовавшаго на Кубани генералъ-маіора Засса. Произведенный за первый поискъ въ шт.-капитаны, Торнау получилъ за свой плѣнъ чинъ капитана, орденъ св. Владиміра 4-й ст. и единовременное пособіе въ 4,000 р. асигнаціями; сверхъ того, за все время плѣна ему сохранено было содержаніе по званію дивизіоннаго квартирмейстера кавказской гренадерской бригады ([11]).

Неоднократно также и чины корпуса топографовъ производили тайные и сопряженные съ явною опасностью поиски въ горы; партіи топографовъ, посылаемыя на съемки за Кубань, про-

изводили работы подъ прикрытіемъ конвоя и нерѣдко подвергались нападеніямъ со стороны горцевъ. При одномъ изъ такихъ нападеній топографъ Разуваевъ, работавшій въ верховьяхъ Бол. Зеленчука, былъ раненъ пулей въ грудь на вылетъ; нѣсколько казаковъ изъ конвоя было убито, а самый планшетъ съ инструментомъ разсѣченъ шашкою и отбитъ черкесами. Болѣе счастливъ былъ корпуса топографовъ прапорщикъ Чуркинъ, который съ двумя проводниками и однимъ переводчикомъ, отправившись въ 1836 г. изъ Карачая (на Кубани), спустился переодѣтымъ черезъ главный кавказскій хребетъ въ Цебельду и оттуда достигъ благополучно Сухумъ-Кале (12).

Въ восточномъ Кавказѣ, гдѣ съ двадцатыхъ годовъ сталъ усиливаться религіозный фанатизмъ горцевъ, подобнаго рода поиски были сопряжены еще съ большими затрудненіями. Такъ, топографъ Бѣлкинъ былъ убитъ въ 1836 году на съемкѣ земель къ востоку отъ военно-грузинской дороги. Въ 1838 г., въ Аваріи, была истреблена горцами вся съемочная партія, посланная съ конвоемъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Беренгейма, прекраснаго офицера, отличавшагося въ Турціи въ 1829 г.

Въ 1836 г. проникъ въ Дагестанъ полковникъ Гене, проведшій почти всю службу свою на Кавказѣ. Произведенный въ 1815 г. изъ колонновожатыхъ въ прапорщики свиты Его Величества по квартирмейстерской части, Федоръ Ивановичъ Гене въ 1819 г. переведенъ былъ, за нерадѣніе къ съемкѣ, тѣмъ-же чиномъ поручика на Кавказъ, въ Тифлисскій пѣхотный полкъ, изъ котораго уже въ 1828 г. возвращенъ капитаномъ въ генеральный штабъ; остальная служба проведена имъ на Кавказѣ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1838 г., и была посвящена преимущественно съемкамъ и картографической дѣятельности. Переодѣтый лезгиномъ, Гене въ 1836 г. проникъ въ нагорный Дагестанъ, въ свитѣ Нуцалъ-хана казикухумскаго, но въ с. Чохъ былъ узнанъ и приговоренъ къ смерти, отъ которой, однако, ему благополучно удалось ночью бѣжать; за собранныя въ Дагестанѣ свѣдѣнія онъ получилъ аренду на 12 лѣтъ. Въ томъ же году топографъ Фейзулинъ тайно прошелъ изъ Бѣлоканъ черезъ Ункратль, Андаллъ, Гергебиль въ Темиръ-Ханъ-Шуру.

Съ неменьшими опасностями были сопряжены поиски штабсъ-капитана Мочульскаго въ Дагестанѣ; въ 1837 г. онъ благополучно обозрѣлъ южные склоны хребта со стороны Лезгинской линіи, но, будучи отправленъ переодѣтымъ весною 1838 г. въ Хунзахъ, онъ былъ остановленъ въ с. Моксохѣ, подвергнутъ пыткѣ и приговоренъ къ смерти; однако-жъ, выдержавъ всѣ испытанія, признанъ за джарца и отпущенъ вмѣстѣ съ другими, но едва ушелъ отъ преслѣдованій. Ордена св. Владиміра 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст. (что нынѣ 2-й ст.) были наградою за эти двукратные поиски ([13]).

Переходя къ участію офицеровъ генеральнаго штаба въ дѣйствіяхъ отрядовъ на Кавказской линіи, прежде всего необходимо остановиться на Занденѣ и Горскомъ, которые, будучи оберъ-квартирмейстерами линіи, первый съ 1830—1834 г., а второй съ 1834 по 1838 г., являются постоянными спутниками генераловъ Эммануэля и Вельяминова въ ихъ закубанскихъ экспедиціяхъ.

Павелъ Карловичъ Занденъ, произведенный въ 1815 г. изъ колонновожатыхъ въ свиту по квартирмейстерской части, провелъ первыя 10 лѣтъ своей службы на съемкахъ, подъ руководствомъ Теннера, который очень высоко цѣнилъ математическія его способности и за окончаніе виленской съемки доставилъ ему чинъ капитана (въ 1822 году). Назначенный въ 1829 г. въ чинѣ подполковника на Кавказъ, Занденъ провелъ здѣсь пять лѣтъ, почти безотлучно находясь при генералѣ Вельяминовѣ и сопровождая его во всѣхъ экспедиціяхъ. За время своего оберъ-квартирмейстерства на Кавказской линіи онъ получилъ ордена: св. Анны 2-й ст. съ короной, св. Станислава 3-й ст., св. Владиміра 3-й ст. и св. Станислава 2-й ст. со звѣздою. Раненый въ въ 1831 г. при штурмѣ Чиръ-Юрта (19-го Октября) пулею въ правое плечо, съ поврежденіемъ кости, онъ долженъ былъ уволиться въ 1838 г. отъ службы, будучи при отставкѣ награжденъ чиномъ генералъ-маіора и пенсіею въ двѣ трети полнаго оклада.

Служба Николая Ивановича Горскаго была болѣе продолжительна и разнообразна. Выпущенный въ 1812 г. изъ Императорскаго военно-сиротскаго дома прапорщикомъ въ артиллерію, онъ

участвовалъ въ кампаніи 1813 и 1814 гг., получивъ за сраженіе подъ Краснымъ орденъ св. Анны 4 ст.; въ 1815 г. онъ оставленъ былъ для съемокъ въ распоряженіи Шуберта при отдѣльномъ корпусѣ графа Воронцова во Франціи. Переведенный, по возвращеніи этого корпуса въ Россію, въ генеральный штабъ, Горскій за участіе въ съемкахъ и по сравненію съ сверстниками произведенъ въ 1818 году въ чины подпоручика и поручика, и, назначенный въ 1820 г. дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 25-й пѣхотной дивизіи, оставался въ этой должности до 1831 г., когда за отличіе въ сраженіи подъ Гроховомъ былъ произведенъ въ полковники, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса. Будучи по Польской кампаніи лично извѣстенъ тогдашнему командиру кавказскаго корпуса барону Розену, Горскій, по ходатайству послѣдняго, переведенъ въ 1833 году оберъ-квартирмейстеромъ на Кавказскую линію, гдѣ, независимо отъ участія во всѣхъ экспедиціяхъ съ 1834 по 1838 г., оставилъ по себѣ память и своими съемочными работами. До него въ Кавказской области производились лишь отдѣльныя съемки небольшихъ пространствъ для удовлетворенія текущихъ потребностей; Горскій открылъ болѣе систематически непрерывный рядъ съемокъ, которыя послужили цѣннымъ матеріаломъ для будущей картографіи Кавказа; въ особенности вниманіе его было обращено на верховья Малки и Кубани; при немъ же генеральнаго штаба шт.-капитаномъ Калмбергомъ произведена была первая инструментальная съемка Пятигорскаго округа.

Въ закубанскихъ экспедиціяхъ Вельяминова Горскій неоднократно командовалъ отдѣльными отрядами и извѣстенъ былъ въ войскахъ своимъ хладнокровіемъ и беззавѣтною храбростью. Въ экспедицію 1835 г. онъ былъ раненъ въ кисть правой руки, а за службу на Кавказѣ удостоенъ: арендою на 12 лѣтъ, годовымъ жалованьемъ, орденами св. Станислава 2-й ст. и св. Анны 2-й ст. съ короною.

Послѣ удаленія барона Розена съ Кавказа и Горскій перешелъ въ 1838 г. оберъ-квартирмейстеромъ въ отдѣльный сибирскій корпусъ, гдѣ онъ удачными и молодецкими поисками противъ мятежнаго султана Кенисары Касимова заслужилъ чинъ генералъ-маіора въ 1840 г. Вся служба Н. И. Горскаго пред-

ставляетъ очень интересный образчикъ служебной карьеры офицера генеральнаго штаба второй четверти нынѣшняго столѣтія. По производствѣ въ генералы, Горскій командовалъ нѣкоторое время 1-ю бригадою 23-й пѣхотной дивизіи, а въ 1845 г. снова вернулся на службу на Кавказъ, гдѣ по 1850 г. исправлялъ должность начальника Джаро-Бѣлоканскаго округа и всей Лезгинской линіи и командовалъ 3-й бригадою грузинскихъ линейныхъ баталіоновъ. Во все это время, съ 1841 г., онъ состоялъ по арміи, а за свою службу на Кавказѣ получилъ въ 1846 г. орденъ св. Станислава 1-й ст. Послѣ столь блистательно пройденнаго служебнаго поприща, пробывъ въ генеральскомъ чинѣ 10 лѣтъ, имѣя орденскую звѣзду и ленту, Горскій въ 1850 г., на основаніи существовавшихъ въ то время для служившихъ въ генеральномъ штабѣ положеній, прикомандировывается на годъ для изученія строевой службы къ образцовому пѣхотному полку и послѣ этого новаго испытанія получаетъ мѣсто предсѣдателя межевой коммисіи Войска Донскаго, съ переводомъ снова въ генеральный штабъ на 59-мъ году отъ роду. Въ этой должности, получивъ за отличіе по службѣ, въ 1855 г., чинъ генералъ-лейтенанта, онъ и скончался въ 1862 г.

Подъ ближайшимъ руководствомъ Зандена и Горскаго, или, вѣрнѣе говоря, въ военной школѣ Вельяминова воспитался цѣлый рядъ отличныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые, къ сожалѣнію, по большей части слишкомъ рано кончили свое служебное поприще. Такъ, черезъ эту школу прошли георгіевскіе кавалеры: Ковалевскій и Богаевскій, заслужившіе золотое оружіе за храбрость, Левиссонъ, Иванъ Ивановичъ Норденстамъ и очень много другихъ офицеровъ, фамиліи которыхъ придется еще встрѣчать неоднократно при изложеніи участія генеральнаго штаба въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ. Остановимся пока на четырехъ вышеназванныхъ.

Михаилъ Константиновичъ Ковалевскій, произведенный въ 1824 году изъ колонновожатыхъ въ прапорщики свиты по квартирмейской части, оставилъ, по домашнимъ обстоятельствамъ, службу въ началѣ 1828 года; но прежде, чѣмъ вышла ему отставка, онъ явился волонтеромъ въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ персіянъ, а затѣмъ, будучи въ 1829 году снова зачисленъ въ

генеральный штабъ, принималъ столь блистательное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ Азіятской Турціи, что въ теченіе одного года получилъ чины поручика и штабсъ-капитана, золотое оружіе и ордена св. Анны 3-й ст. и Владиміра 4-й ст. съ бантами. Назначенный дивизіоннымъ квартирмейстеромъ сперва 21-й, а потомъ 19-й пѣхотной дивизіи, Ковалевскій ежегодно участвовалъ съ ихъ частями въ разныхъ экспедиціяхъ, получая за отличія щедрыя Высочайшія награды: въ 1832 году — ордена св. Станислава 3-й ст. и св. Анны 2-й ст. за походъ Вельяминова противъ Гимровъ; въ 1834 году—за экспедицію полковника Клюки-фонъ-Клугенау къ Гоцатлю чинъ подполковника и орденъ св. Георгія 4-й ст.; въ 1836 году — за экспедицію генерала Фези въ Чечню орденъ св. Анны 2-й ст. съ короною. Произведенный въ 1835 году въ полковники, Ковалевскій былъ командированъ въ 1837 году на Черноморскую береговую линію для показанія лучшаго устройства домовъ изъ сырцоваго кирпича и въ томъ же году завѣдывалъ постройкою Новотроицкаго укрѣпленія. Назначенный въ 1839 году оберъ-квартирмейстеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса, Ковалевскій, не смотря на свою блестящую боевую службу, для полученія полка долженъ былъ пройти черезъ образцовыя войска и только въ 1842 году назначенъ командиромъ Невскаго пѣхотнаго полка.

Николай Григорьевичъ Богаевскій, произведенный въ офицеры въ 1823 году изъ Артиллерійскаго училища, кончилъ въ 1836 году курсъ наукъ въ Императорской Военной Академіи и, переведенный въ слѣдующемъ году въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ, назначенъ на службу на Кавказѣ. Здѣсь пребываніе его было кратковременно, но блистательно; въ три года онъ получилъ три видныя награды: въ 1838 году—орденъ св. Георгія 4-й ст. за отличіе, оказанное противъ черкесовъ при спасеніи экипажа и судовъ, потерпѣвшихъ крушеніе 31-го Мая того же года на Черномъ морѣ въ устьѣ р. Сочи; въ 1839 году—золотое оружіе и въ 1840 году—чинъ капитана, за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кубани. Переведенный съ Кавказа въ 1841 году, офицеръ этотъ умеръ въ томъ же году въ должности старшаго адъютанта отдѣльнаго гренадерскаго корпуса.

Робертъ Петровичъ Левиссонъ, выпущенный въ 1824 году изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса въ свиту по квартирмейстерской части, провелъ первые годы своей службы на съемкахъ, а затѣмъ два раза служилъ на Кавказѣ: первый разъ, съ 1829 по 1835 годъ, въ должности дивизіоннаго квартирмейстера 22-й пѣхотной дивизіи, а вторично—дивизіоннаго квартирмейстера 13-й дивизіи, въ 1844 и 1845 годахъ; въ первое свое пребываніе на Кавказѣ онъ участвовалъ съ генералами Эммануэлемъ и Вельяминовымъ въ закубанскихъ экспедиціяхъ и съ генералъ-адъютантомъ барономъ Розеномъ въ походѣ въ Чечню, въ 1832 году; за отличіе въ послѣдней экспедиціи ему пожаловано золотое оружіе, а на Кубани онъ получилъ ордена св. Станислава и Владиміра 4-й ст. и св. Анны 3-й ст. съ бантомъ. Въ 1844 году Левиссону удалось получить только орденъ св. Станислава 2-й ст., а затѣмъ онъ былъ убитъ при штурмѣ заваловъ передъ Дарго въ слѣдующемъ году.

Болѣе продолжительна была служба другаго питомца Финляндскаго кадетскаго корпуса, И. И. Норденстама. Произведенный въ офицеры лишь годомъ ранѣе Левиссона, Норденстамъ служилъ до 1846 года въ генеральномъ штабѣ почти непрерывно на Кавказѣ. Только первые годы службы имъ проведены на съемкахъ и въ Европейской Турціи, гдѣ, въ 1828 году, за отличіе подъ Шумлою, онъ произведенъ въ поручики. Исполняя послѣдовательно разныя должности по генеральному штабу при войскахъ кавказскаго корпуса, Норденстамъ получилъ почти всѣ чины и соотвѣтствующіе имъ ордена за боевыя отличія противъ горцевъ и въ томъ числѣ, въ чинѣ капитана, золотое оружіе за взятіе Гимровъ въ 1832 году. Наиболѣе видною была его дѣятельность въ званіи оберъ-квартирмейстера Кавказской линіи (съ 1838 по 1843 годъ) и затѣмъ, съ производствомъ въ генералъ-маіоры, начальника штаба той же линіи (съ 1843 по 1845 годъ), такъ какъ въ это время всѣ наиболѣе важныя военныя дѣйствія происходили на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи и въ сѣверномъ Дагестанѣ. Назначенный въ 1845 году помощникомъ начальника штаба войскъ на Кавказѣ, И. И. Норденстамъ недолго оставался въ этой должности: въ 1846 году онъ оставилъ генеральный штабъ и боевую службу, получивъ

мѣсто Кавказскаго гражданскаго губернатора съ зачисленіемъ по арміи ([14]).

Чтобы покончить со службою генеральнаго штаба въ этомъ періодѣ, слѣдуетъ помянуть еще капитана князя Долгорукаго и штабсъ-капитана Маныкина-Неустроева, которые, въ 1837 году, участвуя въ закубанскихъ экспедиціяхъ, кровью запечатлѣли свою отличную службу. Князь Григорій Алексѣевичъ Долгорукій переведенъ въ 1831 году изъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикомъ въ гвардейскій генеральный штабъ, въ которомъ, однако, оставался недолго; перечисленный въ 1834 году штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ, онъ, временно, въ 1836 году оставилъ службу, но въ слѣдующемъ же году снова поступилъ капитаномъ въ генеральный штабъ на Кавказъ. Раненый въ томъ же году, при производствѣ десанта въ устьѣ р. Шапсуго, подъ командою капитана 2-го ранга Серебрякова, онъ въ 1839 году окончательно оставилъ службу, будучи уволенъ за ранами подполковникомъ.

Григорій Герасимовичъ Маныкинъ-Неустроевъ произведенъ въ 1825 году въ свиту по квартирмейстерской части изъ 2-го кадетскаго корпуса, провелъ всего два года на Кавказской линіи, но пріобрѣлъ извѣстность отличнаго и храбраго офицера, что доставило ему за это время орденъ св. Владиміра 4-й ст. и чинъ капитана; тяжело раненый, при истребленіи шахгиреевскихъ ауловъ генераломъ Зассомъ въ Ноябрѣ 1837 года, ружейною пулею въ лѣвый бокъ и грудную полость, Маныкинъ-Неустроевъ уволенъ въ 1840 году въ отставку подполковникомъ съ полною пенсіею.

Къ концу тридцатыхъ годовъ восточный Кавказъ сталъ обращать на себя вниманіе вслѣдствіе видимо усилившагося тамъ могущества Шамиля, и правительство признало необходимымъ принять дѣятельныя мѣры противъ новаго имама.

Въ 1837 году занята была нашими войсками Аварія; къ концу года назначенъ новый командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса генералъ-лейтенантъ Головинъ, долженствовавшій начать рѣшительныя дѣйствія въ Дагестанѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ бывшій начальникъ штаба кавказскаго корпуса, генералъ Вальховскій, былъ замѣненъ генеральнаго штаба полковникомъ Павломъ Евстафье-

вичемъ Коцебу, а оберъ-квартирмейстеръ генералъ-маіоръ баронъ Ховенъ—генеральнаго штаба полковникомъ Мендомъ, бывшимъ до того оберъ-квартирмейстеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса ([15]). Въ то же время изъ дѣйствующей арміи были вызваны генералъ-лейтенантомъ Головинымъ, лично ему извѣстные по Польской кампаніи, генеральнаго штаба подполковники Фрейтагъ и Форстенъ и капитанъ Денъ. Первому изъ нихъ пришлось вскорѣ играть одну изъ весьма видныхъ ролей въ кавказской войнѣ.

Волненія въ разныхъ частяхъ южнаго Дагестана отвлекли въ 1838 году наши войска отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ Шамиля, вызвавъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ экспедицій противъ возставшихъ общинъ. Въ одну изъ таковыхъ экспедицій, именно генерала Фези въ верховья Самура, пришлось дорого поплатиться только-что прибывшему на Кавказъ отличному офицеру генеральнаго штаба, капитану Дену. Выпущенный въ 1825 году изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса прапорщикомъ въ свиту по квартирмейской части, Карлъ Ивановичъ Денъ блистательно участвовалъ въ Польской кампаніи, гдѣ на поляхъ сраженій заслужилъ ордена съ бантами: св. Анны 3-й ст., св. Станислава и св. Владиміра 4-й ст. Состоя въ 1838 году въ отрядѣ генерала Фези, Денъ, при штурмѣ урочища Аджіахура (4-го Іюня), велъ двѣ роты пѣхотнаго князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго полка, причемъ былъ раненъ въ правый бокъ и пахъ, съ поврежденіемъ трехъ реберъ и подвздошной кости. Орденъ св. Георгія 4-й ст. былъ ему наградою, а быстро залеченная рана дала ему возможность въ слѣдующемъ же году принять участіе въ дѣйствіяхъ дагестанскаго отряда, за которыя онъ получилъ орденъ св. Анны 2-й ст. Однако, въ послѣдствіи времени рана не замедлила обнаружиться, и Денъ, произведенный въ 1841 году въ подполковники, вынужденъ былъ въ 1842 году оставить службу полковникомъ.

Насталъ 1839 годъ, занимающій одну изъ наиболѣе славныхъ страницъ исторіи кавказской войны и не менѣе блистательную страницу въ исторіи русской арміи. Въ этомъ году кавказскія войска, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Граббе, пробивались черезъ Салатавію къ Ахульго, дѣйствовали въ мѣстностяхъ, куда до того еще не проникало русское оружіе, встрѣ-

тили препятствія и сопротивленіе непріятеля, какихъ имъ еще никогда не приходилось преодолѣвать. Поэтому неудивительно, что одержанные успѣхи обошлись дорогою цѣною: настойчивость начальника экспедиціи и его испытанное мужество вполнѣ передались его войскамъ, и каждый проникся убѣжденіемъ, что цѣль экспедиціи—разрушеніе Ахульго—должна быть достигнута, какъ бы велики ни были пожертвованія для того; поэтому-то неудивительно, что всѣми чинами экспедиціи выказаны были необычайныя энергія и мужество, которыя и были щедро награждены монаршею милостью. Изъ чиновъ генеральнаго штаба при отрядѣ генерала Граббе находилось четыре молодыхъ офицера, для которыхъ экспедиція была первымъ боевымъ шагомъ на поприщѣ ихъ спеціальной службы; это были кончившіе курсъ въ Императорской Военной Академіи въ 1837 году и переведенные 25-го Декабря 1838 года въ генеральный штабъ: капитанъ Вольфъ, штабсъ-капитаны: Шульцъ и баронъ Вревскій и гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ Милютинъ, кончившій Академію въ 1836 году и только-что прибывшій на Кавказъ въ началѣ 1839 года. Такъ какъ боевая сила отряда во время экспедиціи не превышала никогда 8,400 человѣкъ, а съ нестроевыми и милиціями достигала до 13,000 человѣкъ ([16]), то нельзя не признать, что предпріятіе это было весьма обильно снабжено офицерами генеральнаго штаба. Недостатокъ опытности въ горной войнѣ, въ которомъ можно было бы заподозрить молодыхъ офицеровъ, только-что прибывшихъ на Кавказъ, вполнѣ выкупался ихъ способностями, пылкою отвагою и усердіемъ. Всѣ они удостоились получить за одну экспедицію по нѣскольку наградъ; трое изъ нихъ были ранены и, какъ оказалось впослѣдствіи, отличіе ихъ въ 1839 году было только началомъ блестящаго ихъ служебнаго поприща; поэтому-то считаемъ необходимымъ остановиться на этихъ четырехъ личностяхъ, которыми по справедливости можетъ гордиться генеральный штабъ.

Николай Ивановичъ Вольфъ началъ службу въ 1829 году въ лейбъ-гвардіи Измайловскомъ полку, куда былъ выпущенъ изъ Пажескаго Его Величества корпуса; съ полкомъ онъ сдѣлалъ Польскую кампанію и удостоился получить знакъ отличія за военныя достоинства 4-й степени. Поступивъ въ Император-

скую Военную Академію, онъ обратилъ на себя вниманіе блестящими способностями, кончилъ курсъ первымъ и при выпускѣ въ 1837 году удостоенъ награды слѣдующимъ чиномъ и малой серебряной медали, съ занесеніемъ имени его на мраморную доску въ Академіи. Назначенный въ концѣ 1838 года на службу на Кавказъ, съ переводомъ въ генеральный штабъ, капитанъ Вольфъ исполнялъ при отрядѣ генерала Граббе, во все время экспедиціи подъ Ахульго, должность отряднаго оберъ-квартирмейстера и находился во всѣхъ дѣлахъ противъ горцевъ, которыми ознаменована экспедиція. Чинъ подполковника, ордена св. Владиміра 4-й ст. и св. Станислава 3-й ст. были наградою за четыре мѣсяца этого труднаго и опаснаго похода.

Борисъ Касьяновичъ (по позднѣйшимъ послужнымъ спискамъ—Морицъ Христіановичъ) Шульцъ началъ службу въ 1826 году фейерверкеромъ въ артиллеріи. Произведенный въ 1830 году въ прапорщики, онъ дѣлалъ Польскую кампанію съ 3 ю артиллерійскою бригадою, участвовалъ во многихъ дѣлахъ, гдѣ выказалъ уже свою хладнокровную отвагу и получилъ за боевое отличіе чинъ подпоручика, ордена св. Анны 4-й ст. — на саблю, съ надписью «за храбрость», и 3-й ст. съ бантомъ. Поступивъ въ 1835 году въ Императорскую Военную Академію, М. X. Шульцъ кончилъ курсъ въ 1837 году по 2-му разряду и, будучи причисленъ въ чинѣ штабсъ-капитана къ генеральному штабу, командированъ въ томъ же году на Кавказскую линію, что дало ему возможность участвовать въ слѣдующемъ году въ небольшомъ поискѣ, предпринятомъ изъ крѣпости Внезапной въ Салатавію. Въ 1839 году онъ пріобрѣлъ громкую, не только у насъ, но и за границей, извѣстность своею отчаянною храбростью и тяжелыми ранами. Выступивъ изъ Внезапной въ составѣ отряда генерала Граббе въ землю ичкеринцевъ, штабсъ-капитанъ Шульцъ участвовалъ въ дѣлахъ у Ахметъ-тала и Саясани, а при обратномъ движеніи къ Внезапной былъ въ дѣлѣ съ горцами у дер. Балапсу 14-го Мая, гдѣ велъ въ обходъ непріятеля горскую милицію и раненъ въ правое бедро ружейною пулею на вылетъ. Оправившись нѣсколько отъ этой раны въ укр. Ташъ-кичу, онъ прибылъ въ отрядъ подъ Ахульго 10-го Іюня, а 19-го Іюня ходилъ въ головѣ охотниковъ для рекогносцировки рва, отдѣляв-

шаго нашу позицію отъ стараго Ахульго; порученіе это онъ исполнилъ съ полнымъ успѣхомъ, но былъ раненъ пулею въ правую щеку, съ раздробленіемъ верхней и нижней челюсти, вышибомъ семи зубовъ и пробытіемъ поднебнаго свода. Казалось бы, что послѣ такой раны не придется уже встрѣчать Шульца въ передовыхъ войскахъ; однако, вышло противное: получивъ нѣкоторое облегченіе, штабсъ-капитанъ Шульцъ самъ вызвался при четвертомъ и послѣднемъ штурмѣ Ахульго (21-го Августа) вести колонну Апшеронскаго пѣхотнаго полка и при этомъ снова былъ раненъ пулею въ грудь на вылетъ съ пробитіемъ легкихъ и поврежденіемъ восьмаго ребра. Необыкновенно крѣпкая натура дала возможность не только пережить эту рану, но и поправиться отъ нея очень быстро. Произведенный въ концѣ 1839 года по линіи въ капитаны, Шульцъ былъ представленъ за участіе въ экспедиціи къ чину подполковника, къ ордену св. Георгія 4-й ст. и св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Государь Императоръ, вполнѣ утвердивъ эти награды, собственноручно изволилъ прибавить еще на представленіи: «подполковникъ Шульцъ въ полковники». Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ М. Х. Шульцъ изъ штабсъ-капитановъ повысился въ полковники. Даже прусскій король, узнавъ о безпримѣрныхъ ранахъ Шульца, пожаловалъ ему орденъ Краснаго Орла 3-й ст. При увольненіи же его въ годовой отпускъ для излеченія ранъ, ему сохранено все содержаніе по грузинскому окладу и Высочайше пожаловано 1,000 червонцевъ на леченіе, а вслѣдъ затѣмъ повелѣно производить пенсію изъ инвалиднаго капитала по 343 р. 20 к. сер. въ годъ.

Баронъ Иполитъ Александровичъ Вревскій началъ службу въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку, кончивъ курсъ въ 1833 году въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ. Пробывъ два года въ Императорской Военной Академіи и получивъ при выпускѣ чинъ поручика и малую серебряную медаль, баронъ Вревскій переведенъ въ 1837 году въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ и, будучи назначенъ на Кавказъ, прямо попалъ въ экспедицію Граббе. Въ началѣ же экспедиціи, при штурмѣ Аргуани, онъ былъ раненъ, но не тяжело, и получилъ за боевое отличіе въ этомъ же году чинъ капитана и орденъ св. Владиміра 4-й ст.

Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ ([17]), получивъ уверситетское образованіе, поступилъ въ 1833 году фейерверкеромъ лейбъгваріи 1-й артиллерійской бригады въ батарейную № 2-го роту; произведенный 8-го Ноября того же года въ прапорщики гвардейской артиллеріи, онъ, по прослуженіи въ строю двухъ лѣтъ, поступилъ въ 1835 году прямо въ старшій классъ Императорской Военной Академіи и, произведенный по линіи въ подпоручики, кончилъ съ отличіемъ курсъ, будучи при выпускѣ награжденъ чиномъ поручика и малою серебряною медалью. Назначенный па службу въ отдѣльный гвардейскій корпусъ, Д. А. Милютинъ былъ переведенъ въ 1837 г. въ гвардейскій генеральный штабъ, а въ Февралѣ 1839 года командированъ на годъ для пріобрѣтенія военныхъ познаній и опытности въ отдѣльный кавказскій корпусъ. Будучи назначенъ въ отрядъ генерала Граббе, онъ въ самомъ же началѣ экспедиціи, въ первомъ дѣлѣ (10-го Мая, при урочищѣ Ахметъ-тала) получилъ крещеніе кровью, будучи раненъ ружейною пулею на вылетъ въ правое плечо ниже плечеваго состава; пуля хотя не раздробила кости, но коснулась ея, какъ бы скользнувъ по ней, и этимъ вызвала необходимость впослѣдствіи серьезнаго леченія. Тогда же, по сдѣланіи перевязки, поручикъ Милютинъ оставался при отрядѣ во все время экспедиціи, участвуя во всѣхъ ея трудностяхъ и опасныхъ дѣлахъ. За отличіе въ эту экспедицію Д. А. Милютинъ удостоился получить ордена св. Станислава 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Произведенный по линіи 6-го Декабря 1839 года въ штабсъ-капитаны, онъ, сверхъ того, получилъ въ Февралѣ 1840 года чинъ капитана. Возвратившись же въ Мартѣ мѣсяцѣ того-же года въ Петербургъ, гдѣ онъ вступилъ въ должность дивизіоннаго квартирмейстера 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, капитанъ Милютинъ послѣ лагернаго сбора былъ уволенъ на 10 мѣсяцевъ въ заграничный отпускъ для излеченія болѣзни, причемъ ему было Всемилостивѣйше пожаловано 300 червонцевъ па леченіе и сохранено содержаніе.

Это первое, продолжавшееся всего годъ, пребываніе Д. А. Милютина на Кавказѣ доставило ему возможность составить «Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ», первый его военно-историческій трудъ, напечатанный въ 1850

году, а также и написать особую записку «О системѣ фортификаціи, примѣненной къ Кавказскому краю», которая, будучи представлена въ 1840 году Государю Императору, доставила ея автору Высочайшее благоволеніе.

Сверхъ всѣхъ выше перечисленныхъ наградъ, четыре названные офицера, службу которыхъ мы только-что изложили, получили еще вмѣстѣ съ прочими участниками экспедиціи 1839 года особую серебряную медаль за взятіе Ахульго. Всѣ четверо, какъ увидимъ ниже, имѣли еще случай заявить себя службою на Кавказѣ не только въ штабъ-офицерскихъ, но и въ генеральскихъ чинахъ ([18]).

Одновременно съ экспедиціею противъ Ахульго, въ 1839 году, происходили военныя дѣйствія и въ двухъ другихъ мѣстностяхъ: въ Южномъ Дагестанѣ отрядъ, подъ командою самого корпуснаго командира генералъ-лейтенанта Головина, долженъ былъ окончательно покорить верхнія самурскія общества, а на Черноморскомъ прибрежьѣ десантный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Раевскаго, назначенъ былъ для усиленія Черноморской береговой линіи тремя новыми укрѣпленіями. Въ обоихъ отрядахъ встрѣчаемъ нѣсколько блестящихъ представителей генеральнаго штаба. Въ дагестанскомъ отрядѣ впервые встрѣчается на боевомъ кавказскомъ поприщѣ знаменитый въ кавказскихъ лѣтописяхъ Робертъ Карловичъ Фрейтагъ, въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба. Послѣ Польской войны, въ чинѣ капитана, онъ былъ назначенъ на топографическую съемку царства Польскаго, но тяготился этими занятіями и даже хотѣлъ оставить службу. Однако, производство по линіи въ подполковники и назначеніе старшимъ адъютантомъ главнаго штаба дѣйствующей арміи въ Варшавѣ, къ счастію, поколебало это намѣреніе. «Я не могу оставить службы», писалъ Фрейтагъ, «я влюбленъ въ службу, привязанъ къ ней и воспитаніемъ, и привычками,—чувствую, что рожденъ солдатомъ». Таковъ былъ искренній взглядъ прежнихъ служакъ, питомцевъ бывшихъ кадетскихъ корпусовъ. Съ 1834 по 1838 годъ Фрейтагъ оставался въ Варшавѣ и здѣсь своимъ умомъ, кроткимъ, спокойнымъ и всегда одинаково ровнымъ характеромъ невольно всѣхъ къ себѣ привязалъ; у него въ квартирѣ собиралась дружеская товарищеская артель обѣдать къ нему; и

въ радости, и въ горѣ—каждый спѣшилъ за добрымъ совѣтомъ. Грустно и тяжело было товарищамъ разставаться съ нимъ; когда, по приглашенію генералъ-лейтенанта Головина, онъ былъ назначенъ на Кавказъ, сослуживцы, друзья и знакомые провожали его за городъ до первой станціи; по ихъ желанію, былъ сдѣланъ портретъ Фрейтага съ оригинальною, но весьма мѣткою надписью подъ нимъ: «Нѣмецъ, какихъ русскихъ мало!»

Съ прибытіемъ на Кавказъ, 17-го Іюня 1838 года, Фрейтагъ былъ назначенъ въ корпусный штабъ старшимъ адъютантомъ, но въ то же время командированъ для устройства лезгинской кордонной линіи и вступилъ во временное управленіе ею. За пятимѣсячные труды здѣсь (съ Іюля по Декабрь 1838 года), причемъ имъ особенно было обращено вниманіе на правильную организацію мѣстной милиціи, Фрейтагъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени съ Императорскою короною. Лучшею же похвалою мѣръ, принятыхъ Фрейтагомъ для устройства лезгинской линіи, служитъ то, что кахетинцы, узнавъ о полученномъ имъ приказаніи возвратиться въ Тифлисъ, отправили отъ себя къ генералу Головину депутацію съ просьбою оставить Фрейтага на линіи. Такъ великъ былъ даръ этого человѣка привязывать къ себѣ сердца всѣхъ, кому приходилось съ нимъ встрѣчаться.

Въ 1839 году Фрейтагу довелось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ дагестанскаго отряда. На первомъ переходѣ отъ сборнаго пункта въ селѣ Хозры, 29-го Мая, Робертъ Карловичъ находился въ дѣлѣ при селеніи Цукуль и при взятіи приступомъ аджіахурской позиціи. Фрейтагу было поручено съ двумя баталіонами пѣхоты прорвать непріятельскій центръ. Съ пѣснями и съ плясунами впереди отрядъ его бросился въ штыки. Фрейтага, непривычнаго лазить по горамъ, егеря несли почти на рукахъ. Штурмомъ взяты были завалы, и ничто не могло остановить геройской храбрости солдатъ. Быстро преслѣдуя непріятеля, войска наши овладѣли, 5-го іюня, селеніемъ Ахты и приступили къ устройству укрѣпленія на Самурѣ. Наградою Фрейтагу за этотъ походъ былъ чинъ полковника. Въ декабрѣ того-же года Фрейтагъ сопровождалъ генерала Головина въ поѣздкѣ его въ Петербургъ, а въ Мартѣ мѣсяцѣ 1840 года назначенъ командиромъ славнаго Куринскаго егерскаго полка ([19]).

Хотя съ 1840 года Фрейтагъ, въ теченіе восьми лѣтъ до назначенія его генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи, не принадлежалъ генеральному штабу, но послѣдній, какъ прежде, такъ и въ настоящее время, вполнѣ можетъ гордиться имъ, какъ членомъ своей семьи, почему намъ придется говорить еще объ его славной службѣ на Кавказѣ, а теперь вернемся къ событіямъ 1839 года. Въ дагестанскомъ же отрядѣ въ этомъ году встрѣчаемъ еще нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба, отличія которыхъ хотя и не выходили изъ ряда обыкновенныхъ, но тѣмъ не менѣе обращали на себя вниманіе начальства. Такъ, за походъ въ верховья Самура, удостоились получить Высочайшія награды: дивизіонный квартирмейстеръ 19-й пѣхотной дивизіи подполковникъ Форстенъ, капитаны Эрнъ и Немировичъ-Данченко; оба послѣдніе недолго служили на Кавказѣ—первый былъ возвращенъ въ 1841 году на службу въ Россію, а второй скончался въ 1840 году на Кавказѣ, но оба оставили по себѣ память храбрыхъ и отличныхъ офицеровъ.

На Черноморскомъ прибрежьѣ, въ 1839 году, происходили также успѣшныя дѣйствія, въ которыхъ многимъ офицерамъ генеральнаго штаба довелось принимать участіе. Ближайшимъ помощникомъ генерала Раевскаго здѣсь является подполковникъ Филипсонъ, служба котораго въ теченіе почти 15-ти лѣтъ всецѣло принадлежитъ этой мѣстности. Кончивъ курсъ первымъ съ серебряной медалью въ Императорской Военной Академіи въ 1835 году, Григорій Ивановичъ Филипсонъ въ слѣдующемъ же году переведенъ капитаномъ въ генеральный штабъ, съ назначеніемъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, и съ того времени по 1849 годъ непрерывно находился на Кавказской линіи и преимущественно на правомъ ея флангѣ и на Черноморской береговой линіи (образована въ 1837 по 1839 годъ). Здѣсь, по должности дивизіоннаго квартирмейстера 20-й пѣхотной дивизіи, онъ принималъ постоянное участіе въ работахъ по первоначальному устройству береговой линіи и особенно въ боевыхъ дѣлахъ, сопровождавшихъ заложеніе въ 1838 году форта Вельяминовскаго, при рѣкѣ Туапсе, и въ 1839 году—форта Головинскаго, при рѣкѣ Субаши (Шахе); за отличіе въ этихъ дѣлахъ имъ получены чины подполковника и полковника.

Въ дѣлѣ устройства Черноморской береговой линіи встрѣчается и участіе тогдашняго начальника штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса Павла Евстафьевича Коцебу, вступившаго въ эту должность въ чинѣ полковника, вмѣстѣ съ назначеніемъ на Кавказъ генерала Головина. Произведенный въ 1838 году за боевое отличіе въ генералъ-маіоры, Коцебу во все время нахожденія Головина на Кавказѣ былъ ближайшимъ и дѣятельнымъ его помощникомъ, удостоившись получить, независимо отъ крупныхъ денежныхъ наградъ, ордена Св. Станислава и Св. Анны 1-й степени и зачисленіе въ свиту Его Императорскаго Величества. Въ 1843 году онъ на короткое время оставилъ Кавказъ, замѣнивъ генералъ-адъютанта Берга въ должности генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи (съ 1843 по 1846 годъ), и возвратясь затѣмъ въ 1846 году снова къ должности начальника штаба, когда этотъ штабъ былъ переименованъ въ главный штабъ кавказскаго корпуса при главнокомандующемъ онымъ графѣ Воронцовѣ.

Независимо отъ опасностей, которымъ подвергались служившіе въ Черноморіи отъ отважныхъ и предпріимчивыхъ племенъ, даже самый климатъ Черноморскаго прибрежья вліялъ крайне вредно на вновь прибывающихъ. Это отразилось на генеральномъ штабѣ, и особенно несчастливъ въ этомъ отношеніи былъ 1839 годъ, когда умерли въ Черноморіи три молодые офицера генеральнаго штаба, выпущенные изъ Военной Академіи: въ 1834 году капитанъ Бѣлозоръ, въ 1835 штабсъ-капитанъ Шлегель и въ 1836 г. капитанъ Глинка (Николай Григорьевичъ), — всѣ трое кончили курсъ академіи въ разрядѣ отличныхъ и на Кавказѣ составили себѣ хорошую репутацію, а Н. Г. Глинкѣ за экспедицію 1839 года назначенъ былъ орденъ Св. Владиміра 4-й ст. ([20]), который, однако, не засталъ его уже въ живыхъ.

Время управленія Кавказскимъ краемъ генераломъ Головинымъ обильно вообще отдѣльными экспедиціями, которыя имѣли очень скудные результаты, но были сопряжены съ большими потерями, коснувшимися и генеральнаго штаба; такъ, кромѣ вышеупомянутыхъ офицеровъ, генеральный штабъ лишился за это время еще четырехъ молодыхъ офицеровъ, кончившихъ курсъ въ академіи: капитановъ: Эдельгейма, Рубца, Засѣцкаго и штабсъ-

капитана Доливо-Добровольскаго. Эдельгеймъ, вступивъ въ генеральный штабъ въ 1838 году, умеръ въ 1839 году отъ ранъ, полученныхъ на Кубани; Рубецъ переведенъ въ генеральный штабъ въ 1837 году штабсъ-капитаномъ, былъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 19-й пѣхотной дивизіи и въ 1841 году, участвуя въ разныхъ экспедиціяхъ, получилъ за боевое отличіе чинъ капитана и орденъ св. Станислава 3-й степени съ бантомъ, но въ томъ же году показанъ умершимъ отъ ранъ, полученныхъ въ дѣлахъ съ горцами, причемъ невозможно было найти свѣдѣнія, гдѣ именно и какъ онъ былъ раненъ.

Также мало сохранилось извѣстій и о двухъ другихъ вышепомянутыхъ офицерахъ; оба они переведены въ Генеральный Штабъ въ 1840 году штабсъ-капитанами, съ зачисленіемъ прямо въ кавказскій корпусъ. Изъ нихъ Николай Павловичъ Засѣцкій, получивъ за боевое отличіе въ 1842 году чинъ капитана, въ томъ же году убитъ горцами на Кубани, а Петръ Флоровичъ Доливо-Добровольскій былъ сильно израненъ шашками въ достопамятную ичкеринскую экспедицію 1842 года и умеръ отъ этихъ ранъ въ началѣ слѣдующаго года.

Экспедиціи конца тридцатыхъ и начала сороковыхъ годовъ доставили возможность выдвинуться двумъ личностямъ, которыя по своимъ боевымъ отличіямъ дороги генеральному штабу, именно Фрейтагу и Пассеку, и которымъ въ послѣдующихъ событіяхъ пришлось играть весьма видную роль.

Назначенный 11-го Марта 1840 года командиромъ Куринскаго пѣхотнаго полка, Р. К. Фрейтагъ принялъ полкъ очень скоро, за что получилъ особую благодарность корпуснаго командира. Лѣтомъ того же года ему поручено было, оставаясь въ Грозной, охранять линію отъ набѣговъ горцевъ. Славно исполняли эту обязанность куринцы съ своимъ новымъ командиромъ. Бдительный и дѣятельный, онъ постоянно предупреждалъ предпріятія горцевъ, быстро переносясь съ одного пункта на другой, находясь въ постоянныхъ передвиженіяхъ, счастливо разбивая противника при каждой встрѣчѣ. Поступивъ въ концѣ Іюня въ составъ отряда генералъ-лейтенанта Галафѣева, Фрейтагъ съ частью своего полка участвовалъ въ дѣйствіяхъ на верховьяхъ Сунжи, въ Большой и Малой Чечнѣ, а 11-го Іюля — въ упорномъ и

кровопролитномъ бою при овладѣніи завалами на р. Валерикъ За отличіе, оказанное въ этотъ день, ему Всемилостивѣйше пожалованъ участокъ земли въ 1,500 десятинъ. Но особенно важно, что послѣ этого дѣла Фрейтагъ видимо пришелъ къ сознанію, что его полюбили куринцы; такъ, онъ писалъ своей матери: «Послѣ дѣла 11-го Іюля много храбрыхъ мы не досчитались; меня Богъ хранилъ! Доволенъ я куринцами,—кажется, и куринцы довольны мною».

Въ 1841—1842 годахъ Фрейтагъ почти постоянно находился въ разныхъ экспедиціяхъ, предпринимаемыхъ на лѣвомъ флангѣ противъ Чечни, и всѣ его дѣйствія отличались всегда успѣхомъ, что и выразилось въ полученныхъ имъ за это время наградахъ: 23 го Октября 1841 года ему пожалованъ былъ орденъ св. Владиміра 3-й степени; 3-го Декабря 1842 года, за безпорочную выслугу въ офицерскихъ чинахъ 25-ти лѣтъ, онъ Высочайше награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степ., а 22-го Декабря того же года, за отличіе въ дѣлѣ противъ горцевъ, произведенъ въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи и начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи.

Новое назначеніе Фрейтага не разлучало его съ куринцами, но дало ему болѣе обширный и самостоятельный кругъ дѣятельности, въ которой не замедлили въ полномъ блескѣ выказаться его качества, какъ военачальника. Въ 1843 году онъ занятъ былъ окончаніемъ постройки Куринскаго укрѣпленія, мѣсто для котораго на урочищѣ Ойсунгури было имъ же выбрано и, буквально говоря, отбито у горцевъ въ предшествовавшемъ году; но болѣе важными его подвигами въ этомъ же году было освобожденіе имъ Низоваго укрѣпленія, а затѣмъ участіе въ очищеніи Сѣвернаго Дагестана отъ скопищъ Шамиля.

Діомидъ Васильевичъ Пассекъ, кончивъ курсъ въ московскомъ университетѣ, поступилъ, въ 1830 году, въ институтъ инженеровъ путей сообщенія портупей-прапорщикомъ 1-го класса и черезъ полгода, на 22-мъ году отъ рода, произведенъ въ прапорщики, а затѣмъ, за успѣхи въ наукахъ, въ подпоручики и поручики, съ оставленіемъ при институтѣ въ должности репетитора. Имѣя влеченіе къ военнымъ наукамъ, онъ, въ 1836 году,

поступилъ въ старшій классъ Императорской Военной Академіи. Окончивъ съ отличіемъ курсъ, Пассекъ не получилъ при выпускѣ чина, такъ какъ незадолго до этого былъ произведенъ по линіи въ капитаны, но ему дано старшинство надъ товарищами по классу при переводѣ въ генеральный штабъ, котораго онъ былъ удостоенъ 25-го Декабря 1838 года, т. е. послѣ годичнаго прикомандированія, для узнанія фронтовой службы, къ образцовому кавалерійскому полку. Въ чинѣ капитана генеральнаго штаба Пассекъ былъ назначенъ 25-го Января 1839 года на службу въ 6-й пѣхотный корпусъ, а въ Августѣ того же года участвовалъ въ праздновании бородинской годовщины, причемъ за смотры и маневры удостоился получить, въ числѣ прочихъ, нѣсколько Высочайшихъ благоволеній и особо орденъ св. Станислава 3-й степени.

Пребываніе Пассека при 6-мъ корпусѣ было непродолжительно: 12-го Мая 1840 года онъ назначенъ въ кавказскій корпусъ и по прибытіи туда командированъ въ распоряженіе генералъ-маіора Клюки-фонъ-Клугенау, командовавшаго войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ. Явившись къ отряду, Пассекъ черезъ три дня по прибытіи находился уже въ военныхъ дѣйствіяхъ и обратилъ на себя вниманіе храбростью при пораженіи 14-го Сентября скопищъ Шамиля въ Гимринскомъ ущельѣ, во взятіи штурмомъ заваловъ, укрѣпленныхъ пещеръ и занятіи съ боя селенія Гимры. Чинъ подполковника со старшинствомъ съ 14-го Сентября 1840 года былъ первою наградою, справедливо заслуженною Пассекомъ на Кавказѣ.

Въ Январѣ 1841 года Пассекъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ кавказской резервной гренадерской бригады. Въ это же время въ Аваріи возникло волненіе, въ головѣ котораго явился Хаджи-Муратъ, занявшій съ своими приверженцами аулъ Цельмесъ; противъ него двинулся генералъ Бакунинъ съ баталіономъ пѣхоты при двухъ горныхъ орудіяхъ. Поискъ этотъ былъ дурно соображенъ и кончился неудачею: Бакунинъ смертельно раненъ, а отрядъ его едва успѣлъ спастись, будучи выведенъ изъ боя находившимся при немъ Пассекомъ.

Въ томъ же году и въ слѣдующемъ Пассеку довелось участвовать при взятіи Хубарскихъ высотъ, при возведеніи Евге-

ніевскаго укрѣпленія и при многихъ другихъ поискахъ, причемъ онъ, не занимая самостоятельной должности, но ограничиваясь исполненіемъ обязанностей офицера генеральнаго штаба и участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, обратилъ уже на себя вниманіе начальства храбростью и военными способностями. Служба его за это время была оцѣнена Высочайшимъ благоволеніемъ и орденомъ св. Анны 3-й степ. съ бантомъ. Боевая жизнь не препятствовала ученымъ занятіямъ Пассека, а, напротивъ, доставляла ему богатый матеріалъ для изученія горъ и ихъ обитателей. Обладая счастливою памятью мѣстности, столь важнымъ качествомъ для офицера генеральнаго штаба, Пассекъ помнилъ во всей подробности малѣйшіе оттѣнки однажды пройденнаго имъ пространства и въ этомъ отношеніи едва-ли имѣлъ себѣ равнаго на Кавказѣ. Успѣвъ побывать въ первые годы своей кавказской службы и въ Дагестанѣ, и въ Чечнѣ, на Кавказской и Лезгинской линіяхъ, онъ ознакомился съ главными театрами тогдашнихъ военныхъ предпріятій. Справедливо считая, что «важнѣе всего знать тѣхъ, съ кѣмъ имѣешь дѣло», онъ съ особенною любовью занимался изученіемъ нравовъ, обычаевъ горцевъ, ихъ общественнаго устройства и вообще, какъ онъ называлъ, *«политикою горъ»*, т. е. изслѣдованіемъ средствъ и стремленій Шамиля, характера, качествъ, подвиговъ и взаимныхъ отношеній главнѣйшихъ его сподручниковъ. Какъ результатъ этого изученія, сохранилась записка, представленная Пассекомъ князю Воронцову, о различіи въ образѣ дѣйствій въ Чечнѣ и Дагестанѣ, въ которой съ необыкновенною ясностью и рельефностью дѣлается полная характеристика и мѣткая оцѣнка этихъ двухъ мѣстностей ([21]).

Въ 1843 году, послѣ краткаго нахожденія въ отрядѣ на Лезгинской линіи, Пассекъ былъ командированъ въ Дагестанъ для изысканія средствъ къ снабженію дровами гарнизоновъ укрѣпленій Нагорнаго Дагестана. Командировка эта привела его въ Темиръ-Ханъ-Шуру, откуда онъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ отправился въ Хунзахъ по той именно дорогѣ, которая, съ небольшимъ черезъ полгода, послужила ему путемъ его блистательнаго отступленія изъ Хунзаха.

Блестящіе успѣхи, одержанные кавказскими войсками въ экспедиціяхъ 1839 и послѣдующихъ годовъ, къ сожалѣнію, не

имѣли почти никакихъ послѣдствій; власть Шамиля, поколебленная взятіемъ Ахульго, снова усилилась вслѣдствіе присоединенія къ нему Чечни; въ Южномъ Дагестанѣ явился энергическій и талантливый сподвижникъ имама въ лицѣ Хаджи-Мурата; снова взволновались общества, бывшія до того покорными.

Въ виду этого правительство наше рѣшилось принять непосредственное руководство военными дѣйствіями на Кавказѣ, для чего въ 1842 году туда былъ командированъ, по Высочайшему повелѣнію, военный министръ князь Чернышевъ, долженствовавшій на мѣстѣ изслѣдовать положеніе дѣлъ и изыскать прочныя основы для будущихъ дѣйствій. Результатомъ этой командировки была замѣна въ концѣ того же года генерала Головина въ командованіи кавказскимъ корпусомъ бывшимъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества, генералъ-адъютантомъ Александромъ Ивановичемъ Нейдгартомъ, который долженъ былъ дѣйствовать по новому, выработанному въ Петербургѣ, операціонному плану.

Вмѣстѣ съ А. И. Нейдгартомъ во главѣ штаба кавказскаго корпуса появляются два офицера генеральнаго штаба, пользовавшіеся въ тогдашнемъ военномъ министерствѣ громкою репутаціею, а именно: начальникъ штаба, генералъ-маіоръ Траскинъ, и корпусный оберъ-квартирмейстеръ, полковникъ Герасимовъ.

Произведенный въ 1822 году изъ камеръ-пажей въ прапорщики гвардейскаго генеральнаго штаба, Александръ Семеновичъ Траскинъ имѣлъ счастье находиться при Императорѣ Николаѣ въ день 14-го Декабря 1825 года и съ того времени постоянно предназначался для сопровожденія Государя на маневрахъ и ученьяхъ. Съ любовью занимаясь военными науками, а особенно стратегіею, онъ пользовался въ тогдашнемъ нашемъ военномъ обществѣ репутаціею стратегика; благодаря этому, а быть можетъ и своему родству съ княземъ Чернышевымъ, Траскинъ, въ чинѣ капитана, состоялъ въ 1831 году правителемъ дѣлъ особаго комитета, образованнаго по Высочайшему повелѣнію «для назначенія по всей Имперіи стратегическихъ пунктовъ». На него же было возложено въ 1833 году устройство и завѣдываніе первою нашею телеграфною линіей (оптическою) между Петербургомъ и Кронштадтомъ. Переведенный въ 1832 году подполковникомъ въ

генеральный штабъ, онъ, за занятія по телеграфной, части произведенъ въ 1834 году въ полковники и пожалованъ званіемъ флигель-адъютанта, а въ 1838 году назначенъ начальникомъ штаба Кавказской линіи и войскъ, въ Черноморіи расположенныхъ. Получивъ въ 1842 году чинъ генералъ-маіора, а вскорѣ послѣ того и званіе начальника штаба кавказскаго корпуса, Траскинъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ генерала Нейдгарта до 1845 года, когда Императоръ Николай призвалъ его къ дѣятельности на новомъ поприщѣ въ званіи попечителя Кіевскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ, что тогда было очень рѣдко, въ генеральномъ штабѣ. Впрочемъ, и на этой должности онъ былъ недолго, всего до 1849 года, когда послѣдовало переименованіе его въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ причисленіемъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Егоръ Семеновичъ Герасимовъ вступилъ въ генеральный штабъ въ 1826 году прапорщикомъ изъ Жандармскаго полка, гдѣ началъ службу юнкеромъ. Участвовавъ съ отличіемъ въ Турецкой и Польской войнахъ, а также благодаря двойному переводу сперва въ гвардейскій генеральный штабъ, а затѣмъ обратно въ полевой, Герасимовъ въ 1838 году достигъ уже чина полковника и, пользуясь репутаціею офицера, знающаго хорошо иностранные языки, дважды былъ командированъ за границу для присутствованія: въ 1840 году при сборѣ баварскихъ войскъ у Нюренберга, а въ 1842 году—прусскихъ на Рейнѣ. Въ 1843 году, по желанію Нейдгарта, онъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ кавказскаго корпуса и, произведенный въ 1845 году въ генералъ-маіоры, въ слѣдующемъ же году перемѣщенъ на должность генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи. Болѣзнь не позволила ему, однако, долго оставаться на этомъ мѣстѣ, и онъ долженъ былъ уѣхать для продолжительнаго леченія за границу съ отчисленіемъ отъ должности. Возвратившись въ Россію, онъ снова продолжалъ службу на Кавказѣ, гдѣ съ 1849 года по годъ своей смерти (въ 1852 году) занималъ мѣсто начальника штаба Кавказской линіи.

Общимъ ожиданіямъ на благопріятный поворотъ въ кавказскихъ дѣлахъ съ назначеніемъ новаго корпуснаго командира суждено было, однако, не осуществиться. Генералъ Нейдгартъ при-

нялъ новое званіе лишь вслѣдствіе крайнихъ настояній Государя Императора; онъ совершенно справедливо сознавалъ себя вовсе несоотвѣтствующимъ той обстановкѣ, въ которую его ставили. Никогда не служивъ на Кавказѣ, онъ вовсе не былъ знакомъ ни съ тамошними дѣятелями, ни съ особенностями тамошней войны; нѣкогда энергическій и дѣятельный, онъ былъ уже изнуренъ своей 44-хъ-лѣтней, всегда честной и усердной службой; къ тому же ему предстояло теперь дѣйствовать по планамъ, составленнымъ и разработаннымъ въ Петербургѣ, которымъ онъ не вполнѣ сочувствовалъ, но за неудачу которыхъ долженъ былъ нести отвѣтственность. А неудачу этихъ плановъ легко можно было предвидѣть, такъ какъ самое положеніе дѣлъ въ горахъ восточнаго Кавказа за послѣднее время сильно измѣнилось не въ нашу пользу.

Власть Шамиля къ этому времени успѣла не только развиться, но и окрѣпнуть; присоединеніе къ нему Чечни увеличило его силы; блестящія, но въ сущности безрезультатныя экспедиціи наши, а еще болѣе многія ошибки въ управленіи покорными намъ обществами и племенами ослабили прежній страхъ горцевъ передъ нашей силой и усилили ихъ вѣру въ могущество и непобѣдимость Шамиля. Къ тому же сами горцы пріучились уже къ войнѣ съ нами, а мы именно въ это время, расширивъ предѣлы своего кажущагося, но въ дѣйствительности призрачнаго вліянія, желали все охранять, все защищать, вслѣдствіе чего все болѣе и болѣе раздробляли свои и безъ того незначительныя силы. Раздробленность эта достигла крайнихъ предѣловъ въ 1843 году, и этимъ мастерски воспользовался Шамиль. Въ послѣднихъ числахъ Августа полчища его устремились на преданный намъ Анцукуль, и менѣе чѣмъ въ десять дней четыре слабыя наши укрѣпленія были взяты съ боя горцами, а неискусно веденныя къ нимъ подкрѣпленія уничтожены; если часть резервовъ была спасена отъ истребленія и успѣла благополучно достигнуть Хунзаха, то это благодаря распорядительности подполковниковъ Гротенфельда и Пассека и капитана Кангера, имена которыхъ принадлежатъ генеральному штабу. Первый изъ нихъ началъ службу въ генеральномъ штабѣ, будучи произведенъ прапорщикомъ въ оный изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса въ 1824 году. Обратившись

на службу въ строй, Гротенфельдъ въ 1843 году командовалъ баталіономъ Кабардинскаго полка и, конвоируя транспортъ боевыхъ припасовъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Хунзахъ, благополучно присоединился къ отряду Пассека, высланному изъ Хунзаха на Харачинскія высоты; туда же, единственно благодаря распорядительности и настойчивости генеральнаго штаба капитана Капгера, присоединились отъ Балаканъ еще пять ротъ разныхъ полковъ, избѣгнувшія пораженія. Самъ же подполковникъ Пассекъ наиболѣе содѣйствовалъ сбору остатковъ разныхъ отрядовъ къ Хунзаху, что и доставило генералу Клюки-фонъ-Клугенау возможность удержать Аварію до прибытія подкрѣпленія князя Аргутинскаго, остановившаго дальнѣйшіе успѣхи Шамиля.

Къ концу сентября скопища горцевъ были распущены, и спокойствіе временно возстановилось въ Дагестанѣ; однако, недавній опытъ не принесъ плодовъ: вслѣдствіе настояній генерала Клугенау, генералъ Нейдгартъ согласился на занятіе нашими войсками попрежнему Аваріи, что снова вело къ полному раздробленію силъ, занимавшихъ Дагестанъ; попрежнему, Хунзахъ и всѣ пункты, лежащіе на сообщеніи его съ Темиръ-Ханъ-Шурою, были заняты отдѣльными гарнизонами, которымъ придана лишь нѣсколько большая противъ прежняго сила, что, однако, повліяло на ослабленіе подвижныхъ резервовъ, которые могли бы поспѣвать на помощь угрожаемымъ пунктамъ.

Въ концѣ Октября Шамиль вторично собираетъ свои скопища и, ловко обманувъ нашихъ начальниковъ, обрушился на Гергебиль, которымъ овладѣлъ, не смотря на героизмъ его гарнизона; возстаніе горныхъ общинъ Аварскаго Койсу совершенно отрѣзало Аварію отъ прибрежнаго Дагестана; обложеніе Темиръ-Ханъ-Шуры горцами и осада ими Низоваго укрѣпленія отняли всякую возможность подать помощь хунзахскому гарнизону. Къ счастью, что гарнизонъ этотъ ввѣренъ былъ генеральнаго штаба подполковнику Пассеку, который сперва предполагалъ-было отсиживаться въ Хунзахѣ, ожидая помощи, но потомъ, когда узналъ, что дѣла на плоскости приняли неблагопріятный для насъ оборотъ, что даже Темиръ-Ханъ-Шура обложена горцами, рѣшился выступить изъ Аваріи съ тѣмъ, чтобы, присоединивъ къ себѣ отряды изъ попутныхъ укрѣпленій, облегчить себѣ выходъ

на плоскость. Быстро собравшись, уничтоживъ всѣ излишнія тяжести, Пассекъ съ $3^1/_2$ баталіонами при шести горныхъ орудіяхъ, забравъ съ собою раненыхъ, больныхъ, даже семейства преданныхъ намъ хунзахцевъ, двинулся 16-го Ноября черезъ Балаканы къ Зырянамъ; присоединивъ къ себѣ небольшіе встрѣченные по пути отряды и узнавъ, что дальнѣйшее слѣдованіе на плоскость ему отрѣзано занятіемъ горцами Бурундукъ-кале, Пассекъ рѣшился обороняться до послѣдней крайности въ Зырянахъ, занявъ для того не только находившееся тамъ укрѣпленіе, но даже позицію на командующихъ имъ высотахъ. Сила командуемаго имъ отряда простиралась до 2,400 штыковъ при семи горныхъ, четырехъ полевыхъ, трехъ крѣпостныхъ орудіяхъ и трехъ мортиркахъ, и эту-то горсть нашихъ храбрецовъ окружили со всѣхъ сторонъ огромныя скопища горцевъ, находившихся подъ начальствомъ Хаджи-Мурата, одного изъ наиболѣе способныхъ и предпріимчивыхъ наибовъ Шамиля. Распорядительностью Пассека и мужественною энергіей его отряда были воздвигнуты новыя укрѣпленія, отражены всѣ нападенія горцевъ. Не смотря на то, что цѣлыя двѣ недѣли отрядъ не получалъ ровно никакихъ извѣстій съ плоскости, будучи предоставленъ полной неизвѣстности, съ малымъ запасомъ сухарей, не смотря на уменьшеніе дачи послѣднихъ до одного фунта, безъ соли и мяса, — энергія отряда и рѣшимость его скорѣе погибнуть, чѣмъ унизить себя постыдной сдачей, ни на минуту не ослабѣвала. Съ 7-го декабря къ бѣдствіямъ, испытываемымъ отрядомъ, присоединилось новое—наступили сильные морозы, большая часть солдатъ была безъ полушубковъ, многіе не имѣли рубахъ и сапогъ. «Положеніе отряда,— говоритъ подполковникъ Пассекъ въ своемъ донесеніи, — точно было бѣдственное; но духъ въ войскахъ былъ выше всякихъ похвалъ, и онъ, кажется, поддерживалъ физическія силы солдатъ. Попрежнему, ночью, съ усердіемъ продолжали работу для усиленія окоповъ и самой крѣпости; днемъ два раза ходили за дровами и фуражемъ, на дрова ломали колючку по крутизнамъ горъ и рвали скудную траву, разгребая снѣгъ. Я давалъ общій роздыхъ войскамъ только отъ 11-ти часовъ утра до часа пополудни, когда солнце умѣряло холодъ и сонъ не былъ такъ опасенъ, а чтобы имѣть менѣе больныхъ, я приказалъ всѣхъ слабыхъ помѣ-

щать въ госпиталь, чтобы въ теплѣ, на свѣжемъ хлѣбѣ и на полуфунтѣ мяса отдохнули и оправились; для этого я сберегъ, какую нашелъ, муку и заблаговременно отобралъ скотъ отъ всѣхъ частныхъ лицъ и командъ. Для поддержанія силъ солдатъ, я разрѣшилъ и уговаривалъ ѣсть мясо лошадей; не смотря на отвращеніе, постепенно все большее число побѣждало предразсудокъ, и, наконецъ, при содѣйствіи священника Грузинскаго линейнаго № 14-го баталіона ([22]), всѣ принялись за конину, а послѣ дѣлили кости лошадей.

«Воспоминанія 1812 года превращались въ дѣйствительность, особенно когда въ группѣ солдатъ являлись съ кускомъ брезента или рогожей вмѣсто плаща, или въ калошахъ изъ куска сырой кожи или войлока на ногахъ вмѣсто сапогъ» ([23]).

Только съ 1-го Декабря сталъ получать Пассекъ извѣстія отъ командовавшаго въ Дагестанѣ генерала Клюки-фонъ-Клугенау о томъ, что выручка возможна, хотя и не въ близкомъ будущемъ, а только черезъ 30 дней; однако-жъ, въ дѣйствительности выручка поспѣла скорѣе, и уже 17-го Декабря аварскій отрядъ соединился съ прибывшимъ къ нему на помощь дагестанскимъ отрядомъ, выдержавъ, такимъ образомъ, цѣлый мѣсяцъ самой тяжелой и опасной осады. Своимъ скорымъ освобожденіемъ аварскій отрядъ былъ обязанъ бывшему офицеру генеральнаго штаба генералу Фрейтагу, которому довелось играть въ событіяхъ 1843 года блистательную роль.

Командуя войсками лѣваго фланга Кавказской линіи, Фрейтагъ изъ Грозной зорко слѣдилъ за Чечнею, предупреждая всѣ нападенія оттуда на линію и въ то же время, при всякомъ удобномъ случаѣ, подавая руку помощи войскамъ, дѣйствовавшимъ въ Дагестанѣ. Такъ, въ Ноябрѣ 1843 года, получивъ извѣстіе, что горцы угрожаютъ Низовому укрѣпленію, Фрейтагъ съ четырьмя баталіонами, 1,400 казаками при 16-ти орудіяхъ, съ неимовѣрною быстротою прошелъ пространство, отдѣлявшее Грозную отъ этого укрѣпленія, и въ то самое время, когда почти вдесятеро многочисленнѣйшіе осаждающіе усиливались одолѣть геройское упорство малочисленнаго гарнизона, внезапно обрушился на горцевъ, разбилъ ихъ подъ самыми валами укрѣпленія, разсѣялъ и обратилъ въ бѣгство. Гарнизонъ и всѣ находившіеся въ

Низовомъ мужчины и женщины, спасенные нежданною помощью, встрѣтили своего избавителя единогласнымъ радостнымъ «ура», а когда онъ въѣхалъ въ укрѣпленіе, то всѣ бросились къ нему навстрѣчу, цѣловали его ноги, его лошадь, со слезами благословляя его имя.

Не успѣлъ Фрейтагъ вернуться въ Грозную, какъ получилъ новый призывъ о помощи со стороны начальника всей Кавказской линіи, генералъ-лейтенанта Гурко, запертаго Шамилемъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Усиливъ свой отрядъ, Фрейтагъ съ обычною быстротою перенесся въ Дагестанъ и 14-го Декабря прибылъ къ Шурѣ; Шамиль не ожидалъ столь скораго прибытія его, не успѣлъ стянуть всѣхъ своихъ силъ и былъ разбитъ подъ Большими Казанищами, что и дало возможность дагестанскому отряду двинуться на Бурундукъ-Кале и къ Зырянамъ на освобожденіе Пассека. Замѣтимъ, что въ дѣлѣ подъ Казанищами значительная доля успѣха была обезпечена блестящими атаками линейныхъ и донскихъ казаковъ, произведенными подъ личнымъ начальствомъ генералъ Фрейтага; вторая изъ этихъ атакъ, по показанію лазутчиковъ, навела сильнѣйшій страхъ на горцевъ, которые увѣряли, что казаки въ этотъ день были руководимы шайтаномъ. Это и неудивительно, если вспомнить, что Фрейтагъ вообще обладалъ рѣдкою способностью одушевить солдата, возбудить въ немъ благородное соревнованіе; у него въ отрядѣ тотъ, кто не принималъ дѣятельнаго участія въ бою, со всею искренностью завидовалъ находившимся впереди въ непосредственной схваткѣ съ непріятелемъ. Такъ было при пораженіи горцевъ подъ стѣнами Низоваго укрѣпленія; когда казаки ходили въ атаку, пѣхота бѣжала за ними, чтобы принять участіе въ бою «Все лучше быть поближе къ непріятелю,—говорили куринцы,—неравно казаки пропадутъ безъ насъ» ([24]). Наградою Фрейтагу за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ 1843 года, а равно за отличную храбрость и благоразумную распорядительность, выказанныя имъ при этомъ, былъ орденъ св. Станислава 1-й ст. Нельзя не замѣтить, что вообще Фрейтагъ не былъ особеннымъ баловнемъ счастья относительно получаемыхъ наградъ; за наиболѣе даже блистательные свои подвиги онъ получалъ ихъ постоянно въ порядкѣ постепенности, не дѣлая скачковъ; не смотря на всѣмъ

извѣстную его храбрость, онъ и орденъ св. Георгія 4-й ст. получилъ въ 1842 году, какъ выше сказано, за выслугу 25-ти лѣтъ.

Не въ примѣръ щедро былъ взысканъ Монаршею милостью другой герой 1843 года—Пассекъ: произведенный 1-го Января 1844 года по первому донесенію объ его подвигѣ въ полковники, съ назначеніемъ командиромъ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, Пассекъ удостоился получить 25-го Февраля того же года, за защиту Зырани, орденъ св. Георгія 4-й ст., а на слѣдующій же день произведенъ Государемъ въ генералъ-маіоры, пробывъ въ чинѣ полковника менѣе двухъ мѣсяцевъ.

Съ производствомъ въ генералы, Пассекъ былъ оставленъ командиромъ Апшеронскаго полка и хотя затѣмъ недолго уже командовалъ имъ, но успѣлъ вписать еще одно славное дѣло въ исторію полка. Весною 1844 года Пассеку поручено было прикрывать Шуру со стороны Акуши и Мехтулинскаго ханства съ отрядомъ изъ трехъ баталіоновъ апшеронцевъ, четырехъ сотенъ Донскаго казачьяго № 38-го полка и шести горныхъ орудій. Съ этими силами, не превышавшими, вмѣстѣ съ прибывшими къ нему подкрѣпленіями, 1,500 человѣкъ, Пассекъ не только отразилъ нападеніе громаднаго горнаго скопища въ 27,000 горцевъ, но и совершенно разсѣялъ его, 3-го Іюня, при Кака-шура (Гилли). Успѣхомъ своимъ онъ былъ обязанъ какъ чрезвычайно ловкому и своевременному употребленію всѣхъ силъ отряда, такъ и во-время подоспѣвшему резерву, который былъ приведенъ состоявшимъ при отрядѣ генеральнаго штаба капитаномъ Вранкеномъ.

Агафонъ Карловичъ Вранкенъ началъ службу въ лейбъ-гвардіи Гренадерскомъ полку, куда былъ выпущенъ въ 1834 году изъ Павловскаго кадетскаго корпуса; поступивъ въ младшій классъ Военной Академіи въ 1836 году, когда и Пассекъ поступилъ прямо въ старшій, Вранкенъ еще въ академическихъ залахъ тѣсно сблизился съ Пассекомъ и, будучи переведенъ въ 1840 году въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ, почти одновременно съ своимъ другомъ прибылъ на службу на Кавказъ, но здѣсь судьба разрознила ихъ. Вранкену поручены были статистическія работы въ Тифлисѣ и Кутаисской губерніи, и только зимою съ 1840 по 1841 годъ ему довелось участвовать въ экс-

педиціи начальника 3-го отдѣленія Черноморской береговой линіи, полковника Муравьева, противъ дальцевъ, за что ему пожалованъ чинъ капитана. Дальнѣйшая служба его была при князѣ Аргутинскомъ-Долгорукомъ въ Южномъ Дагестанѣ, за что онъ удостоенъ ордена св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Въ Январѣ 1843 года Вранкенъ былъ командированъ съ особымъ секретнымъ порученіемъ въ Турцію, возвратившись откуда онъ имѣлъ счастіе лично представить Государю составленную имъ записку о Кавказскомъ краѣ и военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ. Наконецъ, только въ 1844 году ему удалось сойтись въ одномъ отрядѣ съ Пассекомъ и блистательно выказать свою распорядительность и храбрость. Когда Пассекъ началъ съ донцами дѣло, то Вранкенъ, командуя 2-мъ баталіономъ Апшеронскаго полка, съ необычайною быстротою сдѣлавъ, не смотря на жару, семь верстъ въ часъ, подоспѣлъ на поддержку; слѣдуя бо̀льшею частью бѣгомъ, онъ съ апшеронцами не отставалъ отъ казаковъ, чтобы во-время поддержать или принять ихъ на себя. Когда же горцы успѣли обхватить апшеронцевъ съ трехъ сторонъ, то Вранкенъ съ примѣрнымъ мужествомъ выдержалъ ихъ напоръ; не смотря на три сильныя контузіи въ грудь и лѣвое плечо, онъ не оставлялъ командованія, пока новая тяжелая рана въ голову не сразила его окончательно; пуля, углубляясь горизонтально въ шейные мышцы и повредивъ слуховые и другіе головные органы, вышибла всѣ коренные зубы, оторвала часть языка и, переломивъ посрединѣ нижнюю челюсть, разорвала нижнюю губу до подбородка; нижняя челюсть осталась свороченною на сторону.

Положеніе отряда въ это время казалось крайне опаснымъ, но Пассекъ, воспользовавшись минутою, когда отъ удачнаго картечнаго выстрѣла дрогнули горцы, съ обнаженною шашкою бросился впередъ, воскликнувъ: «Ребята! татарва бѣжитъ! Кто апшеронецъ, за мной! Ура!» Единодушный, дружный ударъ сломилъ непріятеля и началось его истребленіе; самъ Пассекъ, отличавшійся силою, собственноручно изрубилъ двухъ мюридовъ.

Послѣ этого блистательнаго дѣла, Пассекъ, подъѣхавъ къ лежавшему безъ чувствъ Вранкену и считая его смертельно раненымъ, сказалъ съ паѳосомъ: «Радуйся, другъ мой! мы отмстили

за смерть твою: знамя даргинскаго народа, 20 значковъ и нѣсколько сотъ тѣлъ послужатъ тебѣ надгробнымъ памятникомъ». Но здоровая натура Вранкена взяла верхъ, и онъ пережилъ самого Пассека. Получивъ въ сраженіе при Кака-шура чинъ подполковника и орденъ св. Георгія 4-й ст., онъ прикомандировался къ Образцовому пѣхотному полку и, получивъ чинъ полковника, въ 1847 году назначенъ командиромъ Прагскаго пѣхотнаго полка, которымъ командовалъ три года, до назначенія въ 1850 году начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса ([25]). Пожалованный за какашуринское сраженіе орденомъ св. Владиміра 3-й ст., Пассекъ въ томъ же 1844 году участвовалъ еще въ двухъ экспедиціяхъ, въ Дагестанѣ и въ Салатавіи, а въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, получивъ назначеніе командиромъ 2-й бригады 20-й пѣхотной дивизіи, сдалъ Апшеронскій полкъ полковнику Ковалевскому, также бывшему офицеру генеральнаго штаба, имѣвшему, какъ выше сказано, георгіевскій крестъ за осеннюю экспедицію 1834 года. Михаилъ Константиновичъ Ковалевскій командовалъ, однако, недолго апшеронцами: произведенный за боевое отличіе въ Чечнѣ въ генералъ-маіоры въ 1846 году, онъ въ слѣдующемъ году умеръ, состоя командиромъ 1-й бригады 21-й пѣхотной дивизіи.

Неудачи 1843 года обрушились всей своей тяжестью на генералъ-адъютанта А. И. Нейдгарта, отъ котораго вновь требовали изъ Петербурга рѣшительныхъ наступательныхъ военныхъ дѣйствій въ горы, для быстраго сокрушенія могущества Шамиля. Военное министерство, принявшее на себя въ то время вполнѣ руководство военными дѣйствіями на Кавказѣ, находило необходимыми таковыя дѣйствія, и для подкрѣпленія ихъ Государь Императоръ разрѣшилъ передвиженіе на Кавказъ всего 5-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лидерса. Опытъ 1844 года показалъ, какъ невыполнимы предположенія военнаго министерства: не смотря на содѣйствіе войскъ 5-го корпуса, предпринятыя въ этомъ году экспедиціи въ горы хотя и имѣли нѣкоторые частные успѣхи, но нисколько не поколебали владычества Шамиля. Тѣмъ не менѣе, положено было продолжать исполненіе плановъ военнаго министерства, но для исполненія ихъ былъ призванъ генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ, назначенный въ Декабрѣ 1844 года намѣстникомъ Кавказа и

главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ, съ правами, какихъ до него не имѣлъ ни одинъ изъ начальниковъ этого края ([26]).

Удаленіе отъ должности глубоко потрясло А. И. Нейдгарта; разстроенный физически и нравственно, онъ спѣшилъ въ Петербургъ, чтобы оправдаться отъ возводимыхъ на него обвиненій въ слабости и нерѣшительности, но быстро развивавшаяся болѣзнь не дозволила ему продолжать путешествіе. Онъ умеръ въ 1845 году.

Новому главнокомандующему кавказскаго корпуса графу Воронцову предначертано было Высочайшей волею Государя Императора, дабы онъ въ 1845 году разбилъ, буде возможно, скопища Шамиля, проникъ въ центръ его владычества и тамъ утвердился. На основаніи этихъ Высочайшихъ указаній и соображена была экспедиція въ Дарго, для которой употреблены силы, какихъ еще никогда не двигали мы въ горы. Вообще въ распоряженіе графа Воронцова предоставлены были самыя обширныя средства: съ прибытіемъ на Кавказъ 5-го корпуса, число находившихся тамъ войскъ почти удвоилось; усилены всѣ части военнаго управленія, а въ томъ числѣ весьма замѣтно и наличный составъ офицеровъ генеральнаго штаба. Хотя по штатамъ въ составѣ кавказскаго корпуса полагалось всего только 21 офицеръ этого вѣдомства, но въ дѣйствительности къ 1-му Мая 1845 г. ихъ находилось на Кавказѣ: генераловъ — одинъ, штабъ-офицеровъ — 20, оберъ-офицеровъ — 20, считая въ томъ числѣ пять штабъ-офицеровъ и четыре оберъ-офицера, состоявшихъ при войскахъ 5-го пѣхотнаго корпуса.

Собственно для экспедиціи въ Дарго предназначены были два отряда — чеченскій и дагестанскій, которые, соединившись 3-го Іюня въ Салатавіи, представляли грозную силу въ 21 баталіонъ, семь ротъ, 46 орудій и 13 сотенъ съ транспортомъ, заключавшимъ болѣе 2,500 вьюковъ ([27]). Походный штабъ главнокомандующаго и штабъ 5-го корпуса находились при этомъ отрядѣ, вслѣдствіе чего при немъ имѣлось 20 офицеровъ генеральнаго штаба. Опытные въ кавказской войнѣ генералы: Гурко, Клюки-фонъ-Клугенау, князь Бебутовъ, Лабынцовъ и Пассекъ принимали участіе въ экспедиціи: первый по званію начальника

главнаго штаба войскъ, на Кавказѣ находившихся, а послѣдній какъ командиръ бригады.

Даргинская экспедиція, ошибочно задуманная, имѣла неудачный исходъ, но, тѣмъ не менѣе, оставила по себѣ славныя воспоминанія вслѣдствіе тѣхъ трудностей, какія пришлось встрѣтить и преодолѣть войскамъ, вышедшимъ изъ нея съ честью, благодаря какъ испытанной доблести нашего солдата, такъ и вслѣдствіе опытности и высокихъ достоинствъ его начальниковъ. Въ тяжкія минуты, которыхъ такъ много было въ эту экспедицію, всѣ наперерывъ выказывали мужество и героизмъ, запечатлѣвая кровью свое рвеніе на пользу общему дѣлу; представители генеральнаго штаба также не отставали въ этомъ отношеніи отъ другихъ соучастниковъ экспедиціи: изъ числа 20-ти офицеровъ генеральнаго штаба, участвовавшихъ въ экспедиціи, двое убиты— подполковникъ Левиссонъ и капитанъ Корсаковъ, четверо ранены—капитаны Прушановскій и Леонтьевъ, штабсъ-капитанъ баронъ Дельвигъ и графъ Гейденъ; изъ нихъ первый вскорѣ и умеръ отъ полученной имъ тяжелой раны. Остановимся на этихъ личностяхъ.

О прежней службѣ Роберта Петровича Левиссона на Кавказѣ (съ 1829 по 1835 годъ) мы имѣли уже случай говорить выше; въ 1844 году онъ вновь прибылъ на Кавказъ съ войсками 5-го пѣхотнаго корпуса, при которыхъ онъ, въ чинѣ подполковника, былъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 13-й пѣхотной дивизіи и въ то же время исправляющимъ должность оберъ-квартирмейстера, такъ какъ состоявшій въ этой должности полковникъ Мильковскій временно исправлялъ должность начальника корпуснаго штаба. За участіе съ дивизіею въ военныхъ дѣйствіяхъ 1844 года онъ получилъ орденъ св. Станислава 2-й ст., а въ 1845 году участвовалъ въ даргинской экспедиціи. Наканунѣ занятія нашими войсками Дарго Левиссона мучило темное предчувствіе, но тѣмъ не менѣе онъ игралъ въ карты и притомъ чрезвычайно счастливо, чему придавалъ дурное предзнаменованіе. На другой день, 6-го Іюля, честь идти въ головѣ отряда и брать сооруженные непріятелемъ завалы была предоставлена 1-му баталіону Литовскаго пѣхотнаго полка, который долженъ былъ пріобрѣсть себѣ знамя, потерянное въ Польскую кампанію, и за-

гладить неудачу, бывшую съ одною изъ его ротъ уже въ горахъ. Литовцы принадлежали къ 13-й дивизіи, и Левиссонъ, какъ дивизіонный квартирмейстеръ этой дивизіи, считалъ своимъ долгомъ стать во главѣ ихъ въ столь важную минуту. Овладѣвъ первымъ заваломъ безъ выстрѣла, литовцы бросились на второй, причемъ и былъ смертельно раненъ Левиссонъ, тутъ же скончавшійся.

Дмитрій Николаевичъ Корсаковъ началъ службу въ саперахъ и, кончивъ курсъ Военной Академіи, въ 1840 году переведенъ штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ. Назначенный въ 1842 году на службу на Кавказъ, онъ почти постоянно находился на Кавказской линіи, и что служба его проходила не безслѣдно, свидѣтельствуетъ полученный имъ за военныя дѣйствія въ Чечнѣ, лѣтомъ 1844 года, орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Состоя дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 15-й пѣхотной дивизіи, онъ благополучно достигъ съ отрядомъ до Дарго, но здѣсь получилъ назначеніе находиться при войскахъ, отправленныхъ за продовольствіемъ навстрѣчу слѣдовавшаго изъ Андіи транспорта. Въ этомъ дорого стоившемъ намъ движеніи, которое солдаты окрестили названіемъ «сухарной экспедиціи», и былъ убитъ Корсаковъ. Въ этой же сухарной экспедиціи погибъ и юный герой, подававшій столь блистательныя надежды,—Пассекъ, успѣвшій и въ эту кампанію выказать свою отвагу и мужество.

Съ самаго начала даргинской экспедиціи Пассеку былъ порученъ авангардъ дѣйствующаго отряда; съ этимъ авангардомъ онъ одержалъ первый значительный успѣхъ въ началѣ экспедиціи, занявъ смѣлымъ и рѣшительнымъ наступленіемъ гору Анчимееръ. Когда войска выстраивались для атаки, имѣя Куринскій полкъ впереди, Пассекъ, окруженный блестящей свитой, подскакалъ къ куринцамъ; сзади развѣвался значекъ его — бѣлый съ серебрянымъ крестомъ. «За счастіе сочту быть куринцемъ; примите меня въ свой полкъ», обратился онъ къ нимъ. Въ отвѣтъ раздалось громкое «ура» и полетѣли на воздухъ шапки. Привѣтствіе это, вмѣстѣ съ молодецкимъ, энергическимъ видомъ Пассека, удвоило воодушевленіе солдатъ, быстро двинувшихся въ штыки. Вотъ какъ самъ графъ Воронцовъ, въ своемъ донесеніи отъ 8-го Іюня, характеризуетъ это удачное предпріятіе: «Взятіе штурмомъ горы Анчимееръ есть одно изъ самыхъ блестящихъ

дѣлъ, которое я когда-либо видѣлъ. Не знаю, рѣшился-ли бы я штурмовать гору, если бы не помогли этому два обстоятельства: первое было то, что я уже видѣлъ два подобные штурма и противъ такого же почти непріятеля во время персидской кампаніи 1804 года; второе—это восторгъ, съ которымъ храбрый Пассекъ принялъ предпріятіе; радость блистала въ его глазахъ, когда я говорилъ ему объ этомъ. Съ такими людьми и съ такими войсками, какія есть у насъ здѣсь, нѣтъ ничего невозможнаго». Приводя настоящее подлинное заявленіе графа Воронцова, нельзя, однако, не замѣтить, что сдѣланное въ немъ сравненіе горцевъ съ персіянами умаляетъ самое значеніе подвига, такъ какъ персы новѣйшихъ временъ вовсе не отличались воинской доблестью и стойкостью.

Занявъ Анчимееръ, Пассекъ, желая воспользоваться одержаннымъ успѣхомъ, двинулся впередъ на 15 верстъ, на высоты Зуну-Мееръ. Многіе обвиняютъ его за это движеніе, которое удалило его отъ главныхъ силъ и средствъ продовольствія, что въ особенности сдѣлалось пагубнымъ для его отряда, такъ какъ наступившая дурная погода, снѣгъ и холодъ на этой высотѣ произвели опустошеніе между его чинами. Вообще необузданную отвагу Пассека многіе ставили ему въ вину до того, что даже благословляли судьбу, похитившую его такъ рано съ военнаго поприща, указывая на его отчаянную заносчивость въ дѣлѣ, которая могла когда нибудь погубить вмѣстѣ съ нимъ и ввѣренныя ему войска. Однако, подобное мнѣніе врядъ-ли можетъ быть оправдываемо, особенно въ отношеніи къ войнѣ, подобной кавказской, гдѣ нерѣдко представляются дѣйствія, не подчиняющіяся строгому разсчету разсудка, но требующія безумной, ни передъ чѣмъ неостанавливающейся отваги.

Во второй день такъ называемой сухарной экспедиціи (11-го Іюля) Пассекъ, по обыкновенію, былъ въ авангардѣ, которому приходилось пробиваться черезъ лѣсъ, гдѣ горцы успѣли устроить завалы и забросать дорогу срубленными деревьями, вѣтви которыхъ были переплетены между собою. Нѣсколько заваловъ было уже взято нами, а саперы работали надъ расчисткою дороги, какъ вдругъ въ колонну врѣзались горцы, и изрубивъ саперъ, опять заняли отнятые у нихъ завалы. Смятеніе въ колоннѣ было страш-

ное; тщетно Пассекъ старался устроить навагинскія роты, онѣ разбрелись кучками и отдѣльно бились съ горцами; оставалось одно: увлечь ихъ впередъ собственнымъ примѣромъ. Пассекъ обнажилъ шашку и съ крикомъ «ура, за мной!» бросился на завалы. Завалы были взяты, но Пассекъ палъ, сраженный нѣсколькими пулями; самое тѣло его не было вынесено изъ боя и осталось въ рукахъ горцевъ. Такъ кончилась блестящая, но кратковременная карьера 37-ми-лѣтняго героя, который, подобно метеору, явился на Кавказъ, ослѣпилъ даже тамошнихъ героевъ своею необыкновенною храбростью и исчезъ, не оставивъ по себѣ даже могилы!

Перейдемъ къ офицерамъ генеральнаго штаба, раненымъ въ даргинскую экспедицію.

Казиміръ Игнатьевичъ Прушановскій, начавъ службу въ въ артиллеріи, по окончаніи курса Военной Академіи, переведенъ въ 1840 году въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ, прямо къ войскамъ кавказскаго корпуса. Произведенный въ 1844 году въ капитаны, онъ состоялъ при главномъ штабѣ во время даргинской экспедиціи, получилъ за первую половину ея орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и, будучи назначенъ въ авангардъ главнаго отряда при слѣдованіи его отъ Дарго къ Герзель-аулу, былъ тяжело раненъ при атакѣ заваловъ 18-го Іюля. Перевезенный въ крѣпость Внезапную, онъ тамъ и умеръ отъ раны. Ни въ послужномъ спискѣ, ни въ дѣлахъ не сохранилось никакихъ указаній на то, какъ именно онъ былъ раненъ.

Точно также не имѣется никакихъ свѣдѣній о ранѣ, полученной капитаномъ Леонтьевымъ, а между тѣмъ рана эта имѣла самое пагубное вліяніе на его здоровье. Начавъ службу въ Невскомъ морскомъ полку, Яковъ Леонтьевичъ Леонтьевъ, по окончаніи академическаго курса, былъ переведенъ въ 1843 году поручикомъ въ генеральный штабъ съ назначеніемъ на службу на Кавказъ. Въ два года своей службы здѣсь онъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и капитаны, удостоился получить ордена св. Станислава и св. Анны 3-й ст. съ бантами, но полученная имъ при занятіи аула Дарго рана остановила его дальнѣйшую карьеру. Занимая должность дивизіоннаго квартирмейстера 20-й пѣхотной дивизіи, онъ почти постоянно значится по отчетамъ больнымъ

припадками умопомѣшательства, которые, усилившись съ 1847 года, сдѣлали положеніе его безнадежнымъ, почему въ 1849 году онъ и уволенъ въ отставку по болѣзни съ чиномъ подполковника и съ пенсіономъ двухъ третей оклада. Въ нашей военной литературѣ Я. Л. Леонтьевъ оставилъ по себѣ память какъ переводчикъ сочиненія Каузлера: «Мысли и мнѣнія Наполеона о военномъ искусствѣ, военной исторіи и военномъ дѣлѣ».

Раны двухъ другихъ офицеровъ генеральнаго штаба, именно барона Дельвига и графа Гейдена, были менѣе опасны: оба они были ранены ружейными пулями 13-го Іюля при слѣдованіи экспедиціоннаго отряда отъ Дарго, около деревни Шуани: первый въ ногу, а второй въ предплечіе правой руки на вылетъ.

Баронъ Николай Ивановичъ Дельвигъ выпущенъ, въ 1833 году, изъ Московскаго кадетскаго корпуса въ конную артиллерію и, по окончаніи академическаго курса, переведенъ, въ 1840 году, въ генеральный штабъ поручикомъ, съ назначеніемъ къ войскамъ 5-го пѣхотнаго корпуса, при которомъ онъ и оставался во все время своей службы въ генеральномъ штабѣ. Перейдя съ корпуснымъ штабомъ на Кавказъ, баронъ Дельвигъ получилъ здѣсь ордена за боевыя отличія, въ 1844 году—св. Анны 3-й ст. съ бантомъ, а въ 1845 году—св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и св. Анны 2-й ст., что достаточно свидѣтельствуетъ объ его службѣ преимущественно въ передовыхъ войскахъ. Во время даргинской экспедиціи онъ почти постоянно до самаго полученія раны находился также въ авангардѣ. Не лишенъ интереса его собственный разсказъ о томъ, какъ довелось получить ему владимірскій крестъ; эпизодъ этотъ характеризуетъ отчасти взглядъ боевыхъ кавказскихъ служакъ на офицеровъ генеральнаго штаба.

Это было при движеніи экспедиціоннаго отряда въ Гогатлю; баронъ Дельвигъ состоялъ при авангардѣ чеченскаго отряда; впереди былъ главный авангардъ, которымъ командовалъ генералъ Клюки-фонъ-Клугенау. Лишь только послышались первые выстрѣлы въ главномъ авангардѣ, Дельвигъ поскакалъ туда, чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣла, и явился въ распоряженіе командира Кабардинскаго полка, полковника Козловскаго; послѣдній, увидя офицера генеральнаго штаба, сказалъ: «Такому гостю очень радъ», и тутъ же разсказалъ, что на той сторонѣ рѣчки

полковникъ князь Барятинскій (впослѣдствіи фельдмаршалъ), командовавшій баталіономъ кабардинцевъ, выбилъ горцевъ изъ аула, преслѣдовалъ ихъ въ гору и теперь находится въ незавидномъ положеніи».

— Или въ завидномъ, замѣтилъ Дельвигъ.

— Какъ хотите. Чему тутъ завидовать! возразилъ Козловскій.

— Вы не полагаете, полковникъ, идти къ нему на помощь? спросилъ первый.

— Скоръ вы очень, молодой человѣкъ! сказалъ опытный кавказецъ.—Надо видѣть, выдержатъ-ли они натискъ; если не выдержатъ, да мы пойдемъ въ это время, они и насъ опрокинутъ. Видите, какъ напираютъ.

Баронъ Дельвигъ попросилъ позволенія переѣхать къ ротамъ, находившимся въ опасности.

— Нѣтъ ужъ, братецъ, отправимся вмѣстѣ, сказалъ Козловскій, и съ той минуты сталъ говорить Дельвигу «ты».

Вмѣстѣ съ тѣмъ полковникъ Козловскій повелъ съ собою двѣ роты; роты князя Барятинскаго выдержали отчаянный натискъ горцевъ, поспѣли подкрѣпленія, и Шамиль бѣжалъ. Полковникъ Козловскій, сопровождаемый барономъ Дельвигомъ, долго гнался въ гору за уходившимъ непріятелемъ, пока послѣдній, наконецъ, не скрылся. Вотъ какъ самъ Н. И. Дельвигъ разсказываетъ дальнѣйшія послѣдствія этого эпизода.

«— Я позабылъ спросить фамилію, обратился ко мнѣ Козловскій.

«Я ему сказалъ.

«— Нѣмецкая?

«Этотъ вопросъ онъ повторялъ нѣсколько разъ, и, казалось, по разсѣянности, но въ сущности изучая фамилію.

«Въѣзжаетъ къ намъ графъ Воронцовъ, благодаритъ Козловскаго. Тотъ ему отвѣчаетъ: «А вотъ офицеръ генеральнаго штаба—фамиліи его не упомню—явился самъ въ авангардъ и былъ мнѣ очень полезенъ».

«Графъ кивнулъ головой съ улыбкой, которая его никогда не оставляла, когда онъ былъ передъ войсками.

«За нимъ въѣхалъ начальникъ штаба, генералъ Гурко,—та же рѣчь и то же забвеніе фамиліи; за нимъ генералъ **—то же

самое и тотъ же поклонъ; за ними полковникъ М. [28], начальникъ штаба чеченскаго отряда; этотъ не нашелъ ничего лучшаго мнѣ сказать, какъ: «а зачѣмъ вы были въ главномъ авангардѣ, когда вамъ слѣдовало быть въ авангардѣ чеченскаго отряда?». Наконецъ, показался Лидерсъ. «Ваше высокопревосходительство,— опять началъ Козловскій, — вотъ офицеръ генеральнаго штаба, фамиліи котораго не упомню, явился ко мнѣ во время дѣла и былъ мнѣ чрезвычайно полезенъ.» Генералъ Лидерсъ подалъ мнѣ руку и сказалъ Козловскому: «Я помню фамилію и знаю этого офицера. Вашъ отзывъ меня нимало не удивляетъ. Если вы находите достойнымъ, то прошу васъ представить его къ наградѣ». Безъ сомнѣнія, эти слова были самою лестною для меня наградою.

« — Что ты хочешь? сказалъ мнѣ Козловскій по уходѣ Лидерса.

«— Я имѣю Анну 3-й ст. съ бантомъ.

«— Тогда слѣдуетъ Владиміра. Офицеръ генеральнаго штаба написать реляцію сумѣетъ. Наше такое кавказское правило: сдѣлай хорошо, а напиши еще лучше.

«Я попросилъ написать реляцію Михаила Ивановича Дарагана (капитанъ генеральнаго штаба въ должности старшаго адъютанта при штабѣ 5-го корпуса) и вслѣдствіе ея получилъ 1-го Іюля орденъ св. Владиміра».

Другой раненый подъ Дарго, графъ Ѳедоръ Лонгиновичъ Гейденъ (нынѣ финляндскій генералъ-губернаторъ), лишь незадолго до начала экспедиціи прибылъ на Кавказъ и состоялъ при главнокомандующемъ. Выпущенный въ 1840 году изъ камеръ-пажей въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ, графъ Ѳедоръ Лонгиновичъ въ 1842 году, по желанію Его Императорскаго Высочества командира отдѣльнаго гвардейскаго корпуса, по испытаніи, прикомандированъ къ гвардейскому генеральному штабу, а въ 1843 году, пробывъ два мѣсяца на съемкѣ въ Эстляндской губерніи и сдавъ экзаменъ по академической программѣ для перехода изъ младшаго класса въ старшій, переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ подпоручикомъ. Произведенный въ слѣдующемъ году въ поручики, онъ въ 1845 г., по собственному желанію, перешелъ штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ, а за даргинскую экспедицію произведенъ въ капитаны со старшинствомъ съ 7-го Іюля 1845 года; сверхъ того, за экспедицію графъ удо-

стоенъ ордена св. Анны 3-й ст. съ бантомъ, такъ какъ неоднократно былъ употребляемъ графомъ Воронцовымъ въ опасныхъ порученіяхъ. При одномъ изъ такихъ порученій, именно будучи посланъ въ авангардъ, слѣдовавшій къ дер. Шуани, графъ нѣсколько разъ попадалъ подъ сильнѣйшій непріятельскій огонь и находился въ крайне затруднительномъ положеніи, изъ котораго, однако, благополучно вышелъ, лишь потерявъ лошадь и получивъ легкую рану въ руку навылетъ. Только возвратясь къ главнокомандующему и доложивъ объ исполненіи возложеннаго на него порученія, онъ далъ доктору перевязать свою рану. Это было первое боевое крещеніе графа Ѳедора Лонгиновича Гейдена.

Останавливаясь лишь на этихъ шести офицерахъ генеральнаго штаба, наиболѣе пострадавшихъ въ даргинскую экспедицію, справедливость требуетъ сказать, что и прочимъ офицерамъ этого вѣдомства наравнѣ съ другими чинами отряда пришлось перенести во время этого труднаго похода немало лишеній и тягостей; что службою ихъ были довольны, въ томъ могутъ свидѣтельствовать щедрыя награды, полученныя всѣми участниками экспедиціи: всѣ офицеры генеральнаго штаба получили по двѣ награды. Въ числѣ награжденныхъ встрѣчаемъ фамиліи многихъ офицеровъ, которые впослѣдствіи дошли до высшихъ должностей; такъ, въ этой экспедиціи, кромѣ вышепомянутыхъ, съ отличіемъ участвовали: подполковники Индреніусъ, Непокойчицкій и баронъ Вревскій; изъ нихъ первый состоялъ при главномъ штабѣ, второй былъ старшимъ адъютантомъ 5-го корпуса, а послѣ смерти подполковника Левиссона исправлялъ должность корпуснаго оберъ-квартирмейстера и былъ наиболѣе виднымъ дѣятелемъ въ корпусномъ штабѣ. Баронъ Вревскій, произведенный во время самой экспедиціи въ полковники, тутъ же вступилъ въ командованіе Наваганскимъ полкомъ вмѣсто убитаго полковника Бибикова, а затѣмъ, служа постоянно въ войскахъ на Кавказѣ, пріобрѣлъ извѣстность не только храбраго, но и чрезвычайно способнаго и дѣятельнаго начальника. Славно прокомандовавъ пять лѣтъ Навагинскимъ полкомъ, получивъ за боевое отличіе во главѣ навагинцевъ золотое оружіе и чинъ генералъ-маіора, баронъ Вревскій, командуя постепенно 1-й бригадой, 19-й пѣхотной дивизіей и затѣмъ Кавказской гренадерской дивизіей, оставался на

Кавказѣ, пока горская пуля не сразила его въ 1858 году. Лучшимъ доказательствомъ его отличной храбрости можетъ служить то, что имъ три раза получено было золотое оружіе въ 1848 году и дважды съ алмазами въ 1852 и въ 1857 годахъ.

Даргинская экспедиція была блестяща, но неудачна и могла бы имѣть самыя гибельныя для главнаго отряда послѣдствія, если бы къ ней не прибылъ во-время на выручку генералъ Фрейтагъ. Нельзя не остановиться на этомъ новомъ блестящемъ подвигѣ Роберта Карловича, всѣ дѣйствія котораго столь близки генеральному штабу.

Когда, послѣ занятія Дарго, графъ Воронцовъ рѣшился вернуться на линію вдоль Аксая, черезъ Герзель-аулъ, то послалъ начальнику лѣваго фланга Кавказской линіи, генералъ-маіору Фрейтагу, приказаніе: идти навстрѣчу главному экспедиціонному отряду отъ Герзель-аула со всѣми войсками, какія возможно будетъ собрать. Приказаніе это было исполнено Фрейтагомъ блистательно: онъ и прежде оказалъ уже экспедиціонному отряду весьма важное содѣйствіе тѣмъ, что, вторгнувшись въ Большую Чечню, отвлекъ часть силъ горцевъ, собиравшихся къ Дарго; теперь же, получивъ предписаніе главнокомандующаго идти на выручку, онъ съ неимовѣрною скоростью собралъ войска, — причемъ нѣкоторые баталіоны въ двое сутокъ сдѣлали до 150-ти верстъ,—и освободилъ экспедиціонный отрядъ изъ крайне опаснаго положенія. Опоздай Фрейтагъ не болѣе какъ на сутки, то главный отрядъ, окруженный со всѣхъ сторонъ превосходными силами непріятеля, пять дней неѣвшій ничего, кромѣ кукурузы, собираемой на поляхъ, если бы и выдержалъ напоръ горцевъ, то едва-ли спасъ бы своихъ многочисленныхъ раненыхъ и артиллерію. Заслуга огромная, и графъ Воронцовъ дѣйствительно привѣтствовалъ его какъ избавителя. Когда отряды соединились, главнокомандующій подалъ Фрейтагу руку и, обратясь къ войскамъ, сказалъ: «кричите «ура» вашему избавителю!» Вслѣдъ затѣмъ (21-го Іюля) графъ Воронцовъ отдалъ приказъ по отдѣльному кавказскому корпусу, гдѣ благодаритъ храбраго Фрейтага и прибывшія съ нимъ войска за помощь, оказанную экспедиціонному отряду.

За это отличіе Фрейтагъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты и утвержденъ начальникомъ 20-й пѣхотной дивизіи съ

оставленіемъ попрежнему начальникомъ лѣваго фланга Кавказской линіи.

Даргинская экспедиція была послѣднею попыткою сломить мюридовъ однимъ рѣшительнымъ ударомъ, послѣднимъ предпріятіемъ, исполненнымъ по задуманнымъ и соображеннымъ въ Петербургѣ планамъ. Съ 1846 года начинается медленная, но болѣе вѣрная система дѣйствій противъ горцевъ, именно система постепеннаго вытѣсненія ихъ съ плоскости въ горы, прочнаго занятія тѣхъ мѣстностей, которыя подпали подъ нашу власть. Прекратились прежнія грандіозныя по замыслу, но безрезультатныя экспедиціи, подававшія лишь случай къ блистательнымъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ отличіямъ; теперь требовалась ежедневная, непрерывная энергія и дѣятельность.

За время управленія графомъ Воронцовымъ Кавказскимъ краемъ (съ 1844 по 1854 годъ), во главѣ штабной службы кавказскаго корпуса стояли: начальникомъ штаба—Павелъ Евстафьевичъ Коцебу и оберъ-квартирмейстеромъ — Николай Ивановичъ Вольфъ, — оба близко извѣстные генеральному штабу по своей службѣ.

П. Е. Коцебу служилъ на Кавказѣ еще при Ермоловѣ, Паскевичѣ и Головинѣ, затѣмъ занималъ должность генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи и 1-го Января 1846 года былъ назначенъ начальникомъ штаба кавказской арміи и оставался въ этомъ званіи до 1853 года, когда, вслѣдствіе приготовленій къ Восточной войнѣ, его вызвали на должность начальника штаба войскъ, предназначенныхъ для дѣйствій въ Европейской Турціи. Будучи за время нахожденія при графѣ Воронцовѣ болѣе или менѣе участникомъ всѣхъ дѣйствій, происходившихъ па Кавказѣ, но исключительно исполняя лишь штабную службу, П. Е. Коцебу получилъ за это время чинъ генералъ-лейтенанта, званіе генералъ-адъютанта, ордена: св. Владиміра 2-й ст., Бѣлаго орла и св. Александра Невскаго.

Вся служба Н. И. Вольфа, съ самаго поступленія его въ генеральный штабъ (въ 1838 году), тѣсно связана съ кавказскими событіями; участіе его при взятіи Ахульго изложено выше; затѣмъ Н. И. Вольфъ сопровождалъ князя Чернышева въ его поѣздкѣ на Кавказъ и пользовался полнымъ его довѣріемъ по

кавказскимъ дѣламъ. Обладая обширною эрудиціею и основательнымъ образованіемъ, мастерски владѣя перомъ, Н. И. Вольфъ былъ человѣкомъ по преимуществу кабинетныхъ занятій. Съ 1842 по 1844 годъ ему довелось четыре раза побывать на Кавказѣ съ особыми порученіями къ генераламъ Головину и Нейдгарту, причемъ онъ доставлялъ военному министру о положеніи дѣлъ на Кавказѣ самыя обстоятельныя свѣдѣнія, прочитываемыя Государемъ съ особымъ удовольствіемъ, за что Вольфъ и былъ удостоенъ въ 1844 году званія флигель-адъютанта.

Назначенный въ 1846 году оберъ-квартирмейстеромъ кавказскаго корпуса, Вольфъ оставался въ этой должности до увольненія его въ 1854 году въ отставку по болѣзни (29). За экспедицію въ Дарго онъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту, а въ 1850 году ему, какъ отличному знатоку края и всего до него относящагося, было предоставлено счастіе сопровождать Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича въ путешествіи по Кавказу.

Для будущаго историка Кавказа записки Н. И. Вольфа, если онъ велъ таковыя, будутъ драгоцѣннымъ матеріаломъ, тѣмъ болѣе, что за время своего оберъ-квартирмейстерства онъ былъ непосредственнымъ участникомъ при разработкѣ всѣхъ вопросовъ, относившихся до Кавказа, во время управленія этимъ краемъ графа Воронцова.

Рядомъ съ главнымъ штабомъ отдѣльнаго кавказскаго корпуса весьма важное значеніе имѣли отдѣльные штабы мѣстныхъ управленій различныхъ частей края, сосредоточивавшіе въ себѣ завѣдываніе войсками и всѣми ихъ дѣйствіями. Между таковыми управленіями первое мѣсто занималъ штабъ Кавказской линіи и войскъ расположенныхъ въ Черноморіи; находясь въ Ставрополѣ, онъ служилъ центромъ военнаго управленія всего сѣвернаго Кавказа. Учрежденный по особому ходатайству генерала Вельяминова въ 1834 году, въ видѣ временной мѣры, штабъ этотъ получилъ окончательное устройство и штатъ въ 1840 году, когда имъ завѣдывалъ генеральнаго штаба полковникъ Трескинъ, а оберъ-квартирмейстеромъ былъ полковникъ Норденстамъ. Въ 1843 году послѣдній сдѣланъ былъ начальникомъ штаба, а его мѣсто занялъ полковникъ Милютинъ; оба, впрочемъ, оставались недолго

въ этихъ должностяхъ и преемниками ихъ послѣдовательно были: по званію начальника штаба—Филипсонъ и Герасимовъ, а въ должности оберъ-квартирмейстера—Броневскій и Рудановскій.

Д. А. Милютинъ уже служилъ на Кавказѣ подъ Ахульго, а въ 1843 году перешелъ изъ гвардейскаго генеральнаго штаба въ полевой подполковникомъ и по пріѣздѣ на Кавказъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ линіи. Но пребываніе его здѣсь было непродолжительно: въ Ноябрѣ 1844 года онъ былъ вызванъ въ Военную Академію на каѳедру военной статистики, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ зачисленъ въ число штабъ-офицеровъ, полагаемыхъ въ распоряженіе военнаго министра.

Г. И. Филипсонъ съ 1836 года служилъ непрерывно на Кавказѣ и въ должности начальника штаба Кавказской линіи пробылъ лишь четыре года, съ 1845 по 1849 годъ, когда былъ назначенъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса, откуда, впрочемъ, въ слѣдующемъ 1850 году уволился, по болѣзни, въ отставку, пока новыя событія на Кавказѣ не вызвали его опять на то же поприще.

Павелъ Николаевичъ Броневскій, по окончаніи академическаго курса, зачисленъ въ 1840 году капитаномъ въ генеральный штабъ, а по производствѣ въ 1844 году въ подполковники командированъ на Кавказъ, гдѣ и назначенъ въ слѣдующемъ году оберъ-квартирмейстеромъ Кавказской линіи. Получивъ за дѣйствія въ Чечнѣ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и чинъ полковника, назначенъ въ 1849 году командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка, которымъ командовалъ съ полнымъ отличіемъ до 1854 года, когда назначеніе на должность оберъ-квартирмейстера кавказскаго корпуса, вмѣстѣ съ производствомъ въ генералъ-маіоры, снова возвратило его, хотя, къ сожалѣнію, ненадолго, въ списки генеральнаго штаба ([80]).

По званію оберъ-квартирмейстера Кавказской линіи Броневскаго замѣстилъ одинъ изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей кавказской войны—Леонидъ Платоновичъ Рудановскій. Получивъ образованіе въ Нѣжинскомъ лицеѣ, онъ началъ службу юнкеромъ, и въ 1835 году произведенъ въ офицеры Якутскаго пѣхотнаго полка, а затѣмъ, кончивъ курсъ въ Военной Академіи, переведенъ въ 1842 году штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ

и прямо командированъ на Кавказъ. Состоя при князѣ Аргутинскомъ-Долгорукомъ, командовавшимъ войсками въ южномъ Дагестанѣ, онъ съ первыхъ же шаговъ службы обратилъ на себя вниманіе своими познаніями, храбростью и строгою исполнительностью. Князь Аргутинскій, умѣвшій цѣнить заслуги способныхъ людей, осыпалъ Рудановскаго наградами: менѣе чѣмъ въ три года нахожденія при передовомъ дагестанскомъ отрядѣ Рудановскій получилъ чины капитана и подполковника, ордена св. Анны 3-й ст. съ бантомъ и 2-й ст. и св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Назначенный въ Декабрѣ 1847 года дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 20-й пѣхотной дивизіи, онъ попалъ на новый театръ войны въ Чечнѣ и здѣсь въ слѣдующемъ году заслужилъ золотую саблю за храбрость. Въ 1849 году онъ вступилъ въ должность оберъ-квартирмейстера Кавказской линіи и, участвуя во всѣхъ болѣе значительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ на сѣверномъ склонѣ Кавказа, получилъ чинъ полковника и нѣсколько другихъ наградъ. Впослѣдствіи Рудановскій принималъ не менѣе дѣятельное участіе въ Восточной войнѣ и въ окончательномъ покореніи Кавказа.

При графѣ Воронцовѣ, независимо отъ Кавказской линіи, пріобрѣтаетъ значеніе новое управленіе командующаго войсками, расположенными въ Прикаспійскомъ краѣ. Штабъ этотъ организованъ въ 1849 году изъ двухъ офицеровъ генеральнаго штаба: одного управлявшаго штабомъ и другаго въ должности старшаго адъютанта. Должность управлявшаго штабомъ съ 1849 по 1853 годъ занималъ Борисъ Эмануиловичъ Индреніусъ, также одинъ изъ видныхъ участниковъ кавказской войны. Произведенный въ офицеры въ артиллерію, въ 1829 году, изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса, Б. Э. Индреніусъ кончилъ курсъ Военной Академіи съ отличіемъ и, тотчасъ по переводѣ штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ, командированъ въ 1836 году на Кавказъ, гдѣ и оставался непрерывно въ теченіе 20-ти лѣтъ. Большая половина этого времени (съ 1836—1849 г.) проведена имъ на должности старшаго адъютанта штаба кавказскаго корпуса, что, однако, не исключало для него возможности участвовать и въ дѣйствіяхъ разныхъ отрядовъ, а также въ походныхъ штабахъ корпусныхъ командировъ. Такъ, въ 1837 году онъ участвовалъ въ покореніи Цебельды, въ занятіи мыса Адлера и при заложе-

ніи укр. Св. Духа; въ 1840 году—въ экспедиціи генерала Галафѣева на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, за что получилъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; въ 1845 году—подъ Дарго удостоился награды орденами св. Станислава и св. Анны 2-й ст.; осенью 1847 года—въ Чечнѣ, подъ начальствомъ Фрейтага, командовалъ отдѣльнымъ отрядомъ при истребленіи Джарганъ-Юртовскихъ хуторовъ (21-го Ноября), а при отступленіи—правою цѣпью; здѣсь подъ нимъ была ранена лошадь, и онъ получилъ золотое оружіе за храбрость. Произведенный за боевыя отличія въ Дагестанѣ, въ 1849 году, въ полковники, а въ 1852 году въ генералъ маіоры, Б. Э. Индреніусъ управлялъ штабомъ войскъ Прикаспійскаго края до 1853 года, когда былъ призванъ къ болѣе обширнымъ занятіямъ по должности помощника начальника штаба кавказскаго корпуса, а съ 1855 года—и начальника главнаго штаба этого корпуса. Но лишь кончилась Восточная война, Б. Э. перешелъ къ болѣе покойной дѣятельности въ своемъ родномъ краѣ: въ 1856 году онъ былъ назначенъ с.-михельскимъ губернаторомъ, съ зачисленіемъ по арміи, и съ того времени вся служба его уже вполнѣ принадлежала Финляндіи ([31]).

Переходя отъ этихъ, такъ сказать, штабныхъ дѣятелей кавказской войны, за періодъ съ 1846 по 1853 годъ, къ отдѣльнымъ эпизодамъ этой войны, прежде всего приходится остановиться на дѣйствіяхъ въ Чечнѣ, имѣвшихъ чрезвычайно важное значеніе. Главнымъ дѣятелемъ здѣсь до 1848 года остается генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ, которымъ сдѣлано прочное начало утвержденію нашей власти въ Чечнѣ. Лично начальствуя войсками, предназначаемыми въ зимнія экспедиціи для рубки гойтинскаго и гехинскаго лѣсовъ, онъ проложилъ по Чечнѣ широкія просѣки, уничтожилъ Алтинскіе, Гойтинскіе и другіе хутора, служившіе главными притонами чеченцевъ, и держалъ въ постоянномъ страхѣ горское населеніе, предупреждая и разрушая всѣ его враждебные замыслы. Наиболѣе блистательно въ послѣднемъ отношеніи было исполнено имъ преслѣдованіе въ 1846 году Шамиля, намѣревавшагося со всѣми силами Чечни и части Дагестана вторгнуться въ Кабарду съ тѣмъ, чтобы поднять тамошнее населеніе и овладѣть военно-грузинской дорогой. Быстро собравъ отрядъ и разгадавъ намѣренія противника, Фрейтагъ не-

утомимо преслѣдовалъ его и разрушилъ всѣ его замыслы. Заслуга Фрейтага и въ этомъ случаѣ была велика: Государь Императоръ наградилъ его орденомъ св. Анны 1 ст. Куринцы сложили по этому случаю особую пѣсню, начинающуюся словами: «Съ нами Богъ и Фрейтагъ съ нами, кто-жъ насъ можетъ устрашить»; графъ Воронцовъ выразилъ свое удивленіе къ подвигамъ Фрейтага въ письмѣ, въ которомъ выразился: «Надо признаться, что вы—настоящій бичъ Шамиля; какъ скоро онъ затѣваетъ что нибудь сильное, вы тутъ какъ тѣнь передъ его глазами,—онъ долженъ васъ ужасно ненавидѣть!» Въ то же время вотъ какъ самъ Фрейтагъ, съ обычною своею скромностью, отзывается объ этой своей экспедиціи въ одномъ изъ своихъ писемъ: «Я ходилъ въ Кабардѣ по слѣдамъ Шамиля; обширны были его замыслы, и немного недоставало, чтобы замыслы его исполнились; но, благодаря Бога, все кончилось хорошо; оно могло бы кончиться гораздо лучше для насъ,—Шамиль долженъ былъ потерять свои пушки. Преслѣдуя Шимиля, когда онъ бѣжалъ изъ Кабарды, я въ 32 часа сдѣлалъ около 150-ти верстъ; изъ этого числа верстъ 90 по безводному пространству; Шамиль бѣжалъ шибче меня,—я его не догналъ».

Нельзя не замѣтить, что въ это тревожное, связанное съ постоянными трудностями и опасностями время Фрейтагъ былъ семьяниномъ, пользовался первыми годами самаго счастливаго супружества. Женившись, въ 1844 году въ Петербургѣ, на дочери тайнаго совѣтника Беклемишева, онъ въ томъ же году перевезъ свою молодую жену въ крѣпость Грозную, гдѣ она и оставалась постоянно во время его болѣе или менѣе продолжительныхъ экспедицій. Горячо любя жену, онъ, однако, никогда не допускалъ даже мысли о томъ, чтобы для нея сдѣлать какое-либо послабленіе въ своихъ обязанностяхъ. Въ одномъ изъ писемъ къ ней, изъ гойтинскаго лѣса, онъ пишетъ: «Не разсчитывай и не обманывай себя, чтобы мы могли скоро увидѣться,—сколь бы я ни любилъ тебя, но ни на одну минуту не рѣшусь оставить отряда, участь котораго зависитъ отъ меня».

Глубоко сознавая чувство долга, въ высшей степени честно относясь къ своимъ обязанностямъ, Фрейтагъ, повидимому всегда спокойный, веселый, даже безпечный, постоянно отличался самой

полнѣйшей заботливостью о нуждахъ солдата, о безопасности ввѣреннаго ему отряда. «У меня много заботъ и есть о чемъ подумать,—писалъ онъ женѣ,—подушка часто вертится у меня подъ головою, когда все спитъ вокругъ; это не мнительность, потому что до сего времени Богъ былъ милостивъ и не съ чего быть мнительнымъ; но тяжело будетъ на совѣсти, если по моей ошибкѣ или неосмотрительности произойдетъ неудача».

Не смотря на всѣ заботы, не смотря на самое строгое отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ, рѣдко можно было найти болѣе привѣтливаго и обходительнаго начальника, какъ Фрейтагъ, въ часы досуга и отдыха. Въ экспедиціяхъ, каждый вечеръ, у костра его собиралось большое общество; разговаривали, шутили, пѣли, и время проходило незамѣтно; привѣтливость Фрейтага одушевляла всѣхъ неподдѣльнымъ весельемъ. «Въ походѣ радость прилипчива,—говорилъ Фрейтагъ,—она передается весьма легко; если солдаты увидятъ, что начальникъ пасмуренъ, то и у нихъ сдѣлается пасмурно на душѣ».

Отлично зная характеръ и свойство русскаго солдата, Фрейтагъ умѣлъ поднять духъ его, сдѣлать его героемъ. Лично храбрый, онъ во время дѣла всегда находился въ огнѣ, сохраняя полнѣйшее спокойствіе и зорко слѣдя за ходомъ дѣйствій; въ это время онъ являлся вполнѣ сосредоточеннымъ и серьезнымъ. Если-жъ только на какомъ-либо мѣстѣ сраженія обнаруживалось разстройство, онъ тотчасъ отправлялся туда и, не обращая вниманія ни на какую опасность, личнымъ присутствіемъ и распоряженіями, старался привести въ порядокъ разстроенную часть. Всѣ вышеуказанныя качества дѣлали Фрейтага дѣйствительно замѣчательнымъ и далеко выходящимъ изъ ряда военачальникомъ; имя его стало извѣстно всей Россіи, и геральный штабъ справедливо могъ гордиться, когда Высочайшимъ приказомъ 26-го Апрѣля 1848 года генералъ-лейтенантъ Фрейтагъ снова былъ занесенъ въ его списки, съ назначеніемъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи.

Десятилѣтнее пребываніе на Кавказѣ столь замѣчательнаго по своимъ военнымъ дарованіямъ человѣка, и притомъ-же столь сообщительнаго и столь доступнаго, какъ Фрейтагъ, не могло, конечно, остаться безъ вліянія на окружавшую его среду, на его сослуживцевъ и подчиненныхъ. Фрейтагъ былъ безусловно всѣми лю-

бимъ и уважаемъ, какъ образецъ самаго добросовѣстнаго, безукоризненно честнаго служаки. Болѣе чѣмъ блестящее командованіе имъ Куринскимъ полкомъ поколебало убѣжденіе въ томъ, что, только пройдя черезъ образцовыя войска, офицеръ генеральнаго штаба можетъ сдѣлаться хорошимъ полковымъ командиромъ; вслѣдствіе того, послѣ примѣра Фрейтага, все чаще и чаще встрѣчаются примѣры назначенія командирами полковъ изъ офицеровъ генеральнаго штаба, небывшихъ въ образцовомъ полку; такъ, при такомъ условіи, въ сороковыхъ годахъ были назначены: Пассекъ командиромъ Апшеронскаго полка, баронъ Вревскій — Навагинскаго, Новицкій — Ставропольскаго, Броневскій — Дагестанскаго. Всѣ они прекрасно командовали полками, и имена ихъ составляютъ украшеніе нашей военной исторіи.

Съ другой стороны, Фрейтагъ имѣлъ и болѣе близкое отношеніе къ кавказской войнѣ: подъ его непосредственнымъ начальствомъ служили два блестящіе кавказскіе дѣятеля: Слѣпцовъ и и князь А. И. Барятинскій; первый назначенъ командиромъ 1-го Сунженскаго полка въ 1845 году, когда лѣвымъ флангомъ начальствовалъ Фрейтагъ, и съ своими сунженцами почти постоянно участвовалъ въ молодецкихъ предпріятіяхъ Роберта Карловича. Что же касается князя Барятинскаго, то хотя впервые онъ появился на поприщѣ кавказской дѣятельности еще въ 1835 году, а затѣмъ подъ Дарго, гдѣ, командуя баталіономъ Кабардинскаго полка, былъ раненъ и получилъ орденъ св. Георгія 4-й ст., но то были лишь временныя его командировки на Кавказъ; только съ 1847 года онъ вступаетъ въ среду коренныхъ кавказскихъ дѣятелей, будучи назначенъ 23-го Февраля командиромъ Кабардинскаго егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка, входившаго въ составъ 20-й пѣхотной дивизіи. По указаніямъ, а частью подъ непосредственнымъ начальствомъ Фрейтага, будущимъ фельдмаршаломъ и покорителемъ восточнаго Кавказа совершены первые его боевые подвиги въ Чечнѣ осенью 1847 и зимою 1847—1848 годовъ.

Велика затѣмъ масса офицеровъ генеральнаго штаба, которые имѣли случай служить на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, во время завѣдыванія ею Фрейтагомъ; между ними огромное большинство лицъ, сдѣлавшихъ послѣ того болѣе или менѣе блестя-

щую карьеру на военномъ поприщѣ. Нисколько не желая умалять ихъ личныхъ достоинствъ, можно, однако, безошибочно сказать, что примѣръ такого начальника, какимъ былъ Фрейтагъ, не остался для нихъ безъ вліянія. Достаточно переименовать нѣсколькихъ наиболѣе выдвинувшихся впослѣдствіи лицъ, чтобы видѣть, какое значеніе имѣлъ Фрейтагъ для своихъ подчиненныхъ. Такъ, дивизіонными квартирмейстерами при 20-й пѣхотной дивизіи, во время нахожденія въ ней Фрейтага, перебывали: подполковникъ Невѣровскій, капитанъ Колодѣевъ, подполковникъ Рудановскій; при отрядахъ, которыми командовалъ Фрейтагъ, разновременно встрѣчаемъ офицеровъ генеральнаго штаба: кромѣ вышепомянутыхъ уже, барона Вревскаго, Веревкина, Бибикова, полковника Бруннера, капитана Минквица, штабсъ-капитана Баумгартена, поручика Исакова, капитана Мацнева, Дрейера и Ольшевскаго, подполковника Торнау и многихъ другихъ. Всѣ они болѣе или менѣе дѣлали первые шаги своего поприща на глазахъ Фрейтага, удостоились Высочайшихъ наградъ по его представленіямъ и, конечно, вынесли изъ служебнаго сближенія съ нимъ не только пріятныя, но и полезныя воспоминанія, которыя, быть можетъ, не остались безъ вліянія на ихъ дальнѣйшую службу. Такимъ образомъ честная, но скромная, непоражавшая эфектами личность Роберта Карловича Фрейтага была полезною не только прямымъ своимъ участіемъ въ дѣлахъ, но также и тѣмъ вліяніемъ, какое она оказывала на всѣхъ его окружавшихъ. Это вполнѣ былъ типъ офицера генеральнаго штаба, въ самой чистой и возвышенной ея формѣ, и вотъ почему память о Фрейтагѣ столь дорога этому вѣдомству.

Истребленіе лѣсовъ и лѣсныхъ ауловъ и хуторовъ въ Чечнѣ, постройка укрѣпленій: Воздвиженскаго, Хасавъ-Юрта, Ачхоя, Урусъ-Мартана, Тепли-Кичу служили поводомъ къ постояннымъ экспедиціямъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи, въ которыхъ и офицеры генеральнаго штаба принимали дѣятельное участіе. Кромѣ офицеровъ генеральнаго штаба, состоявшихъ въ войскахъ въ этой мѣстности, въ экспедиціяхъ обыкновенно участвовали многіе присылаемые изъ Петербурга и изъ главнаго штаба кавказскаго корпуса. Среди многочисленныхъ наградъ, заслуженныхъ на этомъ театрѣ военныхъ дѣйствій офицерами генеральнаго штаба, наи-

болѣе обращаютъ на себя вниманіе пожалованные золотымъ оружіемъ за храбрость. Высокую награду эту здѣсь получили въ десятилѣтіе съ 1844 по 1854 годъ слѣдующія лица: въ 1848 году—состоявшіе при главномъ штабѣ кавказской арміи: полковникъ Форстенъ, подполковники Индреніусъ и Стишинскій и дивизіонный квартирмейстеръ 20-й дивизіи подполковникъ Рудановскій; въ 1849 году — дивизіонный квартирмейстеръ кавказской резервной гренадерской бригады, полковникъ Веревкинъ; въ 1850 году—дивизіонный квартирмейстеръ 20-й пѣхотной дивизіи подполковникъ Ольшевскій; въ 1852 году—подполковникъ баронъ Сталь и капитанъ Усларъ; въ 1853 году—капитанъ Радичъ.

Старѣйшій изъ названныхъ офицеровъ Карлъ Густавовичъ Форстенъ началъ службу въ 1820 году, будучи выпущенъ прямо прапорщикомъ генеральнаго штаба изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса. Подобно большей части выходившихъ изъ этого заведенія, онъ провелъ первые годы своей службы на съемкахъ, а съ 1838 по 1848 годъ — въ разныхъ должностяхъ на Кавказѣ, преимущественно при генералѣ Клюки-фонъ-Клугенау. Золотая шпага была послѣднею наградою, полученной имъ въ генеральномъ штабѣ, такъ какъ въ томъ же 1848 году Форстенъ, прослуживъ 28 лѣтъ въ этомъ вѣдомствѣ, былъ назначенъ въ чинѣ полковника командующимъ 2-й бригадой кавказскихъ линейныхъ баталіоновъ, съ зачисленіемъ по арміи.

Семенъ Григорьевичъ Стишинскій всю службу провелъ на Кавказѣ, начавъ ее юнкеромъ, а потомъ офицеромъ (съ 1828 года) въ Апшеронскомъ пѣхотномъ полку. Будучи переведенъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ въ 1835 году, онъ почти всю службу пробылъ въ должности старшаго адъютанта штаба кавказскаго корпуса, имѣя лишь по временамъ командировки въ разныя части края для участія въ экспедиціяхъ. Будучи произведенъ въ 1849 году въ полковники, онъ нѣкоторое время (съ 1854—1856 годъ) завѣдывалъ штабомъ начальника Черноморской береговой линіи и въ 1856 г. уволенъ, по болѣзни, въ отставку генералъ-маіоромъ съ пенсіономъ половиннаго оклада.

О заслугахъ подполковниковъ Индреніуса и Рудановскаго было упомянуто уже выше; поэтому, не останавливаясь на нихъ, перейдемъ къ другимъ.

Александръ Николаевичъ Веревкинъ началъ службу въ артиллеріи въ 1833 году, куда былъ выпущенъ офицеромъ изъ артиллерійскаго училища. Кончивъ курсъ въ Военной Академіи, онъ былъ переведенъ въ 1840 году поручикомъ въ генеральный штабъ съ назначеніемъ на Кавказъ. Съ того времени онъ встрѣчается съ особымъ отличіемъ во всѣхъ болѣе значительныхъ экспедиціяхъ восточнаго Кавказа, что и доставило ему въ теченіе восьми лѣтъ всѣ чины до полковника включительно и соотвѣтствующіе ордена, въ томъ числѣ орденъ св. Владиміра 3-й ст., а за зимнюю экспедицію въ Чечнѣ 1848—1849 г. и золотое оружіе за храбрость. Имѣвъ возможность во время своей боевой карьеры неоднократно исполнять самостоятельныя порученія и командовать отрядами, онъ, тѣмъ не менѣе, для лучшаго узнанія порядка службы, былъ прикомандированъ на годъ къ Образцовому пѣхотному полку и только послѣ этого испытанія назначенъ въ 1850 году командиромъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка.

Мелетій Яковлевичъ Ольшевскій также началъ службу въ артиллеріи, въ 1833 году, куда былъ выпущенъ изъ 1-го кадетскаго корпуса. По окончаніи академическаго курса, онъ переведенъ въ 1842 году штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ и, попавъ на Кавказъ, получилъ оба слѣдующіе чина, золотое оружіе и нѣсколько орденовъ за боевыя отличія въ Чечнѣ; въ 1853 году онъ, однако, оставилъ генеральный штабъ, перейдя баталіоннымъ командиромъ въ Кабардинскій егерскій генералъ-адъютанта князя Чернышева полкъ ([32]).

Баронъ Карлъ Ѳедоровичъ Сталь, изъ воспитанниковъ Дворянскаго полка, произведенъ въ 1837 году въ корнеты Орденскаго кирасирскаго полка; кончивъ курсъ въ Академіи, онъ переведенъ въ 1844 году въ генеральный штабъ поручикомъ и назначенъ на Кавказъ, гдѣ впервые ему удалось участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Дарго, за что получилъ ордена св. Станислава и св. Анны 3-й ст. съ бантами. Участвуя затѣмъ ежегодно въ экспедиціяхъ въ разныхъ мѣстахъ сѣвернаго Кавказа, онъ пріобрѣлъ репутацію весьма храбраго и надежнаго во всѣхъ отношеніяхъ офицера генеральнаго штаба и долѣе всего находился на наиболѣе опасной въ то время Сунженской линіи, гдѣ пользовался особымъ довѣріемъ знаменитаго устроителя сун-

женцевъ Слѣпцова. Всѣ чины до полковничьяго включительно были получены имъ за боевыя отличія на разныхъ мѣстахъ Кавказской линіи ([33]).

Петръ Константиновичъ Усларъ началъ службу на Кавказѣ въ тамошнемъ саперномъ баталіонѣ, куда былъ выпущенъ изъ инженернаго училища въ 1835 году; Ахульгинская экспедиція имъ сдѣлана въ качествѣ саперваго офицера, и чинъ поручика былъ ему наградою за боевые труды, понесенные въ этой экспедиціи. Кончивъ затѣмъ академическій курсъ, П. К. Усларъ былъ переведенъ въ генеральный штабъ въ 1844 году штабсъ-капитаномъ и служилъ при войскахъ гренадерскаго и 3-го армейскаго корпусовъ, пока въ 1850 году былъ назначенъ на Кавказъ. Въ короткое время своимъ участіемъ въ экспедиціяхъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи онъ заслужилъ два чина, орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и золотое оружіе за храбрость, такъ что во время Восточной войны встрѣчаемъ его въ гурійскомъ отрядѣ уже въ чинѣ полковника, завѣдывающаго отряднымъ штабомъ.

Нельзя пройти молчаніемъ, что, послѣ столь удачной службы на боевомъ поприщѣ, П. К. Усларъ въ шестидесятыхъ годахъ отдался вполнѣ ученнымъ изслѣдованіямъ кавказскихъ языковъ, за что удостоенъ отъ Императорской Академіи наукъ половинной Демидовской преміи и званія члена корреспондента академіи по лингвистикѣ. Труды его нынѣ издаются, по Высочайшему повелѣнію, при управленіи кавказскаго учебнаго округа. Умеръ П. К. Усларъ въ 1875 году.

Николай Яковлевичъ Радичъ началъ службу въ артиллеріи, куда былъ выпущенъ въ 1843 году изъ 2-го кадетскаго корпуса. По окончаніи курса въ академіи въ 1849 году, онъ тотчасъ былъ командированъ на Кавказъ; въ слѣдующемъ году переведенъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ. Въ короткое время за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ, Радичъ получилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ и золотое оружіе за храбрость.

Подобно тому, какъ на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи военныя дѣйствія сороковыхъ годовъ преимущественно группируются около Фрейтага, такъ въ Дагестанѣ, въ десятилѣтіе съ

1842 по 1853 годъ, главнымъ дѣятелемъ является замѣчательная личность князя Моисея Захаровича Аргутинскаго-Долгорукова; съ его именемъ связаны всѣ наиболѣе славныя дѣла въ этой части Кавказа, и, конечно, офицеры генеральнаго штаба, имѣвшіе честь служить подъ его начальствомъ и удостоенные Высочайшихъ наградъ по его представленіямъ, могутъ гордиться, что награды эти пріобрѣтены ими не легко, а путемъ многихъ тяжелыхъ испытаній и трудностей, перенесенныхъ въ опасныхъ экспедиціяхъ. Въ числѣ участниковъ дѣйствій, совершенныхъ отрядами, находившимися подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, встрѣчаемъ многихъ офицеровъ генеральнаго штаба, служба которыхъ рѣзко выдѣлялась какъ здѣсь, такъ и на другихъ театрахъ войны. Такъ, ближайшими помощниками князя по управленію штабомъ самурскаго отряда были сперва: А. П. Рудановскій, потомъ Б. Э. Индреніусъ; сверхъ того, въ его отрядахъ встрѣчаются болѣе или менѣе продолжительно: штабсъ-капитанъ Николай Федоровичъ Козляниновъ, капитанъ графъ Ѳедоръ Лонгиновичъ Гейденъ и штабсъ-капитанъ Николай Васильевичъ Исаковъ; капитаны: Михаилъ Эмануиловичъ Маркъ (уволенъ въ 1887 году генераломъ отъ инфантеріи), Николай Николаевичъ Дрейеръ, Аполлонъ Эристовичъ Циммерманъ (умеръ въ 1884 г. генераломъ отъ инфантеріи), штабсъ-капитанъ Михаилъ Ивановичъ Астафьевъ (умеръ въ 1884 году генералъ-лейтенантомъ), капитанъ Александръ Васильевичъ Фрейгангъ, штабсъ-капитанъ Дмитрій Христіановичъ Бушенъ (умеръ въ 1871 году генералъ-маіоромъ и директоромъ Пажескаго корпуса), капитанъ баронъ Леонтій Павловичъ Николаи (въ 1868 году уволенъ отъ службы, а въ 1891 г. умеръ во Франціи картезіанскимъ монахомъ) и много другихъ.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ экспедицій и походовъ, совершенныхъ въ горахъ Дагестана подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, наиболѣе славными и блестящими могутъ быть названы двукратныя предпріятія противъ Гергебиля (въ 1847 и 1848 гг.), осада и взятіе въ 1848 г. аула Салты, а въ 1849 г.—аула Чохъ. И въ этихъ славныхъ предпріятіяхъ встрѣчаемъ нѣсколько блестящихъ отличій, совершенныхъ офицерами генеральнаго штаба и заслуживающихъ быть сохраненными въ памяти потомства.

Экспедиція 1847 г. противъ Гергебиля и Салты, предпринятая подъ непосредственнымъ начальствомъ князя Воронцова, составляетъ одну изъ наиболѣе блестящихъ страницъ лѣтописей Кавказа: войскамъ дагестанскаго и самурскаго отрядовъ пришлось находиться въ сборѣ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, преодолѣвая громадныя трудности въ горахъ, дѣйствуя противъ всѣхъ соединенныхъ силъ Шамиля. При соединенныхъ отрядахъ, кромѣ офицеровъ генеральнаго штаба, принадлежащихъ къ этимъ отрядамъ, находилось еще нѣсколько чиновъ главнаго штаба кавказскаго корпуса, составлявшихъ походный штабъ главнокомандующаго. Въ числѣ наиболѣе отличенныхъ встрѣчаемъ двухъ молодыхъ офицеровъ: капитана графа Гейдена и поручика Исакова, обратившихъ на себя вниманіе старыхъ кавказскихъ служакъ.

Графъ Ѳ. Л. Гейденъ извѣстенъ уже по даргинской экспедиціи и по походу 1846 г. въ Чечню, гдѣ, находясь при заложеніи и постройкѣ Ачхоевскаго укрѣпленія, онъ заслужилъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ. Подъ Гергебилемъ и Салтами графъ исполнялъ самыя разнообразныя порученія, какъ въ раіонѣ осадныхъ работъ, такъ и при дѣйствіяхъ противъ скопищъ, стремившихся къ освобожденію осажденныхъ. За участіе свое при производствѣ траншейныхъ работъ противъ Салты графъ удостоенъ ордена св. Анны 2-й ст., а за отличіе и храбрость, высказанныя имъ 9-го Сентября, при занятіи нашими войсками юго-восточной стѣны аула и воронки, произведенной взрывомъ мины, награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ графъ Гейденъ раненъ ружейною пулею въ нижнюю часть живота, съ поврежденіемъ позвоночной кости. Рана эта, потребовавъ продолжительнаго леченія, остановила дальнѣйшее служеніе графа Гейдена на Кавказѣ, но, къ счастію, не имѣла опасныхъ послѣдствій, такъ что черезъ два года послѣ полученія ея графъ снова могъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ на равнинахъ Венгріи.

Николай Васильевичъ Исаковъ, произведенный въ офицеры конной артиллеріи въ 1839 г. изъ 1-го кадетскаго корпуса, кончивъ курсъ въ Военной Академіи, переведенъ въ концѣ 1845 г. въ генеральный штабъ поручикомъ, а въ Январѣ слѣдующаго года командированъ на Кавказъ. Въ томъ же году ему пришлось

участвовать, подъ начальствомъ Фрейтага, въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ, за что и награжденъ былъ орденомъ св. Анны 4-й ст. на саблю, съ надписью: «за храбрость». Слѣдующіе два года онъ дѣлалъ экспедиціи съ самурскимъ отрядомъ, причемъ за отличіе подъ Салты получилъ ордена св. Анны 3-й ст. и св. Владиміра 4-й ст. съ бантами, а въ 1848 г.—чинъ штабсъ капитана по линіи, за взятіе Гергебиля—золотое оружіе, а за участіе въ Сентябрѣ того-же года въ дѣйствіяхъ князя Аргутинскаго по освобожденію отъ осады горцами укрѣпленія Ахты и за разбитіе Шамиля при Мискенджи—чинъ капитана и званіе флигель-адъютанта.

Нельзя не замѣтить, что осада Салты и Гергебиля была первымъ боевымъ опытомъ и знаменитаго защитника Севастополя генералъ-адъютанта графа Э. И. Тотлебена. Въ этихъ же военныхъ дѣйствіяхъ встрѣчаемъ имена князя Барятинскаго, полковниковъ Орбеліани и Евдокимова. Такимъ образомъ, въ боевой школѣ князя Воронцова и князя Аргутинскаго, въ тяжелыхъ походахъ Дагестана, гдѣ приходилось бороться и съ природою, и съ предпріимчивымъ и грознымъ противникомъ, вырабатывались тѣ люди, которымъ суждено было занять высшія военныя должности царствованія Императора Александра II и быть главными дѣятелями въ наиболѣе важныхъ его событіяхъ.

1849 годъ ознаменованъ на Кавказѣ не менѣе труднымъ походомъ въ нагорный Дагестанъ и славною осадою укрѣпленнаго аула Чохъ, за которую, помимо другихъ награжденныхъ, удостоились получить золотое оружіе за храбрость капитанъ Свѣчинъ и штабсъ-капитанъ Астафьевъ.

Дмитрій Ивановичъ Свѣчинъ произведенъ офицеромъ въ артиллерію въ 1839 г. изъ 1-го московскаго кадетскаго корпуса и по выпускѣ изъ Военной Академіи переденъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ въ 1845 г. Послѣ обычнаго пребыванія на съемкѣ, онъ командированъ на Кавказъ, гдѣ, состоя при войскахъ самурскаго отряда, вскорѣ зарекомендовалъ себя съ самой лучшей стороны. Раненый подъ Гергебилемъ, онъ, въ 1848 г., за боевое отличіе произведенъ въ капитаны и награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а въ 1849 г. удостоенъ высокой награды золотымъ оружіемъ за храбрость. Къ сожалѣнію,

служба этого способнаго и храбраго офицера была непродолжительна: произведенный въ 1852 году за военныя дѣйствія на р. Бѣлой въ подполковники, онъ въ слѣдующемъ году скончался отъ головнаго ушиба при паденіи съ лошади во время рекогносцировки въ 1853 г. передъ Баяндурскимъ сраженіемъ.

Михаилъ Ивановичъ Астафьевъ, получивъ образованіе въ Дворянскомъ полку, произведенъ въ офицеры въ 1840 г. въ артиллерію, а въ 1845 г., по окончаніи академическаго курса, переведенъ въ генеральный штабъ поручикомъ. Съ этого времени служба его безъ перерывовъ принадлежитъ Кавказу, гдѣ всѣ чины получены имъ за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, а въ 1849 г. за блестящее отличіе, оказанное при штурмѣ аула Чохъ, пожаловано золотое оружіе.

Въ связи съ дѣйствіями въ Дагестанѣ, постоянныя экспедиціи были предпринимаемы и со стороны Лезгинской линіи, которая во время командованія кавказскимъ корпусомъ князя Воронцова не переставала постоянно усиливаться, не смотря на многія неблагопріятныя къ тому обстоятельства. Замѣтнымъ дѣятелемъ здѣсь по устройству линіи и проложенію сообщеній въ описываемую эпоху является бывшій офицеръ генеральнаго штаба, о которомъ упоминалось выше, при обзорѣ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ тридцатыхъ годахъ, Николай Ивановичъ Горскій. Состоя начальникомъ Джаро-Бѣлоканскаго военнаго округа и Лезгинской линіи, Горскій, въ 1846 г., заложилъ передовое укрѣпленіе Кадоръ, за что получилъ орденъ св. Станислава 1-й ст. Ближайшимъ помощникомъ его по части генеральнаго штаба былъ Дмитрій Ивановичъ Гродскій, переведенный въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ въ 1842 г., по окончаніи академическаго курса, а до того служившій въ артиллеріи, куда былъ выпущенъ въ 1831 г. изъ московскаго кадетскаго корпуса. Прибывъ на Кавказъ въ 1843 г., Гродскій почти все время, до 1849 г., находился на Лезгинской линіи, получивъ здѣсь за боевыя отличія чины подполковника и полковника, ордена св. Владиміра 4-й степ. съ бантомъ, св. Анны 2-й степ. и корону къ оному и, наконецъ, въ 1848 году, золотое оружіе за храбрость; въ этомъ же году онъ былъ назначенъ дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 21-й пѣхотной дивизіи, а въ слѣдующемъ году былъ при-

командированъ для узнанія строевой службы къ Образцовому пѣхотному полку.

По странной случайности, которая характеризуетъ тогдашнее время и взглядъ на генеральный штабъ и на образцовыя войска, Гродскій встрѣтился въ Образцовомъ пѣхотномъ полку съ своимъ бывшимъ начальникомъ Н. П. Горскимъ, который, не смотря на то, что былъ уже 10 лѣтъ въ чинѣ генералъ-маіора, имѣлъ орденскую ленту, что всѣ чины и ордена были имъ получены за боевыя отличія, былъ вынужденъ пробыть годъ при Образцовомъ полку для полученія дальнѣйшаго служебнаго движенія. Рядомъ съ нимъ, для достиженія той же цѣли, находился бывшій его подчиненный, едва произведенный въ полковники на 18-мъ году службы.

Въ 1851 г. оба они кончили срокъ своего пребыванія при образцовыхъ войскахъ, и генералъ Горскій получилъ мѣсто предсѣдателя межевой коммисіи Земли Войска Донскаго, а полковникъ Гродскій назначенъ сперва дивизіоннымъ квартирмейстеромъ 2-й легкой кавалерійской дивизіи, а въ 1853 г.—предсѣдателемъ межевой коммисіи Терскаго казачьяго войска.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ и съ Лезгинской линіи начинается болѣе рѣшительное движеніе внутрь Дагестана — въ Дидойскія общества и въ верховья Самура. Въ числѣ наиболѣе отличавшихся здѣсь за это время изъ чиновъ генеральнаго штаба можно указать подполковника Марка, замѣнившаго полковника Гродскаго въ должности дивизіоннаго квартирмейстера 21-й пѣхотной дивизіи, и полковника Кангера, находившагося при начальникѣ линіи съ 1850 по 1852 годъ.

Михаилъ Эмануиловичъ Маркъ кончилъ образованіе въ харьковскомъ университетѣ съ званіемъ дѣйствительнаго студента и, поступивъ на службу юнкеромъ въ С.-Петербургскій уланскій полкъ, произведенъ въ 1831 г. въ офицеры въ тотъ же полкъ, а за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ поляковъ получилъ орденъ съ Анны 3-й степени съ бантомъ. Поступивъ затѣмъ въ военную академію, онъ, по окончаніи курса, переведенъ, въ 1837 г., поручикомъ въ генеральный штабъ и до 1845 г. служилъ при 4-й легкой кавалерійской дивизіи съ полнымъ отличіемъ, о чемъ можетъ свидѣтельствовать полученный имъ въ 1842 г. орденъ

св. Владиміра 4-й степени. Съ производствомъ въ 1845 г. въ капитаны, Михаилъ Эмануиловичъ назначенъ былъ на службу на Кавказъ, гдѣ и оставался въ теченіе семи лѣтъ, участвуя въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Чечнѣ, Дагестанѣ, на Лезгинской линіи, а въ 1851 г. и на Лабѣ. Что служба его за это время не проходила безслѣдно, въ томъ лучше всего убѣждаютъ ежегодно получаемыя имъ награды, въ ряду которыхъ на первомъ планѣ стоятъ чины подполковника и полковника, полученные имъ за боевыя отличія въ 1849 и 1850 годахъ, и золотая сабля за храбрость, пожалованная за участіе въ іюньскомъ походѣ 1849 г. въ землю дидойцевъ. Послѣ всего этого, для обезпеченія своей дальнѣйшей служебной карьеры, имъ проведенъ годъ въ прикомандированіи къ Образцовому кавалерійскому полку, что доставило ему право въ 1853 г. быть занесеннымъ въ списокъ кандитатовъ на полученіе полка; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ состоять въ распоряженіи командующаго войсками въ Оренбургѣ.

Александръ Христіановичъ Капгеръ, будучи произведенъ въ 1829 г. изъ артиллерійскаго училища въ офицеры, участвовалъ въ Польской кампаніи, а потомъ, кончивъ академическій курсъ, переведенъ въ 1840 г. штабсъ-капитаномъ въ генеральный штабъ на Кавказъ и, пробывъ тамъ два года, назначенъ на государственную съемку въ Польшу; но занятія съемкою не привлекали натуру, жаждавшую дѣятельности, почему Капгеръ снова возвратился на Кавказъ, гдѣ получилъ въ 1843 г. чинъ капитана по линіи, а всѣ дальнѣйшіе чины пріобрѣталъ уже за боевыя отличія: въ 1844 г.—подполковника, въ 1847 г.—полковника; получивъ въ слѣдующемъ году орденъ св. Владиміра 3-й ст. за взятіе Гергебиля, онъ пробылъ годъ въ прикомандированіи къ Образцовому пѣхотному полку, откуда возвратясь снова на Кавказъ, состоялъ при Лезгинской линіи, гдѣ получилъ въ 1851 г. золотое оружіе за храбрость, а въ 1852 г. — чинъ генералъ-маіора и тогда же былъ назначенъ начальникомъ штаба Кавказской линіи.

На Лезгинской же линіи въ 1851 году появляется въ качествѣ офицера генеральнаго штаба капитанъ Радецкій, которому суждено было пріобрѣсти блестящую извѣстность при окончатель-

номъ покореніи Кавказа и впослѣдствіи на Шипкѣ. Федоръ Федоровичъ Радецкій произведенъ въ офицеры изъ главнаго инженернаго училища въ 1839 году въ кавказскій саперный баталіонъ. Получивъ за экспедицію въ Дарго чинъ поручика и орденъ св. Станислава 3-й ст. съ бантомъ, онъ поступилъ въ Военную Академію и, по окончаніи въ оной курса, будучи переведенъ въ 1850 году въ генеральный штабъ капитаномъ, снова вернулся на Кавказъ, гдѣ и оставался служить въ этомъ вѣдомствѣ до назначенія въ 1859 году командиромъ Дагестанскаго пѣхотнаго полка. Такъ какъ вся дальнѣйшая служба его принадлежитъ уже другой эпохѣ, то отмѣтимъ только, что, служа на Лезгинской линіи, онъ удостоился получить орденъ св. Анны 3-й ст. съ бантомъ за походъ 1852 года въ горные могалы, а въ 1853 году — св. Анны 2-й ст. за отраженіе нападенія Шамиля на линію.

Въ западной части Кавказа систематическія дѣйствія противъ горцевъ начаты были еще ранѣе вступленія графа Воронцова въ командованіе кавказскимъ корпусомъ; поэтому здѣсь съ 1845 года были лишь продолжаемы прежнія дѣйствія съ цѣлью стѣсненія горскаго населенія заселеніемъ Лабы и пространства между нею и Кубанью. Съ 1851 года приступлено къ перенесенію передовыхъ пунктовъ на р. Бѣлую и къ устройству Адагумской линіи. Всѣ эти предпріятія, а равно и необходимость періодическаго освѣженія гарнизоновъ на передовыхъ пунктахъ и снабженіе ихъ всѣмъ необходимымъ, служили поводомъ къ военнымъ дѣйствіямъ, доставившимъ возможность отличія многимъ офицерамъ генеральнаго штаба, между которыми наиболѣе часто встрѣчаемъ фамиліи: Карлгофа, Кроіеруса, Забудскаго, Сальстета, Комарова, Фока, Назанскаго, Ждань-Пушкина. Изъ нихъ первые пятеро по своей дѣятельности преимущественно принадлежатъ къ администраціи края, участвуя въ экспедиціяхъ лишь періодически, между тѣмъ какъ трое послѣднихъ почти исключительно всю свою службу проводили на передовыхъ линіяхъ при дѣйствующихъ войскахъ.

Николай Ивановичъ Карлгофъ (умеръ въ 1878 г. генераломъ отъ инфантеріи) произведенъ въ офицеры въ артиллерію въ 1824 году изъ 2-го кадетскаго корпуса и, кончивъ академиче-

скій курсъ, переведенъ въ 1841 году въ генеральный штабъ капитаномъ. Произведенный въ 1844 году по линіи въ подполковники, онъ въ слѣдующемъ году назначенъ на Кавказъ и почти безъ перерывовъ до 1854 года служилъ на Черноморской береговой линіи, гдѣ составилъ себѣ репутацію храбраго и распорядительнаго офицера, а съ 1850 года управлялъ штабомъ линіи. Будучи назначенъ въ 1854 г. оберъ-квартирмейстеромъ кавказскаго корпуса съ производствомъ въ генералъ-маіоры за удачное выполненіе операціи снятія постовъ съ береговой линіи, Н. И. Карлгофъ въ дальнѣйшей своей дѣятельности дѣлается уже участникомъ событій Восточной войны, а, будучи утвержденъ въ 1857 году генералъ-квартирмейстеромъ кавказской арміи, участвуетъ и въ послѣдовавшемъ затѣмъ покореніи Кавказа.

Аксель Самойловичъ Кроіерусъ, будучи выпущенъ изъ Финляндскаго кадетскаго корпуса въ 1835 году, служилъ въ артиллеріи, а по окончаніи академическаго курса съ 1844 года—въ генеральномъ штабѣ; будучи назначенъ въ 1849 году въ составъ кавказскаго корпуса, онъ постоянно находился на Кубани и здѣсь за участіе въ 1853 году въ экспедиціи удостоился получить золотое оружіе за храбрость; умеръ въ 1876 году въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

Еще болѣе продолжительно было служеніе на Кубани Николая Николаевича Забудскаго, который, будучи произведенъ въ офицеры изъ 2-го кадетскаго корпуса, въ 1840 году въ артиллерію, по окончаніи академическаго курса былъ переведенъ, въ 1846 году, поручикомъ въ генеральный штабъ, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ на Кавказъ; здѣсь онъ провелъ свою службу до 1865 года исключительно на правомъ флангѣ Кавказской линіи, пройдя постепенно должности старшаго адъютанта, оберъ-квартирмейстера и начальника штаба этого фланга; умеръ въ 1872 году генералъ-маіоромъ.

Сальстетъ служилъ до штабсъ-капитанскаго чина въ Навагинскомъ пѣхотномъ полку, еще при Вельяминовѣ занималъ разныя штабныя должности, за что и переведенъ въ генеральный штабъ, въ которомъ оставался до 1856 года, когда былъ назначенъ градоначальникомъ портоваго города Ейска.

Наркизъ Дмитріевичъ Комаровъ (умеръ въ 1881 г. генералъ-лейтенантомъ), начавъ службу юнкеромъ, въ 1828 году произведенъ въ офицеры Рыльскаго пѣхотнаго полка и въ 1832 г. переведенъ поручикомъ въ генеральный штабъ. Пройдя разныя штабныя должности, Н. Д. Комаровъ въ чинѣ подполковника былъ назначенъ въ 1845 году оберъ-квартирмейстеромъ своднаго кавалерійскаго корпуса, а по производствѣ въ полковники получилъ въ 1851 году мѣсто предсѣдателя межевой коммисіи Черноморскаго казачьяго войска. Прибытіе на Кавказъ доставило ему возможность участвовать въ закубанской экспедиціи 1853 года, за которую онъ удостоенъ награды золотымъ оружіемъ за храбрость.

Трое послѣднихъ изъ вышеназванныхъ офицеровъ (Фокъ, Жданъ-Пушкинъ и Назанскій) получили образованіе въ Дворянскомъ полку и затѣмъ, кончивъ курсъ въ Военной Академіи, служили въ генеральномъ штабѣ. Старшій изъ нихъ, Николай Александровичъ Фокъ (офицеромъ съ 1826 года), будучи переведенъ въ 1844 году въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ на Кавказъ, участвовалъ въ даргинской экспедиціи, за которую произведенъ въ капитаны. Домашнія обстоятельства вынудили его, однако, оставить Кавказъ въ 1848 году, а въ слѣдующемъ году даже выйти въ отставку. Но лишь только началась Венгерская кампанія, какъ Фокъ снова былъ принятъ въ генеральный штабъ прежнимъ капитанскимъ чиномъ, участвовалъ при штабѣ дѣйствующей арміи въ кампаніи, но, съ производствомъ въ 1851 году въ подполковники, снова возвратился на Кавказъ, гдѣ, состоя при войскахъ 20-й пѣхотной дивизіи, получилъ за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кубани ордена св. Анны 2-й ст., корону къ этому же ордену и въ 1853 г. золотое оружіе за храбрость. Викентій Викентьевичъ Жданъ-Пушкинъ (офицеромъ съ 1842 г.) переведенъ въ генеральный штабъ изъ артиллеріи поручикомъ въ 1848 году, и съ 1850 по 1855 годъ служилъ на Кавказской линіи, участвуя ежегодно въ экспедиціяхъ за Кубань и въ земли карачаевцевъ и галашевцевъ. Вслѣдствіе появленія въ это время за Кубанью Мехметъ-Амина, экспедиціи эти были сопряжены съ немалыми опасностями. Въ одну изъ таковыхъ экспедицій, предназначенныхъ для снабженія Абинскаго

укрѣпленія, именно въ концѣ Мая 1851 года, горцы въ большихъ массахъ затрудняли, какъ всегда, обратное слѣдованіе отряда на линію, такъ что приходилось штыками очищать себѣ путь; при одной изъ такихъ свалокъ штабсъ-капитанъ Жданъ-Пушкинъ, находившійся въ передовой цѣпи, былъ окруженъ 21-го Мая горцами, старавшимися взять его въ плѣнъ живымъ и бросившимися на него съ шашками, когда къ нему подоспѣла выручка; израненный шашками въ спину и правое плечо, офицеръ этотъ избѣгъ, однако, плѣна. За это дѣло имъ полученъ орденъ св. Анны 3 ст. съ бантомъ и назначена пенсія изъ инвалиднаго капитала. Излечившись отъ ранъ, штабсъ-капитанъ Жданъ-Пушкинъ оставался до Восточной войны на Кавказской линіи, гдѣ за боевое отличіе удостоенъ въ 1852 году орденомъ св. Анны 2-й ст.

Иванъ Николаевичъ Назанскій (офицеромъ съ 1842 г.) вступилъ въ генеральный штабъ штабсъ-капитаномъ въ 1850 г., а въ слѣдующемъ же году назначенъ на Кавказъ, гдѣ, оставаясь на правомъ флангѣ, въ короткое время до Восточной войны успѣлъ заслужить за боевыя отличія ордена св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, св. Анны 2-й ст. и золотое оружіе за храбрость; въ 1853 году И. И. Назанскій произведенъ по линіи въ капитаны.

Заканчивая этотъ обзоръ боевой дѣятельности офицеровъ генеральнаго штаба на Кавказѣ въ двадцатилѣтній періодъ, съ 1832 по 1853 годъ, нельзя не остановиться на длинномъ спискѣ славныхъ именъ изъ числа этихъ дѣятелей. Между ними видимъ имена первыхъ піонеровъ цивилизаціи, которые безстрашно пускались въ совершенно невѣдомыя намъ еще горы въ то время, когда правительство надѣялось путемъ мирныхъ сношеній подчинить себѣ свободныхъ сыновъ горъ; между ними находимъ передовыхъ вожаковъ, направляющихъ колонны нашихъ войскъ въ недоступныя ущелья и увлекающихъ эти колонны на непріятельскіе завалы; многіе изъ нихъ своею кровью и жизнью заплатили дань полувѣковой кавказской войнѣ. Въ рядахъ же генеральнаго штаба, перебывавшаго на Кавказѣ въ эту эпоху, встрѣчаемъ въ немаломъ числѣ и такихъ лицъ, которыя могущественно содѣйствовали боевому воспитанію кавказской арміи, ставшей во время

Восточной войны, не смотря на свою малочисленность, твердымъ оплотомъ противъ многочисленнѣйшаго непріятеля; стоитъ вспомнить только, что за это время славными Апшеронскимъ, Дагестанскимъ, Куринскимъ, Навагинскимъ, Тенгинскимъ полками командовали бывшіе офицеры генеральнаго штаба. Наконецъ, въ кавказской школѣ этого періода воспитывались многіе дѣятели, которымъ пришлось занять видное мѣсто въ событіяхъ царствованія Императора Александра II.

Приложенія къ главѣ XII.

---

(1) Свѣдѣнія о степени участія чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства въ событіяхъ 14-го Декабря заимствованы изъ сочиненій: М. И. Богдановича „Исторія царствованія Императора Александра I-го“, Д. А. Кропотова „Жизнеописаніе графа М. Н. Муравьева“ и изъ нѣкоторыхъ дѣлъ архива генеральнаго штаба.

(2) А. Н. Муравьеву всемилостивѣйше разрѣшено было въ 1828 г. опредѣлиться въ Восточной Сибири на должность городничаго или земскаго исправника, почему въ томъ же году онъ и поступилъ въ должность иркутскаго городничаго; въ 1831 г. онъ пожалованъ чиномъ статскаго совѣтника и назначенъ предсѣдателемъ иркутскаго губернскаго правленія, а въ слѣдующемъ году переведенъ на ту же должность въ Тобольскъ. Здѣсь оставался недолго: въ 1833 г. назначенъ предсѣдателемъ вятской палаты уголовнаго суда, въ 1835 г. переведенъ на ту же должность въ Таврическую губернію, а черезъ два года назначенъ и. д. архангельскаго гражданскаго губернатора, гдѣ оставался до увольненія отъ службы въ 1839 году. Въ 1843 г. А. Н. Муравьевъ, по Высочайшей волѣ, снова принятъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ 1846 г. назначенъ членомъ совѣта этого министерства, въ 1848 г. произведенъ въ дѣйств. стат. совѣтники, а въ 1851 г. зачисленъ въ генеральный штабъ полковникомъ и членомъ военно-ученаго комитета. Во время Восточной войны, въ 1855 г. назначенъ и. д. начальника штаба 2-го пѣхотнаго корпуса и произведенъ въ генералы-маіоры на 63 году отъ роду. Въ такія лѣта, конечно, военное поприще было не подъ силу, почему въ слѣдующемъ году онъ и назначенъ нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ и управляющимъ гражданскою частію. Получивъ чинъ генералъ-лейтенанта, назначенъ присутствующимъ въ московскіе департаменты правительствующаго сената, гдѣ и скончался въ 1864 году. Женатъ былъ на княжнѣ Прасковіи Михайловнѣ Шаховской, но дѣтей не оставилъ.

(3) Числительность чиновъ квартирмейстерской части взята по именному списку къ 1 Декабря 1825 года.

(4) Военная галерея Зимняго Дворца, томъ VI, біографія П. П. Сухтелена.

(5) Архивъ Николаевской Академіи генер. штаба, дѣло № 1.

(6) Приказъ по квартирмейстерской части 14 Іюля 1826 г. № 156 и архивъ генер. штаба дѣло № 715, 1826 года.

Въ офицеры были произведены колонновожатые: Адлербергъ и Лутовиковъ—лейбъ-гвардіи въ Конно-егерскій полкъ; два брата Кругликовы, л.-гв. въ Гренадерскій; Калустовъ, Липранди 2-й, Хо-

минскій, Штакельбергъ—въ л.-гв. Павловскій; Константиновъ, Липскій и Рочфортъ—въ 1-й конно-піонерный эскадронъ; Бергъ 4-й—въ 3-й піонерный батальонъ и Завадскій—въ Выборгскій пѣхотный полкъ. Переведены портупей-юнкерами: въ полки гвардейской кавалеріи—Бергъ 5-й, баронъ Стенбокъ-Ферморъ, Глѣбовъ, Саврасовъ, Либерихъ, князь Кантакузенъ, Голынскій, Ладыгинъ, Каразинъ, Гарцевичъ; въ л.-гв. Преображенскій полкъ—Враскій; въ армейскую кавалерію—баронъ Ливенъ 2-й и Зубовъ; въ артиллерію—Левашевъ и Гаусманъ; въ піонеры—Фохтъ.

(7) Мнѣніе генерала отъ инфантеріи Ф. Ф. Шуберта, представленное имъ въ 1851 году въ составленную по Высочайшему повелѣнію коммисію для изслѣдованія причинъ малаго числа офицеровъ, поступающихъ въ Императорскую Военную Академію.

(8) Число разныхъ чиновъ квартирмейстерскаго вѣдомства въ сравниваемыя двѣ эпохи было слѣдующее:

	Къ 1-му Января 1826 г.		Къ 1-му Декабря 1831 г.	
	Свиты по квартирмейстерской части и гвардейскаго генеральнаго штаба.	Корпуса топографовъ.	Генеральнаго штаба со включеніемъ гвардейскаго.	Корпуса топографовъ.
Генераловъ	33	—	36	—
Полковниковъ . .	41	—	39	—
Подполковниковъ .	17	—	18	3
Капитановъ	26	—	35	4
Штабсъ-капитан. .	24	2	41	1
Поручиковъ	45	5	68	7
Подпоручиковъ . .	53	2	12	13
Прапорщиковъ . .	79	10	—	19
Итого: генераловъ . .	33	—	36	—
штабъ-офиц. .	58	—	57	3
оберъ-офиц. .	227	19	156	44
Всего	318	19	249	47

(9) Подлинное письмо барона Жомини съ приложеніями въ архивѣ Николаевской Академіи генер. штаба, 1832 г., дѣло № 1.

(10) Въ проектѣ есть очень хорошія идеи. Школа эта составится изъ лучшихъ офицеровъ всѣхъ вѣдомствъ безъ исключенія, подъ начальствомъ Жомини и въ непосредственномъ вѣдѣніи начальника главнаго штаба; она будетъ содержима въ самой точной дисциплинѣ и всѣ будутъ жить вмѣстѣ; курсъ будетъ двухлѣтній, и я хочу въ немъ только высшую стратегію, географію и военную исторію.

(11) Приказы по квартирмейстерской части отъ 20-го Ноября, за № 238, и отъ 2-го Декабря, № 250.

(12) Приказы по квартирмейстерской части отъ 2-го Февраля 1827 года, за №№ 46 и 47.

(13) Высочайшій приказъ 3-го Февраля 1827 года.

(14) Объявлено въ приказѣ начальника главнаго штаба отъ 27-го Іюня 1827 г., № 150.

(15) Письма графа Сухтелена къ А. И. Нейдгарду, въ бумагахъ генер.-лейтенанта Ф. Ф. Торнау.

(16) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, № 2137 и № 2138.

(17) Исторія русскаго генер. штаба, томъ I, глава XI.

(18) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. 2, № 4443.

(19) Князь Петръ Дмитріевичъ Горчаковъ командовалъ войсками Кавказской линіи и 22-ю пѣхотною дивизіею, откуда въ Іюнѣ 1826 г. назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ II арміи вмѣсто уволеннаго въ отпускъ, до излеченія болѣзни, генералъ-маіора Хоментовскаго.

(20) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. 3, № 2,580.

(21) Въ астрономическихъ работахъ участвовали: гвардейскаго генеральнаго штаба—поручикъ Эссенъ и подпоручикъ Ходзко, генеральнаго штаба капитанъ Ортенбергъ, поручикъ Вронченко и штабсъ-капитанъ Котуковъ; въ топографическихъ же работахъ: генеральнаго штаба—штабсъ-капитанъ Бѣлоскурскій, поручики Будбергъ и фонъ-Ридигеръ, подпоручики: Апухтинъ, Стіернсканцъ, Мунстергольмъ, Маникинъ-Неустроевъ и Иванчиковъ.

(22) Рапортъ барона Дибича къ фельдмаршалу Витгенштейну 15-го Сентября 1827 г., № 350.

(23) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. 2, № 4443.

(24) Приказъ по генер. штабу 18-го Апрѣля 1828 г., № 94.

(25) Зачисленъ изъ отставки въ генеральный штабъ 1-го Января 1828 года, а назначенъ исправляющимъ должность генералъ-квартирмейстера II арміи 10-го Мая и утвержденъ въ этомъ званіи 8-го Іюля того же года.

(26) Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ командовалъ затѣмъ осаднымъ корпусомъ подъ Варною, гдѣ былъ раненъ ядромъ въ обѣ ноги; въ царствованіе Императора Николая I имѣлъ разныя порученія по дипломатической части, а во время восточной войны былъ главнокомандующимъ войскъ въ Крыму.

(27) Василій Алексѣевичъ Перовскій, братъ графа Льва Алексѣевича, съ отличіемъ участвовалъ затѣмъ при осадѣ Варны, гдѣ получилъ орденъ св. Анны 1-й ст., а впослѣдствіи былъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ и умеръ въ 1859 году.

(28) Изъ частныхъ писемъ Ф. Ф. Берга къ барону Е. Ф. Мейендорфу.

(29) Воспитанникъ Финляндскаго кадетскаго корпуса, Александръ Федоровичъ Тавастъ продолжалъ дальнѣйшую службу въ генеральномъ штабѣ до 1842 года, когда въ чинѣ полковника былъ назначенъ членомъ общаго присутствія комисаріатскаго департамента, съ зачисленіемъ по арміи.

(30) Описаніе турецкой войны 1828—1829 гг., Лукьяновича.

(31) Описаніе турецкой войны 1828—1829 гг., Лукьяновича. Начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Сазоновъ, и начальникъ инженеровъ дѣйствующей арміи, генералъ-маіоръ Трузсонъ 2-й, прибыли подъ Варну лишь 26-го Августа.

(32) Тамъ же.

(33) Частныя письма Ф. Ф. Берга къ барону Е. Ф. Мейндорфу.

(34) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. 2, № 2704.

(35) Частныя письма Ф. Ф. Берга.

(36) Архивъ канцеляріи военнаго министерства 1828 г., № 405.

(37) Письма фельдмаршала Дибича къ Государю въ 1829 г.

(38) Письма Ф. Ф. Берга къ барону Е. Ф. Мейендорфу.

(39) Письма фельдмаршала Дибича къ Государю.

(40) Съ 1823 г. въ генеральномъ штабѣ, а до того служилъ въ инженерномъ корпусѣ (съ 1808—1813 гг.); былъ адъютантомъ барона

Дибича (съ 1813—1816 гг.) и командиромъ Нарвскаго полка (съ 1817—1823 гг.). Впослѣдствіи (съ 1842—1851 гг.) былъ оренбургскимъ военнымъ губернаторомъ.

(41) „Военное обозрѣніе похода россійскихъ войскъ въ Европейской Турціи въ 1829 г.“, полковника А. Веригина.

(42) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. II, № 2795. Приказъ начальника штаба II арміи отъ 4-го Марта 1829 г., № 8.

(43) Поручики Бутурлинъ и Бларамбергъ переведены въ генеральный штабъ въ 1830 году.

(44) Умершіе отъ болѣзней: генералъ-лейтенантъ Понсетъ, полковники: Длусскій и Воеводскій, капитанъ Споре, штабсъ-капитанъ Германъ, поручики: Дитмаръ, Неѣловъ, Карповичъ, Гарфъ, Форсбергъ, подпоручики: Иванчиковъ, фонъ-Фаллеръ и Христіерипнъ.

(45) Интересныя записки А. Розеліонъ - Сошальскаго, веденныя имъ во время плѣна, напечатаны въ „Военномъ Сборникѣ“ 1858 года, №№ 5, 6 и 7.

(46) Золотое оружіе получили: генералъ-адъютанты: графъ Сухтеленъ и Киселевъ, генералъ-маіоры: князь Горчаковъ и Дурново; полковники: Вилламовъ, Рихтеръ, Кекъ и баронъ Ховенъ; капитаны: Вельяминовъ-Зерновъ, Крюковъ, Гастферъ и Богаевскій; штабсъ-капитанъ баронъ Ливенъ; поручикъ Тюфяевъ и подпоручикъ Искрицкій.

Приложенія къ главѣ XIII.

---

(1) Біографія графа П. П. Сухтелена 2-го въ „Военной галереѣ Зимняго Дворца“.

(2) Умеръ въ Стокгольмѣ въ 1836 году, на 79 году отъ роду.

(3) Письма графа Дибича къ Государю въ 1829 году.

(4) Ф. Смитъ, „Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг.

(5) А. Ст—вичъ, „Біографическій очеркъ П. Я. Купріянова“, въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1874 г., № 80.

(6) Ф. Смитъ, „Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг.

(7) А. П. Нейдгартъ родился въ 1780 г., а Ф. Ф. Бергъ въ 1793 г.

(8) Приказы по генеральному штабу дѣйствующей арміи въ 1831 г. въ воен. учен. архивѣ главнаго штаба отд. 2, № 3,121.

(9) Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. 2, № 3138; самыя правила напечатаны въ сборникѣ, изданномъ Ф. Смитомъ и переведенномъ на русскій языкъ В. Квитницкимъ, подъ заглавіемъ: „Отзывы и мнѣнія военно-начальниковъ о польской войнѣ 1831 г.“.

(10) Воен. учен. архивъ глав. штаба, отд. 2, № 3106, письмо фельдмаршала Дибича къ генер.-адъют. Чернышеву отъ 27 Января 1831 г. № 208.

(11) Приказы по генеральному штабу дѣйствующей арміи въ 1831 году. Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. 2, № 3121.

(12) Въ генеральномъ штабѣ съ 1815 года изъ Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка.

(13) Рапортъ полковника Вальховскаго генералу Нейдгарту, отъ 26-го Мая 1831 года, за № 99. Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. 2, № 3106.

(14) Предписаніе Нейдгарта Шуберту, отъ 31-го Мая 1831 г., № 944.

(15) Графъ Дибичъ умеръ отъ холеры, въ небольшомъ домикѣ, въ трехъ верстахъ отъ Пултуска 29-го Мая (10-го Іюня) 1831 года, наканунѣ знаменитой его побѣды въ 1829 году при Кулевчѣ. Сердце его было предано землѣ въ Пултускѣ, а тѣло, будучи набальзамировано, отвезено въ Петербургъ, гдѣ похоронено на протестанскомъ кладбищѣ Волкова поля. Графъ Дибичъ скончался на 47 году отъ роду.

(16) Ф. Смитъ, „Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг.“.

(17) Полный послужной списокъ генералъ-фельдмаршала графа Берга.

(18) Ф. Смитъ, „Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг.“.

(19) Высочайшимъ приказомъ 5-го Сентября 1831 г.

(20) Воен.-учен. архивъ глав. штаба, 2 отд. № 3154.

(21) Ф. Смитъ, „Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг.".

(22) Послужной списокъ Сливицкаго.

(23) Изъ разсказовъ генерала Даненберга.

(24) Послужной списокъ капитана Цуханова, уволеннаго въ 1833 г. въ отставку, за ранами, съ полною пенсіею.

(25) Послужные списки названныхъ офицеровъ.

(26) Ф. Смитъ, „Исторія польскаго возстанія и войны 1830 и 1831 гг.".

(27) Матеріалы для біографіи Р. К. Фрейтага обязательно доставлены намъ покойнымъ П. К. Меньковымъ, который въ 1851 году составилъ изъ нихъ и напечаталъ въ „Русскомъ Инвалидѣ" біографическій очеркъ этого блестящаго представителя генеральнаго штаба.

(28) Родился въ 1802 году въ м. Зербенъ, Лифляндской губерніи, гдѣ отецъ его, уроженецъ Саксоніи, былъ пасторомъ. Послѣ смерти отца въ 1804 году, Фрейтагъ съ матерью переселился въ Старую-Руссу, откуда въ 1809 г. опредѣленъ въ корпусъ.

(29) Со словъ генерала Торнау, въ чинѣ прапорщика сопровождавшаго Фрейтага въ этихъ рекогносцировкахъ.

(30) Въ польскую кампанію Фрейтагъ получилъ слѣдующія награды: за сраженіе подъ Гроховомъ: св. Анны 3-й ст. съ бантомъ; за дѣло при Ендржеевѣ—св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ; за сраженіе при Остроленкѣ—чинъ капитана и за Варшаву — орденъ св. Анны 2-й ст.

(31) Разстроенное кампаніею здоровье полковника Брадке не дозволило ему долго оставаться въ этой трудной должности; произведенный за участіе въ штурмѣ Варшавы въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ уѣхалъ изъ Варшавы въ отпускъ, а затѣмъ дальнѣйшую службу продолжалъ по министерству народнаго просвѣщенія, въ должности попечителя кіевскаго учебнаго округа (съ 1832—1839 г.), затѣмъ, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ директоромъ 3-го департамента, потомъ сенаторомъ въ 3-мъ департаментѣ правительствующаго сената и, наконецъ, въ должности попечителя дерптскаго учебнаго округа. На всѣхъ этихъ поприщахъ, также какъ и на военномъ, Егоръ Федоровичъ Брадке оставилъ по себѣ память способнаго и въ высшей степени добросовѣстнаго слуги отечества.

(32) Эрастъ Константиновичъ Длотовскій началъ службу въ Орденскомъ кирасирскомъ полку офицеромъ съ 1825 года, а въ Маѣ 1831 г. переведенъ въ генер. штабъ и получилъ золотое оружіе за Варшаву; съ 1881 г., въ чинѣ генерала отъ инфантеріи, состоялъ предсѣдателемъ главнаго военнаго суда; умеръ въ 1887 году.

(33) „Histoire de la campagne de 1800 en Italie" и „Mémoire sur les principes de la stratégie".

(34) „Histoire de la guerre contre les rebelles polonais en 1831", и „Essai critique sur les opérations de l'armée russe en Pologne en 1831".

Приложенія къ главѣ XIV.

(¹) Письмо генералъ-адъютанта барона Жомини съ запиской о надлежащей организаціи генеральнаго штаба въ дѣлѣ № 1, 1832 г., архивъ Николаевской Академіи генер. штаба.

(²) Подлинная слова письма управлявшаго главнымъ штабомъ генер.-адъют. Чернышева къ барону Жомини, отъ 3-го Октября 1829 г., № 2218. (Архивъ Никол. Академіи генер. шт. 1832 г., дѣло № 1).

(³) Отношеніе генер.-адъют. Чернышева къ барону Жомини, отъ 23-го Декабря 1829 года, № 2834 (тамъ-же).

(⁴) **ШТАТЪ**

ВОЕННОЙ АКАДЕМІИ.

Высочайше утвержденъ 4-го Октября 1830 г.

	Число людей.	На содержаніе въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.	
		руб.	к.	руб.	к.
Президентъ изъ генераловъ	1	жалов	ан.	по чин	у.
Вице-президентъ изъ генераловъ или полковниковъ . .	1	жалов	ан.	по чин	у.
Имъ столовыхъ: генералъ-лейтенанту противъ дивизіоннаго командира, генералъ-маіору противъ бригаднаго, полковнику противъ полковаго.					
Штабъ-офицеровъ, начальствующихъ надъ офицерами .	4	жалов	ан.	по чин	у.
Имъ столовыхъ: двумъ исполняющимъ должности Инспекторовъ отдѣленій	—	3000	—	6000	—
Остальнымъ двумъ	—	2000	—	4000	—
Адъютантъ при президентѣ	1	жалов	ан.	по чин	у.
Адъютантъ при Академіи	1	жалов	ан.	по чин	у.
Ему столовыхъ	—	600	—	600	—
На жалованье профессорамъ и учителямъ, по мѣрѣ надобности	—	—	—	30000	—
Обучающихся офицеровъ	40	жалов	ан.	по чина	мъ.
Имъ прибавки къ жалованью	—	500	—	20000	—
Правитель дѣлъ при Академіи.	1	2500	—	2500	—
Журналистъ, онъ-же и архиваріусъ	1	1000	—	1000	—
Казначей.	1	1500	—	1500	—
Оба изъ гражданскихъ чиновъ.					
Докторъ	1	600	—	600	—
Фельдшеръ	1	100	—	100	—

Рисовальщиковъ, унтеръ-офицеровъ изъ военныхъ кантонистовъ	2	120	—	240	—
Писарей изъ военныхъ кантонистовъ: I класса. . .	3	120	—	360	—
II » . . .	3	90	—	270	—
На медали	—	—	—	500	—
На чертежные и письменные припасы по части учебной .	—	—	—	4000	—
На ежегодное пополненіе кабинета моделей и инструментовъ	—	—	—	3000	—
На канцелярскіе расходы по Академіи	—	—	—	1500	—
ИТОГО . . .	61	—	—	76170	—

Сверхъ того, единовременно на пріобрѣтеніе инструментовъ и моделей 6,000 руб.

Примѣчанія: 1) Число служительской команды, расходы на покупку дома, мебели и на ежегодное содержаніе оныхъ опредѣлены будутъ впослѣдствіи, смотря по тому помѣщенію, которое для Академіи назначится.

2) Посѣщающіе Академію офицеры артиллерійскаго и главнаго инженернаго училищъ, равно какъ и образуемые въ оной офицеры гвардіи, обязанные подпискою, что могутъ содержать себя въ оной, прибавки къ жалованью не получаютъ. Вслѣдствіе сего, число обучающихся офицеровъ можетъ быть увеличено и до 50, съ тѣмъ только, чтобы не превзойти суммы 20-ти тысячъ рублей, опредѣленныхъ на прибавочное жалованье.

3) Военные чины, при Академіи состоящіе, имѣютъ мундиры тѣхъ учебныхъ корпусовъ и полковъ, въ коихъ они числятся. Пенсіоны за выслугу лѣтъ президенту, вице-президенту и штабъ-офицерамъ назначаются на общемъ положеніи о военныхъ чинахъ.

4) Гражданскіе чиновники, по внутреннему управленію Академіи состоящіе, переименовываются въ классные чины, сообразно съ Высочайшимъ указомъ отъ 21-го Іюня 1829 года, и имѣютъ мундиръ, присвоенный чиновникамъ военнаго вѣдомства. Въ отношеніи къ пенсіямъ за выслугу лѣтъ сравниваются: Правитель дѣлъ съ начальниками отдѣленій, журналистъ съ журналистами и казначей съ казначеями министерскихъ департаментовъ.

5) Жалованье всѣмъ чинамъ производится отъ коммисаріата, который, дѣлая вычетъ изъ жалованья и столовыхъ денегъ на госпиталь, медикаменты, за повышеніе чинами и проч., со всѣхъ высшихъ и нижнихъ чиновъ (кромѣ деньщиковъ), отсылаетъ ихъ въ надлежащія мѣста, на основаніи общаго о семъ узаконенія.

6) Провіантъ деньщикамъ отпускать отъ провіантскаго вѣдомства на каждаго человѣка въ годъ: муки по три четверти, крупъ по два четверика и два гарнца.

(5) Съ 1839 года преимущество это распространено и на гвардейскихъ офицеровъ.

(6) Высочайшій приказъ 11-го Января 1832 года.

(7) Докладная записка генералъ Сухозанета 29 Февраля 1832 г., № 66.

(8) Высочайшій приказъ 16-го Мая 1832 года.

(9) Офицеры эти были по экзаменному старшинству: л.-гв. Семеновскаго полка прапорщикъ Голенищевъ-Кутузовъ, 10-го Егерскаго

полка подпоручикъ Ненарокомовъ, л.-гв. Кирасирскаго полка, корнетъ Бибиковъ, л.-гв. Семеновскаго полка прапорщикъ Линдефорсъ, 3-го резервнаго Сапернаго баталіона поручикъ Никифоровъ, л.-гв. Московскаго полка прапорщикъ Жуковскій, 5-й артиллерійской бригады подпоручикъ Иванинъ, Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Чайковскій 2-й, л.-гв. Сапернаго баталіона прапорщикъ Старкъ, л.-гв. конной артиллеріи прапорщикъ князь Четвертинскій, л.-гв. Финляндскаго полка прапорщикъ Бѣлозоръ, 23-й артиллерійской бригады прапорщикъ Индреніусъ, Орловскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Вишневъ, л.-гв. Преображенскаго полка прапорщикъ Непокойчицкій, л.-гв. Коннаго полка корнетъ баронъ Тизенгаузенъ, л.-гв. Волынскаго полка прапорщикъ Алехинъ, Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Чайковскій 1-й, 3-й артиллерійской бригады прапорщикъ Веймарнъ, Троицкаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Фолькенгагенъ, л.-гв. Преображенскаго полка прапорщикъ баронъ Корфъ, 14-й конно-артиллерійской роты подпоручикъ Пестовъ, л.-гв. Коннаго полка корнетъ баронъ Крейцъ, 2-й артиллерійской бригады поручикъ Нагель, гвардіи инженеръ поручикъ Нейманъ (безъ экзамена), состоящій по кавалеріи поручикъ Шубертъ, л.-гв. Уланскаго Его Высочества полка, корнетъ Липгартъ, 2-й конно-артиллерійской бригады поручикъ Васильевъ; изъ нихъ Шубертъ и Васильевъ по вторичному экзамену.

(10) Дневникъ барона Л. И. Зедделера.

Приложенія къ главѣ XV.

(1) Дневникъ барона Л. И. Зедделера.

(2) Академическій архивъ, дѣло 1834 г. № 59.

(3) Высочайшій приказъ 3-го Октября 1834 г.

(4) Списокъ штабъ-офицеровъ для начальствованія надъ обучающимися въ Академіи офицерами за время съ 1832 по 1888 годъ.

(5) Рѣчь И. О. Сухозанета, сказанная имъ при собраніи обучавшихся въ Академіи офицеровъ 14-го Ноября 1846 года. Русскій архивъ 1875 года—„Изъ далекаго прошлаго".

(6) Приказы военнаго министра 6-го Декабря 1838 г. и 10-го Августа 1839 г.

(7) Приказъ по воен. вѣдомству 15-го Марта 1850 г., № 20; прикомандированіе къ образцовымъ войскамъ прекращено въ 1853 году, вслѣдствіе Восточной войны, а затѣмъ болѣе не возобновлялось.

(8) Изданіе „Руководства къ изученію тактики" было прощаніемъ Ф. И. Горемыкина съ Академіею и даже съ генеральнымъ штабомъ: въ томъ же 1849 г. онъ назначенъ адъютантомъ Великаго Князя Михаила Павловича съ переводомъ въ л.-гв. Московскій полкъ, а въ 1850 г. скончался.

(9) А. П. Карцевъ кончилъ Академію въ 1841 году съ малою серебряною медалью, а покинулъ профессорство въ 1855 году, будучи въ чинѣ генералъ-маіора Свиты Его Импер. Велич. Дальнѣйшая служба А. П. была съ 1860—1868 годъ на Кавказѣ, гдѣ онъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта за боевое отличіе противъ горцевъ и занималъ должности начальника штаба кавказской арміи и помощника главнокомандующаго этой арміи. Назначенный въ 1868 г. членомъ государственнаго совѣта, онъ въ слѣдующемъ году вступилъ въ командованіе войсками Харьковскаго военнаго округа, а въ 1875 г. умеръ въ чинѣ генерала отъ инфантеріи и въ званіи генералъ-адъютанта.

(10) Журналъ совѣта Военной Академіи 27-го Марта 1843 года.

(11) Неприкосновенный капиталъ Академіи составился при ея основаніи изъ остатка въ 27,907 р. 98¼ коп. ассигн. отъ перестройки дома Академіи.

(12) Подлинныя слова академическаго отчета за учебный 1848/49 годъ.

(13) Алексѣй Павловичъ Болотовъ кончилъ курсъ ученія въ муравьевскомъ училищѣ колонновожатыхъ, былъ произведенъ въ 1821 году въ прапорщики свиты по квартирмейстерской части и оставленъ при училищѣ; а въ 1823 году, когда училище переведено

было въ Петербургѣ, Болотовъ назначенъ на виленскую государственную съемку. Умеръ въ 1853 году въ чинѣ генералъ-маіора.

(14) Въ первое двадцатилѣтіе преподавателями фортификаціи были—инженеръ штабсъ-капитанъ Ласковскій (съ 1832—1850 г.) и инженеръ-капитанъ Квистъ; а по артиллеріи за то же время: л.-гв. 1-й артиллер. бригады полковникъ Вессель, л.-гв. конной артиллеріи поручикъ Рѣзвой, состоящій по полевой конной артиллеріи штабсъ-капитанъ Силичъ и артиллеріи полковникъ Баумгартъ.

(15) Архивъ Николаев. Акад. генер. штаба, дѣло 1832 г., № 34; рапортъ генерала Сухозанета 15-го Ноября 1832 г., № 399.

(16) Приказъ военнаго министра 7-го Мая 1833 г., № 41.

(17) Приказъ по военному вѣдомству 18-го Апрѣля 1835 года, № 49.

(18) Вѣдомость числа явившихся въ Академію къ экзамену, принятыхъ по оному и окончившихъ курсъ съ 1832 по 1887 годъ.

(19) Приказъ по Императорской Военной Академіи 8-го Декабря 1834 года, № 310.

(20) Съ 1834 года были произведены въ генеральный штабъ, безъ прохожденія академическаго курса, а только вслѣдствіе причисленія къ генер. штабу:

Въ 1834 г. Л.-гв. Драгун. п. пор. Сергѣй Иван. Волковъ, бывшій впослѣдствіи директоромъ института горн. инжен.

— 1837 г. Полев. инженеръ-пор. Николай Тарасьев. Андреевскій, умеръ въ 1859 г. полковникомъ, нач. отдѣл. В. Т. Д.

— 1839 г. Л.-гв. Измайл. п. пор. Конст. Карлов. Жерве,—1849 г. умеръ капит. гвар. ген. шт.

— 1843 г. Л.-гв. Преображ. п. пор. графъ Ф. Л. Гейденъ—нынѣ г. губер. и ком. в. В. Кн. Финляндскаго.

— 1845 г. 1-го конно-піонер. эск. подпол. Василій Кирил. Ульрихъ—генер.-лейт., быв. эстлянд. гражд. губер.

— 1848 г. Л.-гв. Кон. п. пор. Григ. Васильев. Мещериновъ,—нынѣ команд. в. Казан. в. о.

— — — Л.-гв. Волын. п. пор. Теслевъ,—1850 г. увол. шт.-капит. гвард. генер. шт.

— 1851 г. Л.-гв. Преображ. п. подпор. Веймарнъ, Өедоръ Петров.,—генер.-лейт., команд. 7 пѣх. див.

— 1852 г. Л.-гв. Семенов. п. шт.-кап. бар. Гибшъ-фонъ-Гросталь,—нынѣ бакинскій губер.

— 1856 г. Драг. Е. И. В. Вел. Кн. Констант. Никол. п. пор. Голенковскій, Алексѣй Николаевичъ,—1887 г. уволенъ ген.-лейт.

— — — Л.-гв. Финл. п. шт.-кап. Защукъ,—ком. въ 1869 г. 128 пѣх. Старооскольск. п.

(21) Полное собраніе законовъ 1840 г., № 13288.

(22) Приказъ по генеральному штабу 24-го Іюля 1843 г., № 200.

(23) Записка генерала Сухозанета 1848 года — о комплектованіи Императорской Военной Академіи и о зависимости онаго отъ прохожденія службы въ генеральномъ штабѣ.

(24) Предписаніе военнаго министра на имя директора Академіи отъ 2-го Октября 1851 года, № 10344.

Приложенія къ главѣ XVI.

(¹) Высочайшій приказъ 26-го Января 1834 г.

(²) Ф. Ф. Шубертъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты 6-го Октября 1831 г., а Бергъ—5-го Сентября того-же года.

(³) Высочайшій приказъ 24-го Февраля 1855 г.

(⁴) Записка генералъ - лейтенанта Нейдгарта отъ 28-го Ноября 1831 г., за № 2865, въ дѣлѣ № 667 архива генеральнаго штаба.

(⁵) Записка генералъ-адъютанта Нейдгарта отъ 8-го Марта 1832 г., тамъ-же.

(⁶) Полное собраніе законовъ 1832 г.

(⁷) Въ гвардейскій генеральный штабъ были назначены изъ выпусковъ: 1834 г. поручикъ Старкъ (1) *), Жуковскій (2) и Линдфорсъ (6); 1835 г.—поручикъ Вунчъ (2) и штабсъ-капитанъ Горемыкинъ (3); 1836 г.—поручикъ Милютинъ (2); 1837 г.—поручикъ Кузминскій (2); 1838 г.—штабсъ-капитанъ Семека (3), поручикъ Баумгартенъ (4); 1839 г.—штабсъ-капитанъ Лермонтовъ (1); 1840 г.—штабсъ-капитанъ Минквицъ (1), есаулъ Поповъ (2), поручикъ Козляниновъ (6); 1841 г.—штабсъ-капитанъ Карцевъ (1); 1842 г.—штабсъ-капитанъ Талызинъ (1); 1843 г.—штабсъ-капитанъ Арцыбашевъ (3) и Харковъ (4); 1845 г.—штабсъ-капитанъ Свѣчинъ (4); 1847 г.—рот. Казнаковъ (1) и штабсъ-капитанъ Лошкаревъ (2); 1848 г.—капитанъ Гасфортъ (1), поручикъ Зотовъ (2), шт.-рот. Ковалевскій (3); 1849 г.—штабсъ-капитанъ Никитинъ (1), поручикъ Новиковъ (2), штабсъ-капитанъ Кармалинъ (6); 1850 г.—поручикъ Альфтанъ (1), капитанъ Леонтьевъ (2); 1851 г.—шт.-рот. Игнатьевъ (1), штабсъ-капитанъ Чарторижскій (2), штабсъ-капитанъ Христіани (3); 1852 г.—штабсъ-капитанъ Шидловскій (1), поручикъ Полтарацкій (4), штабсъ-капитанъ Турчаниновъ (5), капитанъ Быховецъ (6); 1854 г.—штабсъ-капитанъ Обручевъ (1), капитанъ Окербломъ (2), капитанъ Роопъ (3), шт.-рот. Яновскій (7), штабсъ-капитанъ Савицкій (8), штабсъ-капитанъ Туткевичъ (9), штабсъ-капитанъ Салацкій (11), поручикъ Антоновъ (14); 1855 г.—штабсъ-капитаны: Багговутъ (1), Раухъ (6), Оскерко (7), поручикъ Дурново (10); 1856 г. — штабсъ-капитанъ Драгомировъ (1), шт.-рот. Гакманъ (4), шт.-рот. Тепляковъ (5), капитанъ Ореусъ (12); 1858 г.—поручикъ Анненковъ (1), шт.-рот. кн. Голицынъ (4), рот. Дараганъ (5); 1859 г.—поручикъ Левицкій (1); 1860 г.—штабсъ-капитанъ Косычъ (8), капитанъ князь Щербатовъ (15); 1861 г. — штабсъ-капитанъ Любовицкій (1), поручикъ Лобко 1-й (2), штабсъ-капитанъ князь Имеретинскій (4).

---

*) Цыфра при фамиліи означаетъ которымъ былъ по экзаменному списку при выпускѣ изъ Военной Академіи.

(8) Пояснительная записка къ штату генеральнаго штаба, въ дѣлѣ № 667 архива генеральнаго штаба.

(9) Контрольное отдѣленіе учреждено было въ 1831 году при канцеляріи управлявшаго генеральнымъ штабомъ, для повѣрки отчетовъ о суммахъ, отпускаемыхъ на съемки и другія занятія генеральнаго штаба; начальникомъ онаго былъ тогда же назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Ушаковъ (Аполлонъ Аполлоновичъ), а помощникомъ къ нему корпуса топографовъ подполковникъ Неѣловъ. Приказъ по генеральному штабу 21-го Октября 1831 г., № 252.

(10) Въ 1832 г. сухопутныя вооруженныя силы Имперіи составляли: шесть пѣхотныхъ корпусовъ, каждый изъ одной кавалерійской, трехъ пѣхотныхъ дивизій и одной сводной пѣхотной бригады; пять резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ, каждый въ двѣ дивизіи; корпуса эти были распредѣлены между двумя арміями: дѣйствующею и 1-ю арміею; отдѣльные корпуса: гвардейскій и гренадерскій, каждый изъ 3-хъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій; кавказскій изъ гренадерской бригады и двухъ дивизій (21-я и 22-я); оренбургскій и сибирскій, въ каждомъ по одной дивизіи; войскъ въ Финляндіи расположенныхъ—одна дивизія; военныя поселенія и резервныя войска—7 резервныхъ дивизій; наконецъ, отдѣльный корпусъ внутренней стражи.

(11) Противъ прежняго штата прибавленъ въ штабѣ каждой арміи третій старшій адъютантъ, для завѣдыванія введеннымъ на основаніи опыта Польской войны третьимъ—топографическимъ отдѣленіемъ, къ которому присоединялась и чертежная.

(12) Приказъ по военному вѣдомству 1-го Января 1835 г., № 1.

(13) Полное собраніе законовъ 1838 г., ст. 10966.

(14) Отношеніе военнаго министра къ Его Императорскому Высочеству главному начальнику пажескаго, всѣхъ сухопутныхъ кадетскихъ корпусовъ и дворянскаго полка отъ 7-го Марта 1836 г., за № 595; архивъ генеральнаго штаба 1838 г., дѣло № 506.

(15) Полное собраніе законовъ 1832 г., ст. 5828.

(16) Прикомандированы были къ образцовымъ войскамъ: въ 1832 г.—полковникъ Шрамъ 1-й; 1833 г. — полковникъ Коцебу 1-й; 1836 г.—подполковникъ Веригинъ; 1837 г.—генералъ-маіоръ баронъ Ховенъ, полковники Богаевскій и Мартинау; 1838 г. — полковники: Петровъ, Скалонъ 1-й и Горскій; 1839 г.—полковникъ Дайнезе и подполковники Похитоновъ и Форстенъ; 1841 г.—полковники: Озерскій и Ковалевскій; 1843 г.—полковники: Бломъ, Левшинъ, Новицкій, Шульцъ и Яковлевъ; 1844 г.—полковникъ Прибытковъ; 1846 г.—полковникъ Бруннеръ и подполковникъ Вранкенъ; 1848 г.—полковники: Чириковъ, Бибиковъ и Капгеръ; 1849 г.—полковники: Гросманъ, Тетеревниковъ, Гродскій, фонъ-Цеймернъ и Веревкинъ; 1850 г.—полковники: Мильковскій, Дараганъ, Гангартъ, Райзеръ, Марковичъ, Натъ; 1851 г.—полковники: Печковскій и Маркъ; 1852 г.—полковники: Мицевичъ, Кузминскій, Веймарнъ 2-й (Петръ Владиміровичъ); 1853 г.—полковники: Дуброво и Ульрихъ. Изъ числа названныхъ штабъ-офицеровъ получили полки: подполковники: Александръ Ивановичъ Веригинъ въ 1836 г. Люблинскій пѣхотный; полк. Карлъ Александр. Мартинау въ 1837 г.—Невскій морской; полковники: Николай Антоновичъ Скалонъ въ 1839 г.—Бѣлостокскій пѣхотный; въ 1842 г. Михаилъ Константин. Ковалевскій—Невскій

морской и Венедиктъ Григорьев. Богаевскій—Модлинскій пѣхотный; въ 1846 г. полковникъ Георгій Васильевичъ Новицкій—Ставропольскій егерскій; въ 1847 г. подполковникъ Агафонъ Карловичъ Вранкенъ—Прагскій пѣхотный; въ 1848 г. полковникъ Андрей Осиповичъ Бруннеръ—Брестскій пѣхотный; въ 1849 г. полковникъ Дмитрій Сергѣевичъ Бибиковъ—Охотскій егерскій; въ 1850 г. полковникъ Александръ Николаев. Веревкинъ—Тенгинскій пѣхотный; въ 1851 г. полковникъ Николай Осиповичъ Печковскій — Сѣвскій пѣхотный; въ 1852 г. полковникъ Александръ Петровичъ Кузминскій—Гусарскій ея императорскаго величества королевы Виртембергской. Кромѣ того, обратились въ строй изъ образцовыхъ войскъ: въ 1850 году полковники: Гросманъ—въ Новороссійскій драгунскій полкъ и Михаилъ Ивановичъ Дараганъ—въ Минскій пѣхотный полкъ (съ 1852—1857 г. командовалъ Замосцкимъ егер. п.).

(17) Полное собраніе законовъ 1843 г., ст. 17313.

(18) Приказъ по генеральному штабу 25-го Ноября 1852 г., № 425.

(19) Начальниками межевыхъ съемокъ казенныхъ земель были назначены: въ 1837 г.: подполковникъ Николай Кузьмичъ Тетеревниковъ—Саратовской губерніи; полковники: Петръ Парфеновичъ Бунинъ—Оренбургской; Михаилъ Петровичъ Бутовскій по размежеванію земель Букеевской орды съ Уральскимъ казачьимъ войскомъ; Аполлосъ Агафоновичъ Бестевъ (произведен. въ прапорщ. за Бородино)—Таврической губ.; Федоръ Ивановичъ Гене — Кавказской области; Николай Васильевичъ Петровъ 3-й—Сибирскихъ губерній; Владиміръ Ивановичъ Филиповичъ—корабельныхъ лѣсовъ; въ 1838 году: Карлъ Бургартовичъ фонъ-Венцель—инспекторомъ межеванія казенныхъ земель; Петръ Августовичъ Бергенстроле—сибирскихъ губерній; Владим. Тимоф. Андреевскій—учебной съемки гражданскихъ топографовъ; Каменскій — экономической съемки Кіевской, Волынской и Подольской губерній; Сохацкій—Кавказской области; въ 1840 г. подполковникъ Тимофей Ивановичъ Гаринъ — Кіевской, Подольской и Волынской губ.; полковникъ Валеріанъ Васильевичъ Пассекъ—Сибири; въ 1842 г., подполковники: Петръ Васильевичъ Немировичъ - Данченко — Кавказской области; Карлъ Ивановичъ Стіернсканцъ—Оренбургской губерніи; въ 1843 г. полковникъ Андрей Ивановичъ Будбергъ—Сибири; въ 1847 г.: подполковники: Иванъ Егоровичъ Гангардтъ—Кавказской области; Отто Оттовичъ фонъ-Эссенъ—Оренбургской губерніи; въ 1851 г., полковники: Наркизъ Дмитріевичъ Комаровъ — Черноморскаго казачьяго войска; Облеуховъ—Восточной Сибири; въ 1852—1853 г.г., послѣдовательно, сперва полковникъ Александръ Андреевичъ Невѣровскій, а затѣмъ полковникъ Василій Корниловичъ Ульрихъ—инспекторами межеванія казенныхъ земель.

(20) Кромѣ названныхъ въ пун. 16, штабъ-офицеровъ генеральнаго штаба получившихъ полки, въ царствованіе Императора Николая назначены были еще изъ того-же корпуса командирами полковъ: полковники: въ 1835 г. Александръ Клеониковичъ Ушаковъ—Галицкаго егерскаго; въ 1840 г. Робертъ Карловичъ Фрейтагъ—Куринскаго пѣхотнаго; въ 1844 г. Деомидъ Васильев. Пассекъ—Апшеронскаго пѣхотнаго; въ 1845 г. баронъ Ипполитъ Александр. Вревскій—Навагинскаго пѣхотнаго; въ 1846 г. Федоръ Филиппов. фонъ-Ридигеръ—гренадерскаго принца Фридриха Нидерландскаго.

(21) Приказъ по генеральному штабу 15-го Ноября 1834 г., № 294.

(22) Полное собраніе законовъ 1839 г., ст. 12754.

(23) Полное собраніе законовъ 1838 г., ст. 11752. Высочайшее повелѣніе это объявлено въ приказѣ по генеральному штабу 1-го Декабря 1838 г., № 307.

(24) Полное собраніе законовъ 1847 г., № 21649.

(25) Историческій очеркъ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ съ 1822—1872 г.г., изданный по поводу 50-ти-лѣтняго юбилея этого вѣдомства.

(26) Въ 1842 г. изъ корпуса топографовъ состояли: при министерствѣ двора полковникъ Тарасовъ, управлявшій чертежною департамента удѣловъ; въ вѣдѣніи морскаго министерства—штабсъ-капитанъ Сальменъ 2-й, подпоручики Петровъ 2-й и Андреевъ, прапорщикъ Сазоновъ; въ вѣдѣніи министерства юстиціи—штабсъ-капитанъ Мамонтовъ и поручикъ Костыревъ; въ министерствѣ государственныхъ имуществъ: полковникъ Бунинъ, поручикъ Богатыревъ, подпоручики: Аѳанасьевъ, Кучеренко и Прокофьевъ.

(27) Приказъ по генеральному штабу 17-го Октября 1838 г., за № 262.

(28) Офицеровъ генеральнаго штаба состояло:

	Къ 1-му Января 1842 г.	Къ 1-му Января 1852 г.
полковниковъ	37	50
подполковниковъ	48	39
капитановъ	42	39
штабсъ-капитановъ	39	41
поручиковъ	6	10
	172	179
штабъ и оберъ-офицеровъ корпуса топографовъ было:	97	171

(29) Записка о комплектованіи Императорской Военной Академіи и о зависимости онаго отъ прохожденія службы въ генеральномъ штабѣ. Записка составлена въ 1848 г. и предназначалась для представленія военному министру, но была-ли представлена или нѣтъ, на то не имѣется положительныхъ указаній въ архивѣ Академіи, гдѣ хранится эта записка.

(30) Полное собраніе законовъ, XI томъ (1836 г.), ст. 9038.

(31) Приказъ по генеральному штабу 30-го Апрѣля 1836 г., № 136.

(32) Полное собраніе законовъ, 1836 г., ст. 9041.

(33) Полное собраніе законовъ, 1841 г., ст. 14098. Замѣчательно, что столь важный документъ, какъ штатъ военно-топографическаго депо 1841 года, вовсе не упомянутъ въ историческомъ очеркѣ дѣятельности корпуса военныхъ топографовъ, изданномъ въ 1872 г.

(34)

(35) Приказъ по генеральному штабу 30-го Іюля 1835 г., № 209.

(36) Полное собраніе законовъ 1839 г., ст. 12254.

(37) Полное собраніе законовъ 1848 г., ст. 21870.

(38) Приказъ по генеральному штабу 22-го Марта 1854 г., № 97.

(39) Полное собраніе законовъ 1840 г., ст. 13419.

(40) Полное собраніе законовъ 1848 г., ст. 21898.

(41) Приказъ по генеральному штабу 26-го Ноября 1855 г., № 495.

(42) Полное собраніе законовъ 1850 г., ст. 24691.

(43) Приказъ военнаго министра 8-го Апрѣля 1851 г., № 41.
(44) Полное собраніе законовъ 1836 г., ст. 8859.
(45) Приказъ военнаго министра 30-го Декабря 1842 г., № 167.
(46) Приказъ военнаго министра 11-го Января 1848 г., № 9.
(47) Приказъ военнаго министра 8-го Апрѣля 1851 г., № 40.
(48) Приказъ военнаго министра 1834 г. № .
(49) Полное собраніе законовъ 1839 г., ст. 12627.
(50) Полное собраніе законовъ 1840 г., ст. 14098 по 14140.
(51) Приказъ по генеральному штабу 27-го Декабря 1847 г., № 517.
(52) Приказъ по военному вѣдомству 8-го Января 1833 г., № 4.
(53) Приказъ по генеральному штабу 11-го Декабря 1833 г., № 358.
(54) Приказъ по генеральному штабу 6-го Іюня 1834 г., № 171.

Приложенія къ главѣ XVII.

(1) Исторія л.-гв. Уланскаго Его Величества полка, составленная В. В. Крестовскимъ, и опытъ исторіи л.-гв. Волынскаго полка, А. Луганина.

(2) Der Dienst des Generalstabes von Bronsart von Schellendorf.

(3) Полное собраніе законовъ 1840 г.

(4) Тамъ-же 1846 г.

(5) Архивъ войскъ гвардіи: „Особое дѣло практическаго военнаго похода, произведеннаго въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1834 года".

(6) Приказъ по генеральному штабу 29-го Декабря 1835 г., № 377.

(7) Значеніе военной игры въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія прекрасно разобрано въ статьѣ А. Станкевича „Военная игра", напечатанной въ № 7-мъ „Военнаго Сборника" 1862 года.

(8) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 1836 года изъ генеральнаго штаба были командированы на Кавказъ для пріобрѣтенія военныхъ познаній и опытности: въ 1837 году—гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ Старкъ; въ 1838 году—поручики Голенищевъ-Кутузовъ и Ганъ; въ 1839 году — гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ Милютинъ, генеральнаго штаба капитанъ Бѣлозоръ и штабсъ-капитаны Шлегель и Рубецъ; въ 1840 году — гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ Баумгартенъ; въ 1841 году—гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Семека; въ 1842 году—гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Жерве, генеральнаго штаба капитанъ Облеуховъ и штабсъ-капитанъ Кангеръ; въ 1843 году—гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Поповъ и генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Бруннеръ, штабсъ-капитанъ Срезневскій, поручикъ Ракингъ и Колодѣевъ; въ 1844 г.—гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Минквицъ и подпоручикъ Натъ; въ 1845 году—гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ графъ Гейденъ и Козляниновъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Фокъ; въ 1846 году—генеральнаго штаба поручикъ Исаковъ; въ 1847 году—генеральнаго штаба капитанъ Фрейгангъ и поручикъ Забудскій; въ 1851 году—генеральнаго штаба капитаны: Циммерманъ и Нейковъ, штабсъ-капитаны Назанскій и Краевскій.

(9) За первую часть своего сочиненія шт.-капитанъ Бларамбергъ получилъ въ 1833 г.—3,000 р. ассигнаціями, а за вторую, въ 1834 г.—1,500 руб. ассигн. и орденъ св. Станислава 2-й ст.

(10) Поѣздка Новицкаго за Кубань описана имъ самимъ въ статьѣ „Воспоминанія воспитанника перваго выпуска изъ артиллерійскаго училища", напечатанной въ № 2-мъ „Военнаго Сборника" за 1871 г.

(11) Послужные списки названныхъ офицеровъ.

([12]) Историческій очеркъ дѣятельности корпуса воен. топографовъ.

([13]) Послужные списки полковниковъ Гене и Мочульскаго.

([14]) Въ 1873 году И. И. Норденстамъ вновь зачисленъ въ генеральный штабъ, состоя генераломъ отъ инфантеріи и вице-предсѣдателемъ финляндскаго сената.

([15]) Высочайшій приказъ 30-го Ноября 1837 года.

([16]) Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ сѣверномъ Дагестанѣ, полковника Милютина.

([17]) Впослѣдствіи графъ и военный министръ.

([18]) Послужные списки названныхъ офицеровъ.

([19]) Послужной списокъ Р. К. Фрейтага въ „Русскомъ Инвалидѣ" 1853 г. и въ періодическомъ изданіи Новоселова „Кавказцы".

([20]) Послужные списки названныхъ офицеровъ.

([21]) Послужной списокъ Пассека, біографія его въ изданіи Новоселова „Кавказцы", статья Окольничьяго въ „Военномъ Сборникѣ" 1859 года: „Перечень послѣднихъ военныхъ событій въ Дагестанѣ (1843 годъ)" и нѣкоторыя другія статьи.

([22]) Отецъ Даніилъ Попруженко.

([23]) Рапортъ подполковника Пассека къ командующему войсками въ Сѣверномъ и Нагорномъ Дагестанѣ, отъ 11-го Января 1844 г., № 1.

([24]) Біографія Р. К. Фрейтага „въ Русскомъ Инвалидѣ" 1853 г.

([25]) Въ 1855 г. былъ командующимъ 5-ю пѣхотною дивизіею, а въ 1857 г. уволенъ за ранами въ отставку.

([26]) Высочайшій приказъ 27-го Декабря 1844 года.

([27]) Матеріалами для даргинской экспедиціи служили нѣкоторыя бумаги военно-ученаго архива главнаго штаба, а также статьи „Воен. Сборника", въ № 5-мъ за 1859 годъ: „Походъ 1845 г. въ Дарго" и въ № 7 за 1864 годъ, барона Н. Дельвига: „Воспоминанія объ экспедиціи въ Дарго".

([28]) Оберъ-квартирмейстеръ 5-го корпуса полковникъ Мильковскій, исправлявшій должность начальника корпуснаго штаба.

([29]) Въ 1856 году Н. И. Вольфъ вновь принятъ на службу, но уже состоялъ при министерствѣ и умеръ въ 1881 году, состоя членомъ военнаго совѣта, въ чинѣ генералъ-лейтенанта.

([30]) Въ томъ-же 1854 году Броневскій отчисленъ отъ должности съ зачисленіемъ по арміи, а въ 1856 году перешелъ въ вѣдомство военно-учебныхъ заведеній.

([31]) Умеръ въ 1884 году, состоя полнымъ генераломъ въ отставкѣ.

([32]) Вскорѣ по отчисленіи въ строй, М. Я. Ольшевскій получилъ въ командованіе Бѣлевскій пѣхот. полкъ, за отличіе съ которымъ при Кюрюкъ-дара произведенъ въ генералъ-маіоры; въ концѣ Восточной войны исполнялъ должность начальника штаба дѣйствующаго на азіятской границѣ корпуса, а съ 1856—1861 г. былъ дежурнымъ генераломъ кавказской арміи, а потомъ начальникомъ кавказской резервной дивизіи. Въ 1881 году, съ производствомъ въ полные генералы, назначенъ членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

([33]) Баронъ К. Ѳ. Сталь командовалъ Волынскимъ пѣхотнымъ полкомъ съ 1863 года, а въ 1866 г. произведенъ въ генералъ-маіоры съ увольненіемъ отъ службы.

